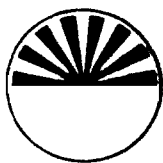

ГРИГОРИЙ К. ВЕНЕДИКТОВ

**ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОГО
БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ
ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК · СОФИЯ · 1981

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

**ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОГО
БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

София • 1981

ИЗДАТЕЛСТВО НА БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

Ответственный редактор:

ст. н. с. ВАЛЕНТИН СТАНКОВ

© Георгий Куурьяинович Венедиктов
1981
с/о Isautor, Sofia

808 Б

ВИДЕН СЪВЕТСКИ БЪЛГАРИСТ

Изтъкнатият съветски българист Григорий Куприянович Венедиктов е роден през 1929 г. в с. Улители, Зарасайски район, Литовска ССР. Висше филологическо образование (със специализация по българска филология) завършва в Ленинградския университет, където по-късно постъпва като аспирант при известния специалист по въпросите на българския език проф. Юрий С. Маслов. Кандидатската си дисертация на тема „Глаголи за движение в българския език“ защитава през 1963 г. Сега работи като старши научен сътрудник в Института за славянознание и балканистика при АН СССР в Москва.

С въпросите на българския език Г. К. Венедиктов започва да се занимава още като студент, когато взема участие в събирането на материали за атласа на българските говори в СССР. По-късно участва и в работата върху том първи на Българския диалектен атлас, изготвен съвместно от български и съветски езиковеди.

Макар и да работи и в областта на граматиката и диалектологията на българския език, основните творчески интереси на Г. К. Венедиктов са насочени преди всичко към въпросите на историята на съвременния български книжовен език. На този сравнително нов дял от нашето езикознание Венедиктов посвети многогодишни целенасочени и задълбочени занимания и си спечели име на един от най-авторитетните и плодотворни историци на българския книжовен език от възрожденската епоха.

Настоящият труд представлява сборник от студии и статии, обединени тематично, в които са разгледани интересни и актуални въпроси на изграждането на нашия книжовен език през миналия век. Тези проучвания, публикувани в съветски периодични издания и сборници през периода 1965—1981 г., са посветени на такива важни и често дискутирани проблеми като въпроса за началото на новобългарския книжовен език, за неговата диалектна основа, за нормализирането на писмената и устната реч през 30—60 г. на XIX в. и др. Въз основа на много добро познаване на източниците, на богат фактически материал, на точна представа

за общественно-историческото и културното развитие у нас през миналия век авторът осветлява и по-общия проблем за ролята на езика в движението на българите от цялото наше езиково землище за национално възраждане, както и въпроса за конкретните процеси на изграждането на единен български книжовен език.

Въпреки че в многобройните проучвания на Г. К. Венедиктов, свързани с историята на новобългарския книжовен език, могат да се открият и някои спорни моменти, като цяло тези проучвания се отличават с богатство и широта на поставените проблеми, с прецизност на изложението, с всестранна и правилна оценка на лингвистичните и екстралингвистичните явления и фактори, с правилен изследователски метод. Ето защо няма никакво съмнение, че издаването у нас на най-значителните изследвания на Г. К. Венедиктов в областта на историята на новобългарския книжовен език, което става по предложение на Организационния комитет на Първия международен конгрес по българистика, е навременно и целесъобразно и че трудът ще представя значителен научен и общокултурен интерес както за специалистите, така и за по-широк кръг читатели.

Ст. н. с. Валентин Станков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник содержит статьи по некоторым вопросам истории современного болгарского литературного языка. Все они были выполнены в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (Москва) и, кроме одной, опубликованы в последние пятнадцать лет в разных журналах и сборниках, изданных АН СССР.

Со времени выхода в свет большей части публикуемых здесь статей в научной литературе появилось значительное число ценных и интересных исследований по многим актуальным проблемам истории формирования и развития современного болгарского литературного языка. Особенно интенсивно эти проблемы разрабатывались в последние годы учеными Болгарии, в частности проф. Л. Андрейчиным и его учениками. Естественно, что учет новейшей литературы потребовал бы большей или меньшей переработки включенных в сборник статей. Поскольку, однако, точка зрения автора по рассматриваемым в них вопросам, в том числе и по таким важным как вопросы о начале и диалектной основе формировавшегося в эпоху Возрождения литературного языка, остается по существу прежней, то включенные в сборник статьи публикуются без каких-либо изменений, за исключением того, что в некоторых статьях опущены отдельные пассажи, содержащиеся в других статьях.

Автор выражает глубокую благодарность ответственному редактору старшему научному сотруднику, кандидату филологических наук В. Станкову и рецензенту кандидату филологических наук Р. Цойнской за их труд по подготовке сборника к печати.

Автор искренне признателен также руководству Болгарской академии наук и Организационному комитету Первого международного конгресса болгаристики за издание настоящего сборника.

От автора

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I. В последние годы заметно возрос интерес к истории современного болгарского литературного языка. Свидетельством этому является целый ряд новых работ, посвященных различным сторонам данной проблемы. Возросший интерес к истории болгарского литературного языка связан, несомненно, с тем, что проблемы славянских литературных языков вообще и их истории в частности занимают одно из главных мест в современном славянском языкознании. Это наглядно подтвердила и тематика международных съездов в Москве (1958 г.) и Софии (1963 г.). Поэтому в рамках усилившегося интереса к этой проблеме в общеславянском масштабе оказалось вполне естественным и назревшим обращение к истории болгарского литературного языка, характеризующейся своеобразными особенностями сравнительно с историей других литературных языков славянских народов. Из более частных обстоятельств, способствовавших усилению интереса к истории болгарского литературного языка, следует указать на 200-летие „Истории славяноболгарской“ Пансия Хилендарского, торжественно отмеченное в 1962 г. Эта юбилейная дата послужила дополнительным стимулом к исследованию преимущественно языка самого Пансия, с именем которого многие ученые связывают важный этап в истории современного литературного языка.

Из работ последнего времени, специально посвященных истории литературного языка, надо прежде всего отметить серию статей Л. Андрейчина, в которых рассматриваются такие важные вопросы формирования современного болгарского литературного языка, как вопрос о связи возникновения и развития литературного языка с историческими условиями Возрождения Болгарии, вопрос о начале современного болгарского литературного языка, о соотношении книжных и народных элементов и о роли церковнославянского и русского языков в процессе формирования современного литературного языка и др. Некоторым общим

вопросам истории болгарского литературного языка посвящены работы С. Б. Бернштейна, Л. Тодорова, С. Хержмана и др. Важное место в кругу работ последних лет занимает серия статей, посвященных анализу языка „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского (Л. Андрейчин, Е. Георгиева, Л. Тодоров, В. Попова, А. Кирянов, Ив. Снегаров, Ал. Милев).

Несмотря на появление новых работ, целый ряд важнейших вопросов истории болгарского литературного языка остается еще не изученным, по многим вопросам существуют разные точки зрения. Сделанное представляет собой по существу лишь первые шаги, первые подступы к созданию обширной истории современного болгарского литературного языка. Не случайно поэтому от задуманной некоторое время назад Институтом болгарского языка Болгарской академии наук работы по созданию такой истории пришлось почти сразу же отказаться, так как такая работа была (и остается пока и теперь) еще преждевременной „ввиду недостаточной разработки множества конкретных, теоретических и методологических вопросов“¹. Предстоит еще значительная подготовительная работа по накоплению конкретного фактического материала и по решению ряда важных вопросов принципиального характера.

К числу последних относится и вопрос о начале истории современного болгарского литературного языка. Важность принципиального решения этого вопроса очевидна и подчеркивается всеми историками болгарского литературного языка.² Определение ранней хронологической границы современного литературного языка важно как в историко-культурном отношении, так и в собственно лингвистическом отношении. В чисто языковедческом плане от того или иного решения этого вопроса зависит периодизация истории литературного языка, в значительной степени определяется в сущности и само описание изменений, происшедших в литературном языке.

¹ Л. А н д р е й ч и н. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето Възраждане. — Български език, 1955, кн. 4, с. 310.

² Так, например, Е. Георгиева подчеркивает: „Уточнение времени возникновения болгарского литературного языка — важная задача нашего языкознания. С разрешением этого вопроса, с определением основных моментов развития нашего литературного языка, с уяснением особенностей этого развития будет заполнен большой пробел в болгарской языковедческой науке“ (Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий. — Известия на Института за български език, IX, 1962, с. 47).

Несмотря на очевидную важность решения вопроса о начальном моменте в развитии современного литературного языка, вопрос этот — сложный и трудный — еще не решен, и по нему в настоящее время, как и раньше, высказываются разные точки зрения. Ниже мы рассмотрим две из существующих точек зрения, связывающие начало современного болгарского литературного языка с именами Пансия Хилендарского и Софрония Врачанского.

II. 1. В последнее время становится популярной точка зрения о Паисии Хилендарском как об основоположнике современного болгарского литературного языка. Л. Андрейчин в статье „Езикът на Паисиевата „История славеноболгарская“ и началото на новобългарския книжовен език“ пишет: „С народной основой своего языка и со своим методом расширения и обогащения этой основы при использовании наследства нашей древней староболгарско-церковнославянской традиции Паисий с полным основанием может считаться родоначальником (именно родоначальником, а не полным создателем) нашего современного литературного языка“³. Такова же точка зрения и С. Б. Бернштейна: „Не может быть никакого сомнения в том, что изучение истории болгарского литературного языка следует начинать с середины XVIII в. Если это изучение связывать с деятельностью определенного лица, то таким должен быть Паисий Хилендарский“⁴. С именем Пансия связывает начало современного литературного языка и Е. Георгиева.⁵

Решение вопроса о том, является ли Паисий Хилендарский родоначальником современного болгарского литературного языка или не является, зависит прежде всего от того, как рассматри-

³ Български език, 1962, кн. 6, с. 489—490; Л. Андрейчин. На езиков пост. С., 1961, с. 31—32. — Несколько ранее это положение Л. Андрейчин высказывал менее категорично, говоря, что начало современного литературного языка следует искать „не далее истории Паисия“ (Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език... с. 312). Ср. также его статью „Старобългарско гравиво в съвременния български книжовен език“, где указывается, с одной стороны, что „новобългарский литературный язык зарождается во второй половине XVIII в. и формируется в XIX в. на основе современного живого народного языка“ (Български език, 1963, кн. 3, с. 199), а, с другой стороны, что „новобългарский литературный язык возник едва в XIX в. на основе современной народной речи“ (там же, с. 198). Последнюю фразу с глаголом *возник* (*e възникнал*) следует, очевидно, понимать в том смысле, что в XIX в. болгарский литературный язык окончательно сформировался на базе народного языка.

⁴ С. Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка. — В: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 37.

⁵ Е. Георгиева. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славянобългарска история. — В: Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962). С., 1962, с. 346, 375; Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий, с. 49, 131—132.

вать сам язык „Истории славяноболгарской“, а также и то влияние, какое он оказал в целом на формирование болгарского литературного языка в том его виде, в каком он окончательно сложился к 70—80-м годам XIX в.

Что касается внешних, внеязыковых факторов, то они, как известно, играют важную роль в формировании литературных языков. Ими, в частности, в значительной степени определяется, какой из опытов создания литературного языка утверждается в качестве основы дальнейшего развития современного литературного языка, а какой (какие) из опытов с самого начала или с течением времени становится достоянием истории борьбы за формирование литературного языка. Однако не следует и преувеличивать значения внешних факторов, особенно там, где внутренние, собственно языковые данные приходят в явное противоречие с тем, что, казалось бы, должно вытекать из соответствующих внеязыковых, общественно-исторических и культурных фактов. Это, на наш взгляд, в полной мере относится и к рассматриваемому в настоящей статье вопросу.

Общеизвестно огромное значение, которое имеет „История славяноболгарская“ Паисия в деле национального возрождения болгар. Общеизвестно также, что творение Паисия обусловлено определенными общественно-историческими условиями, в которых оказалась Болгария к середине XVIII в., находясь под политическим и духовным игом. Хорошо известно также, что Паисий явился выразителем назревших духовных потребностей болгарского народа в ту эпоху. Одним словом, появление „Истории славяноболгарской“ Паисия — это событие величайшей важности в общественной и культурной истории болгарского народа. Но из этого еще не следует, что оно явилось и началом развития современного литературного языка, ибо язык „Истории славяноболгарской“, хотя и содержит много элементов народного языка того времени, отнюдь не порывает со старой, церковнославянской традицией и, следовательно, не является той основой, на которой формировался современный болгарский литературный язык. Точно так же из того, что „История“ Паисия открывает первую страницу в истории новой болгарской литературы, не следует обязательно, что именно с этим произведением надо связывать начальный момент и истории нового, современного литературного языка. В принципе ведь новое по жанру, по своим идеям произведение может быть написано и на старом (в данном случае церковнославянском) языке, как и наоборот, произведение со старой тематикой и идеями (в том числе и религиозное) может быть написано, как известно, и на современном литературном языке. Поэтому,

сколь бы ни было велико значение внеязыковых обстоятельств, связанных с появлением „Истории славяноболгарской“ Паисия, первостепенная роль в решении вопроса о ее месте и значении в истории современного литературного языка должна быть отведена внутренним, собственно языковым данным, т. е. самому языку „Истории“ Паисия.

2. По вопросу же о характере языка Паисия существовали и до сих пор существуют разные точки зрения, что нашло свое отражение и в юбилейном сборнике „Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962)“.

Многие ученые, как известно, рассматривают язык „Истории“ Паисия как церковнославянский в своей основе (Б. Цонев,⁶ Й. Иванов,⁷ Б. Пенев,⁸ Ив. Снегаров,⁹ А. Кирянов,¹⁰ Н. И. Толстой,¹¹ Л. Тодоров¹² и др.). Другие ученые, наоборот, считают, что в основе языка Паисия лежит новоболгарский язык (Н. С. Державин,¹³ Л. Андрейчин,¹⁴ Е. Георгиева¹⁵ и др.).

В подтверждение обеих точек зрения¹⁶ приводится немало конкретных примеров из „Истории“ Паисия, хотя подбор их носит

⁶ Б. Цонев. Хиляда години български език. — В: Летопис на Българското книжовно дружество в София, 9, 1908, с. 130.

⁷ Й. Иванов. История славеноболгарская, собрана и наредена Паисием иеромонахом в лето 1762. С., 1914, с. VII.

⁸ Б. Пенев. История на новата българска литература. Т. II. С., 1932, с. 286.

⁹ Ив. Снегаров. За родното място на Паисий Хилендарски. — В: Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962), с. 429.

¹⁰ А. Кирянов. Народности елементи в езика на „История славяноболгарска“. — В: Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962), с. 380.

¹¹ Н. И. Толстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. — В: „Вопросы образования восточнославянских национальных языков“. М., 1962, с. 17.

¹² Л. Тодоров. По някак въпроси на българския книжовен език. — Български език, 1962, кн. 5, с. 425; Езикът на Паисий Хилендарски. — Език и литература, 1962, 6, с. 12.

¹³ Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, с. 108.

¹⁴ Л. Андрейчин, Н. Костов [и др.]. Български език. С., 1955, с. 5; Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата „История славеноболгарска“ и началото на новобългарския книжовен език. — Български език, 1962, кн. 6, с. 489 и др.

¹⁵ Е. Георгиева, правда, не пише прямо, что язык „Истории“ Паисия — в своей основе новоболгарский, но общий вывод, который вытекает из ее работ, сводится несомненно к этому. (См.: Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история, с. 355, 375; Синтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий, с. 136 и др.).

¹⁶ Высказываются и другие, менее определенные мнения. Так, в одном из пособий по болгарской литературе говорится, что язык „Истории“ Паи-

нередко случайный и односторонний характер, а иногда приводятся и явно ошибочные примеры. Не останавливаясь на подробном анализе этих доказательств, заметим, что, несмотря на наличие уже немалого числа специальных исследований, появившихся главным образом в последние годы, окончательного и общепринятого решения вопроса о характере языка Паисия, как известно, еще нет и что такое решение еще предстоит сделать на основе всестороннего и объективного исследования всего языкового материала „Истории славяноболгарской“. По нашему мнению, такое исследование подтвердит мнение тех, кто усматривает в языке этого произведения церковнославянскую основу.

Возвращаясь же к вопросу о начале современного литературного языка, необходимо подчеркнуть, что основным аргументом в доказательстве тезиса о Паисии, как о родоначальнике современного литературного языка, служит язык Паисия, его новоболгарская, как полагают упомянутые ученые, основа. Наиболее отчетливо это положение сформулировано у Л. Андрейчина. Он отмечает, что в „Истории славяноболгарской“ мы имеем дело „с новоболгарской основой, наводненной церковнославянизмами“, которые, „сколь бы много их ни было, образуют не сущность, а внешний нанос, верхний пласт языка Паисия“¹⁷. Именно благодаря народной основе своего языка, а также и способу расширения и обогащения этой основы путем использования наследства староболгарско-церковнославянской традиции, Паисий и выступает, по мнению Л. Андрейчина, как родоначальник современного литературного языка.¹⁸

3. Тут не место рассматривать подробно вопрос о том, что такое „народная основа языка“ отдельного произведения. Достаточно лишь подчеркнуть, что в это понятие обязательно должно входить прежде всего то наиболее характерное, существенное, что отличает в данный отрезок времени структуру народного языка от структуры ненародного языка. И если в данном произведении отсутствуют или представлены крайне непоследовательно наиболее характерные особенности народного языка при наличии в нем множества особенностей ненародного языка (в том числе и таких, которые функционально соответствуют наиболее

сия — это „не диалектный язык дамаскинов и не архаический язык средневековой болгарской литературы. Это язык времени, когда формируется нация, когда возникает национальное единство“ (Ц в. М и н к о в, Б. А н г е л о в, С т. Б о ж к о в. Българска литература. С., 1962, с. 248).

¹⁷ Л. А н д р е й ч и н. Езикът на Паисиевата „История славеноболгарская“. . . , с. 489.

¹⁸ Там же. См. также: Е. Г е о р г и е в а. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история, с. 346.

характерным особенностям народного языка), то, думается, нет и оснований рассматривать язык этого произведения как народный в своей основе. Никто не станет отрицать, что в „Истории“ Паисия чрезвычайно много элементов новоболгарского народного языка. Но также очевидно и то, что целый ряд важнейших структурных особенностей, образующих специфику новоболгарского языка, в ней почти полностью отсутствует или представлен наряду с соответствующими, преобладающими количественно элементами церковнославянского языка. При таком характере соотношения народного и книжного элементов в „Истории славяноболгарской“ трудно было бы доказать, что язык Паисия тем не менее в своей основе народный болгарский язык.

Этим же принципом, как нам кажется, необходимо руководствоваться и при решении вопроса о том, является ли данное произведение той отправной точкой, от которой началось развитие данного литературного языка.

Разумеется, с признанием церковнославянской основы „Истории“ Паисия само собой должно отпасть и положение о том, что Паисий положил начало развитию современного литературного языка, основанного, как известно, на новоболгарском народном языке. Правда, в литературе можно встретиться и с иным мнением, когда церковнославянский в своей основе язык Паисия одновременно признается началом современного литературного языка.¹⁹ Но такое мнение, как правильно подчеркивает Л. Тодоров, „внутренне несостоятельно и противоречиво“²⁰.

Однако если даже и согласиться с теми, кто рассматривает язык Паисия как новоболгарский в своей основе, то тезис об „Истории“ Паисия как об исходной точке в развитии современного литературного языка следует все же отклонить как несостоятельный, потому что между языком „Истории“ Паисия и современным литературным языком имеются очень существенные различия.

4. Признавая, что Паисий является родоначальником современного литературного языка, надо признать и то, что язык Паисия и современный литературный язык характеризуются одними и теми же наиболее существенными чертами, которые отделяют их, с одной стороны, от языка предшествующей Паисию письменности, а, с другой стороны, от других славянских

¹⁹ Так, например, Цв. Минков характеризует язык Паисия как архаический, но благодаря „живым элементам в книжной речи“ Паисий „кладет основу“ развивавшегося позднее (на по-късния) литературного языка (см.: Цв. Минков, Ст. Ангелов, Ст. Божков. Българска литература. С., 1958, с. 288—289). В новом издании этого же пособия дается уже иная характеристика языка Паисия (см. сноску 16).

²⁰ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, с. 5.

языков. Говоря другими словами, следовало бы признать, что языку Паисия присущи такие же наиболее характерные особенности, какие присущи и структуре современного литературного языка. Только в этом случае, по нашему мнению, и можно было бы говорить о том, что „История“ Паисия Хилендарского послужила начальным моментом возникновения современного литературного языка. Если же особенности, определяющие характер структуры современного литературного языка, не находят последовательного отражения в „Истории“ Паисия, то нет и оснований рассматривать ее как начало современного литературного языка.

Характерные особенности, определяющие своеобразие грамматической структуры современного болгарского языка, в том числе и языка литературного, сравнительно со структурой других славянских языков, общеизвестны. Почти все они касаются грамматического строя, который, как известно, вообще играет ведущую роль в определении типа структуры данного языка. Наиболее существенные особенности, неизменно указываемые при характеристике современного болгарского языка, следующие:²¹

1) отсутствие падежей и связанное с этим аналитическое выражение падежных отношений;

2) наличие членной формы;

3) отсутствие старого инфинитива на *-ти* и употребление вместо него сочетания „частица *да*+форма настоящего времени“;

4) аналитическое образование форм будущего времени глаголов совершенного и несовершенного вида — с помощью сочетания частицы *ще* и настоящего времени глаголов;

5) аналитическое образование — с помощью частиц *по-* и *най-* — степеней сравнения прилагательных и наречий.

Указывают и некоторые другие, менее существенные отличительные особенности, например: удвоение объекта при именах и местоимениях,²² сложная система глагольных времен,²³ в том числе наличие форм пересказывательного наклонения,²⁴ синте-

²¹ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. С., 1963 г. с. 36; Ст. Стойков. Българска диалектология. С., 1962, с. 47; Л. Андрейчи. На езиков пост. С., 1961, с. 32—34; Ю. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, с. 8—9.

²² Ст. Стойков. Указ. соч., стр. 47; Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 8—9.

²³ К. Мирчев. За македонския литературен език. С., 1952, с. 4.

²⁴ Л. Андрейчи. На езиков пост., с. 33—34; Ст. Стойков. Указ. соч., с. 47; Ю. С. Маслов. Указ. соч., с. 9.

тических форм для обозначения прошедшего совершенного и несовершенного действия²⁵ и др.

5. Перечисленные особенности характерны для всех современных говоров и для литературного языка, и именно они определяют, таким образом, специфику грамматической структуры современного болгарского языка в целом. Из упомянутых особенностей лишь некоторые выступают в „Истории“ Паисия более или менее последовательно, в то время как другие особенности или почти полностью отсутствуют или представлены наряду с соответствующими формами церковнославянского языка.

Так, можно сказать, что Паисий не употребляет членных форм. В „Истории“ встречается лишь один случай употребления члена -о: „и прїишель во *монастиро*, що го билъ съмъ испорво съградилъ“ (л. 30^б). Важно подчеркнуть, что членные формы не употребляются и в предисловии и послесловии „Истории“, т. е. в тех частях, в которых полностью исключается прямое влияние источников. Каковы бы ни были мотивы и причины, по которым Паисий избегал членных форм,²⁶ но факт остается фактом: „История“ Паисия лишена (если не считать отмеченного выше единственного случая) одной из самых характерных черт современного болгарского языка. Конечно, одно отсутствие только членных форм еще не лишало бы язык Паисия его новоболгарской народной основы (как не лишается ее, например, первое издание повести „Нешастна фамилия“ В. Друмева), если другие характерные особенности структуры болгарского языка преобладали здесь совершенно явно.

Вопрос о падежах. Все исследователи отмечают их широкое употребление у Паисия. Их церковнославянский источник ни у кого не вызывает сомнений. Вопрос заключается в том, каково место падежей в системе выражения синтаксических отношений, во-первых, и каков характер использования падежей у Паисия, во-вторых. Относительно частоты употребительности падежей существуют разные точки зрения. Л. Андрейчин считает, что „с падежными конструкциями соперничают по количеству беспадежные“²⁷. По приближенным подсчетам Е. Георгиевой, падежные формы не употребляются более чем в одной трети предложений. В остальных предложениях они употребляются или

²⁵ С т. С т о й к о в: Указ. соч., с. 47.

²⁶ Ср., например, мнения по этому вопросу у Л. Андрейчина. Езикът на Паисиевата „История славенболгарская“. . . , с. 486, и Е. Георгиевой. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история, с. 360.

²⁷ Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата „История славенболгарская“. . . , с. 485—486.

самостоятельно или наряду с аналитическими конструкциями. Отсюда Е. Георгиева заключает, что нет оснований говорить о преобладании синтетизма над аналитизмом в языке Паисия.²⁸ Вполне возможно, что число случаев употребления аналитических конструкций у Паисия больше, чем падежных. Для окончательного определения чисто количественного соотношения и тех и других способов выражения падежных отношений, однако, нужен подсчет не предложений, а случаев употребления падежей и предложных конструкций в целом. Но если даже и окажется, что аналитические конструкции встречаются несколько чаще (едва ли намного чаще) падежных форм, то и в этом случае разительное отличие языка Паисия от современного языка в данном отношении очевидно, так же как оно очевидно и в случае с членными формами.

Широкое употребление инфинитива на *-ти* — также общепризнанная особенность языка „Истории“ Паисия. По подсчетам Л. Андрейчина, инфинитив на *-ти* встречается более чем в два раза чаще новоболгарских конструкций „*да*+форма настоящего времени“²⁹. Таким образом, *да*-конструкции — одна из наиболее существенных особенностей современного языка — у Паисия не только не являются единственной формой выражения инфинитивного значения, но даже и не преобладающей.

Форма будущего времени в „Истории славяноболгарской“ встречаются только трижды (два раза церковнославянская форма *будеть* и один раз новоболгарская форма *ще са прелагали*) и, таким образом, не показательны для решения рассматриваемого здесь вопроса.

Из характерных особенностей современного болгарского языка лишь образование степеней сравнения прилагательных и наречий и формы пересказывательного наклонения обнаруживают явное превосходство народной, новоболгарской стихии. Прилагательные сравнительной и превосходной степени с частицами *по-* и *най-* встречаются примерно в три раза чаще форм типа *нижайши*. Что касается пересказывательного наклонения, то оно регулярно употребляется Паисием при изложении историче-

²⁸ Е. Георгиева. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история, с. 368—369; Синтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий, с. 67—77.

²⁹ Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата „История славяноболгарска“. . . , с. 487. Другие авторы указывают иное соотношение этих форм. По мнению А. Кирянова, Паисий „предпочитает *да*-личные формы“ (указ. соч., стр. 386), а Е. Георгиева указывает, что „количество инфинитивных форм чувствительно, а в отдельных местах оно преобладает“ („Синтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий“, с. 76).

ских событий. Однако эти особенности по своей значимости и весомости в общей системе болгарского языка уступают место таким особенностям, как отсутствие падежей, наличие членных форм и др.

Кроме упомянутых выше, имеется и много других, более или менее важных новоболгарских особенностей, уже описанных в трудах языковедов и характеризующих фонетику, грамматику, лексику „Истории славяноболгарской“.

Не останавливаясь на них подробно, подчеркиваем только, что и фонетические, и лексические, как и прочие, не рассмотренные выше грамматические особенности, — все они свидетельствуют о сложном соотношении большого числа элементов церковнославянского и новоболгарского (народного) языка в „Истории славяноболгарской“ Паисия.

К сказанному следует еще добавить то, что „История славяноболгарская“ характеризуется отсутствием не только строгих, но даже весьма умеренных норм. Параллельное употребление форм новоболгарского и церковнославянского языков (часто в одном и том же предложении) без какой-либо смысловой или стилистической дифференциации — типичная черта языка Паисия. Ср., например, употребление падежных форм и аналитических предложных конструкций, употребление инфинитива на *-ти* и конструкций „*да*+личная форма глагола“ и др. Отсутствие нормативности характерно не только для грамматики, но также и для орфографии „Истории“, хотя церковнославянская основа правописания и не вызывает здесь сомнений.³⁰

6. Суммируя сказанное выше о языке Паисия, мы должны отметить, что этот язык характеризуется, во-первых, наличием значительного числа элементов (в том числе и весьма существенных — падежи, инфинитив на *-ти* и др.) церковнославянского языка,³¹ во-вторых, отсутствием или довольно непоследовательным отражением народных новоболгарских элементов, в их числе и таких существенных, как членные формы, аналитическое склонение, конструкции „*да*+глагол“ вместо инфинитива на *-ти* и др., в-третьих, отсутствием строгой нормативности в грамматике и правописании. Думается, что при таком состоянии языка „Истории славяноболгарской“ Паисия (даже и не решая, может быть, вопроса о характере этого языка) у нас нет внут-

³⁰ А. К и р я н о в. Указ. соч., с. 381.

³¹ Об отдельных элементах русского, сербского, турецкого и других языков здесь можно не говорить, так как в целом они занимают незначительное место, хотя для определения основы языка Паисия они имеют немало важное значение.

ренных, собственно языковых данных самой „Истории“ для того, чтобы рассматривать это произведение как начальный момент, а Паисия как родоначальника современного болгарского литературного языка.

Это станет еще более очевидным, если сравнить язык „Истории славяноболгарской“ с тем языком, какой представлен в новоболгарских памятниках XVII—XVIII вв. (дамаскинах и др.), и с современным литературным языком. Уже при самом беглом сравнении любого более или менее значительного отрывка из „Истории“ Паисия, как и всей „Истории“ в целом, и языка новоболгарских памятников XVIII и даже XVII вв. с современным литературным языком оказывается, что язык Паисия гораздо дальше от современного литературного, чем язык дамаскинов и других памятников новоболгарской письменности времен Паисия и до него. Во всяком случае, наиболее существенные и характерные особенности новоболгарского языка, присущие и современному литературному языку, в дамаскинах и других памятниках выступают гораздо последовательнее и выразительнее, чем у Паисия. Это настолько очевидно, что иногда близость языка новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. и современного языка даже преувеличивается.³² Не учитывать этого обстоятельства при решении вопроса о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка было бы неверно. „Историю“ Паисия нельзя рассматривать даже как начальный момент широкого использования элементов народного языка в литературных произведениях, так как еще до Паисия богатая коллекция новоболгарских памятников написана на языке, народная основа которого ни у кого не вызывает сомнений.

7. Положение о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка несомненно предполагает, что Паисий заложил основы,³³ которые в ходе дальнейшего развития литера-

³² В этом отношении характерно, например, мнение „Краткой болгарской энциклопедии“, согласно которой язык дамаскинов и других сборников смешанного содержания XVII—XVIII вв. „почти не отличается от современного болгарского (следовательно, и современного литературного. — Г. В.) языка“ (Кратка българска енциклопедия. С., 1963, с. 417). Единственное различие, отмечаемое здесь, касается лишь степени оформления пересказательного наклона.

³³ Ср. и приведенное выше мнение Л. Андрейчина, который пишет, что Паисий является именно родоначальником, но „не полным создателем“ современного литературного языка. Е. Георгиева также отмечает, что значение Паисия состоит не в „целостном построении литературного языка“, а в „постановке основ его развития“ (Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий, с. 132).

турного языка утвердился, а сам литературный язык только расширил сферу своего приложения и обогатился новой лексикой, некоторыми новыми формами и под. В противном случае, очевидно, рассуждения о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка не имели бы, строго говоря, под собой надежной почвы. Между тем современное состояние литературного языка бесспорно свидетельствует о том, что Паисий не заложил его основ. Это видно из того, что, как уже отмечалось выше, в современном литературном языке полностью отсутствует наиболее характерная и существенная черта языка Паисия — смешение элементов народного и церковнославянского, а точнее говоря, его церковнославянская основа. Церковнославянские элементы, столь широко выступающие в „Истории славяноболгарской“, почти не представлены в грамматическом строе современного литературного языка. Влияние церковнославянского языка вообще сказалось главным образом в обогащении лексики.³⁴ Что касается грамматического строя, то здесь оно выразилось по сути дела только в утверждении действительных причастий настоящего времени на *-щ*, типа *живеещ*, а также, возможно, и форм условного наклонения типа *бих чел*.³⁵ Нужно, впрочем, отметить, что утверждение причастий на *-щ* произошло все же прежде всего под прямым влиянием русского языка.³⁶

В этой связи возникают два вопроса. Один из них заключается в том, правомерно ли вообще подобным образом сравнивать начальный этап развития литературного языка с его состоянием на другом этапе, в данном случае — язык Паисия, который якобы знаменует начало современного литературного языка, с литературным языком, скажем, конца XIX в., когда этот язык уже окончательно сформировался. Ответ на этот вопрос может быть один: такое сравнение вполне правомерно. Иначе вообще невозможно было бы проследить развитие современного литературного языка.

Второй вопрос более сложен, он сводится к следующему: не является ли отсутствие в современном литературном языке церковнославянизмов, столь характерных для языка Паисия, следствием дальнейшего закономерного развития последнего на базе тех народных элементов, которые также в нем выступают? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Нельзя ду-

³⁴ Л. Андрейчин. Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език, с. 200.

³⁵ Там же, с. 201.

³⁶ Л. Андрейчин. Ролята на руския език в развитието на съвременния български книжовен език. — Български език, 1952, кн. 3—4, с. 180.

мать, что с полной утратой важнейших структурных особенностей церковнославянского языка, понизывающих всю „Историю славяноболгарскую“ и составляющих характерную черту ее языка, последний в итоге остается в своей основе таким же языком, который известен как современный литературный язык. Такую метаморфозу в пределах одного и того же современного литературного языка трудно себе представить. Она и невозможна, потому что язык Паисия и современный литературный — это не один и тот же язык на разных этапах его развития, а отдельные языки с различными, характерными для них, структурами.

8. Не считая Паисия Хилендарского родоначальником современного литературного языка, мы, естественно, ни в коей мере не отрицаем того влияния, которое он оказал на развитие этого языка, а тем более не умаляем огромного культурного и исторического значения Паисия в истории болгарского народа. Однако влияние Паисия на формирование современного болгарского литературного языка имело скорее косвенный, чем непосредственный характер. Оно сказалось в том, что, подняв свой мощный патриотический голос в защиту национальных прав и интересов болгарского народа, Паисий первый сознательно выступил в защиту „простого“, т. е. народного, болгарского языка, и возбудил к нему, как фактору национального самосознания, большой интерес у болгар. Именно на эту сторону деятельности справедливо и тонко обращает внимание П. Динеков. Он пишет: „Заслуга Паисия состоит в том, что он смог уловить и отразить это важное явление на заре нашего национального возрождения — постановку вопроса о языке в эпоху, когда начинается формирование болгарской нации. И в данном случае он не только отразил существовавшую в действительности тенденцию к сохранению языка, к выдвиганию его как знамени национального движения, как защитника народности, но своим пламенным призывом к патриотическому отношению к языку, к превращению языка в орудие национальной борьбы он дал сильный толчок этому процессу. Такая постановка вопроса о языке явилась впервые в болгарской литературе“³⁷. В этом же вслед за П. Динековым видит значение Паисия в развитии литературного языка и Л. Тодоров.³⁸

Что касается непосредственного воздействия „Истории славяноболгарской“ на формирование основ современного литературного языка, то оно было незначительным и свелось, по-видимому,

³⁷ П. Динеков. Възрожденски писатели. С., 1962, с. 39.

³⁸ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, с. 13.

к усилению церковнославянского и русского влияния (преимущественно в лексике). В целом же, говоря о значении „Истории славяноболгарской“ для развития современного литературного языка, мы думаем, что не лишена оснований та оценка, которую дал этому произведению Б. Цонев еще в начале века. Он писал тогда: „Сколь бы мы ни прославляли Паисия как народного будителя, сколь бы мы ни ценили его как основателя проникнутой национальным сознанием литературы, мы не должны забывать, что для истории болгарского литературного языка „Царственник“ Паисия представляет собой если не движение назад (назадък), то паверняка движение в сторону, вступление на кривой путь, для выхода из которого потребовалась длительная борьба, пока народный язык, так хорошо использованный в дамаскинской письменности, не получил вновь свое право. Народный наш язык вышел в конце концов победителем, но нужно было истечь почти целому столетию, прежде чем все наши писатели убедились в том, что болгарам не следует писать так, как начал писать Паисий“³⁹. В своей оценке Б. Цонев исходит, как это видно и из приведенной цитаты, из неверного положения о том, что начало современного литературного языка восходит к языку дамаскинов. Тем не менее Б. Цонев, как нам кажется, в общих чертах правильно определяет значение самого языка „Истории славяноболгарской“ в формировании современного литературного языка в XIX в. Имея это в виду, мы можем только присоединиться к мнению С. Б. Бернштейна, подчеркивающего, что понять историю болгарского литературного языка первой половины XIX в. действительно невозможно, „если пройти мимо литературной и языковой деятельности“⁴⁰ Паисия Хилендарского и других деятелей болгарского Возрождения XVIII — начала XIX в. Однако в языковой деятельности Паисия не следует искать истоков и основ современного литературного языка.

III. 1. По мнению Л. Тодорова, начальный момент возникновения современного литературного языка — первые годы XIX в., точнее — год написания Софронием Врачанским известного „Жития и страданий грешного Софрония“⁴¹. Именно в этом произ-

³⁹ Б. Цонев. Хиляда години български език, с. 130—131.

⁴⁰ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., с. 37.

⁴¹ Л. Тодоров („Езикът на Паисий Хилендарски“, стр. 14) указывает 1804 г. как год написания „Жития“. В обширной литературе о Софронии существуют разные точки зрения на этот счет. До последнего времени считалось, что Софроний написал „Житие“ в Бухаресте между 1803 и 1806 гг. В книге „Софроний Врачанский“ (С., 1963) В. Сл. Киселков доказывает, что „Житие“ было написано не ранее середины 1811 г. и не позднее середины 1813 г., вероятнее всего — в 1812 г. (с. 208—210) и не в Бухаресте, а в монастыре в Бухареста, в котором Софроний провел свои последние годы (с. 206—207).

ведении, как считает Л. Тодоров, „соотношение между церковнославянским и новоболгарским элементами изменяется в пользу народной речи, и с тех пор она неизменно берет верх в литературном языке, постепенно вытесняя старые нормы из одной или другой области языка“⁴². Это обстоятельство „дает достаточно оснований считать именно „Житие“ . . . конкретным началом современного литературного языка“⁴³. Свой тезис о „Житии“ Софрония Врачанского, как о начальном моменте современного литературного языка, Л. Тодоров основывает только на данных языка „Жития“, считая, что уже один „беглый взгляд на язык „Жития“ убедил бы нас“⁴⁴ в этом тезисе.

Конкретно новоболгарская основа языка „Жития“ Софрония проявляется, согласно Л. Тодорову, в следующем: „1) в грамматически новоболгарском его виде, выраженном в широком употреблении аналитических форм, в очищении языка от старых инфинитивов (у Паисия они очень часты), в употреблении членов (хотя во многих случаях они и избегаются), в правильном употреблении изъявительных и пересказывательных глагольных форм в рассказе; 2) в народном облике языка, обусловленного изобилием разговорной и простонародной лексики и фразеологии, и народным слов в переносном значении; 3) в народном порядке слов и построении фразы“⁴⁵. Несомненно, что эти особенности характерны для языка „Жития“ Софрония, что в целом „Житие“ написано на выразительном новоболгарском языке и что элементы церковнославянского языка занимают в нем незначительное место. Однако всего этого еще недостаточно для того, чтобы согласиться с тезисом Л. Тодорова.

2. Если иметь в виду только характер языка „Жития“ Софрония и литературного языка в первой половине XIX в., то и в таком случае считать это произведение началом современного литературного языка, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Дело в том, что превосходство элементов живой народной речи над элементами церковнославянского языка известно памятникам еще задолго до „Жития“ Софрония. Его демонстрируют многие памятники новоболгарской письменности, прежде всего дамаскины, о которых и Л. Тодоров пишет, что их язык „в значительной степени сузил функции церковнославянского литературного языка, ввел в литературную практику

⁴² Л. Тодоров. По някои въпроси на българския книжовен език, с. 426.

⁴³ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, с. 14.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Л. Тодоров. По някон въпроси на българския книжовен език, с. 427.

живую народную речь и оказал благотворное воздействие на формирование современного литературного языка в его начальной фазе⁴⁶. В этих памятниках выступают те же особенности языка, которыми, согласно Л. Тодорову, характеризуется и язык „Жития“, причем некоторые из них, может быть, даже более последовательно, чем у Софрония. Иными словами, еще задолго до „Жития“ Софрония в этих и других памятниках XVIII в. (и даже XVII в.) налицо бесспорное преобладание живого разговорного языка над языком церковнославянским. Более того, при внимательном их сравнении можно заметить, что „Житие“ Софрония содержит в целом больше книжных, церковнославянских особенностей, не характерных для народной речи того времени и не представленных в современном болгарском литературном языке, чем некоторые из памятников XVIII в., написанных на народном языке.

Из всего сказанного можно, во-первых, заключить, что утверждение Л. Тодорова о том, будто лишь в „Житии“ Софрония соотношение между церковнославянским и новоболгарским элементами изменяется в пользу народной речи, не соответствует действительности. Во-вторых, из этого следует, что основывать тезис о „Житии“ Софрония, как о начальном моменте в развитии современного болгарского литературного языка, на ярко выраженном народном характере языка „Жития“ не правомерно. Таким образом, учитывая опыт новоболгарской письменности, предшествующей „Житию“ Софрония, мы должны признать, что собственно языковые особенности „Жития“ еще не свидетельствуют о том, будто только с этим произведением следует связывать перелом в соотношении церковнославянских и народных элементов в пользу последних и их утверждение в последующем развитии литературного языка.

3. Рассмотрим теперь вопрос о том, какую роль сыграло и могло ли сыграть „Житие“ Софрония в реальном процессе формирования современного литературного языка. Какое влияние оно в действительности оказало на последующее развитие литературного языка? Без этого любые рассуждения о месте „Жития“ Софрония (как и других произведений, написанных на таком же в своей основе языке) в истории литературного языка не выйдут из области декларативных положений. Л. Тодоров не останавливается на этом вопросе, считая, как уже отмечалось выше, что для доказательства его тезиса о месте „Жития“ Софрония в исто-

⁴⁶ Л. Тодоров. По някои въпроси на българския книжовен език, с. 422 (разрядка наша. — Г. В.); Езикът на Паисий Хилендарски, с. 6.

рии литературного языка достаточно лишь „беглого взгляда“ на его язык. Он, правда, указывает, что после „Жития“ Софрония народная речь берет неизменно верх в литературном языке и постепенно вытесняет старые нормы (см. здесь стр. 24), однако он не говорит, какая роль принадлежит в этом произведению Софрония. Поэтому можно лишь предположить, что Л. Тодоров, выдвигая свое положение о начальном моменте в развитии литературного языка, подразумевает и непосредственное влияние „Жития“ Софрония на ход развития литературного языка. В противном случае пришлось бы допустить, что он на самом деле исходит только из языковых особенностей самого „Жития“ и не придает никакого значения влиянию, которое должно было оказать это произведение на последующее развитие литературного языка, если языковые особенности „Жития“ действительно явились переломным моментом в языке новоболгарской письменности и легли в основу современного литературного языка. Исходить же только из характера языка „Жития“, отвлекаясь от того, что такой же по существу язык представлен в произведениях и до „Жития“, и от того, каково было конкретное влияние „Жития“ на развитие литературного языка в последующие годы, на наш взгляд, совершенно неверно.

В случае же с „Житием“ Софрония дело обстоит так, что оно не сыграло никакой роли и не оказало никакого конкретного влияния на развитие современного литературного языка. Причина этого проста. Она состоит в том, что это произведение стало известным лишь в 1861 г., когда Г. Раковский сообщил о нем и напечатал его текст в своей газете „Дунавски лебед“. Это было время, когда основная борьба вокруг вопроса о характере и путях развития литературного языка была уже позади, когда окончательная победа народной основы в литературном языке уже была для всех очевидной, а попытки создания литературного языка на иной основе (как, например, язык произведений Г. Раковского) в целом не находили поддержки и были обречены на неудачу. В таких условиях, когда „Житие“ было напечатано и стало доступно широкому кругу читателей, оно не могло уже оказать какого-либо существенного воздействия на дальнейшее развитие литературного языка. Тем более у нас нет абсолютно никаких оснований предполагать реальное воздействие автобиографического произведения Софрония на формирование болгарского литературного языка в первые десятилетия XIX в. А без установления такого воздействия всякие суждения о „Житии“ Софрония как о начальном моменте в развитии современного болгарского литературного языка не имеют под собой реальной почвы. Утверждение разго-

ворного, народного языка в качестве основы современного литературного языка произошло без какого бы то ни было влияния этого произведения.

Из сказанного, таким образом, следует, что связывать начальный момент развития современного болгарского литературного языка с „Житием и страданиями грешного Софрония“ нет никаких оснований.

Это произведение в истории болгарского языка, по нашему мнению, можно охарактеризовать как один из первых в начале XIX в. опытов создания оригинального по замыслу произведения нерелигиозного содержания на народном в своей основе языке. Но этот опыт — несомненно, очень удачный и важный — не привел к созданию традиции, оставался неизвестным в течение целого полувека и не сыграл никакой роли в формировании основ современного литературного языка.

* * *

Итак, начало современного болгарского литературного языка не следует возводить ни к языку „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского, ни к языку „Жития и страданий“ Софрония Врачанского. Мы не рассматривали здесь точки зрения Б. Цонева на язык дамаскинов как на начало современного литературного языка. В настоящее время это мнение Б. Цонева никто не разделяет, хотя, надо сказать, роль и место новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. еще серьезно никем не исследованы, а сам язык этой письменности по-разному интерпретируется разными авторами.

В заключение отметим, что по нашему мнению, история собственно современного болгарского литературного языка начинается в 20-е годы XIX в. Здесь нет возможности обстоятельнее рассмотреть это положение. Заметим лишь, что это положение не новое в литературе. Отнесение начального момента на 20-е годы прошлого века, как нам кажется, соответствует реальному процессу истории современного литературного языка.

(„Краткие сообщения“ Института славяноведения АН СССР, вып. 43, 1965, с. 3—16)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

*Проблема языка в общем движении болгар
за национальное возрождение*

Проблеме родного языка в эпоху национального возрождения образованные и патриотически настроенные представители зарождавшейся болгарской интеллигенции и других слоев общества уделяли исключительно большое внимание. Она занимала умы многих деятелей, начиная от Паисия Хилендарского, с именем которого связывается начало Возрождения, и кончая теми писателями, учеными, представителями других областей складывавшейся национальной культуры (Петко Славейков, Иван Богоров, Марин Дринов и многие другие), чья разносторонняя деятельность продолжалась и после освобождения Болгарии от османского владычества, завершившего эпоху Возрождения у болгар. Среди крупных деятелей этой эпохи, выступавших за развитие национальной культуры и разрешение других жизненно важных вопросов национального освобождения, трудно назвать таких, которые не касались бы в той или иной мере проблемы языка. В ее обсуждении приняли участие и менее известные и совсем неизвестные авторы собственных сочинений и переводов, учителя, издатели газет и журналов и др. Показательно, например, что авторы и переводчики большинства книг, изданных в первой половине XIX в., как и многих книг, увидевших свет позднее, считали нужным изложить свое мнение о состоянии болгарского языка (в особенности письменного), об особенностях их собственного языка и, в частности, принятого ими правописания и т. д. О большом внимании деятелей той поры к проблеме языка свидетельствует и тот факт, что уже первые культурно-просветительные общества болгар в качестве одного из главных пунктов своей программной деятельности ставили содействие созданию и совер-

шенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие многих периодических изданий 40—70-х годов в обсуждении языковых вопросов.

Подчеркнутое внимание к проблеме родного языка, которое уделяли деятели Возрождения, объясняется не только и, может быть, не столько интересом к языку как таковому (хотя в изданиях того времени имеется немало статей и разного рода заметок, где рассматриваются узко специальные и частные вопросы грамматики, орфографии и т. д.), сколько той большой ролью, какая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение.

Уже Паисий Хилендарский, с чьим именем и деятельностью связано начало Возрождения у болгар, придавал родному языку исключительно большое значение в начертанной им в „Истории славеноболгарской“ (1762) программе национально-освободительного движения. Борьба за освобождение от греческого духовного гнета и за национальное просвещение, борьба за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности болгар теснейшим образом увязывается им с задачей сохранения и возвышения родного языка. Паисий хорошо понимал, что пренебрежительное отношение к родному языку, свойственное многим его соотечественникам, наносит национальным интересам болгарского народа огромный ущерб. Вот почему он с гневом говорил о тех болгарах-отцегругателях, кто отступился от своего рода и языка, кто презирал их, стыдился называться болгариним. „О неразумни и юроре, поради что се срамишь да се наречешь болгаринь и не четишь по свои языкь и не думашь“, — восклицал Паисий.¹ Чувство негодования вызывали у него те из соотечественников, кто „не любить за свой родь болгарски знати, но се обращают на чужда политика и чужди языкь и не радать за свой языкь болгарски, но се учать четати и думати по грчки и срамать се да се наречать болгаре“², кто идут „пу чужди языкь и обичаи, а на свои хулать“³. Пренебрежительное отношение к родному языку, учение на чужом (греческом) языке, безразличие к славной истории и современным нуждам народа — вот зло, которое надо искоренить. И Паисий призывал и тех болгар, кто уже забыл о своем роде и языке, и тех, кто сохранял им верность: „Ти, болгарине, не прелашай се, знай свой родь и языкь и учи се по своему языку.“⁴ Эти слова можно смело поставить эпиграфом

¹ Цит. по изд.: История славеноболгарская собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъпки за печат Й. Иванов. С., 1914, с. 5—6.

² Там же, с. 5.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же, с. 6.

ко всей последующей борьбе болгар за права родного языка в рамках их общего движения за национальное возрождение.

После Паисия о необходимости обучения на родном языке выступил выдающийся деятель болгарского Возрождения Петр Берон — автор известного „Рыбного букваря“ (1824) — первого учебного пособия, написанного на живом, народном языке. Берон в самом начале предисловия к букварю указывает „прямой путь к учению“, каким является обучение детей на понятном им живом языке. Узнав, что в других странах дети начинают читать книги на их родном языке, он понял, „как плохо поступают у нас учителя и как напрасно страдают бедные дети“, которые и после ряда лет учебы „не умеют даже свое имя написать“⁵. Причина этого „окаянного состояния“ не только в негодной системе преподавания, но и в том, что книги (псалтырь и часослов), по которым учились в то время грамоте, были напечатаны не на болгарском, а на непонятном для детей церковнославянском языке. Берон указывает, что учителя давно уже отказались бы от псалтырей и часословов, в которых дети ничего не понимают, „если бы имели какую-нибудь книгу, напечатанную для них на нашем языке“⁶. В другом месте он подчеркивает, что „очень полезно“ первоначально изучать „наш язык с его грамматическими правилами“, а затем уже следует изучать и другие языки.⁷ Он призывает к печатанию как можно больше книг „на нашем языке“. Это необходимо для просвещения народа, который так долго пребывает „во мраке без науки“⁸. Берон призывает соотечественников проявить усердие в распространении образования в своем отечестве.

Впоследствии, особенно с середины 30-х годов, тема родного языка — его защиты и обучения на нем — не сходит со страниц болгарских изданий. Главный, если почти не исключительный, упор болгарские деятели той эпохи делали на чисто практическую, но жизненно важную для них сторону проблемы языка: чтобы сохранить и укрепить свое единство как народа, болгары должны беречь и совершенствовать, т. е. литературно обработать, родной язык и укрепить его позиции в общественной жизни, прежде всего в школе, а затем в литературе и других областях духовной культуры. Если до Паисия незнание родного языка еще мало кого или вообще никого не волновало и никому не ставилось в вину, если Паисий обратил внимание на пагубные последствия отказа части болгар от родного языка и призывал своих соотечественни-

⁵ П. Б е р о н и ч. Букварь с различни поучения. [Брашов], 1824, с. 2.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Там же, с. 143.

⁸ Там же.

ков „знать и любить свой род и язык“, а Берон первым только указал, по какому пути болгары должны развивать свое образование, то с течением времени, к середине 50-х годов, знание родного языка стало вопросом национальной чести для образованного круга болгар, а незнание его квалифицировалось как сознательное отречение от своей национальной принадлежности, причиной которого в большинстве случаев были корыстолюбивые побуждения.

Можно привести немало ярких высказываний многих представителей формировавшейся болгарской интеллигенции (В. Априлов, Н. Геров, П. Славейков и др.), которые свидетельствуют о глубоком понимании ими важности родного языка в решении задач национального возрождения и необходимости активного отношения к нему как важному средству, или орудию этого движения. Приведем несколько примеров.

В середине 40-х годов, когда движение болгар за национальное возрождение приняло уже широкий размах, особенно в области просвещения (организация учебного дела) и книгопечатания, И. Богоров в передовой статье к первому номеру первой болгарской газеты „Български орел“ (20 .IV. 1846), излагавшей насущные задачи этого движения, подчеркнул большое значение и проблемы родного языка — его защиты и необходимости совершенствования. Отметив, что соседние народы (румыны, сербы, греки), обретя свободу, стремятся сравниться с „европейскими народами в науке, просвещении, торговле и ремесле“ и что даже турки стали прилагать усилия к преобразованию империи, И. Богоров писал: „А что должны делать мы, болгары, в условиях такой жизни и такого оживления кругом? Должны ли мы остаться живыми трупами, какими были до сих пор? Не должны ли мы, народ, насчитывающий пять миллионов человек, — промолвить хотя бы одно слово в царствах народов? Должны ли мы еще долгое время оставаться без имени, неизвестными для других народов земли? Должны ли мы, чьи предки защищали своей кровью и ценой жизни христианский закон и веру, еще долгое время испытывать срам от того, что в нас не признают христиан, т. е. просвещенных, культурных людей, братьев других христиан? *Должны ли мы еще долгое время оставлять мертвым наш язык, который мы унаследовали от наших предков, и особенно теперь, когда мы видим вокруг себя христианские и славянские народы, совершенствующие свой язык и возвышающие свою народность, должны ли мы стать чужаком, что противоречит нашему разуму? — Нет! Так не может продолжаться дальше! И мы, болгары, должны начать сознавать себя как народ, который имеет равные с другими*

европейскими народами права! Мы должны твердо стоять за свой язык и свою веру! Впредь своим усердием и тонкостью ума мы должны показать, что мы — христиане, что мы — славяне, братья москвитцев, сербов и других славянских народов“ (курсив наш. — Г. В.). Призыв И. Богорова „твердо стоять за свой язык“, обращенный к соотечественникам, как видим, стоит в одном ряду с призывом осознать равенство прав болгарского народа с правами других народов Европы, а совершенствование родного языка, которым болгары, по примеру „христианских и славянских народов“, должны заняться, — рядом с возвеличением своей народности.

Другой пример. В брошюре „Несколько мыслей о болгарском языке и образовании у болгар“ (1852 г.), написанной „по поводу укорительной статьи о болгарях“ какого-то грека в газете „Босфорский телеграф“, Н. Геров, давая отпор этому греку и его единомышленникам, рассматривает три вопроса: 1) что представляет собой болгарский язык, 2) почему болгары не могут отказаться от своего языка и обучаться на греческом языке и 3) почему болгары не могут отречься от своей национальности и не хотят стать греками.⁹ Уже из самого перечня этих вопросов видно, что вопрос о болгарском языке Н. Геров прямо связывает с необходимостью отказаться от обучения на греческом языке и с защитой национальной самобытности болгар.

На огромное значение родного языка, обработанного и общепринятого в качестве единого литературного языка, неоднократно указывал М. Дринов. Так, в самом начале своей знаменитой статьи „О новоболгарской азбуке“ (1870) он писал: „Нет сомнения, что от выработки единого литературно-письменного языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление нашей народности и хороший успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский мир будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество“¹⁰.

С дальнейшей судьбой народа, с проблемой национального самосохранения непосредственно увязывались иногда даже графика и орфография. Это хорошо видно на примере отношения

⁹ Н. Геров. Няколко мисли за български език и за образованието у българити. Цариград — Галата, 1852, с. 10.

¹⁰ М. Дринов. За новобългарското азбуке. — Периодическо списание, 1870, кн. 2, с. 9.

Н. Палаузова к опыту фонетического правописания, предложенному Й. Добровским в его „Мирозрении“ (1850), и к болгарской грамматике Цанковых, написанной на немецком языке и изданной ими в Вене в 1852 г.¹¹ В письме от 14 марта 1852 г. В. И. Григоровичу этот видный деятель болгарского Возрождения, живший в Одессе, подвергает острой критике графическую систему и правописание Й. Добровского в „Мирозрении“ (Й. Добровский ввел фонетический принцип правописания, выбросил буквы *я, ѣ, ю, ы, ъ, ь*, вместо *й* писал *і*), которые, по мнению Н. Палаузова, суть „непростительное подражание западным народам“ и свидетельствуют о том, что такого рода „вольнодумцы хотят лишить язык свойственных ему преимуществ“ и „отличительной физиономии“¹². „Разительным примером“ того, что „подобные ребятишки делают много вреда, сбивая неопытных, простодушных болгар“, служит, по его словам, упомянутая грамматика Д. и К. Цанковых, в которой весь иллюстративный материал болгарского языка передается не кириллицей, а латиницей с добавлением дополнительных знаков для передачи некоторых болгарских звуков (например, *ѣ*). По поводу этой грамматики Н. Палаузов писал В. И. Григоровичу: „Теперь уже появилась в печати болгарская грамматика латинскими буквами. Не сумасбродство ли это? И что из этого выйдет, если неопытные болгаре последуют этому кривописанию“? *Они или олатынятся, или онемечатся*, и странно, западные славяне стараются ввести у себя кирилловский алфавит, и посредством этого сблизиться с своими родичами, а они последние (т. е. болгары. — Г. В.) дурачатся, *вводят латынщину и сами себя губят*. Надобно образумить этих Лютеров славянских, а то, пожалуй, *наделают много зла, которое трудно после исправить*. И придет же в голову такая дурь! Видно эти книжники хотят заслужить славу реформаторов, хороша слава! Точно так, как некогда какой-то сумасброд, чтобы оставить свое имя незабвенным в истории, сожег знаменитый храм Дяны, подобных реформаторов я бы сожигал на кострах, составленных из книг и алфавитов“ (курсив всюду наш — Г. В.).¹³ Н. Палаузов, таким образом, использование латинского алфавита для передачи болгарских слов

¹¹ A. und D. Kuziak Cankof. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.

¹² М. В. Никулина, С. В. Великов. Писма на Николай Христофоров Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктор И. Григорович. — Известия на държавните архиви, 1974, кн. 27, с. 109.

¹³ Там же.

или замены некоторых старых букв кириллицы и само издание болгарской грамматики на немецком языке квалифицирует прямо как шаг к утрате болгарам национальной самобытности, как шаг на пути латинизации или германизации. Именно это отступничество отдельных болгар от традиционного письма, грозящее трудно поправимыми последствиями, равносильно, по мнению Н. Палаузова, предательству по отношению к своему народу.

Существенной особенностью движения за формирование национальной культуры у болгар было, как известно, то, что своим острием оно было направлено на освобождение прежде всего от духовного (в широком смысле слова) гнета греков, а не турок — господствующего этнического элемента Османской империи. Поэтому и борьба против грекомании, против приверженности к греческой образованности и непосредственно связанной с этим приверженности к греческому языку как языку школы, литературы, богослужения, столь характерной части болгарского общества того времени, представляла собой важную, а в отдельные периоды — и главную часть общей борьбы за права болгарского языка в разных сферах формировавшейся национальной культуры. Турецкий язык — язык господствующей нации — в силу существовавших в Османской империи в XIX в. социально-исторических условий не был серьезным препятствием для болгар на пути создания имп своей культуры, и борьба против него шла в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций. Характерной чертой борьбы болгар за права родного языка было, таким образом, то, что она была направлена против использования генетически далекого для них греческого языка, а не языка близкородственного. С этим связано, в частности, весьма доброжелательное отношение болгар к отдельным славянским языкам, видевших в них не барьер на пути развития собственной школы, литературы и т. д., а в известной мере образец и источник совершенствования, обогащения родного языка и шире — одно из вспомогательных средств к ускоренному развитию указанных и других областей своей культуры на основе использования достижений родственных славянских народов. В этом отношении особенно большое значение придавалось, как известно, русскому языку. Тот факт, что другие славяне — русские, чехи, поляки, сербы — пользовались родным языком в школе, на своем языке издавали литературу, журналы, газеты и т. д., служил для болгар как бы дополнительным стимулом к энергичной борьбе за права родного языка, за создание своего богатого литературного языка, ибо униженное положение язы-

ка народа, давшего славянству письменность и первые переводы книг священного писания на славянский, т. е. древнеболгарский, язык, рассматривалось как историческая несправедливость, с которой необходимо покончить.

Наиболее остро проблема родного языка с самого начала была связана с задачами просвещения, создания национальной школы — с „великим вопросом о наших школах“, как называл его впоследствии Петко Славейков¹⁴. В движении за развитие народного образования у болгар было много общепросветительских идей, но вместе с тем они самым тесным образом переплетались с задачами формирования национальной культуры и национального самоутверждения, с задачами освобождения от инонационального духовного гнета. В области образования это сводилось прежде всего к освобождению от греческого засилья в школе, к отказу от греческой образованности и к созданию собственной, национальной школы с преподаванием на родном языке как необходимой предпосылки развития литературы и других областей национальной культуры. Трудная борьба за такую школу, за широкое развитие сети болгарских школ, способствовавшая росту и национального самосознания и национально-освободительному движению, представляет собой одну из замечательных страниц всей истории болгарского Возрождения.

В борьбе за создание национальной школы язык занимал ведущее место. Пожалуй никакой другой вопрос организации школьного дела деятели Возрождения не отстаивали в течение длительного времени с таким горячим участием и настойчивостью, как вопрос о том, что болгары должны получать образование в своих школах и на своем, родном языке и что источники знаний они должны черпать из книг, написанных на этом языке. Здесь нет необходимости подробно освещать аргументацию, которая приводилась в защиту этого важного положения. Отметим только, что учение на родном языке рассматривалось как весьма существенная предпосылка укрепления национального самосознания и сохранения здоровых сил нации и что отказ от учения на родном языке квалифицировался как предательство национальных интересов. Хорошо известно отношение Паисия Хилендарского к отцегругателям, к тем болгарам, кто отступился от своего рода и языка, презирал их и стыдился называться болгаринном. Такие болгары „са прости и глупави и не имеют речи политични“¹⁵.

¹⁴ Вж. П. С л а в е й к о в. Новата фаза на нашето обществено развитие. — Македония, год. III, № 30, 26. VI. 1869.

¹⁵ История славеноболгарская, с. 6.

Столь же отрицательным, осудительным было отношение к отступникам от родного языка и его хулителям со стороны многих деятелей Возрождения. Показательно, в частности, мнение Партения Зографского о необходимости начального образования на родном языке. В одном из учебных пособий, предназначенных для детей, он наставлял своих юных читателей: „Учись грамоте сначала на своем языке; после, если у тебя будет время, учись и на других языках“. Другое наставление: „Тот, кто учится грамоте только на чужом языке, а не на своем, как делают некоторые из наших болгар, уподобляется тем, кто отрекается от своей матери и вместо нее берет себе другую“. Мать же, указывает Партений Зографский, никто не ненавидит и никто не отрекается от нее: „не только люди не делают этого, но и животные“, так что тот, „кто отрекается от своего народа, ниже самой последней скотины“¹⁶.

Не менее важное значение придавалось родному языку как важнейшему средству ускоренного приобщения болгарского народа к достижениям духовной (и не только духовной) культуры. Об этом писали многие. Так, Н. Геров писал: „Итак, чтобы легче стать образованными людьми и скорее достичь подлинного просвещения, мы должны обучаться на своем языке и писать книги на таком языке, какой мы употребляем в речи“¹⁷. Необходимость такого подхода к народно-разговорному языку как средству обучения и получения знаний для Н. Герова, как и для многих его единомышленников, очевидна. „Написанные на этом языке книги, — указывал он, — поймет каждый болгарин, даже и тот, кто не имел счастья много учиться, лишь от одного чтения изо дня в день приобретет он новые знания. Ребенок, стоит ему только научиться читать, сможет начать изучать землеписание, бытописание, арифметику и другие науки, слушая и читая на том языке, которому с молодетства его научили отец и мать“¹⁸.

Первостепенное значение для дальнейшего национального развития придавал обучению на родном языке и Петко Славейков. Он подчеркивал (1869), что учение на родном языке — это самый прямой путь к просвещению, к образованию народа, это „первое и возможное средство“, которое „скорее откроет нам глаза на то, что нужно для нашего прогресса, для нашего благосостояния и благоденствия“¹⁹.

¹⁶ П. Зографский. Начальное учение за децата. Цариград — Галата, 1858, с. 33.

¹⁷ Н. Геров. Няколко мисли, с. 35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ П. Славейков. Всинца наши за нас си. — Македония, год. 1, № 33, 15. VIII. 1867.

В движении болгар за права родного языка в эпоху возрождения можно выделить два периода.

Первоначально, примерно до середины 30-х годов речь шла о приложении болгарского языка вообще как антитезы греческому языку, засилье которого в школе, церкви, в других общественных сферах и даже в быту части наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции становилось все более широким и угрожающим. Вопрос о родном языке ставился сначала не столько в плане необходимости литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого, общеполгарского литературного языка, сколько в том плане, чтобы убедить или, может быть, на первых порах приучить болгар к мысли о пригодности их языка для выполнения тех функций, какие выполняют уже развитые языки просвещенных народов. На первом месте здесь стоял вопрос о пригодности болгарского языка как учебного языка в школах и вообще как языка, на котором можно и нужно учиться читать и писать. Хорошо известно, что уже Паисий Хилендарский призывал соотечественников говорить и читать не по-гречески, а по-болгарски. Его призыв знать родной язык и учиться на нем („Ти, болгарине, не прелащай се, знай свой родъ и языкъ и учи се по своему языку“) оставался весьма актуальным на протяжении многих десятилетий. П. Берон, В. Априлов и другие видные деятели эпохи Возрождения настоятельно советовали, убеждали болгар в необходимости начинать образование на родном языке, ссылаясь и на опыт европейских народов.

Существенно, что на этой стадии борьбы за права родного языка в русле общего движения за национальное возрождение еще не проводилось разграничение между живым, народно-разговорным болгарским языком и языком книжным, который был представлен разными типами или вариантами, различавшимися прежде всего разным соотношением в них элементов церковнославянской письменной традиции, восходящей в конечном счете к древнеболгарскому языку, и элементов живой речи, отражающих особенности местных диалектов. Конечно, значительная разница между народно-разговорным и функционировавшим тогда церковнославянским языком ощущалась болгарскими довольно явно, но в плане противопоставления „родной язык — неродной (в данном случае — греческий) язык“ как народно-разговорный, так и церковнославянский рассматривались болгарскими как язык родной.

Впоследствии, начиная со второй половины 30-х годов, проблема родного языка приобретает иной аспект. Появление светских

школ с преподаванием на болгарском языке (Габровское училище было открыто в 1835 г.), расширение книгопечатания, зарождение новой литературы остро поставили перед болгарскими задачами преодоления господствовавшего в школе и книгопечатании языкового разноречия (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т. е. задачу нормализации, создания единого, общеполитического литературного языка. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык, а на единый, в определенной степени нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности), хотя проблема „родной язык — неродной язык“ продолжала еще оставаться актуальной до середины XIX в.

Создание единого болгарского литературного языка, необходимость которого по существу никто из образованных и патристически настроенных болгар не оспаривал, стало рассматриваться болгарской интеллигенцией как одна из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. С успешным решением этой задачи непосредственно связывался дальнейший прогресс в образовании, литературе и других областях складывавшейся национальной культуры.

Уже Неофит Рильский, первым поставивший вопрос о необходимости создания единого, нормализованного литературного языка, писал в 1835 г., что пробуждающиеся от долгого сна и невежества болгары должны срочно усовершенствовать и нормализовать свой язык („да вообразят безобразието на болгарския язык“), чтобы со временем и они могли „пить и наслаждаться вкусной и прозрачной водой своих, а не чужих источников“²⁰.

Именно с нуждами просвещения народа связывал В. Априлов (1836 г.) необходимость „устройства языка“ таким образом, чтобы совместными усилиями образованных людей была выработана „единая система“ или „общая система“, т. е. единый литературный язык, которому впредь должны следовать школы и все образованные болгары. То, что необходимость в „общей системе“ диктовалась, по мнению В. Априлова, прежде всего насущными задачами просвещения, видно уже из названия письма, с которым он обратился к своим ученым соотечественникам. Это знаменитое письмо, полный текст которого лишь недавно был обнаружен и издан И. Снегаровым, называется „Мнение В. Априлова относительно просвещения народа“ (курсив наш. — Г. В.), но в нем речь идет преимущественно и главным образом о том, ка-

²⁰ Н. Р и л с к и. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 1—2.

ким должен быть литературный язык и каким путем следует установить его единство. „Мнение“ начинается словами о том, что нормализация болгарского языка вызывается прежде всего задачами просвещения: „По примеру новых европейских языков непременно необходимо, особенно в начале просвещения народа, чтобы и наши соотечественники в настоящее время сделали разговорный язык более легким и более гладким“²¹. Мыслью о просвещении, с которым связано будущее Болгарии, и заканчивает В. Априлов свое „Мнение“: он призывает „наших образованных людей“ рассмотреть его соображения, изложенные в „Мнении“, и „осветить путь к просвещению нашего народа, и наше прекрасное отечество станет еще краше“²².

Несколько позднее Й. Добровский подчеркивал (1850), что создание „письменного славяноболгарского языка“ — это „исключительно важный и очень нужный предмет“²³. В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болграде журнала „Общий труд“ писал: „Обработка („разработването“) языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа“²⁴. На первостепенное значение создания единого литературного языка неоднократно указывала и газета „Цариградски вестник“. Так, в одной из статей она писала (1859), что создание такого языка — это „животрепещущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело“²⁵. В статье говорилось, что с созданием единого литературного языка болгарская литература обретет крылья, с помощью которых она достигнет „достойных и похвальных успехов“. Даже устранение орфографических различий и выработка единых норм правописания рассматривались как одна из самых важных и необходимых предпосылок развития новой болгарской литературы. „Что бы ни было сделано другое, — писал (1865) В. Стоянов, один из будущих основателей и активных деятелей „Болгарского научно-литературного общества“ в Браиле, — наш язык

²¹ Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа. — Известия на Архивния институт, 1957, кн. 1, с. 219.

²² Там же, с. 224.

²³ Мирозрение, 1850, I, с. 44.

²⁴ Т. Икономов. Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия. — Обшт труд, год. 1, 1868, кн. 1, с. 1.

²⁵ Предмет за болгарский език — Цариградски вестник, год. 9, № 456, 19. XI. 1859.

и наша литература никогда не увидят успехов и прогресса“, если не будет создано „хорошо устроенное правописание“²⁶.

Следует особо подчеркнуть, что необходимость единого литературного языка нередко прямым образом связывалась с самим существованием болгар как самостоятельного народа. „Раз мы называемся болгарами, — говорилось в упомянутой выше статье из газеты „Цариградски вестник“, — то мы должны иметь и единый язык болгарский“. Именно в единстве литературного языка видели многие деятели Возрождения и признак единства, и средство единения, сплочения болгарского народа. Известный книгоиздатель прошлого века Х. Данов писал (1869), что создание „общей болгарской грамматики“ (т.е. единого литературного языка) позволит болгарам „сохраниться навсегда и быть всем, как были и до этого, единым народом“²⁷. Учитель П. Иванов указывал (1871), что „общая грамматика — это самая прочная связь („врѣска“) народа, сколь бы далеки ни были друг от друга его элементы и какой бы совершенно непонятный провинциализм не господствовал между ними“²⁸. „Если мы один народ — подчеркивал он в другом месте, — то мы должны иметь один литературный язык и одну грамматику“²⁹. Ср. и приведенную выше цитату из статьи „О новоболгарской азбуке“ М. Дринова.

Число подобных высказываний о первостепенном значении единого литературного языка для дальнейшего развития национальной культуры и самой нации можно легко умножить.

Задачу создания такого языка нетрудно было провозглашать, но ее сложно было выполнить. Целый ряд вневлигвистических факторов (отсутствие непрерывной и достаточно сильной литературно-письменной традиции накануне Возрождения, ограниченной к тому же рамками преимущественно конфессиональной литературы, значительная диалектная дробность болгарского языка, влияние разных филологических школ в самой Болгарии и за ее пределами, в частности в Греции, и др.) явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания единого для болгар литературного языка возникли и острые споры о характере этого языка (его церковнославянской или народ-

²⁶ См. письмо В. Стоянова от 9/19. VIII. 1865, опубликованное в газете „Въсток“, год. I, № 15, 31. VIII. 1865.

²⁷ „Летоструй“, год. I, 1869, оборот л. I. См. также заметку „Мнение за българското правописание“ в „Македония“, год. III, № 10, от 1. II. 1869.

²⁸ П. Иванов. Язикословию размишления. — Македония, год. V, № 38, 20. IX. 1871.

²⁹ П. Иванов. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, год. VII, № 35, 30. X. 1872.

но-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствования грамматики, лексики, правописания и др. Ввиду возникших разногласий сама дискуссия, широкий обмен мнениями по вопросам литературного языка рассматривался многими как важная предпосылка выработки его единых норм. Поэтому и участие в обсуждении таких вопросов, направленное на скорейшее создание литературного языка, постепенно стало осознаваться как долг и даже священный долг всех образованных болгар, а нежелание изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам совершенствования и нормализации языка квалифицировалось иногда как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа.

Одним из главных, если не главным, в собственно языковой проблеме был вопрос о том, каким должен быть единый, общebolгарский язык и каким путем он должен сформироваться и утвердиться. По этому вопросу существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально разных направления в нормализации литературного языка.

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (К. Фотинов, Хр. Павлович и др.), болгарский литературный язык должен ориентироваться не на народно-разговорный, а на церковнославянский язык и должен представлять собой несколько приближенный к народному языку, но церковнославянский в своей основе язык. Это направление не имело в Болгарии достаточно большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отдельные отголоски его давали о себе знать и позднее. Думается, что одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им литературного языка. Лишенный целого ряда характерных особенностей живого болгарского языка, содержащий многие особенности церковнославянского языка, давно утраченные живым языком болгар, он казался искусственным, был довольно далек от народно-разговорного языка и потому был недостаточно понятным тем из болгар, кто не изучал его специально (срв. и причину непопулярности журнала К. Фотинова „Любословие“). В атмосфере широкого стремления к развитию образования, литературы, журналистики и т. д., порожденного наступившими глубокими социально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели Возрождения, не мог быть эффективным средством развития разных областей национальной культуры.

Преобладающим было другое направление, представители которого (В. Априлов, И. Богоров и многие другие) были убеждены в том, что единственный литературный язык следует строить на основе народно-разговорного языка, должным образом обработанного и обогащенного из разных источников. Считалось, что именно такой язык, понятный всем болгарам, наиболее пригоден для скорейшего приобщения широких кругов населения к знаниям и достижениям культуры, для развития новой литературы и т. д. На эту сторону литературного языка на народно-разговорной основе, в котором остро нуждалась формировавшаяся нация, и акцентировали внимание многие из его приверженцев.

Так, И. Богоров писал (1846 г.), что потребности в быстром образовании народа диктуют, чтобы в основу литературного языка была положена народная речь и с учетом последней было составлено единое правописание. Именно народный язык, подчеркивал он, — это „самый прямой путь, идя по которому, человек может легче постичь науку, ибо то правописание наиболее совершенно и тот язык наиболее сладок, который хорошо понимает наш народ, когда слушает его или читает на нем“³⁰. На этом И. Богоров настаивал и впоследствии. Четверть века спустя (1871 г.) он подчеркивал, что литературный язык, основанный на живом народном языке, — важнейшее условие быстрого развития образования. „К просвещению народа, — писал он, — нет другого более короткого пути, кроме его родного языка“³¹.

Таким же было мнение и подавляющего большинства других деятелей болгарского Возрождения, борющихся за создание национальной культуры.

Как известно, современный болгарский литературный язык сформировался на основе народно-разговорной речи, благодаря чему он с самого начала был понятен и доступен народным массам. Это обстоятельство в значительной мере способствовало достаточно быстрому развитию (всего за несколько десятилетий) широкой сети светских школ, литературы, которая ускоренным темпом прошла путь от синкретизма к разнообразным жанрам современной литературы; оно способствовало развитию периодики и других областей складывавшейся национальной культуры.

³⁰ Български народен известник, № 2, 20. IX. 1846.

³¹ И. Богоров. Третьо упътване за български език. — Читалище, 1871, кн. 21, с. 644.

*О некоторых предпосылках создания единого
болгарского литературного языка*

Создание единого литературного языка — сложная и трудная проблема, в которой тесно переплетаются объективные и субъективные факторы, определяющие пути развития литературного языка с начала его возникновения и повороты на том или ином отрезке его развития.

Выше уже было кратко отмечено своеобразие некоторых общественно-исторических и культурно-исторических условий Болгарии, в которых формировался болгарский литературный язык в эпоху возрождения и которые диктовали книжникам той поры определенный подход к решению как общих, так и частных задач устройства языка. Важнейшим из этих условий следует признать перерыв в книжно-письменной традиции, которым в значительной степени объясняется постановка вопроса о двух основных путях создания литературного языка, на которых настаивали книжники 30—40-х годов прошлого столетия. Другое важное объективное условие — диалектное разнообразие живой болгарской речи, которое сильно затрудняло выбор определенной диалектной основы литературного языка с самого начала его формирования.

Кроме этих и других объективных условий, которые мы подробнее здесь не рассматриваем, существовал целый ряд важных условий, или предпосылок, формирования литературного языка, связанных непосредственно с целенаправленной или „стихийной“ деятельностью самих книжников данной эпохи, усилиями которых в конечном счете и создавался этот язык. Речь идет о тех условиях (предпосылках), которые должны были создать сами книжники и от которых в большей или меньшей степени зависело устройство собственно структурных особенностей, орфографии и других элементов литературного языка. Это были, таким образом, условия (предпосылки) субъективного свойства. Книжники в своей совокупности понимали, что эти предпосылки играют большую роль в создании литературного языка, о чем убедительно говорит уже само деятельное участие их в обсуждении и постановке тех задач, которые они сами должны решать в порядке предварительных условий формирования общего для всех болгар литературного языка.

Ниже рассматриваются некоторые из таких предпосылок. Мы ограничиваемся здесь рассмотрением только тех из них, которые в наибольшей мере свидетельствуют о том, сколь важное значение деятели Возрождения придавали созданию литера-

турного языка в рамках всего культурно-национального движения той эпохи.

В качестве одной из важнейших предпосылок создания единого литературного языка рассматривалась необходимость широкого и свободного обмена мнениями по самым разным вопросам — общим и частным, грамматическим и орфографическим и т. д., касающимся быстрее решения назревшей общенародной задачи. Именно в обмене мнениями многие деятели Возрождения видели залог того, что будут выработаны общеприемлемые и наиболее соответствующие нуждам народа и эпохе нормы литературного языка, что таким образом будут устранены возможности навязать всем болгарам субъективные взгляды отдельных лиц на устройство языка, будут наиболее успешно преодолены острые разногласия по многим спорным вопросам и т. д.

Такое или близкое к этому понимание важности обмена мнениями находим уже у первых грамматистов и других книжников, открывших начальные страницы истории нормализации современного литературного языка.

Так, Неофит Рильский (1835) считал, что лучшим способом разрешения спорных и неясных вопросов в „исправлении“ языка является изложение каждым своего мнения по этим вопросам. Он, в частности, находил целесообразным обсудить вопрос о том, в какой части Болгарии говорят на болгарском языке наиболее чисто („най-чисто и приискренно“), и лишь после этого, учтя „многие и различные мнения“, составить грамматику болгарского языка и ввести ее на деле в употребление.³² Сам Неофит показал этому пример, изложив в знаменитом „Филологическом предуведомлении“ к „Болгарской грамматике“ свое мнение — „ошибочное или правильное“ („криво или право“),³³ как он писал, о том, каким должен быть болгарский литературный язык и каким образом он может и должен быть создан. Так же и В. Априлов изложил свою точку зрения на устройство единого литературного языка в не менее знаменитом циркулярном письме, озаглавленном „Мнение Василия Априлова относительно просвещения народа“ (1836), которое было написано на греческом языке и разослано им „всем (болгарским) ученым“³⁴. В. Априлов призывал своих образованных соотечественников рассмотреть его письмо и высказать свои соображения по затронутым в нем вопросам. Это, указывал он, осветит путь к просвещению народа,

³² Н. Р и л с к и. Болгарска граматика, с. 4.

³³ Там же.

³⁴ См. письмо В. Априлова Ю. И. Венелину от 10. XII. 1837. В: Ю. В е л и н. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 44.

и „наше прекрасное отечество станет еще лучше“³⁵. А зачинатель болгарской журналистики К. Фотинов писал, что, если каждый книжник изложит свое мнение и даст свой совет, то это будет „большой пользой для исправления языка и его улучшения“³⁶.

Нужно сказать, что сначала призывы первых приверженцев нормализации языка к современникам обменяться мнениями по языковым вопросам не находили достаточно широкого и ожидавшегося ими отклика. Не без горечи и некоторого удивления это констатировал в 1845 г. К. Фотинов. Ответом на его обращение к отечественникам принять участие в устранении „языкового несогласия“³⁷, иными словами — в устройстве единого литературного языка, было молчание. „Но ни глас, ни слышание!“ — восклицал он.³⁸

Причин такого отношения, вероятно, много. Одна из них безусловно заключалась в том, что в 30-е и в начале 40-х годов еще вообще было мало достаточно образованных болгар, которые бы могли последовать примеру В. Априлова и Неофита Рильского и выступить с какой-либо собственной программой устройства литературного языка.

Однако постепенно, особенно в 50—60-е годы, обмен мнениями стал весьма оживленным; по существу он превратился в широкую и порой острую дискуссию по разнообразным вопросам формировавшегося литературного языка, в которую оказались вовлеченными многие люди с разной общеобразовательной и филологической подготовкой, с разными представлениями о характере литературного языка, путях его нормализации и т. д. Всех их объединяло убеждение и уверенность в том, что именно взаимный обмен мнениями по этим вопросам сыграет важную или даже решающую роль в установлении единых правил литературного языка.

Весьма характерно в этом смысле мнение Г. Мирковича. Он полагал, что изложение каждым образованным болгаринном своих взглядов по общим и частным вопросам языка, критика взглядов других грамматистов, уточнение уже предложенных правил (т. е. то, что и составляет содержание обмена мнениями) — единственное средство исправления языка болгарской письменности. Изложив свой взгляд на формы и типы спряжения глаголов, он под-

³⁵ См. „Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа“. — Известия на Архивния институт, 1957, кн. 1, с. 224.

³⁶ К. Фотинов. Понятие (познание) за древност (старост) славенска. — Любословие, 1845, с. 192.

³⁷ К. Фотинов. Указ. соч. — Любословие, 1844, с. 16.

³⁸ К. Фотинов. Указ. соч. — Любословие, 1845, с. 192.

черкнул (1859): „Мы сказали то, что считали более правильным и лучшим, и считаем, что так должен поступить каждый, кто думает о пользе нашей письменности“³⁹. Если каждый образованный болгарин не выскажет своего мнения по вопросам языка, подчеркивал В. Стоянов (1865) — один из будущих основателей „Болгарского литературного общества“ в Браиле, то „что бы ни было сделано другое, наш язык и наша литература никогда не увидят успеха и прогресса“⁴⁰.

Изложение собственных взглядов, какими бы они ни были, по вопросам нормализации языка с самого начала многими рассматривалось как долг каждого образованного болгарина и патриота перед своим народом, его благополучием и будущей судьбой. В. Априлов указывал, что „долг и любовь к соотечественникам“ — это те чувства, которые побудили его выступить с упоминавшимся уже „Мнением“⁴¹, представляющим собой настоящий филологический трактат об устройстве болгарского литературного языка. Со временем, когда споры о характере и путях нормализации литературного языка углублялись и расширялись и когда в связи с этим обмен мнениями приобретал, как полагали многие, первостепенное значение, изложение каждым своих взглядов по вопросам языка стало рассматриваться уже не просто как долг, а как священный долг подлинного патриота. В. Стоянов-Берон (1859), например, считал „священным долгом изложить всенародно свое мнение“ о том, как следует сделать болгарский язык „правильным“⁴². Неизвестный „доброжелатель литературы“ (1859) указывал, что изложить мнение, которое бы способствовало устранению языкового произвола и воспрепятствовало утверждению продиктованных личными мотивами взглядов отдельных писателей — это священный долг каждого „добросовестного патриота“⁴³. Несколько позднее В. Стоянов (1865) с волнением писал о „священном долге каждого ученого болгарина изложить свое мнение“ о том, как составить „хорошо устроенное правописание“ — одну из самых важных и необходимых предпосылок создания болгарского литературного языка и развития новой болгарской литературы.

³⁹ Г. В. Миркович. Кратко изложение за наредбата на глаголити в ново-българският язык. — Български книжници, 1859, ч. 3, с. 827.

⁴⁰ См. письмо В. Стоянова от 9 (19). VIII. 1865 г. из Праги, опубликованное в газете „Въсток“, год. I, № 15, от 31. VIII. 1865.

⁴¹ См. „Мнение“ В. Априлова в „Известия на Архивния институт“, кн. I, 1957, с. 220.

⁴² В. Стоянов-Берон. Първа българо-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859, с. V.

⁴³ См. статью „Литературни бележки“ в „Цариградски вестник“, год. 10, № 416, от 31. I. 1859.

При этом он призывал своих соотечественников изложить свои мнения по этому предмету „как можно скорее в болгарских газетах, чтобы и это дело скорее было завершено“⁴⁴.

Некоторые книжники указывали даже, что никто не должен стесняться излагать свое мнение из боязни, что оно может оказаться спорным или ошибочным, поскольку при выработке общеобязательных правил единого литературного языка надо учитывать совокупность разных точек зрения по соответствующим вопросам языка. С этим непосредственно связаны и призывы отдельных книжников писать так, кто как может, не боясь „неправильностей“ своего языка. Так, Й. Константинов, горько сожалевший по поводу царившего разнообразия в грамматике и орфографии,⁴⁵ писал в начале 50-х годов, что создание единого литературного языка окажется невозможным, если все книжники не изложат своего мнения, в том числе и неправильного. „Если мы не будем писать неправильно, — отмечал он, — то мы никогда не будем писать правильно; если мы не будем ошибаться, то мы никогда не исправимся“⁴⁶. Поэтому каждый книжник, считающий „неправильными“ изданные книги, должен указать путь к правильному болгарскому языку, сочинить его правила и обосновать их, и тогда все дружно последуют за ним. Прежде чем кого-либо осуждать, каждый должен представить свои правила. Но и после этого он должен не осуждать других, а призвать их ознакомиться с его правилами. В противном случае такой книжник будет подобен старому раку, который говорит молодому, чтобы тот шел вперед, а не назад. „Но если он не видел, как нужно идти вперед, то как он может идти?“ — спрашивает Й. Константинов⁴⁷.

Не удивительно, что в такой атмосфере всеобщей в кругах интеллигенции заинтересованности в скорейшем создании единого литературного языка нежелание обменяться мнениями, изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам нормализации языка квалифицировалось некоторыми как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа. Партений Зографский (1857), например, называл „врагом и недоброжелателем своего

⁴⁴ См. письмо В. Стоянова от 9 (19). VIII. 1865 г., опубликованное в „Въсток“ год. I, № 15, от 31. VIII. 1865.

⁴⁵ „Мне одинаково жалко и себя и мою Болгарию, — писал Й. Константинов, — и когда я читаю болгарские книги, у меня краснеют уши и щеки от наших неправильных изданий“ (см.: Й. Константинов. Не е право хладнокровие да показуваме верху наше славеноболгарство. — Цариградски вестник, год. 2, № 92, 19. VIII. 1852).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

народа“ всякого болгарина, имеющего какое-либо суждение по вопросам устройства языка, но держащего это суждение при себе.⁴⁸

Сознавая необходимость изложения собственных взглядов на устройство литературного языка, некоторые деятели Возрождения в силу одних или других обстоятельств были не в состоянии своевременно выполнить свой священный долг и испытывали от этого большие угрызения совести. Г. Крыстевич, например, еще в 1844 г. по просьбе Р. Поповича составил свои известные „Письма о некоторых трудностях болгарского правописания“, которыми он хотел помочь „вести кокую-либо правильность и упорядоченность в наше новоболгарское правописание“⁴⁹. Он обещал их опубликовать и в 1850 г., но по разным причинам они увидели свет только в 1858 г. И все эти годы, признавался Г. Крыстевич, издание „Писем“ было для него „болью сердца, ибо обещал народу, а обещание свое не выполнил“⁵⁰.

Выступление в печати с собственной системой правил было сопряжено у некоторых книжников с глубокими внутренними переживаниями и сомнениями в том, что предлагаемые ими правила будут не поняты и отвергнуты и что их труд, таким образом, окажется бесполезным. Ярким примером подобного рода драматических волнений может служить И. Стоянов, который писал (1844), что он долго и много размышлял над правописанием, казавшимся ему наиболее подходящим, удобным („много угодно“). Но пример других сочинителей, признавался он, говорил ему, что никто не станет разделять его мнение об этом правописании, ибо оно будет воспринято как частное и пристрастное или как местное, т. е. непригодное для всех болгар. И. Стоянов допускал, что даже если его мнение о нормализации правописания и правильно, оно все равно будет лишено значения и всякой важности в глазах его читателей, ибо оно изложено им — их современником.⁵¹

Предполагалось, что обмен мнениями должен носить свободный характер, т. е. что каждый, желающий принять участие в

⁴⁸ См. его статью без заглавия в „Цариградски вестник“, год. 7, № 315 от 9. II. 1857.

⁴⁹ Г. Крыстевич. Писма за якои си мълчости на българското правописание. „Български книжици“, год. I, 1858, ч. 1, с. 311. Значение „Писем“ Г. Крыстевича в действительности гораздо шире, так как в них рассматриваются не только вопросы правописания, но и некоторые общие вопросы нормализации литературного языка.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. его послесловие „За употребленото правописание в преводат“ к кн.: Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград. 1844, с. 221.

обсуждении стоявшей перед обществом проблемы, имеет право свободно высказать собственное мнение по тем или иным вопросам, как и собственное отношение к позиции других участников дискуссии. Только свободный, не ограниченный какими-либо предварительными условиями обмен мнениями, как отмечалось неоднократно в работах по вопросам языка, будет действительно полезным, ибо он позволит уяснить спорные вопросы, учесть разные точки зрения и на этой основе избрать наиболее правильное решение. „Каждый может, — писали Натанаил Зографский и Захарий Княжеский, — всегда изложить свое мнение о языке, чтобы со временем эти мнения были приведены в порядок.“⁵² О значении свободного обсуждения языковых вопросов хорошо сказал Партений Зографский. Разъяснив свою точку зрения на место разных наречий в создании единого литературного языка и на ряд конкретных вопросов грамматики, он призывал (1857) современников ответить ему „так или иначе“, „свободно изложить свои мнения, поправить и дополнить“ его точку зрения, если она покажется неприемлемой или неполной. Если же ответных суждений не последует, то нет смысла продолжать дальнейшее рассмотрение назревших вопросов. „Тогда и мы замолчим, — пишет П. Зографский, — чтобы не сотрясать понапрасну воздух“ („да не биеме воздухо понапрасно“).⁵³ На решающее значение свободного обмена мнениями как базы нормализации языка указывал и В. Стоянов-Берон. Он писал (1859), что болгарский язык можно нормализовать („да се управи и нареди“) только в случае, если каждый свободно изложит свое мнение и на основе изучения и сравнения разных мнений среди них будет установлено „наиболее правильное“ („най-право“), которое и должно быть принято всеми („да се общо приемне“).⁵⁴

Важным условием успеха обмена мнениями признавалось также беспристрастное, объективное отношение к собственным положениям и тем фактам, на которых они базируются. Только такой подход позволит по-деловому разобраться в достоинствах и недостатках предлагаемых путей и средств совершенствования языка. Одним из вопросов, на решении которого особенно сильно и легко сказывались чисто субъективные и потому небеспристрастные факторы, был вопрос о выборе конкретного наречия в

⁵² Натанаил [Зографский], З. Княжеский. Зерцало или огледало христианское. М., 1847, с. VII.

⁵³ См. его статью без заглавия в Цариградски вестник, год. 7, № 316, 16. II. 1857.

⁵⁴ В. Стоянов-Берон. Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1959, с. V.

качестве базы общего литературного языка. Предпочесть „чужое“, неродное наречие в качестве такой базы, отказаться от своего наречия, которое многим казалось наиболее чистым болгарским наречием и потому единственно заслуживающим такой почетной роли, казалось невозможным, немислимым, почти непатриотическим поступком, так как создание литературного языка на „чужом“ наречии якобы лишало его необходимых качеств и особенностей. Поэтому именно в выборе диалектной базы языка необходимо было проявить максимум спокойствия, беспристрастия и осмотрительности. Партений Зографский (1857) подчеркивал, что при создании „общего письменного наречия“ из „всех частей“ разных наречий необходимо отложить в сторону „всякое пристрастие и самолюбие“⁵⁵. Эту же мысль позднее подчеркивал и К. Шапкарев. Он говорил (1870), что в таком важном деле как выработка норм единого литературного языка „нельзя вдохновляться никаким самолюбием“, что надо „действовать совершенно беспристрастно“⁵⁶. Почти одновременно с К. Шапкаревым учитель П. Иванов (1872), считая обмен мнениями необходимым условием создания „общей грамматики“, писал: „Мнения об этом должны оцениваться беспристрастно, не фанатически, а с пониманием („разборно“) и по-человечески.“⁵⁷

Свои суждения относительно общих путей нормализации языка и его конкретных правил авторы грамматик, статей и заметок, посвященных этим вопросам, обычно характеризовали скромно — как посильный вклад в общее дело, который отнюдь не может рассматриваться как решающий и который должен быть непременно признан остальными.

Уже Неофит Рильский дал пример критического отношения к собственным суждениям и готовности отказаться от них в пользу других, более обоснованных и приемлемых. Изложив свою точку зрения на ряд вопросов грамматики (членные формы, падежи и др.), Неофит подчеркнул, что сказанное им — это „только мнение, а не непреложное определение (потому что другой может рассуждать об этих вещах лучше и может изложить лучшее мнение), а когда и другие изложат свои мнения и когда другое мнение окажется лучшим и более основательным, тогда я готов буду сам склонить свою голову перед правдой („да подклоним шията

⁵⁵ См. его статью без заглавия в Цариградски вестник, год. 7, № 315, 9. II. 1857.

⁵⁶ К. Ш[апкарев]. Язикословие. — Македония, год. IV, № 63, 3. VII. 1870.

⁵⁷ П. Иванов. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, год. VII, № 34, 30. X. 1872.

си под правдата“), но не пред сомнение, и последовать за более хорошим и более правильным“⁵⁸.

Аналогичное отношение к собственным взглядам и предложениям демонстрируют позднее и другие грамматисты. Так, В. Стоянов-Берон (1859) свое мнение о некоторых вопросах правописания и грамматики болгарского языка, изложенные им в обширном предисловии к учебнику французского языка, заключает выражением готовности согласиться с любым „справедливым правлением“⁵⁹.

Изложение собственных взглядов некоторые авторы мотивировали при этом желанием показать пример другим: их собственное „недостаточное“ мнение может побудить других изложить свою точку зрения по обсуждаемым вопросам, и в результате такого обмена можно было бы найти наилучшее решение. И. Стоянов (1844), например, указывал, что предложенные им некоторые правила правописания недостаточны для „исправления болгарского языка“, и скромно замечал, что, излагая их, он „хотел только побудить любознательных писателей“ последовать его примеру и выступить с собственными предложениями по упорядочению языка.⁶⁰ Так же и И. Богоров (1848) изложение своей позиции по ряду вопросов грамматики и правописания и критические замечания о языке некоторых его современников (И. Стоянова, И. Момчилова) объясняет не намерением вызвать раскол среди образованных болгар, а желанием побудить каждого из них к поискам лучшего, наиболее правильного решения спорных вопросов.⁶¹ Подчеркивалось особое значение обсуждения некоторых частей грамматики формировавшегося литературного языка. Г. Миркович (1859), например, призывал всех, кого занимает проблема языка, и прежде всего учителей, отнестись с особым вниманием и усердием к описанию глагола, поскольку это — „самая трудная часть“ болгарской грамматики.⁶² Он указывал, что непременная обязанность каждого, кто хоть сколько-нибудь разбирается в глаголе, — изложить о нем свои суждения.⁶³ Исходя из этого, и сам

⁵⁸ Н. Рилски. Болгарска граматика, с. 66.

⁵⁹ В. Стоянов-Берон. Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859, с. V.

⁶⁰ См. его послесловие „За употребенното правописание в преводат“. — Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844, с. 229.

⁶¹ И. Андреев [Богоров]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848, с. 22.

⁶² Г. Миркович. Краткое изложение за нередбата на глаголите в новобългарский язык. — Български книжици, год. II, ч. 3, 1859, с. 584.

⁶³ Там же.

Миркович излагает свою точку зрения на спряжение глаголов — для того времени, пожалуй, наиболее интересную.⁶⁴ При этом он скромно отмечает, что его описание, возможно, „недостаточно в некоторых отношениях“, „оно не может еще быть совершенным“ и „может быть противно в чем-либо мнению кого-либо“⁶⁵, но он надеется, что если его соображения относительно форм глагола в существующих грамматиках и его собственное мнение об этих формах и не принесут непосредственной пользы в нормализации глаголов, все же они могут по крайней мере пробудить у других интерес и желание заняться описанием глаголов и иных разделов грамматики.⁶⁶

Из сказанного видно, что важное место в обмене мнениями по вопросам литературного языка отводилось критике высказываемых другими суждений, предложений и т. д. Пользу критики понимали, вероятно, все, кто был так или иначе причастен к литературной обработке языка. Было ясно, что критика, указывающая на недостатки языка писателей, переводчиков, газет и журналов, как и на недостатки и неточности положений грамматистов и других книжников, способствует в конечном счете установлению единых норм литературного языка. Критические замечания о языке писателей, переводчиков и других авторов, — указывал Т. Стоянов-Бурмов (1860), — это способ исправления языка и правописания,⁶⁷ а некто Н. К. (1857) подчеркивал, что установление единых правил литературного языка — „этот важнейший в нашей литературе вопрос“ — невозможно без „критического обозрения и всестороннего рассмотрения“⁶⁸.

Выступления с критикой грамматических положений отдельных авторов рассматривались как своего рода долг перед общественностью и объяснялись желанием принести пользу устройству литературного языка. Н. Пырванов (1868), например, отмечал, что свои замечания на грамматику И. Момчилова он публикует с целью „принести какую-нибудь пользу в обработке самого драгоценного наследия наших отцов — языка“⁶⁹.

⁶⁴ Г. Миркович, в частности, впервые разделил глаголы на два спряжения (I спряжение — глаголы на *-а, -я*; II спряжение — глаголы на *-е, -и*) и попытался выделить формы пересказывательного падежа. Там же, с. 586—588.

⁶⁵ Г. Миркович. Указ. соч., с. 585.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в *Български книжици*, 1860, ч. 2, с. 31, сноска 1.

⁶⁸ См. заметку за подписью „Н. К.“ в газете *Цариградски вестник*, год. 7, № 311, 12. I. 1857.

⁶⁹ Н. Пырванов. *Бележки врѣх Грамматиката за новобългарския език* от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 5.

Признание важности критического разбора мнений современников, однако, не означало, что критикуемые всегда относились к нему с должным вниманием и пониманием. Это с одной стороны. С другой стороны, и сама критика отнюдь не всегда была беспристрастной, содержательной и справедливой. Острая и предвзятая, она создавала порой нервную обстановку вокруг отдельных авторов и языка их сочинений. В связи с этим в болгарских изданиях эпохи Возрождения неоднократно раздавались призывы к серьезному отношению к критическим замечаниям и к спокойной, деловой критике — к критике без личных нападок и оскорблений. Отмечалось, что к обоснованным замечаниям надо относиться без обиды и даже с благодарностью. Партений Зографский (1857), например, просил всех дополнить его суждения о состоянии и путях совершенствования болгарского языка, специально отмечая, что он не только не будет обижаться на замечания, а наоборот, будет за них благодарен.⁷⁰ Примерно в это же время Т. Стоянов-Бурмов также писал, что авторам, переводчикам и другим книжникам не следует обижаться на высказанную в адрес их языка критику, если последняя не переступает дозволенных границ.⁷¹

Критика, однако, нередко переходила рамки объективной оценки языка и позиции отдельных авторов по языковым вопросам. Конкретные ошибки и недостатки языка, слабости теоретических положений некоторых авторов оказывались мишенью, в которую их современники направляли свои критические стрелы. Не всем, естественно, „уколы“ таких стрел казались безобидными и заслуженными; часто они воспринимались как личное оскорбление. Со своей стороны, критика языка и взглядов отдельных авторов далеко не всегда была объективной, сдержанной, уважающей их авторское достоинство и мнение. Критики порой не столько обосновывали свой отрицательный приговор языку и предложениям об устройстве языка критикуемых, сколько „одаривали“ их насмешками и обвинениями, сплошь и рядом беспочвенными. Естественно, что возможная перспектива быть публично обвиненным в несуществующих грехах сдерживала некоторых от желания изложить свои взгляды по обсуждавшимся языковым вопросам или заставляла их выступать не под своей фамилией или вообще анонимно.

⁷⁰ См. его статью без заглавия в газете Цариградски вестник, год. 7, № 315, 9. II. 1857.

⁷¹ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в Български книжици, 1860, ч. 2, с. 31, сноска 1.

Несмотря на громкие голоса, призывавшие каждого образованного болгарина к выполнению его „священного долга“ — изложить свое мнение по языковым вопросам, несмотря на призывы к беспристрастности и терпимости в оценке чужих мнений, атмосфера, которая установилась в середине XIX в. среди части авторов разного рода сочинений и их критиков, характеризовалась духом непримиримости, некоторой взаимной враждебности и отчужденности. Показателем этого являются, собственно говоря, и сами упомянутые призывы: будь все критические выступления сдержанными, обоснованными, а отношение к ним со стороны критикуемых доброжелательным, не было бы, вероятно, и нужды говорить о том, какой характер должна носить критика. Указанную атмосферу хорошо передает редакционная заметка журнала „Български книжици“, опубликованная в 1859 г. Ее автором был, вероятно, Г. Крыстевич, редактировавший в то время этот журнал. В заметке подчеркивалась полезность критики, указывающей на ошибки авторов и излагающей мнение самих критиков. Редакция сообщала, что страницы журнала „Български книжици“ открыты не только для любой критики, но и для любого ответа на критику, но призывала и критиков и критикуемых ограничиваться в своих рассуждениях существом предмета и не затрагивать чести и достоинства сочинителей. В противном случае критика не служила бы „на пользу всего народа“, а представляла бы собой „какое-то личное пристрастие или отмщение“⁷². В случае несоблюдения этого требования авторами критических статей редакция журнала отказывалась их печатать. „Так поступают просвещенные люди Европы, этого требует здравый смысл, так должны поступать и мы“, — заключал автор редакционной заметки.⁷³ Вместе с тем в заметке указывалось, что для пользы дела необходима гласность авторства. В редакционном примечании говорилось, что образованный болгарин, пишущий о чем-либо и „особенно о нашей письменности и словесности, должен обладать похвальной смелостью („дерзост“) сообщить свое имя, чтобы читатели знали и критикуемого и критикующего и, следовательно, могли его заслуженно похвалить и приумножить к нему свое уважение, если они найдут, что то, что он написал, он написал хорошо“⁷⁴.

⁷² Български книжици, год. II, 1859, ч. 1, с. 228.

⁷³ Там же. Об этом же писала редакция и несколько позже (Български книжици, год. II, 1859, ч. 2, с. 314, сноска).

⁷⁴ Български книжици, год. II, 1859, ч. 1, с. 227.

Примером того, какого рода критике мог подвергнуться автор грамматики, могут служить заметки Т. Стоянова-Бурмова о „Грамматике или буквеннице словенской“ Х. Сичан-Николова (Цариград, 1858). В первой заметке, опубликованной за подписью „П. . ва“, Т. Стоянов-Бурмов (1859) говорит, что „Грамматика“ Х. Сичан-Николова представляет собой плохой перевод французской грамматики, что она дает правила не древнеболгарского, а церковнославянского языка, что особенности принятого в ней правописания не разъяснены и т. д.⁷⁵ По мнению рецензента, эта „Грамматика“ свидетельствует о том, что ее автор „не только не знает надлежащим образом французского и славянского языка, но не изучил так же главнейших и основных правил болгарского языка, и что он взялся за дело, несоразмерное с его способностями и знаниями“⁷⁶. В этой же заметке Т. Стоянов-Бурмов писал, что похвальный отзыв на „Грамматнку“, опубликованный в „Цариградском вестнике“⁷⁷, был инспирирован самим Х. Сичан-Николовым и что это „возбуждает негодование в отношении тех, кто так безрассудно играет делом народного образования“⁷⁸. Свою рецензию Т. Стоянов-Бурмов сопроводил следующим письмом в редакцию журнала „Български книжици“: „Покорнейше прошу вас поместить в ближайшем номере „Книжици“ прилагаемую мною статью, но благоволите держать в тайне имя и местожительство ее сочинителя, дабы она вместо уяснения и исправления не возбудила ненависть и злобу у того, сочинение которого в ней рассматривается“⁷⁹.

Х. Сичан-Николов, естественно, был оскорблен таким отзывом о его книге и не замедлил с ответом, в котором обвинял рецензента в том, что тот не рассмотрел существа книги, но задел его честь, допустив личные выпады в его адрес.⁸⁰

После этого Т. Стоянов-Бурмов выступил с новой заметкой (на этот раз уже подписанной его подлинной фамилией), где писал, что в своем ответе Х. Сичан-Николов задел его лично и потому он

⁷⁵ П. . ва. Струва ли за употребување во училищата, како учебна книга, Буквеницата Сичан-Николова? — Български книжици, год. II, 1859, ч. 1, с. 229—230.

⁷⁶ Там же, с. 229.

⁷⁷ Здесь, по-видимому, имеется в виду объявление о готовящемся издании этой „Грамматики“, опубликованное в газете Цариградски вестник, год. 7, № 343, 24. VIII. 1857 г. См.: М. Стоянов. Българска възрожденска книжнина, т. I. София, 1957, с. 320.

⁷⁸ П. . ва. Струва ли. . . , с. 228.

⁷⁹ Български книжици, год. II, 1859, с. 1, с. 227.

⁸⁰ См. его „Кратко извинение на безименният сочинител на критиката против Буквеницата. — Български книжици, год. II, 1859, ч. 2, с. 314—318. Это обвинение редакция журнала „Български книжици“, нашла неосновательным. (Там же, с. 314.)

вынужден вновь говорить о „Грамматике“. Здесь Т. Стоянов-Бурмов вновь указывает, что книга Сичан-Николова не полезна для школ, и добавляет, что она достойна только сожжения. Он писал: „Она („Грамматика“. — Г. В.) предназначена для того, чтобы показать всем, что тот, кто много о себе думает и принимается за дело, для которого у него нет сил и способностей, вместо выполнения предпринятого дела оказывается посрамленным („приема посрамление“), и что книги, имеющие горькие и дикие плоды, годятся только для костра („огън“), как и деревья того же рода. Например, бук, не дающий хороших плодов, сжигают и используют в качестве (строительного) материала для зданий; „Буквеница“, имеющая родство с ним (т. е. с буком. ⁸¹—Г. В.). . . вся, очевидно, останется только для сжигания и других подобных нужд, за исключением нескольких экземпляров, которые будут храниться в библиотеках как вечный поучительный урок“⁸². В новой заметке Т. Стоянов-Бурмов объясняет, что свой первый отзыв о „Грамматике“ он не подписал своей фамилией не из боязни, что будет задета его честь (как полагает Х. Сичан-Николов), а потому, чтобы Х. Сичан-Николов „был более свободен от злобы и ненависти“ и мог, таким образом, глубже вникнуть в свои ошибки и осознать их.⁸³

Приведенный эпизод из истории критики грамматических трудов в Болгарии показателен не столько спором по существу отдельных вопросов, касавшихся нормализации современного литературного языка (объектом критики было пособие по грамматике церковнославянского, а не современного болгарского языка), сколько характером критики, направленной к полной дискредитации автора и его труда посредством обвинений в некомпетентности и неспособности автора разобраться в предмете своего труда. Хотя резко отрицательная оценка Т. Стояновым-Бурмовым „Грамматики“ Х. Сичан-Николова имела серьезные основания, однако тон и характер ее были чрезмерно суровы.⁸⁴ Нельзя сказать, что эта книга и в то время при всех ее недостатках была не только совершенно бесполезной, но и вредной, достойной лишь осмеяния и сожжения.

⁸¹ Здесь Т. Стоянов-Бурмов обыгрывает звуковое совпадение названия дерева *бук* и начало второго названия грамматики Х. Сичан-Николова — „*Буквеница*“.

⁸² Т. Стоянов-Бурмов. Отговор на извинението г-н Хр. Сичан-Николов за критика. — Български книжици, год. II, 1859, ч. 2, с. 393—394.

⁸³ Там же, с. 401.

⁸⁴ Ср. с этим гораздо более сдержанный и деликатный отзыв Г. Крыстевича на эту же книгу в „Български книжици“, год. II, 1859, ч. 1, с. 41—44 (в разделе „Книжевний дневник“).

Подобного рода критика адресовалась и другим грамматистам и писателям, сыгравшим в сравнении с Х. Сичан-Николовым несомненно гораздо более важную роль и в становлении литературного языка и в общем культурном развитии Болгарии в эпоху возрождения. Особенно резкой критике и насмешкам подвергались язык и произведения И. Богорова, Й. Груева, Г. Раковского и др., которым не раз приходилось в этой связи слышать обвинения в непатриотичности, в забвении общественного долга и в преследовании чисто личных интересов и других неблаговидных делах. Чтобы не быть голословным и для более полного представления о характере некоторых критических выступлений, имеющих отношение к теме настоящей работы, приведем еще несколько примеров.

Особенно острой и односторонней критике подвергались грамматика и язык произведений Й. Богорова главным образом со стороны тех, кто был против утверждения народного языка области Стара-Планины в правах литературного, и тех, кто выступал против пуристических тенденций Богорова и связанного с ними широкого словотворчества. Уже в самом начале 50-х годов Н. Геров писал, что Й. Богоров возомнил себя „грамматическим Наполеоном“, хотя он совершенно не понимает грамматики и не знает болгарского языка.⁸⁵ По его мнению, грамматика И. Богорова представляют собой неполный и неточный перевод „Русской грамматики“ Н. Греча и в эту-то рвань („дрипел“) „грамматический Наполеон“ хочет одеть болгарский язык.⁸⁶

В таком же духе выступил и некто Драгойский (1851), который характеризовал язык И. Богорова как „гнусавый и смешной“ („гнуснав и смехлив“), который И. Богоров слышал от „некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков“, говорящих на том же „просто-старо-бабо-влахо-въртинаро-цигано-болгаро-никаквий“ языке, на каком и издает И. Богоров свои книги.⁸⁷ Чтобы дети смогли читать его книги, у них нужно клещами вырвать зубы или они вообще должны родиться без зубов. Драгойский советует И. Богорову оставить в покое бумагу, не марать ее своими языковыми упражнениями, чтобы впредь ее не постигла такая же участь, какая постигла уже

⁸⁵ См. его заметку без заглавия, подписанную „Млъчан“, в газете Цариградски вестник, год. В, № 53, 22. IX. 1851 г.

⁸⁶ См. его заметку „За г. Андреевата География“ — Цариградски вестник, год. В, № 59, 3. XI. 1851.

⁸⁷ См. его заметку без заглавия в Цариградски вестник, год. В, № 58, 27. X. 1851.

изданные Богоровым книги, — служить оберточной бумагой для продажи черного перца.⁸⁸

Критика языка произведений И. Богорова и особенно его пуристических проявлений, с годами все более усиливавшихся, продолжалась и позже. В конце пятидесятых годов суровую характеристику сочинений И. Богорова, в частности двух его статей, опубликованных в журнале „Български книжици“ (1858), дал уже упоминавшийся выше „доброжелатель литературы“. По его мнению, „богоровский язык“ представляет собой „совершенное удаление от свойств нашего народного языка в расположении слов и непростительные нововведения“, в нем торжествуют „старые и заржавелые слова“ и составленные кое-как („криво-ляво“) новые имена. Этот язык якобы показывает, что И. Богоров „не хочет или не умеет — что одно и то же — употреблять каждое слово в соответствии с его значением“ или — и это, по мнению критика, скорее — что Богоров стремится продемонстрировать свое словарное богатство и блеснуть новообразованиями („с новиши“), не задумываясь над тем, как и где их лучше употребить. Одним словом, переправляя и переделывая язык, И. Богоров достиг того, что он стал писать на непонятном болгарам языке. „Доброжелатель литературы“ счел нужным даже связать „преобразование языка“ И. Богорова с изменением им фамилии, которой он подписывал свои сочинения, — сначала Богоев, позже Андреев и, наконец, Богоров, в связи с чем критик устанавливает и три типа его языка — богоевский, андреевский и богоровский.⁸⁹ „Доброжелатель литературы“ указывал, что редактор журнала „Български книжици“ (которым был в то время И. Богоров) должен иметь основательные знания, особенно в филологии, должен иметь вкус, чтобы стоять на страже изящного, он должен „исполнять священный долг — защищать родной („отечественни“) язык от разрушительного направления, а не ломать („кълчеви“) его, как ему вздумается, и разрушать его свойства“⁹⁰. Из этого следовало, что И. Богоров не обладает нужными знаниями и качествами. „Тяжело говорить, — заключал „доброжелатель“, — что редактор (журнала „Български книжици“) больше заботится о своих предрасудках в области языка, а не об общественной пользе.“⁹¹

„Доброжелатель литературы“, правда, просил не обижаться И. Богорова за подшучивание, высмеивание его языка и фами-

⁸⁸ См. его заметку без заглавия в Цариградски вестник, год. V., № 58, 27. X. 1851.

⁸⁹ См. заметку „Литературни бележки“. — Цариградски вестник, год. 9, № 413, 10. I. 1859.

⁹⁰ Там же, № 416, 31. I. 1859.

⁹¹ Там же.

лии („що му подметнахме и името и езика“). „Мы сделали это, — пишет он, — не для того, чтобы унижить его перед читателями“, а руководствуясь тем, что речь идет об „очень важном предмете“. Ввиду большой важности этого предмета критик и решился публично высказать свои „несколько слов против его (т. е. Богорова. — Г. В.) убеждений“⁹². У него, однако, как видим, не хватило смелости и решимости выступить со столь серьезными претензиями к языку И. Богорова открыто, под собственным именем.

Очень резко о брошюрах И. Богорова „Упътване за българский язык“ (1869) и „Второ упътване за българский език“ (1870) отозвался Д. Енчев (1870).⁹³

Не меньше обвинений и упреков услышал в свой адрес и другой грамматист середины прошлого века — Й. Груев. Сошлемся здесь лишь не мнение некоего В. Колибарского, который в заметке, написанной в связи с выходом в свет книги Й. Груева „Основа за българска граматика“ (Белград, 1858), не сказал ни одного доброго слова о грамматике и языке других книг заслуженного деятеля болгарского Возрождения. Для В. Колибарского Й. Груев — это „наш на всю Болгарию феномен и самохвал“ („самохвалник“), мнящий о себе, что он — „первый болгарский автор, основатель грамматики, нормализатор („наредител“), переводчик“⁹⁴. О самой „Грамматике“ Й. Груева он говорил, что это грамматика „клинковско-болгарского языка“ с совершенно произвольным правописанием. Все переводы и другие издания Й. Груева якобы полны непонятных выражений и перегружены, как телеги, ошибками. Причину этого критик видит в самомнении Й. Груева, который спешит скорее издавать свои переводы и руководства, не догадываясь о том, что пословица „быстрая сука рождает слепых (щенят)“ может относиться и характеризовать его собственные издания.⁹⁵ Однако вершиной этой разносной, безосновательной, лишенной к тому же и элементарного приличия критики является полное отрицание. В. Колибарским какого бы то ни было общественного значения деятельности Й. Груева, преследовавшего якобы только цели личного обогащения.⁹⁶

⁹² См. заметку „Литературни бележки“. — Цариградски вестник, год. 9, № 413, 10. I. 1859.

⁹³ Д. Енчев. Една небутана стърна. — Право, год. IV, № 15, 8. VI. 1870.

⁹⁴ См. заметку без заглавия В. Колибарского в Цариградски вестник, год. 9, № 422, 14. III. 1859 г.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

Мы не касались здесь собственно лингвистического содержания приведенных и других критических выступлений и показали лишь чисто внешнюю сторону части критики, отличавшейся грубостью тона, необоснованностью суждений и неуважением к авторам и их труду. Из приведенных примеров (а их число можно легко умножить) видно, как встречались в болгарской печати опыты грамматической обработки литературного языка и язык отдельных произведений, в какой обстановке возможного публичного осмеяния и всевозможных обвинений приходилось выступать тем, кто в меру своих сил и знаний, желания и возможностей способствовал созданию и совершенствованию единого литературного языка. Призыву к сдержанности и беспристрастности в оценке чужих мнений внимали далеко не все авторы критических выступлений.

В такой обстановке не всем хотелось вновь выступать в защиту собственного мнения или с критикой оппонентов, чтобы не навлечь на себя новые нападки и насмешки. Авторы грамматик и других сочинений, естественно, не были в восторге от грубой критики в их адрес. Некоторые из них обижались на своих критиков и не всегда вступали с ними в открытый спор, особенно в тех случаях, когда вместо серьезного и объективного разбора их трудов они подвергались неза заслуженным нападкам, насмешкам и т. д. Их молчание, в свою очередь, вызывало недовольство у части читателей, расценивавших его как неуважение к заинтересованной в соответствующем решении языковых вопросов части общества. П. Иванов, например, писал (1872), что болгарские грамматисты до сих пор нервозно встречали упоминание их ошибок, что они, сохраняя молчание или проявляя „напыщенное презрение“ („с един вид надуто презрение“), хотят остаться при „своём мнимом грамматическом авторитете“⁹⁷. Огульное обвинение П. Ивановым всех грамматистов в неуважительном отношении их к читателям и в чрезмерном самомнении было далеко от истины. Его мнение, однако, очень показательное в том, что хорошо отражает отношение части тогдашней болгарской интеллигенции, выступавшей в роли критика трудов по вопросам языка, к авторам грамматик — одним из основных кодификаторов норм литературного языка.

Боязнь несправедливых обвинений и упреков, однако, оставалась не всех. Она не смущала тех, кто честно стремился внести свой вклад в общенациональное дело — создание единого

⁹⁷ П. И в а н о в. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, № 34, 30. V. 1872.

литературного языка. В этом отношении показательно мнение Н. Пырванова, который писал (1868), что публикует свои критические замечания на „Граматику новоболгарского языка“ И. Момчилова, заранее зная, что они вызовут много крика и возможные „бесмысленные нападки“ („несмислените нападения“).⁹⁸

Разумеется, кроме отрицательной критики и критики, граничащей с бранью, в печати публиковалось и немало доброжелательных откликов, по достоинству оценивавших большое значение грамматик, одобрявших язык отдельных произведений писателей и т. д. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

О „Първичка българска граматика“ И. Богорова, значение которой полностью отвергали Н. Геров, Драгойский и др., В. Априлов (1847) писал, что она предпочтительнее других и была бы еще лучше, если бы автор ее не заменил некоторые грамматические термины. Последнее, однако, не имеет „никакого существенного неудобства“⁹⁹. Большое значение „Основы болгарской грамматики“ Й. Груева в школьном преподавании и в литературе признавал Н. Пырванов (1870). Несмотря на несогласие по ряду вопросов грамматики и с принятой Й. Груевым орфографией, он признавал, что эта грамматика „играет важную роль“, а вышедшие к 1870 г. 4 ее издания свидетельствуют о ее авторитете в школе.¹⁰⁰

Столь же высокое признание и оценку получили грамматика и статьи по вопросам языка других авторов, игравших видную роль в нормализации литературного языка. Чувство благодарности и глубокой признательности автору первой болгарской грамматики — Неофиту Рильскому — выражал, например, Г. Миркович (1859). Он писал, что грамматика Неофита Рильского — это „первый труд, хотя и недостаточный, но достойный большой похвалы как начало, которое всегда трудно и за которое мы всегда должны быть ему признательны“¹⁰¹. О „Грамматике новоболгарского языка“ И. Момчилова (1868) Н. Пырванов писал, что, несмотря на отмеченные им недостатки, это „предшественница („предходница“) нашей совершенной грамматики“, что в ней изложены теоретические основы („основност“) грамматики болгар-

⁹⁸ Н. Пырванов. Бележки върху Граматиката на новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 5—6.

⁹⁹ М. Априлов. Мисли. . . с. 35.

¹⁰⁰ Н. Пырванов. (Рец. на кн.:) Основа за българска граматика от Г. Груева, четвърто издание, 1869. — Македония, год. IV, № 61, 25. VI. 1870.

¹⁰¹ В. Миркович. Кратко изложение за наредбата на глаголитн в новобългарският язык. Български книжици, год. II, 1859, ч. 3, с. 583.

ского языка.¹⁰² Он указывал также, что И. Момчилову „впервые выпала честь показать нам грамматику, написанную по системе, столь нужной для любого, особенно учебного дела“¹⁰³.

Перечень подобных отзывов о многих грамматических трудах и языке других изданий можно было бы легко продолжить. Эти отзывы показывают, что в полемических схватках на страницах печатных изданий звучали и голоса тех, кто давал дельную некрикливую и справедливую оценку роли и места отдельных грамматистов, писателей и др. книжников и их трудов. В целом, однако, складывается впечатление, что последние гораздо чаще были объектом отрицательной — часто голословной и совершенно незаслуженной — критики, нежели предметом серьезного анализа, одобряющей похвалы и признательности. Видимо, прав был Д. Войников (1860), сетовавший на постоянную и, главным образом, только отрицательную критику языка болгарских книг. Он писал, что „нет ни одного переводчика или сочинителя книг на болгарском языке, который бы заслужил от наших ученых столько же похвалы, сколько (он заслужил) укоров“¹⁰⁴.

Критике чужих взглядов на литературный язык, его грамматику и пр., а также критике практической языковой деятельности писателей отводилось, как видно из сказанного, существенное место в нормализации литературного языка.

Несмотря на серьезные недостатки, присущие ей, точнее некоторой ее части (необъективность оценки, грубый характер, голословность суждений и др.), критика в целом и на деле сыграла важную роль. Значение ее в том, что она, во-первых подчеркивала первостепенную важность нормализации языка как общенациональной задачи, решению которой обязан способствовать каждый образованный и патриотически настроенный болгарин; во-вторых, она, несомненно, оказывала положительную роль в уяснении целого ряда вопросов нормализации литературного языка, в утверждении ее принципов; в-третьих, критика формировала определенное отношение у широкого круга читателей к языку отдельных писателей, к грамматикам и др., побуждала в них интерес к вопросам языка и пробуждала их к воздействию на процесс складывания норм литературного языка, к посильному участию в его совершенствовании.

¹⁰² Н. П р ъ в а н о в. Бележки върх Грамматиката за новобългарския език, с. 18.

¹⁰³ Н. П р ъ в а н о в. [Рец. на кн.]: Грамматика за новобългарския език от Ив. Н. М о м ч и л о в. — Македония, год. II, № 24, II. V. 1868.

¹⁰⁴ См. письмо Д. Попова (= Д. Войникова) в редакцию журнала Български книжици, год. III, 1860, ч. 2, с. 31.

*О выборе диалектной базы
формировавшегося литературного языка*

Относительно диалектной базы формировавшегося в эпоху возрождения литературного языка книжниками того времени было высказано много соображений и предложений. В обсуждении этой проблемы приняло участие большое число учителей, грамматистов, издателей и др. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что решению вопроса о диалектной базе формировавшегося литературного языка деятели Возрождения придавали исключительно большое значение. Они понимали, что от конкретного решения этого вопроса зависит не только утверждение того или иного облика общеполгарского литературного языка (особенности его грамматики, звукового строя и др.), но и дальнейшее развитие образования, литературы, других областей формировавшейся национальной культуры на всей болгароязычной территории.

Многие деятели Возрождения отдавали себе ясный отчет и в том, что выбор конкретной диалектной базы литературного языка тесно связан и с общей задачей национального сплочения и единения всех болгар.

На исключительно важную роль выбора диалектной базы болгарского литературного языка указывал уже Ю. Венелин. „Если народу пришла пора приниматься за грамоту, — писал он (1838), — если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть весьма осторожны и разборчивы в этом выборе.“¹¹⁶ Ю. Венелин считал, что выбор всеми книжниками какого-либо одного диалекта в качестве литературного языка — крайне маловероятное дело, которое может быть приписано „счастливому случаю“. Если же такой случай не представился и если появились грамматики разных наречий и книги на этих наречиях, то никто из сочинителей книг „не имеет права свой жаргон навязывать другому“¹¹⁷. Возникшие между сочинителями разногласия должны решаться не ими самими, а, как пишет Венелин, „судом высшей филологии“¹¹⁸. Венелин в общем предугадал, как будет ставиться и разрешаться болгарскими книжниками вопрос о вы-

¹¹⁶ Ю. Венелин. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 37.

¹¹⁷ Там же, с. 37.

¹¹⁸ Там же. — Эти положения Венелина спустя почти полтора десятилетия дословно повторил Н. П а л а у з о в (Няколко мисли за българското правописание. — Цариградски вестник, год. V, № 81, 12. IV. 1852).

боре диалектной основы литературного языка. У них не оказалось того „счастливого случая“, который помог бы им с самого начала развития литературного языка утвердить в качестве его основы определенное наречие. Они (точнее — те из них, кто считал необходимым строить современный литературный язык на базе живой, народной речи) писали сначала, ориентируясь каждый на свое наречие, или, что в общем то же самое, подвергали литературной обработке свое наречие. Это естественно породило острые споры по вопросу о том, какое именно наречие и почему следует предпочесть при формировании единого для всех болгар литературного языка и допустимо ли вообще строить последний на базе одного наречия. „За“ и „против“ того или иного наречия или синтеза особенностей разных наречий высказывалось много книжников. Споры между ними, однако, были разрешены не „судом высшей филологии“, как предполагал Венелин, т. е. не в результате признания всеми разработанного учеными-филологами пути устройства литературного языка, а самим ходом развития языка в разных общественных сферах его приложения в середине XIX в.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных вопросов, которые ставились и решались деятелями Возрождения в рамках обсуждения широкой проблемы диалектной базы литературного языка.

Сложность решения проблемы диалектной базы определялась тем, что болгарский язык на территории своего распространения имеет значительные местные различия, отличается большой диалектной дробностью. Эта особенность болгарского языка была в общих чертах хорошо известна книжникам эпохи возрождения, хотя их конкретные знания местных различий и диалектного членения языка были, по понятным причинам, ограничены, неполны и часто случайны. Рассмотрим сначала кратко, что говорили они о диалектном разнообразии своего языка.

Уже Неофит Рильский, автор первой болгарской грамматики (1835), привел большое количество фонетических, грамматических, акцентных и лексических различий, какого, по его мнению, не имеют другие языки.¹¹⁹ Он, правда, не связывал их распространение с определенной территорией. Впоследствии о больших различиях в языке писали многие. Так, Партений Зографский (1857) отмечал, что болгарский язык имеет „много местных наречий или говоров“, что почти в каждой епархии имеется „свой говор“¹²⁰. Несколько раньше один корреспондент „Цариградского вестника“ писал (1851), что различается не только язык жи-

¹¹⁹ Н. Р и л с к и. Болгарска граматика, с. 10.

¹²⁰ См. его статью без заглавия в газете Цариградски вестник, год. 7, № 315, 9. II. 1857.

телей Скопле и Тырнова, разделенных значительным расстоянием, но и язык тырновцев и их соседей загорцев имеет заметные различия.¹²¹ Некто Т. Р. указывал (1862), что „язык на востоке Болгарии — не тот же язык, который употребляется на западе, так же как и язык, на котором говорят в придунайских областях, не тот же самый язык, который господствует в южных краях“¹²².

Отмечалось также, что различается язык не только больших и территориально удаленных областей, но что даже в языке отдельных городов и сел наблюдаются те или иные различия. Газета „Цариградский вестник“ в одной из редакционных заметок, например, писала (1853), что почти в каждом болгарском городе и селе говорят по-разному.¹²³ Такого же мнения был и Петко Славейков. Указав на целый ряд фонетических особенностей восточных говоров, он писал (1859), что говоры отдельных сел и городов характеризуются многими различиями. П. Славейков подчеркивал также, что даже язык отдельно взятого населенного пункта дает много примеров сосуществования разных особенностей. В тырновском крае („Тырновия), по его мнению, вообще царит полная неразбериха, смешение разных особенностей („най-голяма бабилонщина“). В самом Тырнове можно услышать различное произношение одних и тех же слов, грамматических форм и др.¹²⁴ Подобную мысль высказывал и И. Богоров. Он писал (1869): „Вообще признано, что болгары повсюду говорят на одном языке, они повсюду различают, что такое *приносъ* и что такое *прѣносъ*, но часто человек находит какую-нибудь небольшую разницу в языке соседних говоров и сел; даже в языке одного и того же села, нижней и верхней его частей, имеются некоторые различия“¹²⁵.

В связи с таким состоянием болгарского языка неоднократно высказывалось мнение, что существующие в языке различия создают некоторые и даже существенные затруднения во взаимном общении и понимании. И. Добровский (1850), например, отмечал, что болгары разных областей употребляют в своей речи слова, даже не турецкие или другие иноязычные, а собственно болгарские, которые жители других областей не могут легко по-

¹²¹ А. Н п. Т. Болгарски. — Цариградски вестник, год. 13, № 55, 6. V. 1851.

¹²² Цариградски вестник, год. 13, № 36, 1. IX. 1862.

¹²³ От редакцията. — Цариградски вестник, год. 4, № 148, 21. XI. 1853; № 149, 28. XI. 1853.

¹²⁴ П. С л а в е й к о в. Няколко думи за събиращието и за езика на притичи. — Български книжици, год. 1, ч. 2, 1859, с. 249.

¹²⁵ И. Б о г о р о в. Улътване за българският язык. Виена, 1869, с. 7.

нять. Поэтому у населения данной области складывается впечатление, что жители другой области говорят не на чистом, а на испорченном болгарском языке.¹²⁶ Особенно часто указывалось на затруднительное понимание болгарами Македонии языка жителей Северо-Восточной Болгарии и наоборот. Так, газета „Право“ (1869) отмечала, что македонские болгары понимают наречие придунайских болгар, а придунайские болгары понимают наречие македонское хуже, чем те и другие понимают церковнославянский.¹²⁷

Приведенные и другие подобные суждения о многочисленных различиях языка соседних областей, городов и сел, как и о существовании разных особенностей в языке даже одного города или села, отражали действительное состояние болгарского языка на территории его распространения. И если в отдельных случаях книжники прошлого столетия и преувеличивали глубину различий между говорами отдельных сел и городов или между наречиями обширных областей, как и степень затруднений понимания — ввиду этих различий — при взаимном общении жителей разных мест, все же следует признать, что в целом представление книжников эпохи возрождения о своем языке как о языке со множеством местных различий в фонетике, грамматике и лексике было обосновано. Но именно такое состояние языка и явилось объективной причиной сложности выбора диалектной основы литературного языка.

Констатируя существование различий в языке болгар разных областей, многие книжники эпохи возрождения указывали и основные (главные) диалекты, или наречия, как тогда обычно писали.

Первоначально ими было высказано мнение о делении болгарского языка на два основных наречия. Впервые это сделал Хр. Сичан-Николов (Костович) в 1845 г., разделивший болгароязычную территорию на две части — восточную и западную — и указавший целый ряд языковых различий между ними.¹²⁸ Правда, он еще не называет наречия этих частей восточным и западным, но по существу установленное им двуделение болгароязычной территории принято и в современной диалектологии. Позже о двух основных наречиях говорили и другие книжники, называя их по-разному. Так, два наречия выделял П. Зографский (1857): верхнеболгарское („горно-болгарско“), на котором гово-

¹²⁶ Мирозрение, I, 1850, с. 48.

¹²⁷ Право, год. IV, № 24, 9. VIII. 1869.

¹²⁸ Х р . С и ч а н - Н и к о л о в . Болгарска аритметика. Букуреш, 1845, с. V—VI.

рят в Болгарии (т. е. нынешней Северной Болгарии), Фракии и в некоторых местах Македонии, и нижнеболгарское („долно-болгарско“), на котором говорят „в Македонии вообще или в старой Болгарии“¹²⁹. Каждое из этих двух наречий имеет свои поднаречия. В другой статье (1858) П. Зографский нижнеболгарское наречие называет македонским, а верхнеболгарское наречие оставляет без локального определения, называя его, в отличие от македонского, просто „другим наречием“¹³⁰. В 60—70-е годы о двух главных наречиях писали В. Стоянов, П. Оджак и др. В. Стоянов называл их в одном случае (1865) восточным и западным, или македонским,¹³¹ в другом (1872) — восточным и только западным,¹³² а П. Оджак (1866) — болгарским и македонским.¹³³

Ряд книжников выделял три главных наречия. По-видимому, три наречия имел в виду А. Гранитский (1859), когда говорил о балканском наречии, на котором говорят и пишут „балканские болгары“, т. е. болгары, живущие в области Балканских гор, и о других болгарских наречиях — наречии „македонских болгар“ и наречии „болгар в окрестностях Пловдива и в этом городе“, т. е. надо полагать, о македонском и фракийском.¹³⁴ Х. Данов (1869) в качестве главных наречий указывал мизийское, фракийское и македонское.¹³⁵ Эти же наречия называл и К. Шапкарев (1870),¹³⁶ и Л. Каравелов (1872), который вместо мизийского называл дунайское и отмечал также, что кроме этих основных существуют и более мелкие местные наречия — карловское, сопотское, копривщенское и др.¹³⁷

Иначе производил диалектное членение Й. Ковачов (1875). По его мнению, „главными наречиями“ являются северо-восточное (или балканское), южно-болгарское (или македонское) и среднеболгарское (или шопское).¹³⁸ Он, таким образом, не выделяет

¹²⁹ См. Цариградски вестник, год. 7, № 315, 9. II. 1857.

¹³⁰ П. Зографский. Мисли. . . с. 35.

¹³¹ См. его письмо из Праги от 9/19 августа 1865 г., опубликованное в газете Вѣсток, год. I, № 15, 31. VIII. 1865.

¹³² В. Стоянов. Стойко Владиславов Софроний. — Периодическо списание, год. I, кн. 5—6, 1872, с. 50, сноски.

¹³³ П. Оджак и др. Начални познания от география. Вена, 1866, с. 28.

¹³⁴ А. Гранитский. Разговори французско-български и правила за произношението на французските букви. Букурещ, 1859, с. 44—47.

¹³⁵ См. Летоструй, год. I, 1869, оборот л. I, См. также заметку „Мнение за българското правописание“ в Македония, год. III, № 10, 1. II. 1869.

¹³⁶ К. А. П. Ш [Шапкарев]. Языкословие. — Македония, год. IV, № 63, 3. VII. 1870.

¹³⁷ См. его заметку „Книжевни известия“ в газете Свобода, год. III, № 14, 30. IX. 1872.

¹³⁸ И. Ковачов. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от опсиката на „Български буквар“ в Напредък. — Ден, год. I, № 16, 26. V. 1875, с. 5.

в качестве главного фракийское наречие, которое он, по-видимому, „делит“ между северным (балканским) и южным (македонским) наречиями, но зато в ранг главных возводит шопское наречие. Это наречие, по его мнению, занимает промежуточное положение между двумя другими.

В начале 70-х годов ряд авторов говорил о четырех главных наречиях. Некто Бичов (1871) указывал такие наречия: фракийское (пловдивское или копривштенское), старопланинское, македонское и родопское.¹³⁹ Иной состав четырех главных наречий называл П. Иванов (1871): балканское, фракийское, македонское и шопское.¹⁴⁰

Таковы в общих чертах суждения книжников эпохи возрождения о характере местных различий и об основных наречиях болгарского языка.

Следует отметить, что, говоря о наличии множества местных различий языка и его наречиях, болгарские книжники неизменно подчеркивали его единство в целом. Вот что писал, например, И. Добровский (1850) о многообразии местных различий и единстве языка болгар, населяющих разные области Балканского полуострова. „Если какой-нибудь болгарин из центра Болгарии, например, из Софии, услышит как говорят дунайские болгары, болгары Черноморского и Эгейского побережья, например, солунские, а затем услышит других болгар из пределов нынешнего греческого государства. . . , а затем, если услышит как говорят болгары из Албании, то он увидит, что все эти болгары говорят по-болгарски и они могут понимать друг друга. Но он заметит в то же время, что каждый из них имеет в своей речи некоторые различающиеся слова, правда, не турецкого и не другого какого-либо языка, а болгарские слова, которые он легко не сможет понять. Он скажет тогда, как у нас в таком случае обычно говорят о тех болгарях, которые не понимают очень легко, что они говорят на испорченном болгарском языке.“¹⁴¹ Эту же мысль о единстве болгарского языка, выступающего в диалектном многообразии, очень хорошо выразил и Райко Жинзифов (1863). Он писал: „Мы считаем болгарским языком тот язык, на котором говорят во всей Македонии, Фракии и Болгарии и среди говоров которого имеется больше или меньше различий“¹⁴². Он считал, что нель-

¹³⁹ Б и ч о в. Язикословни разисквания. — Македония, год. V, № 22, I. VI. 1871.

¹⁴⁰ П. И в а н о в. Язикословни размисления. — Македония, год. V, № 38, 20. IX. 1871.

¹⁴¹ Мирозрение, I, 1850, с. 48.

¹⁴² Новобългарска сбирка. М., 1863, с. 15.

зя говорить о словах македонских и фракийских (например, *вода, рѣка*) и о словах болгарских (например, *водá, рѣкá*), потому что „нет македонцев, нет фракийцев как отдельных народов, а есть только славяноболгары, которые живут в указанных местах и имена которых, возможно, имеют право на упоминание в географии, но не как обозначение народности. Короче говоря, есть один неделимый народ болгарский и один язык болгарский, который, как и любой другой язык, распадается на наречия“¹⁴³.

Представление книжников эпохи Возрождения о болгарском языке как о едином целом, выступающем в многообразии местных разновидностей, и о единстве народа как носителя этого языка имело огромное значение во всей их деятельности, направленной на создание единого литературного языка.

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии уже выработанных и общепризнанных традиций норм вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка, был одним из главных, вставших перед книжниками эпохи Возрождения. Следует ли этот язык строить на основе одного какого-либо наречия или же для этого необходимо использовать богатство разных наречий или даже всего народного языка — вот как стоял вопрос. Каждый из книжников — сознательно или бессознательно — должен был этот вопрос решать прежде всего для себя, приступая к переводу или сочинению собственных книг, статей и т. д. Но многие из них выступали с объяснением собственных и (или) критикой чужих взглядов по этому вопросу, что и оставило обширную литературу по этому вопросу.

Часть книжников полагала, что литературный язык должен строиться и развиваться на основе одного, конкретного наречия. Сторонников такого пути устройства литературного языка было много. Пожалуй, можно утверждать, что большинство авторов эпохи Возрождения опиралось в общем на одно наречие, подвергая его большей или меньшей литературной обработке. Однако далеко не все они выступали с доказательствами и объяснением такого подхода, хотя выбор ими конкретного наречия определялся просто: они писали или литературно обрабатывали свое родное наречие. Даже авторы популярных в середине XIX в. грамматик болгарского языка — Й. Груев, Г. Миркович, И. Момчилов и др. — не говорили о необходимости предпочтения всеми болгарями того наречия, которое легло в основу утверждаемых ими правил литературного языка.

¹⁴³ Новобългарска сбирка. М., 1863, с. 15.

Отсутствие соответствующего обоснования выбора того или иного наречия иногда ставилось даже в вину авторам книг и грамматик. Так, Т. Стоянов-Бурмов (1860) упрекал Г. Мирковича за то, что тот в своей грамматике,¹⁴⁴ написанной на господствующем в письменности восточноболгарском наречии, не объяснил, почему он предпочитает именно это наречие и оставляет в стороне другие. По мнению критика, доводами в пользу данного наречия (а возможно и только балканского) могло бы служить то, что, во-первых, это наречие „более распространено, более употребительно среди болгар“, а, во-вторых, оно представляет собой „прямого потомка („една права линия чедо“) древнеболгарского языка, сохранившегося в памятниках“¹⁴⁵, т. е. что это наречие, надо полагать, ближе остальных к древнему языку болгар. Он подчеркивает, что такое обоснование необходимо было привести для того, чтобы „его (Мирковича, — Г. В.) грамматика приняла характер всеобщей для всех болгар, а ее наречие представлялось бы действительно достойным предпочтения. Это помогло бы и устранению притязаний тех болгар, которые не считают его общим, и придало бы ему больше веса“¹⁴⁶.

Но были и такие книжники, которые считали нужным привести необходимые с их точки зрения аргументы в пользу однодиалектной основы. Так, С. Радулов (1853) указывал, что в основе любого литературного („письменного“) языка обязательно лежит отдельное наречие, а не „наречие всего государства“, например, в основе русского литературного языка — московское наречие, в основе французского — парижское. Так же обстояло дело и с древнеболгарским письменным языком, в основе которого, по Радулову, лежало наречие столицы древней Болгарии и близлежащих областей по обе стороны центральной части Балкан. Так же, т. е. на основе одного наречия, должен быть построен, по его мнению, и современный болгарский литературный язык, в основу которого болгарам, по примеру их предков, лучше всего следовало бы положить „наречие, наиболее согласное с древнеболгарским“¹⁴⁷.

Гораздо больше было таких книжников, которые не ставили в общем плане вопроса об устройстве литературного языка на базе одного наречия, но, предлагая в качестве таковой конкрет-

¹⁴⁴ Имеется в виду: Кратка и методическа българска граматика от Д. Г. Миркович. Цариград — Галата, 1860.

¹⁴⁵ За българската граматика на Г. Мирковича. — Български книжици, 1860, ч. II, с. 224.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ С. Радулов. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, с. III.

ное наречие ввиду тех или иных его преимуществ, фактически этим и доказывали свою приверженность такому пути создания языка. Подробнее конкретные предложения книжников по этому вопросу см. ниже.

Трудность выбора конкретного наречия в качестве основы общего литературного языка на практике заключалась прежде всего в том, что разные книжники избирали разные наречия (как правило, каждый свое, родное), доказывая, что именно основанный на предлагаемом ими наречии литературный язык будет одинаково понятен для болгар разных областей. Эту трудность понимали и сами книжники. Известный издатель Хр. Данов писал (1869): „Есть люди, которые хотят, чтобы их наречие было принято за основу нашего письменного языка; другие же хотят, чтобы писали так, как говорит народ (т. е. без строгой единой нормы, — Г. В.). Но чье наречие нужно принять сначала и как нужно писать, чтобы народ мог понимать этот язык?“¹⁴⁸ Указав на три главные болгарские наречия — мизийское, фракийское и македонское, Хр. Данов спрашивал: какое из этих трех наречий должно быть положено в основу литературного языка, если сторонники каждого из них настаивают на своем.¹⁴⁹

Конкретные предложения отдельных книжников строить литературный язык на основе того или иного наречия наталкивались, как правило, на резкое возражение других. При этом — и это следует особо подчеркнуть, — возражая против предложений своих современников, они исходили не с позиций сторонника некоего общеболгарского наддиалектного или междиалектного койне (такого в то время не было), а с позиций приверженца тоже конкретной, но иной диалектной базы литературного языка. Иными словами, взамен неугодной, неприемлемой для одних диалектной основы предлагалась другая конкретная диалектная база, которая в свою очередь по тем же причинам отвергалась другими книжниками.

О том, насколько сильны и непримиримы были противоречия по вопросу о конкретной диалектной базе, свидетельствуют сами высказывания многих деятелей тех десятилетий. В качестве иллюстрации приведем мнение Хр. Данова. В конце 60-х годов, когда, казалось, вопрос о диалектной базе уже был решен самим ходом развития школьного дела, литературы, журналистики и под., он еще писал, что приверженцы мизийской основы языка (т. е. сторонники так называемой тырновской школы) рассматри-

¹⁴⁸ Летоструй, год. I, 1869, оборот л. 1; Македония, год. III, № 10, I. II. 1869.

¹⁴⁹ Там же.

вают книги на фракийском наречии как отраву для детей, а приверженцы фракийской основы языка (т. е. представители пловдивской школы) такой же отравой считают книги, изданные на мизийском наречии.¹⁵⁰

В качестве основного аргумента против нормализации языка на основе одного диалекта или (что в сущности почти одно и то же) установления данного диалекта в качестве общего и единого литературного языка выдвигалось положение, что такой язык не будет понятен для всех болгар. Общепонятность же литературного языка рассматривалась как совершенно необходимая черта, без которой он не может претендовать на право быть „общим“, т. е. всенародным или, как сейчас мы бы сказали, национальным. Материалы эпохи Возрождения дают этому много свидетельств. Сошлемся на мнение нескольких видных деятелей.

Г. Раковский в одной из статей подчеркивал (1860), что литературный язык должен быть „понятен всем болгарам“ и что поэтому при его создании нельзя „ограничиться одним только местным наречием“¹⁵¹. Он ссылается и на опыт европейских народов (немцев, итальянцев, французов), который говорит, по его мнению, о нецелесообразности устройства литературного языка, как общепонятного по своему назначению, на базе одного наречия. „Было бы совсем неправильно, чтобы мы, болгары, теперь не обратили на это внимание!“ — писал Г. Раковский.¹⁵² Мнение Раковского в данном случае особенно интересно, так как он, в отличие от многих единомышленников в этом вопросе, не только констатировал невозможность устройства общепонятного языка, опирающегося на одно наречие, но и показал пример создания языка, отвечающего, как ему казалось, требованию общепонятности. Правда, опыт Раковского оказался явно неудачным, и его язык подвергся справедливой критике прежде всего за то, что он был непонятен.

О неправомерности предпочтения одного наречия при создании общего для всех болгар литературного языка уже на рубеже 60—70-х годов неоднократно писал К. Шапкарев. В одной из статей он писал (1870), что при „образовании и выработке“ языка нельзя „предпочитать исключительно то или иное наречие“ (например, мизийское, фракийское или македонское), на котором бы-

¹⁵⁰ Летоуструй, год. I, 1869, оборот л. 1; Мнение за българското правописание. — Македония, год. III, № 10, 1. II. 1869.

¹⁵¹ Г. Раковский. Общи въпроси за старобългарски книжевен език, на основания коих, ако ся решат, трябва да ся поправи днешни книжевен български език. — Дунавски лебед, Прибавка, год. I, № 7, 27. III. 1860.

¹⁵² Там же.

ли воспитаны книжники и которые они пытаются представлять как болгарский язык вообще, видя в других лишь помеху устройству единого языка. Шапкарев, в отличие от Раковского, считает неубедительной ссылку на западно-европейские языки тех авторов, кто доказывает необходимость однодиалектной базы и для болгарского литературного языка, ибо европейские языки и народы не имеют ничего общего с болгарским языком и народом.¹⁵³

Мысль о том, что создаваемый литературный язык не может базироваться на одном наречии, неоднократно высказывал И. Богоров. Он подчеркивал, что никто не имеет права „писать книгу для всего народа на местном наречии“¹⁵⁴. Он осуждал попытки тех, кто стремился навязать свое наречие всем болгарам. „Некоторые же, — писал он, — идут дальше, желая навязать свое наречие как якобы более правильное всем болгарам.“¹⁵⁵ Богоров видел в этом одно из серьезных препятствий на пути к скорейшему созданию действительно единого и общепонятного литературного языка. Такие попытки, как и практика издания книг на местных наречиях, „принесут немалый вред успеху“ и болгарской литературе, прежде чем они будут изжиты.¹⁵⁶ С этих позиций он подвергал резкой критике язык многих авторов и особенно Й. Груева. И. Богоров, вероятно, не сомневался в том, что попытки отдельных лиц утвердить их собственное наречие в качестве общего литературного языка в конечном счете потерпят неудачу и видел подтверждение этому в крахе имевших место подобных начинаний. Так, причину непродолжительного существования журнала „Любословие“ Богоров усматривал в том, что его редактор, К. Фотинов, „очень сильно придерживался своего местного наречия“, хотя предназначал этот журнал для всего народа.¹⁵⁷

Обусловленное привязанностью критиков к своему родному наречию неприятие той однодиалектной основы, на которой настаивали другие писатели и грамматисты, нередко распространялось не только на язык этих авторов, но и на изданные ими грамматики. Это можно показать на примере Богорова и Й. Груева. Выше уже говорилось об отношении Богорова к языку Й. Груева. Такое же отрицательное отношение к нему высказывали и

¹⁵³ К. П. П. Ш. [Шапкарев]. [Языкословие]. — Македония, год. IV, № 63, 3. VII. 1870.

¹⁵⁴ См. раздел „Книжевен дневник“ в Български книжици, год. I, ч. 3, 1858, с. 5.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Български книжици, год. I, ч. 3, 1858, с. 5.

¹⁵⁷ И. Богоров. Просветение и книжнина на българегги. — Български книжици, год. I, ч. 3, 1858, с. 153.

другие известные деятели. Достаточно сослаться здесь на протокол собрания группы видных учителей и книгоиздателей, состоявшегося в Тырнове 11 мая 1869 г. Собравшиеся, среди которых были Н. Михайловский, И. Момчилов, Петко Славейков и др., констатировали, что в своей грамматике¹⁵⁸ Й. Груев „нагромоздил кучу несурзностей“, что он „не составляет правила согласно свойствам болгарского языка и не заботится о его постепенной обработке, а, наоборот, хочет раз и навсегда подчинить наш язык своим собственным правилам“¹⁵⁹. Участники собрания пришли к заключению, что настала пора издавать книги не на „груевском“ языке, а на настоящем болгарском языке.¹⁶⁰

Не менее резким нападкам подвергся также язык и грамматики¹⁶¹ Богорова. В литературе обычно отмечается критика современниками его пуристических и словотворческих увлечений. Однако объектом нападков, порой грубых и далеко не всегда справедливых, был и его язык в целом. Так, некто Драгойский писал в 1851 г. (т. е. в то время, когда пуристические и словотворческие тенденции у Богорова носили еще умеренный характер), что такой язык, на котором пишет Богоров, ему приходилось слышать только „от некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков“, что это „гнусавый и вызывающий смех“ и вообще не чисто болгарский, а „просто-старо-бабо-влахо-вѣртинарско-цигано-болгаро-никаквий“ язык.¹⁶² Драгойский здесь явно намекает на балканское наречие, которое в сочетании с индивидуальными особенностями языка и орфографии Богорова и представляет, по его мнению, не болгарский язык, а невообразимую смесь.

То, что язык и грамматики отдельных авторов отвергались критиками с позиций их собственного наречия или грамматики, которые они, в свою очередь, сами хотели утвердить в качестве „общей“ нормы, было очевидно и тогда.

Еще в 30-е годы налицо была тенденция отдельных книжников всячески превозносить достоинства собственного наречия и поносить чужое, что уже и в то время вызывало справедливые возражения других книжников. Неофит Рилский, например, писал (1835) о таких авторах, что они предпочитают „свое местное наре-

¹⁵⁸ Имеется в виду: Й. Груев. Основа за българска граматика. Изд. 1—5, 1858—1869.

¹⁵⁹ См. „Протокол“ этого собрания, опубликованный в кн.: М. Радиев. Биография на Ивана Момчилова. С., 1912, с. 44.

¹⁶⁰ Там же, с. 45.

¹⁶¹ И. Андреев [Богоров]. Първичка българска граматика. Букуреш, 1844; Първичка българска словница. Стамбол, 1848.

¹⁶² Цариградски вестник, год. V, № 58, 27. X. 1851.

чие без каких-либо оснований и доказательств и только свое местное наречие защищают и расхваливают, а чужое — плохое или хорошее — без разбору укоряют и унижают¹⁶³. В последующие десятилетия отношение некоторых книжников к чужим наречиям мало изменилось. Д. Войников (1860) с горечью констатировал, что любой болгарский писатель и переводчик услышал в свой адрес гораздо больше упреков, чем похвалы, причем упреков за то, что он в своем творчестве не следовал наречию и правописанию своего критика или соответствующего „ученого“¹⁶⁴. Еще позднее К. Шапкарев (1870) писал, что многие книжники принимали за „более общее“ (т. е. литературный язык) восточно-болгарское наречие только потому, что они были воспитаны на этом наречии и поэтому отрицательно относились ко всяким попыткам использования других наречий.¹⁶⁵

К этому следует добавить, что отрицательное отношение к тому или иному наречию как основе литературного языка могло иногда диктоваться и утвердившимся в народе данной области и разделявшимся отдельными авторами пренебрежительным отношением к наречию соседей и вообще других областей как к наречию неправильному, не чисто болгарскому и под.

Вместе с этим надо подчеркнуть, что неприятие грамматик и языка произведений отдельных авторов мотивировалось не только привязанностью к собственному наречию.

Некоторые авторы, как уже сказано выше, были всерьез озабочены тем, что утверждение какого-либо одного наречия в качестве основы общего литературного языка сделает последний в действительности непонятым для части болгар и лишит его этим самым важнейшей функции. Характерным в этом смысле было отношение ряда деятелей Возрождения, особенно уроженцев Македонии (К. Шапкарева и др.), к балканскому наречию, ставшему господствующим в письменности уже в 50-е годы. Показательно в этом отношении и мнение И. Ковачова, который даже в середине 70-х годов писал о „неудовлетворительности исключительного употребления одного только наречия и особенно нашего современного литературного языка или, что одно и то же, балканского наречия“, характер которого делает его непонятым для многих болгар.¹⁶⁶ Однако сам Ковачов (см. об этом ниже) не мог

¹⁶³ Н. Рилски. Болгарска граматика, с. 3.

¹⁶⁴ См. письмо Д. Попова (Д. Войникова) в редакцию журнала Български книжици, год. III, кн. 2, 1860, с. 31.

¹⁶⁵ К. Шапкарев. [Языкословие]. — Македония, год. IV, № 63, з. VII, 1870.

¹⁶⁶ И. Ковачов. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от оценката на „Българския буквар“ в в. Напредък. — Ден, год. I, бр. 16, 26. V. 1875.

предложить взамен балканского наречия ничего иного, кроме. . . своего родного, кюстендилского наречия, которое, как ему казалось, одинаково понятно жителям Северной Болгарии, Фракии и Македонии.

Таковы некоторые соображения, которые высказывались книжниками эпохи Возрождения относительно устройства литературного языка на базе одного наречия.

Пожалуй, господствующим среди сторонников монодиалектного пути формирования литературного языка было мнение о том, что основу этого языка должно составить наиболее чистое болгарское наречие. Сама по себе эта мысль вполне естественна. Она связана с общим движением болгар за национальное самоутверждение, важной опорой которого в свою очередь было существование болгарского языка как самостоятельного в ряду других славянских и неславянских языков. Нет ничего удивительного поэтому в том, что диалектная пестрота, с одной стороны, и желание дать возрождающейся нации достойный ее прошлого и будущего литературный язык, который должен быть максимально чисто болгарским, с другой стороны, наталкивали грамматистов и прочих книжников прежде всего на мысль о том, что в основу этого языка следует положить наиболее чистое болгарское наречие.

Такое решение одной из важнейших проблем создания литературного языка казалось на первый взгляд простым и привлекательным. На деле же оно не могло бы не столкнуться с целым рядом трудностей, в чем отдавали себе отчет и книжники того времени. Одна из главных трудностей заключалась в том, как определить, какое из существующих наречий объективно является наиболее чистым. Мнения книжников по этому вопросу существенно расходились как потому, что у них не было строгих критериев определения сравнительной чистоты разных наречий, так и потому, что само знание ими всех наречий было весьма ограниченным.

Что касается самого понятия чистоты наречия, то большинство книжников связывало его обычно с отсутствием иноязычных (прежде всего турецких и греческих) слов, а также некоторых других элементов языка (например, членных форм *-о*, *-е*, которые рассматривались иногда как сербизмы). Такое понимание чистоты наречия связано с тем, что само диалектное разнообразие нередко рассматривалось как результат „неправильного“ развития, обусловленного неблагоприятными внешними обстоятельствами — турецким игом и греческим духовным господством, в силу которых в болгарский язык (его наречия) проникло много иноязычных

элементов.¹⁶⁷ Именно отсутствию иноязычных слов, как важнейшему показателю чистоты наречия, придавали первостепенное значение такие поборники народной основы литературного языка как В. Априлов, И. Богоров и др.

Идея о наиболее чистом наречии, как об основе литературного языка, зародилась, вероятно, одновременно с первыми попытками болгарских книжников в 20—30-е годы подвергнуть этот язык нормализации. Во всяком случае, Неофит Рилский в 1835 г. отмечал как раз эту идею, которая жила в умах некоторых его современников.¹⁶⁸ Сам Неофит Рилский выбор такого наречия считал делом нереальным, однако его авторитетное суждение не убеждало приверженцев такого пути формирования литературного языка и не удержало их от „поисков“ наиболее чистого болгарского наречия.

Такой взгляд развивал, например, неизвестный автор, который писал (1858), что, если болгарский язык той области, где он сохранился в наиболее чистом виде, будет принят „в качестве общего для всего народа“, то будет нетрудно сделать „по нему всеобщую болгарскую грамматику, которая будет содержать все его правила и в соответствии с которой должен писать и говорить каждый ученый и культурный болгарин“¹⁶⁹.

Важно отметить, что наиболее чистым многие деятели Возрождения считали вообще язык сельского болгарского населения. Причину этого они усматривали в том, что в селах, в отличие от городов, живет этнически однородное, болгарское население, что в них нет греков и турок, общение с которыми неизбежно влечет за собой приникновение в речь болгар большого числа турецких и греческих слов — важнейшего признака испорченности, „нечистоты“ наречия. О том, что крестьяне говорят на самом чистом болгарском языке, писал уже В. Априлов в своем знаменитом циркулярном письме, разосланном им образованным соотечественникам в 1836 г. Призывая их к созданию „общей системы“, т. е. общеполгарского литературного языка, В. Априлов рекомендовал опираться при этом на язык крестьян. „По моим представлениям, — указывал он, — наш язык более чист там, где он менее смешан с другими языками. Следовательно, он более чист в селах, чем в городах, поскольку в первых живут только болгары,

¹⁶⁷ См., например, Б. Петков. Слово, произнесено в Калоферского училище... на празника с. Кирилла и с. Методия. — Съветник, № 14, 4. VII. 1864.

¹⁶⁸ Н. Рилски. Болгарска граматика сега перво сочинена, с. 4.

¹⁶⁹ За всеобща българска граматика. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 3, с. 101.

а во вторых оттоманцы и греки.¹⁷⁰ В. Априлов, правда, не говорил о языке крестьян определенной территории, который необходимо обработать в качестве общеполитического литературного, полагая, видимо, что крестьяне всюду говорят одинаково чисто, без турцизмов и гречизмов. Точку зрения В. Априлова разделял и Г. Крыстевич, который, однако, соглашаясь, что в селах „воистину“ говорят на более чистом болгарском языке, чем в городах, вместе с тем ставил вопрос, о каких именно селах идет или должна идти речь, и выражал все же сомнение в большей правильности крестьянской речи.¹⁷¹

О том, что язык крестьян — наиболее чистый, писали и другие. Например, И. Богоров, один из наиболее ярких и последовательных сторонников устройства литературного языка на народно-разговорной основе, уже гораздо позднее, в 70-е годы, отмечал: „Всюду у нас крестьяне говорят по-болгарски более чисто и лучше произносят слова, между тем как горожане, смешанные с разными народностями, испортили свой язык и употребляют много слов чужих — турецких, греческих и др., так что для нас, болгар, родной язык — это сельский народный язык, живущий и поныне“¹⁷².

Любопытно, что среди книжников эпохи Возрождения распространено было мнение, что наиболее чисто по-болгарски говорят помаки (болгары-магометане), которые якобы вообще или меньше другого болгароязычного населения испытали влияние языка турок, греков, сербов и др. Так, Е. Васкидович, отстаивая необходимость утверждения традиционного правописания в качестве „твердого доказательства того, что ж, љ, њ, њ, њ, њ в болгарском языке — естественные и не подлежащие изъятию буквы“, приводил „живую грамматику, которая ежедневно звучит в ушах наших и особенно у помаков, которые ни турецких, ни сербских, ни русских, ни валашских и греческих слов не знают“¹⁷³. На особую чистоту языка помаков указывал также И. Богоров,¹⁷⁴ а автор одной статьи даже считал, что помаки говорят якобы на лишенном сербизмов шопском поднаречии шопско-дебырского на-

¹⁷⁰ См. Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа. — Известия на Архивния институт, кн. I, С., 1957, с. 221.

¹⁷¹ Г. Крыстевич. Писма за някон си мъчности на българското правописание. Писмо I (15 априлий 1844). За азбуката. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 2, с. 314.

¹⁷² См. его статью Един и общ български език. — Книговище за прочит, кн. 4, 1874, с. 3; Читалище, 1875, кн. 5, с. 224.

¹⁷³ Е. Васкидович. Детинско прибавление или различни правствени поучения и нравоучетелни истории. Цариград, 1852, с. 9.

¹⁷⁴ И. Богоров. Упътване за българский язык. Висна, 1869, с. 12—13.

речия, которое характеризовалось им как единственное из всех славянских наречий, сохранившееся в своей правозданной чистоте без примеси чужих слов, в частности турецких и греческих.¹⁷⁵

Теперь, когда болгарские народные говоры, в том числе и говоры помаков, достаточно хорошо изучены, мы знаем, сколь преувеличены приведенные здесь суждения об исключительной чистоте языка помаков. Но в то время, когда еще обсуждался вопрос о выборе конкретного наречия в качестве основы литературного языка, такое мнение о языке помаков могло показаться заслуживающим доверия и внимания, хотя и тогда отмечалась неопределенность общего положения об особой чистоте языка этой части болгароязычного населения. Так, в редакционном примечании к цитируемой выше статье из журнала „Читалище“ указывалось, что неясно, о каких помаках идет речь в статье, и что ловчанские и приискурские помаки, составляющие якобы их наибольшую часть, говорят, как правило, на „дунайском балканском наречии“, а родопские (разлогские, неврокопские) помаки — тоже не совсем другом, а не шопском или дебырском наречии.¹⁷⁶

Некоторые книжники говорили не о наиболее чистом, а о наиболее правильном болгарском наречии как основе литературного языка, понимая под этим, вероятно, по существу то же самое — прежде всего отсутствие иноязычных слов и других элементов, нарушающих чистоту и ясность языка. Так, в начале 50-х годов Н. Геров указывал, что „хорошим письменным языком“, т. е. литературным, должно стать „более правильное и более чистое наречие“, которое можно установить путем сравнения местных особенностей всех наречий.¹⁷⁷ Таково же было и мнение Л. Каравелова, который уже позднее, в начале 70-х годов, предлагал в качестве литературного языка принять то наречие, которое при сравнении всех наречий „окажется более правильным“¹⁷⁸. Подобной точки зрения придерживались и другие деятели Возрождения.¹⁷⁹

¹⁷⁵ Български език. Наука за звуковите. Един опит над тѣз наука. — Читалище, год. III, 1873, кн. II, с. 1015.

¹⁷⁶ См., например, редакционное примечание к упомянутой здесь статье из журнала Читалище, с. 1015, сноски.

¹⁷⁷ См. его статью Болгарски. — Цариградски вестник, год. V, № 76, I. III. 1852; Н. Геров. Няколко мисли за български език и за образованието у българите. [Цариград], 1852, с. 36.

¹⁷⁸ См. заметку „Книжевни известия“. — Свобода, год. III, № 14, 30. IX. 1872.

¹⁷⁹ См., например: Т. Шишков. Наръчен учебник за начална математика в три курса: аритметика, алгебра и геометрия за народните ни училища. Първий курс. Теоретическа и практическа аритметика. Търново, 1869, с. 7.

Достаточно распространенным было мнение, что при выборе конкретной диалектной основы литературного языка следует руководствоваться наибольшей близостью наречия к древнеболгарскому языку. При этом одним из показателей такой близости современного наречия также считалось, как правило, отсутствие в нем иноязычных слов. Естественно, что наречие, ближайшее к древнеболгарскому языку, рассматривалось одновременно и как наиболее чистое и правильное.

Обращение к древнеболгарскому языку как к своего рода арбитру при выборе конкретной диалектной базы литературного языка вполне понятно. Этот язык был предметом законной гордости всех болгар, независимо от того, какую роль они отводили ему в формировании современного литературного языка. Даже наиболее радикальные сторонники чисто народной основы литературного языка (например, В. Априлов, И. Богоров и др.) отдавали должное древнеболгарскому языку и рассматривали его как один из источников обогащения и совершенствования формирувавшегося литературного языка, в частности его лексики. Авторитет древнеболгарского языка был настолько велик, что доказательство большей близости с ним какого-либо наречия уже как бы само собой предreshало, по мнению многих книжников, вопрос о преимущественной роли этого наречия в устройстве литературного языка.

В истории современного болгарского литературного языка „арбитражная функция“ древнего языка в решении спорных вопросов была выдвинута уже автором первой грамматики. Именно Неофит Рилский выдвинул и обосновал идею о том, что в условиях многочисленных диалектных различий единственно возможным критерием отбора форм и слов для литературного языка может быть лишь большее соответствие их древнеболгарским („славенским“) формам и словам. Но если Неофит рекомендовал обращаться к древнему языку лишь при решении конкретных вопросов нормализации литературного языка, то другие книжники позднее стали обращаться к нему как к „нелживому свидетелю“, говоря словами Неофита, и в решении такого общего вопроса, каким является выбор диалектной основы.

Данный критерий был предложен уже в конце 30-х годов В. Априловым и Н. Палаузовым. В письме Неофиту Рилскому от 30.VI.1837 г. они указывали: „Произношению (т. е. речи в широком смысле слова. — Г. В.) той части Болгарии, где говорят ближе к старому языку, должны следовать и ученые“¹⁸⁰. Эту же мысль

¹⁸⁰ В. Априлов. Съживения. С., 1968, с. 278.

высказывал и Г. Крыстевич. По его мнению, болгары в устройстве своего литературного языка должны поступить так, как поступили греки со своим, а именно: „Писать так, как мы говорим, но согласно тому наречию, которое ближе всего к древнеболгарскому языку и наиболее с ним сообразно“¹⁸¹. А Б. Петков предлагал возвести в ранг литературного языка болгарское наречие той области, где распространен „наиболее чистый болгарский язык“ и где он „меньше всего отступил от древнего“¹⁸². С. Радулов тоже полагал, что лучше всего принять „за основание нашего письменного языка наречие, которое более согласно с древнеболгарским“¹⁸³.

О том, насколько популярной была эта точка зрения, свидетельствует и следующий факт. Газета „Цариградски вестник“, сообщая в 1853 г. о намерении издать собрание народных песен, загадок и других произведений народного творчества, сочла нужным специально отметить, что эти произведения позволят каждому „смотреть и сравнивать, где язык более чист и приятен и к древнеболгарскому (словенскому) приближается“¹⁸⁴.

Выдвигался и критерий наибольшего благозвучия, которым должно обладать наречие, избираемое в качестве основы литературного языка. Обычно благозвучие называлось как сопутствующее другому свойству, но иногда оно рассматривалось и как важнейшее качество такого наречия. На него прежде всего обращал внимание, например, П. Зографский, предложивший использовать македонское наречие в качестве „главной основы“ создаваемого болгарского литературного языка. Он писал: „Македонское наречие. . . хорошо было бы взять за его (литературного или, его словами, „общего письменного языка“ — Г. В.) главную основу по той причине, что оно более полнозвучно, более плавно и стройно, а во многих отношениях полнее и богаче“¹⁸⁵. П. Зографский, правда, не настаивал на том, что литературный язык должен базироваться исключительно на македонском наречии, а отводил ему только главную роль в устройстве этого языка благодаря его особому благозвучию.

Некоторыми книжниками поднимался вопрос о среднем и общепонятном наречии как об основе литературного языка. Петко

¹⁸¹ Г. Крыстевич. Указ соч., с. 316.

¹⁸² Б. Петков. За българският език. — Цариградски вестник, год. 7, № 336, 6. VII. 1857.

¹⁸³ С. Радулов. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, с. III.

¹⁸⁴ От редакцията. — Цариградски вестник, № 148, 21. XI. 1853 (это же и в № 149, 28. XI. 1853).

¹⁸⁵ Мисли за българският език. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 1, с. 36.

Славейков, например, подчеркивал, что такое решение вопроса было бы „и правильным, и разумным, и полезным“, ибо это способствовало бы сохранению „единства нашего народа“¹⁸⁶. Он писал о необходимости выбора болгарскими наречия „среднего“, которое было бы понятно во всех областях.¹⁸⁷

Более подробно эту же точку зрения развивал И. Ковачов, предлагавший избрать для литературного языка „такую форму (наречие, — Г. В.), которая занимала бы среднее положение между остальными и была бы ближе к каждой из них“¹⁸⁸. Кроме этого, Ковачов придавал большое значение также общепонятности соответствующего наречия и его чистоте.

Называлась также и наибольшая распространенность наречия. Предполагалось, что наречие, на котором говорит большинство болгар, более достойно предпочтения при создании общеполитического литературного языка, чем те, носители которых составляют меньшую часть населения. На этом критерии настаивал, например, Т. Стоянов-Бурмов.¹⁸⁹

Таковы критерии, которые выдвигались разными деятелями эпохи возрождения для выбора конкретного наречия в качестве основы общеполитического литературного языка. Уже само разнообразие этих критериев говорит о значительном интересе, который проявляли книжники к этому вопросу, о большом значении, которое они ему придавали, о глубокой их заинтересованности в наиболее целесообразном, правильном его решении, которое отвечало бы задачам и нуждам в развитии национальной культуры и упрочении единства народа. С другой стороны, разнообразие выдвинутых критериев свидетельствует о сложности самой задачи, которую в меру своих знаний и ее понимания пытались решить деятели Возрождения, — выбрать достойное во всех отношениях наречие, на основе которого следовало бы строить и развивать литературный язык. Каждый из рассмотренных выше критериев казался тем, кто его выдвигал, достаточно обоснованным, целесообразным и правильным. Но для других книжников, выдвигавших свой критерий, он был произвольным, необоснованным и потому неприемлемым.

(Сб. „Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков“, М., „Наука“, 1978, с. 207—268)

¹⁸⁶ П. С л а в е й к о в. Македонският въпрос. — Македония, год. V, № 3, 18. I. 1871.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ И. К о в а ч о в. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, с. 5.

¹⁸⁹ См. его заметку За българска граматика на Г. Мирковича. — Български книжици, год. III, 1860, ч. 2, с. 224.

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XIX В.

1. Двадцатые годы XIX в. в истории книгопечатания и литературного языка у болгар представляют значительный интерес во многих отношениях. Напомним здесь некоторые из важнейших фактов культурной истории болгар в это десятилетие, имеющих прямое отношение к собственно истории литературного языка.

В 1824 г., как известно, вышел из печати знаменитый „Буквар с различни поучения“ Петра Берона (Брашов), более известный под названием „Рибен буквар“ („Рыбный букварь“).¹ Выход в свет этого букваря явился прежде всего важной вехой в истории просвещения у болгар, ибо он положил начало решительному разрыву с практикой так называемого килийного (от *килия* — школа при монастырях и церквях) обучения грамоте по церковнославянским текстам. Написанный на народном языке, лишь с небольшой примесью книжных элементов, „Рыбный букварь“, хотя и не сразу, стал одной из наиболее читаемых в последующие десятилетия болгарских книг (об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что с 1824 до 1862 г. он выходил из печати 6 раз) и способствовал, таким образом, развитию начальной грамоты у болгар. Он сам явился реальным подтверждением слов Берона о том, что обучение народа успешно в том случае, если оно ведется на понятном ему, родном языке.

„Рыбный букварь“ Берона занимает центральное место и в истории современного болгарского литературного языка. В нем „язык народа поднят до самостоятельной литературной функции“². Этим самым Берон, как подчеркивает Л. Андрейчин, „сде-

¹ Такое название букварь получил потому, что на помещенных в нем иллюстрациях среди прочих животных изображены дельфин и кит. В небольшом тексте, в котором рассказывается от китах (с. 113—114), кит называется „большой рыбой“.

² Л. А н д р е й ч и н. Езикът на „Рибния буквар“ и българският книжовен език. — Български език, год. XIV, 1964, кн. 2—3, с. 101.

лал огромный исторический шаг вперед в развитии нашей (т. е. болгарской. — Г. В.) возрожденческой литературы и нашего литературного языка³. Некоторые исследователи (например, А. Теодоров-Балан) именно с „Рыбным букварем“ связывают само начало истории этого языка.

Другой важный факт, имеющий прямое отношение к болгарскому языку, — выход в свет в Вене в 1822 г. столь же знаменитого, как и букварь Берона, „Додатак'а“ Вука Караджича, в котором впервые был дан очерк новоболгарского языка, словарные материалы и образцы текстов на этом языке. Этим самым Караджич дал ученому миру долгожданные сведения о живом болгарском языке, показавшие значительное своеобразие его грамматической структуры среди славянских языков.

Напомним также, что на исходе 20-х годов Ю. И. Венелин своей книгой „Древние и нынешние болгары в политическом народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам“ (М., 1829) напомнил миру о забытом славянском племени — болгарях, стонущих под иноземным игом. Эта книга, а затем и другие труды Венелина сыграли большую роль в подъеме национального самосознания болгар, интереса к их прошлому и настоящему, к их языку и зарождавшейся литературе.

Названные здесь факты давно хорошо известны и упоминаются здесь только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть их особое значение в общей истории болгарского Возрождения. Наряду с ними в 20-е годы имели место и другие события, меньшего масштаба, но чрезвычайно важные и интересные для истории болгарской культуры в целом и истории литературного языка в частности. На некоторые из них, мало известные или остававшиеся еще вне поля зрения исследователей, мы хотели бы обратить внимание в настоящей статье.

2. На 20-е годы прошлого столетия приходится первые попытки коллективного решения некоторых вопросов формирования литературного языка, как и вообще первые опыты обоснования решений в этой области, дошедшие до нас со страниц изданий того времени или сохранившиеся в скудной переписке тех лет.

Первая попытка решения языковых вопросов совместными усилиями образованных болгар падает на середину 20-х годов и связана с деятельностью в Брашове (город в нынешней Румынии) „Филологического общества“⁴.

³ Л. Андрейчин. Езикът на „Рибния буквар“ и българският книжовен език. — Български език, год. XIV, 1964, кн. 2 — 3, с. 101.

⁴ Подробнее об этом см. в статье „Проблема нормализации литературного языка в программах первых болгарских просветительских обществ в эпоху Возрождения“ (с. 107—118 настоящего сборника).

В программе деятельности брашовских болгар обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, число книг по языку, подготовленных к печати. Таких книг было три из шести, о которых сообщается в „Рыбном букваре“: 1) „Лексикон малкий на 4 язици: болгарски, гречески, влашки и российский, тѣй направин, като да може всякий сам, и без даскал, да научи който язык ще от тези“, 2) „Грамматическа етимология на тези 4 язици“ и 3) „Грамматика болгарска“⁵.

Во-вторых, обращает на себя внимание бесспорное признание того важного положения, что просвещение должно осуществляться на живом, народно-разговорном языке и потому книги следует печатать на таком языке, ибо в этом — „прямой путь к учению“. Это положение, впервые высказанное в печати П. Бероном в предисловии к „Рыбному букварю“⁶, разделяли, видимо, все или большинство членов „Филологического общества“.

„Филологическое общество“ в Брашове просуществовало недолго, вероятно, до конца марта — апреля 1825 г. Причиной его распада послужили острые споры, быстро переросшие во внутренние раздоры и нападки.⁷

Идея коллективного решения вопросов нормализации литературного языка, родившаяся в кругу „Филологического общества“, вероятно, продолжала жить в умах образованных болгар и после распада этого общества. На такое предположение наталкивает следующее место из цитированного выше предисловия А. Кипиловского к книге „Священное цветообрание“: „Другие некоторые любородцы, хорошо знающие („искусни“) разные европейские языки, хотят составить систему правописания и синтаксиса болгарского языка“, которая избавила бы „нашу грамматику от тех законов („канони“), которых уже не могут избежать многие просвещенные нации“⁸. Речь идет, по-видимому, об упрощении орфографии путем отказа от уже устаревших правил. Если бы А. Кипиловский имел в виду намерения этих неизвестных пока „любородцев“ в рамках „Филологического общества“, то он, надо полагать, написал бы об этом как о чем-то минувшем, поскольку предисловие к переводу „Священного цветообрания“ было написано в августе 1825 г., уже после распада общества.

3. Первым рассуждением, хотя и весьма кратким, о принципах устройства правописания, вышедшим из-под пера болгарина

⁵ П. Б е р о в и ч, Буквар с различни поучения. [Брашов], 1824, с. 141.

⁶ Там же, с. 2.

⁷ М. Б у р. Писма на книгоиздателя Васил Н. Ненович в Будапешенските архиви (1825—1826). — Известия на Института за литература, 1972, кн. XXI, с. 223.

⁸ См. Камто любопрочитателите, с. XIII.

и увидевшим свет, являются замечания Анастаса Кипиловского (Стояновича), изложенные им в предисловии к его переводу книги „Священное цветообращение“ (1825 г.).⁹ Перевод этот, как пишет здесь сам Кипиловский, — „единъ двѣгодишенъ мой трудъ, и первый плодъ на мѣсто оумѣренное оучѣнiе“¹⁰. Из этого следует, что непосредственно переводом „Священного цветообращения“ Кипиловский занимался с 1823 г. (цитируемое предисловие датировано им 15 августа 1825 г.). Но вопросы правописания занимали его еще до того, как он приступил к переводу текста этой книги. Вот что пишет Кипиловский о своих соображениях относительно правописания (приводим соответствующие места из предисловия полностью, чтобы сделать интересные замечания Кипиловского для читателей более доступными в его собственной редакции).

Азь предъ да сѧ расположа въ своето си намѣренiе, — пишет Кипиловский, — почѣвствовахъ и онѧ трѣднѡсты който проихождать ѡ лишѣнiето на една Грамматика, и Лексиконъ на нашѣтъ азыкъ, заради това, възнамѣрилсѧ бѣхъ да оупотребѧ правописанiе естѣственно, какѡто въ посвятителното Пiсмо сѧ вижда,¹¹ сирѣчь, безъ да оупотребѧ подобнопроизноснiтъ слова и, i, ѳ, о, ѡ, ѡ, ѡ, е, ѳ, оу и ѳ дѣто тiе подпадать въ тажкозапамѣтни Правописателни прѣвила, ами щѣхъ да послѣдовамъ оновѧ произношѣнiе коѣто въ насъ натрѣялънѡ въ говорятъ сѣкимъ свещества, ала по нѣкойси причiни оупотребихъ Славѣнского

⁹ Полное (титульное) название этой книги в переводе Кипиловского, избранное буквами церковнославянской азбуки, таково (здесь и всюду ниже как придыхания опущены): Священное цвѣтоѡбранiе или стѡ и четѣре свѣщенны исторiи избраны изъ вѣстхѣтъ и нѡвѣтъ завѣтъ въ польза на юнѡшествово ѡ господiна Іѡанна Гибнера присовоклѣнны сасъ благочестивѣтъ размѣшлѣнiѣта, ѡ Немѣцкѣтъ на Рѡссiйскѣтъ азыкъ перевѣдены, а ѡ Рѡссiйскѣтъ на Славено-болгарскѣтъ нашъ азыкъ перевѣдены ѡ Анастѣса Стояновича Котланина и посвѣщенны на господiна Антонѣта Іѡанновича. Изданiе первое. Часть первая. Biblische Geschichte in 2 Theile. Въ Бѣдинъ Въ Кралѣвската Оунiверситѣтска Тiпография, аѡкѣ, гѡда.

¹⁰ Там же, с. XI.

¹¹ Имеется в виду посвящение Антонию Иоанновичу, опубликованное в самом начале книги, до цитируемого здесь предисловия.

правописаніе.¹² Азъ, за да произнеса̄ природното произношеніе на рѣчитѣ̄ каща, крапа, габа, съда, варва гѣба чита̄ и про: приложихъ тойзи знакъ (—) ѿгору надъ словата а, и ѿ. Това главоудареніе, дѣмать ми нѣкои си чи трѣба да сѿ пиши сасъ различни слова, новоизмыслени, ала азъ предпочетохъ тойзи знакъ защото самъ извѣстенъ чи писамыать ѿзыкѣ трѣба да различествва ѿ глаголемыать и освень това кога да е, нѣи трѣба да смалѣвамы оныѿ правила, който твѣрди мало способствувать за да исполнатъ оуматъ на дѣцата сасъ идеи (знанїѿта), а да сѿ оупразднавамы въ оныѿ, безъ който немѣжимъ да оускоримъ своето просвѣщеніе¹³.

В сноске к отмеченному выше месту предисловия Кипиловский также говорит о правописании:

„Единъ извѣстенъ люборѣдецъ (имеется в виду Василий Ненович. — Г. В.) ѿбѣви преди нѣколкосо время, чи ще издаде на свѣтъ една етѣмологическа Грамматика Болгарскаго ѿзыка, и единъ четверо-ѿзычный Лексиконъ, ала заради мѣето нещастіе не сѿ напечатѿха предъ да напечатѿмъ ѿзъ таѿ книжка, за да сѿ воспомогна и на правѣльнымъ Правописаніе, и право-глаголаніе, нашегѿ ѿзыка. Дрѣги нѣкоиси Люборѣдцы, искѣсны на различни еврѿпейски ѿзыцы, желѿтъ (в тексте опечатка: лежѿтъ. — Г. В.) да состоѿтъ една сѣстема на правописаніе и сопрѿженіе болгарскаго ѿзыка, коѿто ще сѿ ѿносѿ камтѣ едно намѣреніе, дѣто да мѣжи да предѿпѿзи нашѿта Грамматика, ѿ оныѿ канѣны, ѿ който да избѣгнатъ вѣче нимѣжать доволны просвѣщенны Націѣны. Ала и тѣи не ще мѣжатъ да содѣйствувать своѣто благонамѣреніе по преди, освѣнъ кога сѿ сабѣди Люборѣдїето и Любочѣстїето на нашитѣ Богѿты, аколи Богъ чрезъ дрѣго срдѣство оупосѣбствова тѣхъ, то ще воздаде нѣмѿ хвалѿ нашето малолѣтство сасъ всѣ сѣрдце¹⁴.

Из приведенного отрывка видно, что уже А. Кипиловский (а нет сомнений, что и другие его современники — тоже) ощущал острую потребность в грамматическом описании (граммати-

¹² К этому месту Кипиловский дает большую сноску, которую мы приводим чуть ниже в тексте.

¹³ Священное цветообращение, с. XI—XIII.

¹⁴ Священное цветообращение, с. XI—XII, сноска.

ке) и в словаре болгарского языка и понимал важность их для книжной деятельности и развития просвещения. Он первым из болгар заявил о грамматике и словаре родного языка как о необходимой предпосылке дальнейшего совершенствования правописания и устной речи („правоглаголанье“).

Очень важно также, что Кипиловский, опять же первым среди болгар, выступил за необходимость чисто фонетического правописания („правописание естествено“), без лишних (дублетных) букв, передающих один и тот же звук. Введение такого правописания, по его мнению, облегчило бы значительно усвоение грамоты и знаний. Чрезвычайно любопытен и образец текста, где приложено такое правописание (о нем см. ниже). Кипиловский, однако, отказался от такой идеи и „по некоторым причинам употребил славенское правописание“. Что это были за причины, трудно сказать. Скорее всего он сам еще не был внутренне готов к тому, чтобы решительно порвать с господствовавшей тогда в болгарской письменности и печати церковнославянской азбукой и правописанием. Нельзя исключать и того, что против чисто фонетического правописания, на котором он, вероятно, настаивал в „Филологическом обществе“, выступили другие члены этого общества, и он отказался от своего намерения. Могли быть и другие причины.

Отметим также, что уже в 20-е годы среди болгар существовало мнение о нецелесообразности следования, подражания опыту создания литературных языков у „просвященных народов“ во избежание трудностей, которые потом нелегко будет преодолеть.

Наконец, Кипиловский обращает внимание на обозначение звука ъ, которое, следовательно, уже в 20-е годы занимало умы пишущих болгар (подробнее об этом см. ниже).

4. Двадцатые годы XIX в. в истории болгарского литературного языка, а точнее — в истории его графики и орфографии, важны и тем, что в это десятилетие появились первые опыты издания болгарских текстов гражданской кириллицей. Все немногие ранее изданные книги („Недельник“ Софония Врачанского, 1806; „Молитвенный крин“ неизвестного автора, 1806; „Книга сия зовома Огледало“ Кирилла Пейчиновича, 1816; все пять книг Иоакима Кырчовского, 1814—1819 гг.) были напечатаны старой, церковной кириллицей. Книги церковной печати у болгар выходили в свет и позже, но уже наряду с книгами гражданской печати и с небольшим числом книг, изданных латиницей.

Принято считать, что впервые гражданскую азбуку у болгар использовал Христки Павлович в своей книге „Арифметика или

наука числительна“, изданной в 1833 г. в Белграде.¹⁵ В действительности же болгарские тексты печатались гражданской кириллицей уже в 20-е годы. Известно, что такую именно азбуку (в ее сербском варианте) использовал Вук Караджич в знаменитом „Додатак'е«Санктпетербургским сравнительным рјечницима“ (Вена, 1822), где помещены список 285 болгарских слов, две евангельские притчи и „Отче наш“ на болгарском языке, 27 болгарских народных песен. Но „Додатак“ — книга, подготовленная к изданию сербским филологом, и в ней представлен опыт использования гражданской кириллицы для передачи текстов на болгарском языке сербом, а не болгаринном. Первым же болгарским текстом, который был подготовлен к печати болгаринном и был издан гражданской кириллицей, была, надо полагать, „Инструкция об обязанностях сельских приказов“, составленная попечителем колоний в Южной России И. Н. Инзовым и опубликованная в 1821 г. в Кишиневе на русском, болгарском и молдавском языках.¹⁶ Как само содержание „Инструкции“ (административно-правовые и хозяйственные функции сельских приказов), так и факт издания ее в Кишиневе, где, как и в прочих городах Российской империи, такого рода издания печатались в то время гражданской кириллицей, говорит о том, что болгарский текст „Инструкции“ был напечатан такой же азбукой. Крайне маловероятно, чтобы один и тот же текст, изданный одновременно, был напечатан по-разному: на русском языке — гражданской, а на болгарском — церковной кириллицей. За отсутствием в нашем распоряжении экземпляра „Инструкции“ с болгарским текстом¹⁷ мы, естественно, не можем ничего сказать о соста-

¹⁵ Из последних работ см. об этом, например: Л. Андрейчин, Из историята на нашето езиково строителство. С., 1977, с. 156; R. L ö t z s c h. Zur Herausbildung der neubulgarischen Literatursprache. — Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1975, S. 75.

¹⁶ Ее полное название таково: Инструкция об обязанностях сельских приказов с пояснением порядка, как должны управляться и, наблюдая за поселениями своей деревни, чего от них требовать; с сим вместе изложены для жителей правила, как вести себя и чего придерживаться для достижения благоустройства и покойной жизни. (Это название приведено в кн.: С. П о т о ц к и й. И. Н. Инзов. Биографический очерк. Бендеры, 1904, с. 102). В существующих библиографических описаниях болгарских книг, составленных К. Иречекон, А. Теодоровым-Баланом, В. Погореловым, М. Стояновым, указывается только начальная часть заглавия (приведенная здесь в тексте) и только на русском языке.

¹⁷ В библиотеках Болгарии эта „Инструкция“, видимо, отсутствует. Во всяком случае, историкам болгарского книгопечатания эпохи Возрождения и историкам современного болгарского литературного языка она известна только по библиографическим справочникам. Наши поиски ее в библиотеках Советского Союза пока не увенчались успехом, и мы не знаем,

ве букв и о принципах правописания, которым следовал здесь неизвестный болгарин-переводчик брошюры И. Н. Инзова.¹⁸

Поскольку болгарский текст „Инструкции“ пока не открыт (будем надеяться, что он не утерян безвозвратно), то первым болгарским текстом, написанным (в данном случае — и составленным) болгаринном и напечатанным „гражданкой“, который дошел до нас и нам известен, следует считать краткое посвящение, предпосланное А. Кипиловским (Стояновичем) к переведенной им книге „Священное цветообрание или сто и четыре священные истории, избрани от ветхий и новий завет“ (Будин, 1825). Весь остальной текст этой книги, в том числе и обширное обращение к читателям, напечатан кириллицей церковной. В истории болгарского книгопечатания и литературного языка данное посвящение, адресованное А. Кипиловским Антонию Иоановичу, оказавшему материальную помощь в издании книги, важно как первая попытка, правда еще очень робкая, сознательного разрыва с традицией церковной печати у болгар и как первый (после перевода упомянутой выше „Инструкции“) опыт использования гражданской кириллицы для типографского издания болгаринном текста на родном языке, доступный для анализа современным исследователям.¹⁹

5. Двадцатые годы прошлого столетия открывают также и начало поисков и споров по одному частному, но для истории литературного болгарского языка важному вопросу графики и орфографии, а именно: как (какой буквой) обозначать **ѣ** — характерный звук современной болгарской звуковой системы. Предшествующая этому практика письма, а в начале XIX в. и практика печати, не выработала единообразного обозначения этого

в какой из библиотек она еще хранится. При обсуждении этого и некоторых других рассматриваемых в настоящей статье вопросов на заседании кафедры болгарского языка Софийского университета (12 декабря 1977 г.) доц. М. Янакиев сказал, что он видел фотокопию этой „Инструкции“ с болгарским текстом, напечатанным гражданской кириллицей на одной странице, и русском — на другой, у акад. С. Романского.

¹⁸ Кто был тот болгарин, который перевел на болгарский язык составленную И. Н. Инзовым „Инструкцию“, мы не знаем. В том, что ее перевел кто-то из болгар, проживавших в Кишиневе или в одной из болгарских колоний в Бессарабии, сомнений нет. Может быть, ее перевел Михаил Кыфалов (род. в Тетевене в 1783 г.), которой в 20-е годы был „переводчиком Верховного совета в Кишиневе“ и, по словам А. Кипиловского, в 1825 г. готовил к изданию какую-то „краткую нравоучительную книгу“ (см. Священное цветообрание, с. XV).

¹⁹ Текст этого посвящения и анализ его орфографии и графики см. в статье „К начальной истории современной болгарской орфографии“ (с. 162—203 настоящего сборника).

звука, развившегося, как известно, на месте былых ж, ь и ѣ. В болгарской письменности XVIII — начала XIX в. в целом было две тенденции в обозначении звука ѣ: одна — следование церковнославянско-русской традиции, согласно которой на месте ж писался у (ѣ), на месте ь — е, а на месте ѣ — о; другая — обозначение звука ѣ посредством еров ѣ и ъ (с преобладанием обычно одного из них) и некоторых других букв, в том числе изредка и ж. Нередко в памятниках письменности наблюдается полное смешение принципов обозначения звука ѣ (даже в одних и тех же словах). Первые печатные болгарские книги в основном следуют в этом вопросе примеру церковнославянских книг. Так, Софроний Врачанский в „Кириакодромионе“ (1806 г.), отражающем „в своих основных линиях церковнославянские фонетические черты“, пишет ж, на месте ж (*кръжъ, зѣбный рѣкодѣле, орѣдѣ, престѣплѣнѣ* и т. д.), о на месте ѣ (*сонѣ, дождѣ, возрастѣ, свѣсть* и т. д.) и е на месте ь (*левѣ, мѣстѣ, лѣстѣ* и др.).²⁰ Это же видим и при написании „народных слов, чуждых церковнославянскому языку“: *совѣнѣ, топкѣнѣ, *вонкѣшный, *мрѣсный, *свержа* и др.²¹ В большинстве же случаев в народных („новоболгарских словах“), как указывает К. Ничева, звук ѣ передается буквами а или ѣ, ь: *штврѣща, шбрѣщамѣ, порачѣлѣ, вѣсакѣ, прегѣрнимѣ, разкѣса, фѣрка, пѣтъ, лѣжѣ, жѣне, вѣвѣде* и др.²²

По-разному, видимо, передавался звук ѣ и в мало известном в литературе „Молитвенном крине“ (1806), все экземпляры которого, возможно, уже безвозвратно утрачены. В тексте „Отче наш“ (единственном тексте из этой книги, который в 1846 г. И. И. Срезневский привел в качестве образца ее языка) имеется три слова, где в соответствии с новоболгарским рефлексом ж и ѣ выступает (точнее может выступать) звук ѣ. В двух словах из трех этот звук обозначен буквой о — *должнѣци, должнѣстите*, т. е. согласно с церковнославянской традицией. В одном слове звук ѣ (под ударением) обозначен буквой ѣ — *да бѣде*.²³ Обращает на себя вни-

²⁰ К. Ничева. Езикът на Софрониевия „Неделник“ в историята на българския книжовен език. С., 1965, с. 9.

²¹ К. Ничева. Езикът на Софрониевия „Неделник“ в историята на българския книжовен език, с. 10.

²² Там же.

²³ И. Срезневский. Очерк книгопечатания в Болгарии. — Журнал Министерства народного просвещения, 1846, ч. 51, отд. V, с. 6. — Текст „Отче наш“ воспроизведен здесь И. И. Срезневским гражданской кириллицей, хотя „Молитвенный крин“, как отмечает Срезневский, напечатан „церковнославянским правописанием“ (там же). А. М. Селищев как бы заново воспроизвел этот текст церковной печатью (по публикации Срезневского), но в приведенных выше словах заменил (видимо, без достаточных оснований)

манье то, что со знаком вари́и в этом тексте напечатана и буква **А** в слове *земѡта*, за которой также может скрываться звук **ѣ** под ударением после мягкого согласного. Все остальные слова в этой молитве, имеющие знак ударения, кроме этих двух, а также *каквѣ* имеют оксису независимо от позиции ударенного гласного, обозначаемого буквой с таким знаком ударения (ср. *ба̀шта*, *небо̀то*, *ца̀рство* и *прииде́*, *твоѣ́*, *опрости́* и др.). Это наводит на мысль, что автор болгарского текста „Молитвенного кри-на“, возможно, буквами *а* и **А** (с варней) передает именно характерный болгарский звук **ѣ**.

В книгах Й. Кырчовского, изданных в 1814—1819 гг., как и в „Кириакодромione“ Софрония Врачанского, „преобладает историческое правописание на церковнославянской основе“²⁴. В соответствии с этим он на месте новоболгарского звука **ѣ** пишет **ѣ**²⁵ *мѣка* (8, 12), *зѣбы* (13), *рѣците* (16), *о* — *до̀лжни* (5), *пето̀къ* (19), *во̀л'цы* (13), *е* — *тѐмни* (15), *мѐртва* (17), *смѐрть* (12) и т. д. Однако, несмотря на стремление „сохранить церковнославянские орфографические правила употребления“ соответствующих букв,²⁶ Кырчовский нередко отступает от этих правил и пишет **ѣ** на месте *о* и *е* — *гѣтнатѣ* (13), *срѣпови* (16), *да го разсрѣди* (10), *трѣпеха* (19), *црѣни* (12), *слѣзи* (18), турцизм *калабалѣкъ* (13, 15) и многие другие, а иногда и *а* — *пѣть* (8, 11).

В названных выше книгах, таким образом, звук **ѣ** в тех случаях, когда автор отходил от церковнославянского правописания, обозначался по-разному, но теми же буквами, какие были в составе церковнославянской азбуки. Иначе решается этот вопрос в 20-е годы. Теперь предпринимаются уже определенные попытки обозначать звук **ѣ** особым знаком (буквой). С предложениями обозначать этот звук самостоятельным знаком выступили в 20-е годы, один за другим, в своих книгах Петр Берон, Стоян Кипиловский и Василий Ненович. Есть все основания утверждать, что в кругу образованных болгар, оказавшихся в эти годы в Брашове и составивших там первое у болгар „Филологическое общество“, вопрос обозначения звука **ѣ** живо обсуж-

знак ударения — варию на оксису: *да ба̀де*, *земѡта* вместо *да ба̀де*, *земѡта* у Срезневского. (См. А. Сел и щев. К изучению старопечатных болгарских книг (по поводу „Описа“ проф. В. Погорелова. С., 1923). — *Slavia*, 1926, го́д. V, seš. 2, с. 257.

²⁴ Р. Цойнска. Езикът на Йоаким Кърчовски. АКД. С., 1975, с. 5; См. также: А. Сел и щев. Хаджи Йоаким и язык его книг. — Македонски преглед, год. X, 1936, кн. 1—2, с. 129.

²⁵ Здесь приводим примеры из „Сия книга, глаголемаа Митарства“, Будин, 1817.

²⁶ Р. Цойнска. Указ. соч., с. 5.

дался и что именно разногласия по этому вопросу, переходившие в личные нападки, явились, возможно, одной из причин, приведших к сравнительно быстрому распаду этого общества. Особой непримиримостью и несдержанностью в спорах отличался Анастас Кипиловский.²⁷

„Филологическое общество“, видимо, было единодушно в том, что звук **ѣ**, свойственный живому языку болгар, должен войти в звуковой состав книжного языка и должен иметь свою букву, а не обозначаться на письме буквами в соответствии с правилами церковнославянского языка. Расхождения между членами этого общества касались того, какая именно буква должна быть использована для обозначения звука **ѣ**. О существовавших разногласиях уже в то время глухо писал Анастас Кипиловский. Сообщив, что сам он решил обозначать этот звук посредством букв **ā**, **▲** (см. об этом ниже), Кипиловский далее продолжает: „Такого рода ударение („гласоударението“), говорят мне некоторые, надо писать с разными буквами, вновь придуманными, но я предпочел этот знак“ (т. е. черточку над *a* и **▲**).²⁸ По-видимому, кто-то из брашовских болгар предлагал писать один или другой надстрочный знак и с другими буквами (может быть, даже и с *o*, *e*, *y*) для обозначения звука **ѣ**. О том, что обозначение этого звука явилось предметом острых споров, свидетельствует и Иван Селиминский, живший в 20-е годы в Брашове. В письме В. Априлову и Н. Палаузову от 17 .IX. 1840 г., т. е. спустя более 15 лет после имевших место споров, он писал, что Кипиловский „поссорился с Неновичем из-за некоторых букв, а именно из-за глухой *a* („твърдогласната *a*“), звук которой [т. е. **ѣ**, — Г. В.] он принимал, но не знак для нее: „один из них хотел писать с *a*, другой с *á*, один с *a*, а другой с *â* или *à*, каждый в соответствии со своим мнением, проявляя свою неграмотность, чтобы не сказать хуже.“²⁹ Как увидим ниже, ни Кипиловский, ни Ненович в своих книгах, изданных через 2—3 года после описываемых Селиминским событий, не обозначают звук **ѣ** названными в цитируемом письме буквами. Возможно, что память подвела Селиминского, и он забыл точные детали спора между Кипиловским и Неновичем. Но возможно и другое, а именно, что первоначально, в 1823 г., когда „Филологическое общество“ в Брашове только разрабатывало программу своей деятельности, а отдельные члены его приступали к переводу или составлению своих книг,

²⁷ М. Арнаудов. Българското книжовно дружество в Браила. С., 1966. с. 10.

²⁸ Священное цветообрание, с. XIII.

²⁹ Библиотека „Иван Селимински“, С., 1931, кн. XIV, с. 9.

ними предлагалось и такое обозначение звука **ѣ**, о котором пишет Селиминский.

Посмотрим теперь, как на практике был решен вопрос с **ѣ** членами брашовского „Филологического общества“.

Первой книгой, изданной группой брашовских болгар, был „Рыбный букварь“ Петра Берона. Звук **ѣ** после твердого согласного Берон в нем обозначает, как правило, буквой *ă* (а с дужкой), заимствованной им из азбуки румынского „тогда еще — валашского) языка, а **ѣ** после мягкого согласного — буквой *â* (юс малый с дужкой), например: *ă — кăща-та* (71), *пăть* (55), *мăч-ны* (3), *кăсы* (3), *порастăть* (41), *свѣт-ăть* (47), *рекă* (3), *какăвъ* (3), *вăлкъ* (51), *вăттрѣ* (55) и т. д.; *â — броâ* (27), *оуловâ* (6), *да посолâ* (58), *ще сâ наредâть* (9), *за да побѣдâ* (44) и т. д. Но и Берон еще отдает частично дань церковнославянской традиции и пишет: *мѣки* (2), *мѣдри* (57), *мѣдрѣ* (71), *сѣдникъ* (77), *состоянїе* (2), *дѣлги* (5), *мѣлчи* (71), *возмѣжно* (47), *пѣрво* (5), *пѣрстатъ* (59) и т. д.

Анастас Кипиловский (Стоянович) в книге „Священное цветообращение“ для обозначения звука **ѣ** использует буквы *â* (после твердых согласных) и *ă* (после мягких согласных). Сам он в предисловии к этой книге пишет: „Я чтобы выразить природное произношение слов *кăща*, *крăпа*, *гăба*, *свѣдă*, *варвă*, *свѣбă*, *читă* и др., добавил этот знак (—) сверху над буквами *а* и *ă*.“³⁰ Этими буквами обозначается звук **ѣ** под ударением, при этом специальный знак ударения над ними отсутствует, так что эта черточка одновременно служит и как бы показателем ударенности гласного. Без ударения звук **ѣ** обозначает Кипиловский буквами *а* и *ă* (без черточки). Ср.: под ударением — *да дадăть* (9), *ще бăда* (65), *пăти* (69), *да сă ѡпăдăть* (64), *тлăсты* (62), *тăй* (56), *да согрѣшă* (56), *да претърпă* (55), *согрѣшă* (56), *денăть* (61) и т. п.; без ударения — *лажă* (36), *таргѡвцы* (56), *да нѡси нăгарби дравăта* (27), *испадѣлъ* (10), *фарлѣха* (55), *отмашенїе* (26), *мѡга да стѡрă* (56) и т. д.

Такое обозначение звука **ѣ** (под ударением и без ударения) у Кипиловского, однако, не последовательно. Достаточно часто в словах с ожидаемыми *â*, *ă* или *а*, *ă* мы видим буквы **ѣ**, **о** или **е** в соответствии с церковнославянско-русской традицией, напри-

³⁰ См. Священное цветообращение или сто и четыре священных истории, с. XI.

мер (обычно в словах книжного происхождения): *премѣдрость* (2), *прествплѣніето* (7), *вдѣхналъ* (3), *испѣлнена* (7), *дѣлженъ* (6), *кровопрѣлітіе* (29), *возносѣ са* (5), *создѣденъ* (3), *испѣрва* (5), *твѣрда* (117), *сердѣата* (5), *смѣртныти* (18) и т. д. Сказанное относится к основной части „Священного цветообращения“, отпечатанного церковной печатью. В небольшом же (на двух страницах) посвящении Антону Иоановичу, напечатанном гражданской кириллицей, звук ѣ под ударением обозначен буквой ѣ (в двух случаях) — *тѣзи* и *тѣй*. Других слов, где выступал ѣ под ударением, в этом тексте нет, за исключением, может быть, существительного *бѣднота*, в членной форме которого (-*та*) в принципе тоже может выступать звук ѣ. В безударных слогах здесь ѣ передан буквами *а* (*ще наченатъ*, предлог *сасъ*) и, после мягкого согласного, *я* (*ще молятъ*). Но в одном случае и в этом тексте, как и в основном, Кипиловский на месте ожидаемого ѣ передает ѣ под ударением с помощью буквы *у*: *ще пребуда*.

Так же как у Кипиловского, т. е. буквами *а* и **▲** с горизонтальными черточками (правда, не везде четко пропечатанными) над ними, передается звук ѣ и в книге „Новий завет сиреч четирите евангелии на четиряхъ евангелиста“, изданной церковной кириллицей в 1828 г. в Бухаресте, например: *ше бѣде, въ раката, мѣдра, кѣцата* (31), *сѣдѣтъ, на земѣта, въ денѣ* (11) и др. И в этой книге, как и в других книгах того времени, нередко встречается отступление от такого обозначения в пользу церковнославянской традиции, т. е. написания с **ѣ**, **о**, **е**, например, *премѣдростѣта* (11) и под. Перевод этой книги был сделан Петром Сапуновым при участии священника Серафима. В предисловии П. Сапунов называет издание ее „плодом долгих трудов“ своих и Серафима, скончавшегося еще до выхода книги в свет. Из этого следует (учитывая также, что Сапунов родился около 1800 г.), что перевод и подготовка „Нового завета“ к печати осуществлялись в те же годы, когда готовились к изданию и книги Берона, Кипиловского и Неновича (о его книгах речь идет ниже), вышедшие в свет несколькими годами раньше.

Василий Ненович пошел по другому пути. Вместо модификации (с помощью надстрочных знаков) употреблявшихся в церковнославянской печати букв *а* и **▲**, он ввел „юс большой“. В обеих его книгах — „Священная история церковна от ветхий и новий завет“ (Буда, 1825) и „Буквар за децата на славено-болгарскѣет народ“ (Буда, 1826) — „юс большой“ имеет двоякое начертание: **ѣ** и **ѣ** (соответственно йотированные **ѣ** и **ѣ**, без сое-

Здесь и ниже вместо **ѣ**, **ѣ** должно быть: 95

динительной горизонтальной черточки). Обычный ж встречается в книгах очень редко. Так, в „Священной истории церковной“ его находим только в словах, набранных более крупными литерами, например, с̄жъ, (на титульном листе), в заглавиях разделов — за грѣх̄ж-тѣ (5), за потоп̄ж-тѣ и закон̄ж-тѣ (7). В основном же тексте, набранном более мелкими литерами, последовательно употреблена буква ж̄: м̄жъ, к̄жца, р̄жкѣ, с̄жнд̄жкъ (2), б̄жде, хл̄б̄ж-тѣ (32), говор̄или с̄ж (28), с̄жмь, д̄жлгш (14) и др. В „Букваре“ ж также встречается только в словах, набранных более крупными литерами, например, в заглавиях разделов — с̄жн̄ж-тѣ (31) и др. В основном же тексте и здесь регулярно встречается ж̄: в̄жтре, г̄жрло-то, (15), м̄жртвѣ, л̄жж, см̄жтны (31), да св̄жриж, душ̄ж (32) и др.

Как возникла у Неновича такая идея, что непосредственно побудило его обратиться к древнеболгарской букве ж для обозначения характерного новоболгарского звука ѣ, мы не знаем. Но мы знаем, почему он предпочел именно эту букву. Есть основания утверждать, что Ненович, во-первых, был в какой-то мере знаком с научной литературой, посвященной древнеславянской письменности, из которой он мог узнать об употреблении этой буквы в древнейших памятниках славянской письменности, и, во-вторых, он отождествлял древнее произношение „юса большого“ с новоболгарским ѣ. Это видно из следующего его замечания в „Священной истории церковной“: „Букву ж̄ имел славянский народ в древних книгах, но потом ее оставили, потому что изменили и произношение слов. Мы же и доньше сохранили такое же произношение ж̄, и потому мы нуждаемся в том, чтобы писать ее“ (с. 2). Более решительно о необходимости этой буквы Ненович пишет в „Букваре“: „... и мы никак не можем отказаться от нее“ (с. 15). Наличие буквы ж̄ в древнейших памятниках славянской письменности и сохранение болгарами такого произношения обозначаемого ею звука, какое было свойственно древним славянам, — вот те веские основания, которые заставили Неновича использовать „юс большой“ для передачи в печатном тексте новоболгарского звука ѣ. Отметим попутно, что, собственно говоря, эти же аргументы в пользу введения в новоболгарскую печать этой буквы приводились и позже, уже в 40—50-е годы, когда вопрос обозначения звука ѣ приобрел исключительную остроту в спорах вокруг нормализации болгарского литературного языка.

Возможно, что в целесообразности использования „юса большого“ убедил Неновича и тот факт, что эта буква для обозначения звука *ѣ* употреблялась и в памятниках новоболгарской письменности, с которыми он также мог быть знаком. Как известно, эта буква встречается, например, в дамаскинах — Тихонравовском (XVII в.),³¹ Троянском (XVII в.),³² Свиштовском (1753 г.)³³.

Из писем В. Неновича, связанных с подготовкой к печати указанных выше книг, видно, что к мысли об использовании *ѣ* он пришел не сразу. Первоначально звук *ѣ* он обозначал буквами *ä* и *ǣ*, т. е. так же, как обозначает их П. Берон в „Рыбном букваре“. Но, видимо, вскоре Ненович передумал и вместо них стал писать *ä* и *ǣ*. Отметим, что и в первом, и во втором случае он, кроме дужки и точки, ставил еще и знак ударения в тех случаях, когда звук *ѣ* находился в позиции под ударением. В письме от 25 .III. 1825 г. в дирекцию Университетской типографии в Буде, где уже печаталась его „Священная история церковная“, он просит отлить особые литеры, необходимые для набора „всех книг“, которые будут печататься, и заменить ими *ä* и *ǣ* в уже посланных в типографию листах. „Кроме того, — пишет Ненович, — в большом числе слов встречаются буквы *a* и *ǣ* с надстрочными знаками („mit den Accent“) *á*, *ǣ́*, *ǣ̂*, а именно *ä*, *ǣ*, *ǣ́*, *ǣ̂*, на месте которых я прошу отлить и набрать буквы: *ä̂*, *ǣ̂*, *ǣ̂́*, *ǣ̂̂*, *ǣ̂́*, *ǣ̂̂*“³⁴. Но очень скоро Ненович вновь меняет способ пе-

³¹ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. [Т. 2]. Исследование и текст. С., 1971, с. 25.

³² А. Иванов. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. С., 1967, см. в словаре-указателе: *денѣ*, *донесѣ*, *женѣта*, *идѣ*, *сѣбота* и многие другие.

³³ Л. Милетич. Свишовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. С., 1923, с. 84.

³⁴ М. Бур. Указ. соч., с. 234. — В воспроизведении надстрочных знаков в цитируемой публикации оказались неточности. В болгарском переводе этого письма читаем: „... буквы *a* и *ǣ* с надстрочными *á*, *ǣ́*, *ǣ̂*, а именно *ä*, *ǣ*, *ǣ́*, *ǣ̂*, в таком случае прошу отлить их и набрать так: *ä̂*, *ǣ̂*, *ǣ̂́*, *ǣ̂̂*, *ǣ̂́*, *ǣ̂̂*“ (там же, с. 231). Очевидно, что Ненович различал здесь знаки с оксией и варией. Об этом можно судить и по его примечанию (к сожалению, тоже неточно воспроизведенному в публикации на немецком языке и в болгарском переводе) в конце этого же письма, в котором он просит корректора типографии внести в печатавшуюся там „Священную историю церковную“ в числе прочих и такие исправления (или изменения): „Вместо *ä́*, *ǣ́*, которые стоят только в середине слов, следует набрать *ä̂́*, *ǣ̂́*, вместо *ä̂̂*, *ǣ̂̂*, которые

редачи звука ѣ, введя теперь уже ѣ и ѣ̣. В письме от 25 .IV. 1825 г. в ту же дирекцию он впервые (в сохранившихся письмах) называет уже эти буквы. Вместе с этим письмом Ненович послал в типографию „совсем новую рукопись краткой истории“ с указаниями о том, как ее следует печатать. Говоря о „разделительных знаках“ (дефисах) при членных формах, он в числе последних называет и -ѣѣ, а несколько ниже пишет следующее: „Поскольку кроме обычного ѣ встречается реже в середине и чаще в конце слова также и ѣ в виде ѣ̣, со стоящим перед ним і, я прошу, ввиду произношения этой буквы, отлить ее слитно (с і).“³⁵ То, что ѣ (ѣ̣) Ненович предлагал взамен букв ä и Ä, о которых речь шла выше, видно из его письма от 29 .V. 1825 г., адресованном двоюродному брату Павлу Неновичу, его доверенному лицу в сношениях с типографией, где он поясняет, как отличить ранее посланные листы, которые необходимо взять из типографии, от листов более поздних, которые необходимо печатать. „Чтобы Вы знали, — пишет он, — какие бумаги первые, что Ваша милость передала (ранее в типографию. — Г. В.), говорю Вам, что это те, которые имеют а со знаками над словами, т. е. так: ä, ä', ä', или так: ä, ä', ä и Ä, Ä'. . . Более поздние — с ѣ и ѣ̣ (не как выше названные со знаком над а); эти более поздние, следовательно, пусть останутся, как образцы словарей, так и образцы „Священной истории“³⁶. Типография обещала изготовить литеры ѣ и ѣ̣ и набрать их в печатавшейся уже там „Священной истории“, но обещания своего не исполнила, и эта книга вышла не с ѣ и ѣ̣, а с ä и Ä.

стоят только в конце слов, следует набрать ä', Ä'" (там же, с. 233). Согласно немецкому тексту этого же примечания, Ненович предлагает заменить ä', Ä' в середине слов на ä', Ä', а ä', Ä' в конце слов — на ä', Ä' (там же, с. 235—236). Из такого запутанного и противоречивого воспроизведения надстрочных знаков все же можно заключить, что эти указания касаются замены разных знаков (с разными ударениями) в середине и в конце слов. Имея в виду орфографическую практику того времени, мы и полагаем, что для обозначения звука ѣ в середине слов Ненович предлагал сначала ä, Ä, а затем ä, Ä с оксией, а для ѣ в конце слов, — эти же буквы с вариет, причем во втором случае знаком ударения он заменял правую точку (с целью, надо полагать, упрощения надстрочной части литеры).

³⁵ М. Б у р. Указ. соч., с. 236, 237.

³⁶ М. Б у р. Указ. соч., с. 239, 241. — И в этом письме — в болгарском переводе и в оригинале на греческом языке — надстрочные знаки воспроизведены неточно. Отметим также, что в болгарском тексте вместо ѣ, указанного в греческом оригинале и соответствующего смыслу этой части письма, по недосмотру напечатано Ä.

В середине августа 1825 г. В. Ненович послал П. Неновичу „Букварь“ с просьбой показать его в типографии и узнать, во сколько обойдется его печатание.³⁷ К этому времени он уже, видимо, окончательно убедился в необходимости использования ж и ѣ и настойчиво добивался того, чтобы букварь был напечатан с этими буквами. В письме от 28 .IX. 1825 г. он пишет П. Неновичу: „Если примут Букварь в типографию, скажите, чтобы отлили заново эти буквы ж , ѣ . . . , о чем я им писал и что они обещали сделать, но не сделали, а в истории (т. е. в „Священной истории церковной“. — Г. В.) набрали другие буквы валашские. Такие буквы валашские не нужны в Букваре“³⁸. В последующих письмах и к П. Неновичу, и в типографию В. Ненович неоднократно пишет о необходимости изготовить ж и ѣ вместо ѣ , ѣ . В письме от 2 .XII. 1825 г. он специально подчеркивает, что ему нужны литеры ж , ѣ , а не ѣ . Он пишет: „Ожидаю от уважаемой дирекции ответа через почтенного Павла С. Неновича, могут ли быть отлиты эти буквы ж (не так: ѣ) и ѣ “³⁹. По-видимому, в начале января 1826 г. вопрос о требуемых юсах в типографии был решен положительно. В начале апреля П. Ненович уже держал последнюю корректуру „Букваря“, а в самом конце апреля или начале мая (не позднее 7 мая 1826 г.) „Букварь“ Неновича вышел в свет⁴⁰, но . . . не с ж , ѣ , а с ѣ , ѣ . Увидев это, Ненович был очень огорчен. В письме П. Неновичу от 22 .VI. 1826 г. он с огорчением констатирует, что „буквари вышли не такими, как мы хотели, т. е. с нужными буквами (ж , ѣ . — Г. В.), которые я просил сделать и которые сделать они обещали, а напечатали без них“⁴¹.

Так, вопреки желанию Н. Неновича, и в „Священной истории церковной“, и в „Букваре“ оказался не обычный „юс большой“ — ж (ѣ), а ѣ (ѣ). Причина этого заключается, по-видимому, в том, что университетская типография уже располагала необходимым количеством литер ѣ (ѣ) и не захотела специально для книг Неновича отливать другую, похожую литеру. И все же, как сказано выше, в редких случаях в его книгах встречаются

³⁷ М. Б у р. Указ. соч., с. 249.

³⁸ Там же, с. 251.

³⁹ Там же, с. 259. — В болгарском переводе этого письма буква ж отчетливо видима на факсимиле немецкого текста, передана неправильно: в виде знака ѣ (с. 257).

⁴⁰ См. письмо В. Неновича от 6/18. V. 1826 г. (Там же, с. 273).

⁴¹ М. Б у р. Указ. соч., с. 275.

слова и с обычным *ж*. Именно в таком начертании „юс большой“ закрепился позже в новоболгарской печати (церковной и гражданской) и употреблялся вплоть до последней орфографической реформы 1945 г.

Таковы первые опыты обозначения характерного болгарского звука *ѣ* в болгарской печати начала XIX в. Мы остановились на них подробнее потому, что это были первые опыты разрешения, как потом оказалось, очень трудного вопроса. Они послужили началом долгой и насыщенной острыми спорами истории нормализации болгарской графики и орфографии в эпоху формирования современного литературного языка болгар.

(Сб. „Славянское и балканское языкознание“, М., „Наука“, 1979, с. 246—263)

О СОЗДАНИИ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ
КАК ПРЕДПОСЫЛКЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Известно, что в общем движении за национально-культурное возрождение проблема родного языка вообще и литературного, в частности была одной из главных. Важность ее определялась первостепенной значимостью языка как признака национальной самобытности народа, как орудия сохранения и укрепления его единства, как решающего средства развития национальной культуры.

В соответствии с общей направленностью задач национального Возрождения у болгар преобладающее число деятелей этой эпохи полагало, что формировавшийся литературный язык должен быть народным в своей основе (т. е. базироваться на живой, народно-разговорной речи), быть единым (более или менее строго нормированным) и общebolгарским (обязательным в определенных сферах общественного приложения на всей болгароязычной территории). Создание такого языка было сопряжено с рядом трудностей, главным образом ввелингвистического свойства, с которыми связаны — прямо или косвенно — значительные различия в языке (правописании, морфологии и др.) издававшихся болгарских книг.

В связи с открытием светских болгарских школ, зарождением журналистики, развитием переводной и разных жанров оригинальной национальной литературы (30—40-е годы XIX в) потребность в едином общebolгарском литературном языке осознается все сильнее, а необходимость устранения царившего в письменности языкового разнобоя становится все настоятельнее. И важнейшей из первоочередных мер, призванных покончить с таким состоянием языка, как раз и признавалось создание единой и общей грамматики, т. е. свода правил орфографии, морфоло-

гии, синтаксиса, которым следовали бы все образованные болгары (ср. и обычную формулу: „Грамматика учит, как правильно писать и говорить по-болгарски“), а также составление словаря, в котором было бы собрано словесное богатство родного языка. Признавалось, таким образом, что грамматика и словарь наряду со своим прямым, чисто учебным назначением должны были стать и основным кодифицирующим началом в формировании литературного языка.

Важность составления грамматики и словаря понимали многие деятели Возрождения. Как и любое другое содействие формированию литературного языка, оно считалось первостепенным делом общенационального значения. Необходимость их сознавали уже авторы первых печатных новоболгарских книг. Так, А. Кипиловский писал (1825), что, приступая к переводу „Священного цветообращения“, он испытывал и „те трудности, которые происходят из отсутствия грамматики и лексикона нашего языка“¹. Не случайно поэтому, что уже в середине 20-х годов XIX в. Филологическое общество — первое у болгар культурно-просветительное общество — в число первых шести книг, которые оно намеревалось подготовить и издать, включило четырехязычный словарь и болгарскую грамматику. Начиная с середины 30-х годов, когда проблема создания единого литературного языка в Болгарии была поставлена на повестку дня (В. Априлов, Неофит Рильский), на протяжении десятилетий в болгарских изданиях постоянно поднимается вопрос о грамматике и словаре как необходимых предпосылках решения этой задачи.

Уже Неофит Рильский, один из образованнейших болгар середины XIX в., видный деятель национального Возрождения, хорошо понимавший огромное значение просвещения для судьбы своего народа, подчеркивал в 1835 г., что „прежде должно устраивать школы, а потом уже церкви и монастыри“ (заметим, что это говорит не светское лицо, а монах), что „прежде должно напечатать на нашем болгарском языке нужные для учения книги, а после уже Ветхий и Новый завет“². Но поскольку для успешного распространения просвещения необходим единый для всех болгарских земель язык и поскольку „никакой язык не может принять своего благообразия и исправления иначе, если он не примет грамматических правил“, то, указывая Неофит Рильский „самая нужная вещь, потребная прежде всего прочего, есть

¹ См. предисловие к кн.: Священное цветообращение или сто и четыре священные истории. Будим, 1825, с. XI.

² Н. Р и л с к и. Болгарска граматика, сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835, с. 11.

грамматика нашего родного и природного языка, дабы каждый писал то, на что он способен, на своем языке по правилам общей, а не местной грамматики, от коей не происходит ничего, кроме бесполезного порицания³.

Подобные суждения о составлении грамматики как о необходимой предпосылке „устройства“ единого общеполитического литературного языка высказывались впоследствии многими и неоднократно.

Много говорилось и о необходимости создания словаря болгарского языка. Мысль о словаре настолько владела умами интеллигенции, что, как писал И. Шишманов, „можно с полным правом сказать, что в нем (словаре. — Г. В.) выражен высший идеал“ образованных болгар эпохи Возрождения.⁴ В подтверждение исключительно большого желания иметь болгарский словарь приведем восторженные отзывы о первом выпуске „Болгарского словаря“ Найдена Герова (СПб., 1865). Газета „Цариградски вестник“ поместила один за другим два отзыва. В одном из них С. Филаретов писал о „многожеланном словаре“ Н. Герова: „Мы так обрадовались, когда увидели это хорошее и утешительное начало, что не могли утерпеть и не сообщить теперь же другим нашим братьям известие, которое, как мы уверены, все встретят с открытым сердцем и благодарностью“⁵. Значение же самого словаря С. Филаретов характеризовал так: „Каждый из нас, кто понимает, что такое народная письменность, литература, народное образование, и кто болеет душой за общую пользу для отечества, почувствует, какое большое значение имеет для нас эта книга. Словарь и грамматика — это самая первая основа литературы на любом языке: пока их нет, никакая литература не может двинуться вперед.“ Автор другой заметки, некто Н. К., писал, что этот словарь — „важнейшее предприятие Н. Герова“, „подвиг героический, совершенный Н. Геровым, который принесет „пользу неисчерпаемую“ и удовлетворит насущные нужды отечества в просвещении.“ Журнал же „Български книжици“ сообщал о выходе этого словаря как о „величайшей, самой радостной новости“, называя его „бессмертным трудом“ Н. Герова, который удовлетворит одну из „первейших потребностей наших“⁷.

³ Н. Рилски. Болгарска граматика, сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835

⁴ И. Шишманов. Константин К. Фотинов. — Сборник за народни умотворения, 1894, кн. XI, с. 694.

⁵ Цариградски вестник, год. 7, 1857, 18. V.

⁶ Цариградски вестник, год. 7, 1857, 12. I.

⁷ Български книжици, год. 1, 1858, ч. 1, с. 10.

Создание грамматики и словаря, таким образом, не было самоцелью или чисто филологической целью, призванной удовлетворить интересы узкого круга образованных болгар. Как необходимая предпосылка „устройства“ единого общеполитического литературного языка — средства просвещения, развития литературы и других областей национальной культуры — оно непосредственно связывалось с задачами национального развития. В разных изданиях той поры рассеяны многочисленные высказывания о том, что без грамматики и словаря болгары не смогут быстро и успешно развивать свою школу и литературу, не смогут широко и плодотворно использовать достижения других народов и передавать свое духовное богатство будущим поколениям. Еще в 1836 г. Хр. Павлович указывал, что грамматика — это „самое необходимое средство и основа“ просвещения в Болгарии, ибо без нее „никакого сочинения на нашем языке не может быть и, следовательно, не может быть и просвещения“⁸. А в 1868 г. Н. Пырванов писал о создании „хотя бы более или менее совершенной грамматики“ как о важнейшем условии успешного развития просвещения и литературы.⁹

Со времени выхода в свет в 1835 г. первой болгарской грамматики (упомянутая выше грамматика Неофита Рильского) и до освобождения Болгарии было издано более десяти грамматик разных авторов, не считая многих букварей. Скромнее были успехи в лексикографии. Некоторые из грамматик выдержали по несколько изданий и долгие годы служили основным грамматическим пособием в школах. Таковы, в частности, „Основы болгарской грамматики“ И. Груева и „Грамматика новоболгарского языка“ И. Момчилова.

Целый ряд грамматик и словарей остался незаконченным или неизданным, в том числе грамматика Н. Герова и словарь Неофита Рильского — плод его многолетних трудов, с нетерпением ожидавшийся современниками. Известно, что многие деятели Возрождения намеревались заняться составлением грамматики и словаря, собирали для них материалы. С целью ускорить их подготовку и издание предлагались различные меры и проекты. Так, в 1844 г. Г. Крыстевич выступил с предложением учредить академию, состоящую из небольшого числа лингвистически подготовленных „ученых мужей“, представляющих разные школы и области Болгарии, с целью составить авторитетную грамматику

⁸ Хр. П а в л о в и ч. Грамматика славено-болгарска. В Будиме граде, 1836, с. 3.

⁹ Н. П ы р в а н о в. Бележки връх граматика на новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 7.

и словарь болгарского языка, которые бы стали „единым общим правилом“ для всех болгар.¹⁰ В 1856 г газета „Цариградски вестник“ сообщила о намерении группы состоятельных болгар объявить своего рода конкурс на лучшую грамматику и словарь, победителей которого ожидала денежная премия.

Изданные в эпоху Возрождения грамматики и словари сыграли разную по своей значимости роль в формировании болгарского литературного языка. Бесспорно большая роль в этом принадлежала грамматикам, которые создавались как общеполгарские.

Правда, в них в той или иной мере проступает определенная диалектная основа в предписываемых ими правилах морфологии и орфоэпии, а также в синтаксисе и лексике (ср. хотя бы грамматики представителей тырновской и пловдивской литературно-языковых школ¹¹). Существенны были различия в правописании. Несоответствие претензий грамматистов на общеполгарское функционирование предлагавшихся ими сводов правил локальной диалектной основе этих правил (по крайней мере, некоторых из них), различное отношение к литературно-письменной традиции при выработке грамматических и орфографических правил явились причиной многих критических выступлений, острых нападок и упрёков, отражавших приверженность оппонентов к другим местным говорам и другим литературно-языковым школам (см., например, оценку в печати грамматик И. Богорова, И. Груева и др.). Следует отметить, что игнорирование особенностей отдельных диалектов при формировании единых норм общеполгарского литературного языка со временем, когда последние в основном уже определились, привело к попыткам создания учебных пособий регионального назначения (конец 60-х — начало 70-х годов). Составителям грамматик не удалось до конца преодолеть существовавшие разногласия по многим вопросам „устройства“ литературного языка и добиться полной кодификации его норм. Несмотря на это, основные нормы, базирующиеся на народно-разговорной речи и определяющие современный грамматический облик литературного языка, были закреплены в грамматиках и в значительной степени благодаря им уже к началу 70-х годов утвердились в отдельных сферах его приложения.

¹⁰ Г. Кръстевич. Кое е средството на просвещението. — Любословие, год. 1, 1844, ч. 8, с. 108.

¹¹ Общую характеристику литературно-языковых школ, сложившихся к концу Возрождения, см. в статье: Л. Андрейчин. Унификационни процеси в българския книжовен език през първите десетилетия след Освобождението. — Български език, 1973, кн. 5, с. 371—373.

Что касается словарей, то, кроме чисто практических (учебных и других) задач, их издание связывалось прежде всего с фиксацией словарного богатства как источника совершенствования языка, а вместе с этим и с известной нормализацией его лексического состава (ср., в частности, ограничение турцизмов и грецизмов и др.).

(Сб. „Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII — XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО“, М., „Наука“, 1978, с. 137—141)

ПРОБЛЕМА НОРМАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПРОГРАММАХ ПЕРВЫХ БОЛГАРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Проблема родного языка вообще и литературного языка в частности — одна из центральных проблем национального возрождения. Большое значение, которое придавали этой проблеме многие деятели Возрождения, объясняется, прежде всего пониманием и важности языка как признака национальной самобытности народа, как решающего средства национального и культурного развития, как орудия сохранения и дальнейшей консолидации нации. В связи с этим представляет интерес вопрос о месте проблемы литературного языка в программной деятельности первых просветительских обществ — важных звеньев в общем движении болгар за культурное возрождение.

Мысль о создании литературного языка совместными усилиями образованных болгар развивалась в эпоху Возрождения многими. Считалось, что создать такой литературный язык, в котором нуждалась национальная школа, литература, все дальнейшее культурное развитие народа, — дело непосильное для одного человека, и что, следовательно, он может сформироваться только в результате многолетнего труда многих образованных людей. Высказывались разные точки зрения на то, какова конкретная роль писателей, филологов (грамматистов), учителей и других образованных людей в решении этой важнейшей общенациональной задачи. Согласно одной из них, создание и совершенствование литературного языка должно быть делом коллектива образованных болгар, объединенных в общество, академию или просто „собрание“ ученых.

Впервые необходимость выработки норм литературного языка коллективными усилиями образованных болгар обосновывал В. Априлов, хотя, как увидим ниже, и до него уже были попытки нормализовать язык таким путем. В знаменитом „Мнении относительно просвещения народа“ (1836 г.) он писал: поскольку

„краеугольный камень образования болгар“ уже, хотя и поздно, закладывается, „необходимо собраться их образованным людям прежде всего для устройства языка таким образом, чтобы они, приложив каждый свои знания к знаниям других, приняли одну систему, которую они впредь применяли бы в своих сочинениях и которая была бы введена в школе в Габрове и в других местах, где будут открыты другие школы“¹.

По мнению Г. Крыстевича, получившего юридическое образование в Париже и, несомненно, знакомого с деятельностью Французской академии наук, нормализация литературного языка должна быть делом „небольшой пока академии“, которая объединяла бы наиболее образованных и сведущих в вопросах языка болгар для составления грамматики и словаря — основы утверждения единых литературных норм. Г. Крыстевич писал (1844 г.), что составить „грамматику и лексикон нашего языка, т. е. единое правило“, которому бы следовали все болгары, — задача, непосильная для одного или двух образованных соотечественников. Для ее выполнения нужно, чтобы „собрались хотя бы пять или шесть ученых мужей из различных мест и из разных школ, которые были бы освобождены от другого попечения и упражнения и были бы посвящены (определены) совершенно только для этого дела“². „Само же средство, которое может улучшить (общий, единый язык, — Г. В.), — писал он в другом месте, — это небольшая пока академия („малка нине академия“), учрежденная в подобающем месте. А академия — это собрание ученых мужей, знающих хорошо славянский и другие иностранные языки не для преподавания уроков и наук (это не способ нашего улучшения), а для того, чтобы образовать („за да образят“) наш язык (в этом — основа), т. е. сочинить его грамматику и составить его словарь.“³

Как видно, Г. Крыстевич считал, что выработкой единых правил литературного языка должны заниматься „ученые мужи“, отвечающие ряду требований. Они должны, во-первых, быть подготовлены филологически — хорошо знать славянский (т. е. церковнославянский) и иностранные языки; во-вторых, быть родом из разных мест и представлять разные школы Болгарии и, в-третьих, заниматься только составлением грамматики и словаря, свободные от всяких других забот и занятий. В этом Г. Крыстевич видел, вероятно, гарантию того, что грамматика и словарь —

¹ Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа. — Известия на Архивния институт, т. 1, С., 1957, с. 219.

² Г. Крыстевич. Кое е средството на просвещението. — Любословие, год. I, 1844, ч. 8, с. 108.

³ Там же, с. 107.

основа кодификации литературного языка, — составленные группой таких „ученых мужей“, будут особенно авторитетными и станут на деле „единым общим правилом“.

Любопытно, что с мнением ученого общества готовы были согласиться и некоторые деятели Возрождения, предлагавшие церковнославянский в качестве базы литературного языка болгар. Интересно в этом отношении мнение К. Фотинова. В последних номерах журнала „Любословие“ (1846 г.) К. Фотинов обосновывал преимущества „церковного наречия“ в качестве литературного языка болгар, но вместе с тем не исключал полностью и того, что „растленное и испорченное состояние“ языка простого народа может быть приведено в рамки определенных правил и усовершенствовано. Это, как он полагал, может быть осуществлено в результате многолетних и больших трудов национальной академии („народна академия“), ибо только академия сумеет „правильно поставить на верный путь народное наречие“⁴. К. Фотинов при этом ссылается и на опыт просвещенных европейских народов, которые предпочитают наречия, „природно свойственные, гладкие, в академии обработанные“. Он даже готов был бы отказаться от безюсового „церковного наречия“ и вновь вернуться к народно-разговорному языку, если „многославная и пресзначительная национальная академия“ обработает последний так, что своим совершенством он будет превосходить „церковное наречие“ Кирилла и Мефодия.⁵

Первая попытка коллективного решения вопросов устройства литературного болгарского языка связана с деятельностью „Филологического общества“ („Филологическо дружество“) в Брашове в середине 20-х годов XIX в., еще до возникновения в печати филологических споров вокруг литературного языка. Уже в те годы книжники живо чувствовали отсутствие грамматики и словаря болгарского языка. А. Кипиловский, например, писал, что, приступая к переводу „Священного цветообращения“, он испытывал и „те трудности, которые проистекают из отсутствия грамматики и лексикона нашего языка“⁶. Он выражал сожаление по поводу того, что „этимологическая грамматика болгарского языка“ и четырехязычный лексикон, о которых сообщил „один

⁴ К. Фотинов. Мъчно е да познае человек сам себе св. — Любословие, год II, 1846, ч. 23, с. 171.

⁵ Там же, ч. 24, с. 187.

⁶ См. его обращение „Както любопрочитателите“ в переведенной им книге: Священное цветообращение или сто и четыре священные истории. Будим, 1825, с. XI.

известный любородец“, т. е. П. Берон в „Рыбном букваре“, не вышли из печати до выхода в свет его собственного перевода, и потому они не могли оказать ему помощь в выборе „правильно-правописания и правильной речи“ („правоглаголанье“⁷).

Подробная история деятельности „Филологического общества“ еще не изучена.⁸ Инициатива создания общества исходила, вероятно, от В. Неновича. Он намеревался составить и издать словарь и грамматику болгарского языка, но, столкнувшись с неразрешимыми для него трудностями в области грамматики и словаря, предложил в 1824 г. основать названное общество,⁹ в которое вошли П. Берон, И. Селиминский, А. Кипиловский, Й. Генович и др. Это общество и составляло, вероятно, ту своего рода издательскую „задругу“¹⁰, объединившую патриотически настроенных и деятельных болгар Брашова, которые поставили своей целью содействовать просвещению своего народа путем издания совместными усилиями книг на болгарском языке.

Брашовские болгары предполагали развернуть большую издательскую деятельность, рассчитывая в этом и на разнообразную помощь других соотечественников. В „Рыбном букваре“ П. Берона о целях брашовских болгар сказано: „Мы должны стараться, насколько это возможно, печатать много („доста“) книг на нашем языке для просвещения нашего народа, ибо уже достаточно находится ему столько времени во мраке без учения. Даст бог, расширится усердие и ревность всех наших соплеменников и умножится учение в нашем отечестве“¹¹. Техническими исполнителями („эпитропами“) книгоиздательских планов брашовских болгар стали Й. Генович и В. Ненович.¹² В 1824 г. в их портфеле уже было шесть книг.¹³ Известны им были и другие, еще „неописанные книги“. Некоторые „любородные“ болгары собирались послать для печати „болгарскую историю и другие полезные книги“. Выражая, видимо, общее мнение Общества, П. Берон призывал болгар, имеющих рукописные книги, прислать их Й. Геновичу и В. Неновичу для издания, других сочинять и переводить книги, третьих — переписать рукописные книги и послать их в Брашов или же сообщить о них Й. Геновичу и

⁷ См. Священное цветообращение с. XII.

⁸ М. А р н а у д о в. Българското книжовно дружество в Браила. С., 1966, с. 10—11.

⁹ Там же, с. 10.

¹⁰ П. А т а н а с о в. Начало на българското книгопечатане. С., 1959, с. 145, 223.

¹¹ П. Б е р о в и ч. Буквар с различни поучения [Брашов], 1824, с. 143.

¹² Там же, с. 141.

¹³ Там же, с. 142.

В. Неновичу, чтобы они сами их получили.¹⁴ Как видим, члены „Филологического общества“ намеревались, видимо, печатать значительное количество книг на болгарском языке, предназначенных для распространения грамоты и знаний среди народа.

В программе деятельности брашовских болгар обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, число книг по языку, подготовленных к печати. Таких было три из шести, о которых сообщается в „Рыбном букваре“: 1) „Лексикон малкий на 4 язици: болгарски, гречески, влашки и российский, тъй направин, като да може всякий сам, и без даскал, да научи който язык ше от тези“, 2) „Грамматическа етимология на тези 4 езици“ и 3) „Грамматика болгарска“¹⁵. Как явствует из письма В. Неновича от 10 марта 1825 г., направленного в университетскую типографию в Будиме, объем четырехязычного „Лексикона“ должен был составить 40, а „Болгарской грамматики“ — 10 печатных листов в 8^о. „Лексикон“ в это время был уже подготовлен для печати, и В. Ненович давал в письме указания о шрифтах и верстке словарных частей, интересовался стоимостью набора. „Болгарская грамматика“ находилась у В. Неновича, которую он также собирался печатать.¹⁶

Ни „Лексикон“, ни „Болгарская грамматика“ В. Неновича не увидели света, причиной чему были сначала, по всей вероятности, возникшие среди брашовских болгар раздоры и противоречия,¹⁷ а впоследствии, может быть, отрицательное мнение о них Ю. И. Венелина. Какими бы ни были достоинства и недостатки грамматики и словаря, подготовленных В. Неновичем или другими членами брашовского „Филологического общества“, следует признать, что сам факт подготовки таких книг к печати свидетельствует о понимании ими важности словаря и грамматики болгарского языка для развития образования народа.

Во-вторых, обращает на себя внимание бесспорное признание того важного положения, что просвещение должно осуществляться на живом, народно-разговорном языке и потому книги следует печатать на таком языке, ибо в этом — „прямой путь к учению“. Это положение, впервые высказанное в печати П. Бероном в предисловии к „Рыбному букварю“¹⁸, разделяли, видимо, все

¹⁴ П. Берович. указ. соч., с. 143.

¹⁵ Там же, с. 141.

¹⁶ М. Б у р. Писма на книгоиздателя Васил Н. Ненович в Будапешенските архиви (1824—1826). — Известия на Института за литература, 1972, кн. XXI, с. 227—228.

¹⁷ М. Б у р. Указ. соч., с. 223.

¹⁸ П. Б е р о в и ч. Указ. соч., с. 2.

или большинство членов „Филологического общества“. В обращении к читателям, опубликованном в конце букваря и излагающем, как можно думать, мнение и других членов этого общества, сказано: „Очень полезно нам учиться сначала на нашем языке по правилам грамматики, а затем уже на другом языке.“¹⁹ Там же говорится, что И. Генович и В. Ненович, как исполнители планов общества, будут стараться, чтобы печатались книги „на нашем языке — так, как мы говорим“²⁰. О народно-разговорном в своей основе языке писал и А. Кипиловский, выступавший в принципе за правописание, соответствующее тому „произношению, которое у нас, в речи каждого естественно существует“, но по каким-то причинам все же следовавший на практике „славенскому правописанию“²¹.

„Филологическое общество“ в Брашове просуществовало недолго, вероятно, до конца марта — апреля 1825 г. Причиной его распада послужили острые споры, быстро переросшие во внутренние раздоры и нападки.²² Особенной несдержанностью отличался А. Кипиловский, решительно требовавший принятия всеми предлагаемых им правил орфографии.²³ Возникшая вражда заставила И. Селиминского вообще отказать от идеи создания общества в ближайшем будущем. Он считал, что время для объединения болгарских книжников и для занятия устройством литературного языка — составлением грамматики и словаря — еще не настало.²⁴

Идея коллективного решения вопросов нормализации литературного языка, родившаяся в кругу „Филологического общества“, вероятно, продолжала жить в умах образованных болгар и после распада этого общества. На такое предположение наталкивает следующее место из цитированного выше предисловия А. Кипилового к книге „Священное цветообращение“: „Другие некоторые любородцы, хорошо знающие („искусни“) разные европейские языки, хотят составить (в оригинале: „лежат да состоят“) систему правописания и спряжения болгарского языка, которая избавила бы „нашу грамматику от тех законов („канони“),

¹⁹ П. Берович. Указ. соч. с. 143.

²⁰ Там же, с. 142.

²¹ См. его обращение „Камто любопрочитателите“ в переведенной им кн.: Священное цветообращение, или Сто и четыре священные истории. Будим, 1825, с. XI.

²² М. Б у р. Указ. соч., с. 223.

²³ М. А р и а у д о в. Селимински. Живот — дело — идеи. С., 1938, с. 110—111.

²⁴ Там же, с. 111.

которых уже не могут избежать многие просвещенные нации²⁵. Речь идет, по-видимому, об упрощении орфографии путем отказа от уже устаревших правил. Если бы А. Кипиловский имел в виду намерения этих неизвестных пока „любородцев“ в рамках „Филологического общества“, то он, надо полагать, написал бы об этом как о чем-то минувшем, поскольку предисловие к переводу „Священного цветообрания“ было написано в августе 1825 г., уже после распада общества.

Проблемой родного языка как средства просвещения народа занималось в конце 30-х г. тайное „Славяно-болгарское ученолюбивое общество“, которое организовали болгары, учившиеся в школе известного греческого просветителя и педагога Т. Каириса на о-ве Андрос. В это общество, возглавлявшееся И. Добровским, входили Иларий Михайловский, З. Струмский, Г. Бусилин и др. Просветительские, национально-возрожденческие идеи Т. Каириса, прославлявшего величие греческой культуры, литературы, языка и нередко оскорблявшего национальные чувства своих болгарских воспитанников, заставили последних обратиться к своему отечеству, к судьбе собственного народа, к родному языку. Главной целью своего общества они и поставили национальное возрождение болгар исключительно путем просвещения на родном языке. Хотя протоколы и уставы общества писались на греческом языке, а члены общества между собой говорили по-гречески, было решено, по словам И. Добровского, что „впредь они будут работать для просвещения своего народа как болгары и посредством своего родного языка“²⁶.

Есть основание думать, что в „Славяно-болгарском ученолюбивом обществе“ ставился не только вопрос о живом, понятном народу языке как о средстве развития национального просвещения, но и вопрос о совершенствовании, обработке этого языка. Трудно предположить, что молодые болгары в школе Каириса не были знакомы с постановкой такого же вопроса применительно к греческому языку и что они оставили его совсем без внимания, обсуждая на своих тайных заседаниях вопрос о пригодности живого болгарского языка для школьного преподавания, сочинения литературных произведений и т. д. О том, что вопрос о совершенствовании, литературной обработке народного языка как часть общей проблемы национального просвещения болгар, по-видимому, рассматривался в этом обществе, свидетельствует до некоторой степени деятельность учащейся болгарской моло-

²⁵ Камто любопрочитатели, с. XIII.

²⁶ Цит. по И. Ш и ш м а н о в. Избрани съчинения, Т. I, С., 1965, с. 313.

дежи в Афинах. Как известно, после закрытия школы Т. Каириса в 1839 г. члены „Славно-болгарского ученолюбивого общества“ продолжали свое образование в Афинах. Там же в начале 40-х годов, вероятно, продолжало свою деятельность, уже под руководством И. Селиминского, и их общество.²⁷ Во всяком случае, как видно из письма И. Селиминского В. Априлову и Н. Палаузову от 17 сентября 1840 г., собиравшиеся на свои заседания болгарские студенты и гимназисты обсуждали и вопрос о совершенствовании языка как один из главных вопросов их деятельности. В письме говорится: „. . . С некоторого времени, как бы божьим духом вдохновленные, они (болгарские гимназисты и студенты, — Г. В.) начали собираться на первые заседания, чтобы обсуждать и решать вопросы совершенствования нашего языка и распространения просвещения. Обсуждение этого вопроса не только не погасило вспыхнувшее у них желание и не ввергло их в отчаяние, а наоборот — еще больше их сплотило, и они, видя славную цель борьбы, крепили и поощряли друг друга. На заседаниях были рассмотрены главные пружины, благодаря которым, с одной стороны, сохраняется единство („единодушие“) и национальность, а, с другой стороны, культура движется вперед плавными шагами и предназначение людей происходит безопасно. Оказалось, что этот вопрос заслуживает самого глубокого изучения и прежде всего он и явился первой задачей их ревностной деятельности. К ней каждый готовился предварительно по мере своих сил и способностей“ (курсив всюду наш, — Г. В.).²⁸

Из этого можно заключить, что проблеме литературного языка на заседаниях болгарских учащихся в Афинах уделялось первостепенное внимание как одной из „главных пружин“, определяющих национальное единство и будущий культурный прогресс болгар, а совершенствование языка признавалось первой задачей продолжавшего, видимо, здесь функционировать общества учащихся.

Следует отметить, что патриотические настроения и взгляды среди болгарской учащейся молодежи в Афинах складывались и под влиянием идей и начинаний В. Априлова в области национального просвещения и нормализации литературного языка.²⁹

²⁷ Ц. Кристанов, С. Маслев, И. Пенаков. Д-р Иван Селимински като учител, лекар и общественик. С., 1962, с. 135.

²⁸ Цит. по: Ц. Кристанов, С. Маслев, И. Пенаков. Указ. соч., с. 134—135.

²⁹ Ц. Кристанов, С. Маслев, И. Пенаков. Указ. соч., с. 135—136.

В 1856 г. в Константинополе по инициативе Драгана Цанкова возникло „Общество радетелей болгарской литературы“ („Община за българската книжнина“). Его основателями, кроме Драгана Цанкова, были также Коста Маринов и Коста Славчев. Создать „Общество“ их побудило то, что болгарские школы и церковь не были обеспечены необходимыми книгами, а сами книги были очень дорогие, многие хорошие книги, переводные и оригинальные, не издавались, и то, что „переводчики и сочинители пишут болгарские книги на языке и следуют такому правописанию, какие не свойственны болгарам“³⁰. Одной из причин создания „Общества“ признавалось, таким образом, неудовлетворительное состояние языка и орфографии болгарской литературы. В связи с этим „Общество“ и ставило себе две задачи: 1) содействовать тому, чтобы „болгарские школы и церкви могли получить необходимые им книги и к тому же по недорогой цене“ и 2) „собрать народный болгарский язык и мысли ученых о том, каким должен быть болгарский письменный язык („как да се пише българският язык“), чтобы эти две вещи стали руководством для тех, кто пишет по-болгарски“³¹.

Из этого видно, что „Общество“ само не намеревалось заниматься выработкой норм языка. Свою задачу оно усматривало в том только, чтобы собирать материалы народной речи и мнения („мысли“) образованных болгар относительно характера литературного языка, его совершенствования и др. Каким образом эти материалы и мнения должны были или могли стать руководством для пишущих по-болгарски, в первоначальной программе деятельности „Общества“ не говорится. По-видимому, предполагалось, что и то и другое будет публиковаться, чтобы писатели, переводчики и другие книжники, ориентируясь на мнения ученых болгар по тем или иным языковым вопросам и на материалы народно-разговорной речи, могли совершенствовать язык и правописание своих сочинений. Что касается мнения самого „Общества“ о характере литературного языка, то оно сразу же ясно заявило, что он должен быть народным³² в основе своей языком, а не книжным, церковнославянским. Относительно же правописания „Общество“ полагало, что „еще нет таких правил (правописания), с которыми были бы согласны большинство болгарских ученых“, и потому составители первой книги, изданной „Об-

³⁰ См. послесловие „Извѣстѣе“ в Месецослов за 1857. Цариград, [1857], с. 131. Это „Извѣстѣе“ датировано 1 декабря 1856 г.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 134.

ществом“ (это был цитируемый здесь „Месецослов за 1857“), „не придерживались строгих правил“³³.

В начале 1858 г., после того, как были изданы уже несколько номеров журнала „Български книжици“ — печатного органа „Общества радетелей болгарской литературы“, эта программа была подтверждена и конкретизирована. В ответе редакции журнала некоему Н. Д. о позиции журнала (и соответственно — „Общества“) по языковым вопросам было, в частности, сказано: „хотя Общество и включило в круг своей деятельности обработку болгарского языка, оно не берется давать ни правила языка, ни правила правописания“³⁴. Позднее задача „Общества“ в языковой области формулировалась более определенно: „совершенствование, развитие и определение нашего новоболгарского языка и его правописания с указанием правил постоянных и основательных“³⁵. В соответствии с программой „Общества“ и одна из основных задач журнала „Български книжици“, его печатного органа, определялась как всяческое содействие сохранению, улучшению и совершенствованию болгарского языка.³⁶

Исполнение поставленной задачи, т. е. содействие „обработке болгарского языка“ — установлению грамматических и орфографических норм литературного языка, „Общество“ видело в том, чтобы „побуждать и поощрять писателей к изложению ими своих мнений и с помощью органа, т. е. своего периодического издания (имеются в виду „Български книжици“, — Г. В.), предлагать эти мнения для всеобщего обсуждения“³⁷. Предполагалось, что в результате такого обсуждения будут выработаны и установлены общие правила: „Один будет защищать одно правописание, другой — другое, и каждый будет излагать соответствующее обоснование; один, например, будет защищать юс (ж), а другой будет его отвергать, пока не выяснится и не утвердится правило.“³⁸ На страницах журнала „Български книжици“ каждому предоставлялась возможность печатать свои статьи на своем наречии и согласно принятой им орфографии.³⁹

³³ См. послесловие „Извѣстѣе“ в Месецослов за 1857. Цариград [1857], с. 134. Это „Извѣстѣе“ датировано 1 декабря 1856 г.

³⁴ Отписване на Българскити книжици. — Български книжици, год. I, 1858, ч. I, с. 131.

³⁵ Д. Тульева, С. Бояджиева. Объявление. — Български книжици, год. II, 1859, ч. I, с. 21.

³⁶ Кои и какви треба да бъдат предметите на Българскити книжици. — Български книжици, год. II, 1859, ч. I, с. 6.

³⁷ Отписване на Българскити книжици, с. 131.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Имея в виду намерение „Общества“ содействовать сбору материалов народной речи как источника совершенствования литературного языка, журнал „Български книжици“ призывал всех, кто умеет писать, заняться сбором произведений народного творчества. „Язык народной литературы, — указывалось в редакционной заметке, — будет богатым материалом и для грамматики и для словаря.“⁴⁰ При этом особо отмечалось, что записывающий должен фиксировать сказки, песни, притчи, пословицы „так, как он их слышит, ничего не прибавляя и не исправляя того, что ему может не понравиться“⁴¹.

Реализация программы „Общества радетелей болгарской литературы“ в целом и в области языка в частности была сопряжена с рядом трудностей и не была выполнена в полном объеме. Одна из трудностей заключалась в недостаточно деятельном участии в ней образованных болгар. Почин „Общества“ не нашел сразу той поддержки, на которую оно рассчитывало и надеялось. Вскоре после выхода из печати первых номеров журнал „Български книжици“, изложив рассмотренную выше программу „Общества“ в области языка, с сожалением констатировал, что „те, в отношении которых Общество имело право надеяться, что они его поддержат своим пером, до сих пор не подают голоса“⁴². Второй год своего издания журнал начинал с обращения к читателям „впредь больше потрудиться во имя этого патриотического дела и содействовать по мере своих сил исправлению, обогащению и украшению языка нашего (курсив наш, — Г. В.), как и расширению и распространению учения среди едиоязычных соотечественников наших болгар“⁴³.

Несмотря на это, усилия „Общества“ не были бесплодными. В журнале „Български книжици“, который редактировали такие видные деятели Возрождения как Д. Мутев, И. Богоров, Г. Крыстевич и Т. Бурмов, были опубликованы некоторые фольклорные материалы и целый ряд интересных статей по вопросам болгарского языка и критических заметок о языке отдельных книг. В их числе — статьи и заметки П. Зографского, Г. Крыстевича, И. Богорова, П. Славейкова, Г. Мирковича, Т. Бурмова и др. Публикация этих статей и заметок способствовала выяснению мнений по общим и частным вопросам языка. Этим самым „Об-

⁴⁰ См. раздел „Книжевний дневник“ в Български книжици, год. I, 1859, ч. I, с. 62—63; Д. М у т е в а. Народна книжница и българска старина. — Там же, с. 157—158.

⁴¹ Там же.

⁴² Отписване на Българските книжици, с. 131.

⁴³ Приветствование читателем за новата година. — Български книжици, год. II, 1859, кн. I, с. 2—3.

щество радетелей болгарской литературы“ внесло известный вклад в создание единого болгарского литературного языка.

Последующие планы нормализации литературного языка в рассматриваемом здесь аспекте связаны с деятельностью хорошо известного „Болгарского научно-литературного общества“ („Българско книжовно дружество“), которое было основано в Браиле (Румыния) в 1869 г. и из которого со временем выросла Болгарская академия наук. Это общество одной из своих главных задач также ставило содействие нормализации и совершенствованию литературного языка, но, в отличие от своих менее известных предшественников, к ее решению подходило уже с научных позиций. Его программа в области языка, разработанная М. Дриновым (см., в частности, его статью „За новобългарското азбуке“, 1870 г.), и ее практическая реализация — первоначально в изданиях Общества — сыграли, как отмечает Л. Андрейчин⁴⁴, важную роль в нормализации и дальнейшем развитии современного болгарского литературного языка.

(Опубликовано в виде брошюры в серии: „Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября 1974)“ М., 1974. 17 с.)

⁴⁴ Л. А н д р е й ч и н. Науката за родния език в Българското книжовно дружество и в Българската академия на науките (1869—1969). — Български език, год. XIX, 1969, кн. 6, с. 494. Подробнее об этом см.: М. А р н а у д о в. Българското книжовно дружество в Браила, с. 52 и след.; С. Г е о р г и е в. „Периодическо списание на Българското книжовно дружество“ в развитието на нашата езиковедска мисъл преди и след Освобождението. — Списание на Българската академия на науките, год. XIV, 1969, кн. 3—4. с. 114—135.

ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И БОЛГАРСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В основе современного болгарского литературного языка лежат, как известно, говоры восточноболгарского наречия. Роль западноболгарских элементов в структуре современного литературного языка, однако, полностью никем не отрицается, хотя место этих элементов в ней определяется современными учеными по-разному, при этом обычно отмечается и постепенное их увеличение в структуре литературного языка. Бесспорно, что главенствующая роль Софии в общественно-политической и культурной жизни страны накладывает и, надо думать, будет накладывать и впредь отпечаток на соотношение западно- и восточноболгарских элементов в структуре литературного языка. Отражением постепенного возрастания элементов западного наречия — более заметных в устной речи, чем в письменном языке интеллигенции из западных областей Болгарии, — являются, между прочим, требования многих современных деятелей культуры признать некоторые особенности западных говоров в качестве нормы литературного языка. Несмотря на очевидную тенденцию некоторого усиления роли западных говоров в современной структуре литературного языка, восточноболгарские элементы по-прежнему занимают в ней главное место, и диалектная основа литературного языка остается, таким образом, восточноболгарской.¹

Что касается более точной — в пределах восточного наречия — локализации диалектной основы, то обычно указываются северо-восточные диалекты или один из диалектов (говоров) Северо-Восточной Болгарии. Так, анализ и обобщение данных, содержащихся в исследованиях по истории литературного языка, позволяют, как отмечает Л. Андрейчин, „яснее, чем до сих пор, увидеть. . .

¹ См.: Л. Андрейчин. Взаимодействие между народен език и книжовни влияния при формирането на новобългарския книжовен език. — БЕ, 1963, 4, с. 346.

восточную (северо-восточную) диалектную основу современного литературного языка². Большинство ученых в настоящее время считает, что этот язык сформировался на более узкой диалектной основе, а именно на базе балканского диалекта (Л. Андрейчин, С. Стойков, С. Стоянов, Х. Кодов и др.).³ Иногда указывается и еще более узкая диалектная база литературного языка, например, центральный балканский диалект (С. Стойков) или тырновский говор (Л. Андрейчин, С. Б. Бернштейн).

Что же касается причин выдвижения говоров восточного наречия в качестве основы литературного языка, то они имеют внелингвистический характер. Главная из непосредственных причин состоит в том, что большинство писателей и других книжников того времени, когда складывались и утверждались его нормы, были родом из Восточной Болгарии. На эту именно причину уже издавна указывают многие историки болгарского литературного языка.⁴ Правда, есть некоторые различия в определении этого важного фактора. Одни ученые говорят о большинстве писателей или о большей части писателей, другие — о писателях преимущественно из Восточных областей Болгарии. В одних случаях речь идет просто о писателях, в других — о наиболее крупных или выдающихся писателях, в третьих — не только о писателях, но и о других деятелях эпохи Возрождения (учителях, авторах учебной литературы, активных участниках церковной борьбы и др.).

Само то обстоятельство, что большая часть писателей и других книжников, прямо или косвенно причастных к устройству литературного языка, была родом из областей Восточной Болгарии и, следовательно, утверждала восточные (северо-восточные) говоры как язык школ, литературы и т. д., не было случай-

² Л. А н д р е й ч и н. Характер и происход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език. — Славистичен сборник. С., 1963, с. 168; Л. А н д р е й ч и н. На езиков пост. С., 1961, с. 31—32 (на стр. 66 этой книги, впрочем, говорится о „восточных болгарских говорах“ вообще, на основе которых возник литературный язык).

³ Нужно отметить, что, по мнению некоторых ученых, термины „северо-восточные говоры“, „северо-восточные балканские говоры“, которыми обозначаются утвердившиеся в качестве основы литературного языка говоры, не совсем удачны, ибо территориальное положение этих говоров не вполне соответствует географическому понятию „Северо-Восточная Болгария“. В. Георгиев считает, что более удачен и потому предпочтительнее для обозначения этих говоров термин „центральные-восточные говоры“ (см.: В. Г е о р г и е в, И. Д у р и д а н о в. Езикознание, 2-е изд. С., 1965, с. 269).

⁴ См.: Л. А н д р е й ч и н. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето Възраждане. — БЕ, 1955, 4, с. 313.

ным. Оно объясняется историко-экономическими условиями, которые сложились на болгарских землях к середине XIX в. и которые характеризуются тем, что именно область центральной части Стара-Планины и Средней Горы стала экономическим (торгово-промышленным) центром болгарских земель. Ведущее положение этой области в экономической жизни формировавшейся нации привело к тому, что восточноболгарский элемент постепенно утверждается и в других сферах — культурной и политической — жизни болгар. В таких условиях восточноболгарская речь постепенно и утвердилась в качестве „естественной базы оформления общенациональной литературной системы языка“⁵.

Однако глубокое и всестороннее исследование всего комплекса внелингвистических причин, обусловивших общий характер и специфические особенности функционирующего ныне литературного языка, в том числе и его восточноболгарскую диалектную основу, остается одной из важных задач не только языковедов — историков литературного языка, но и специалистов в области истории, литературы, культуры эпохи Возрождения. До недавнего времени изучение формирования этого языка было уделом почти исключительно языковедов, которые, однако, исследуя эту проблему, недостаточно глубоко и конкретно разрешали вопрос о связи формирования и развития литературного языка с историей народа и ограничивались, как правило, более или менее общими констатациями историко-культурных факторов, определивших характер и диалектную основу литературного языка. Что касается историков эпохи Возрождения, то они рассматриваемой здесь проблеме почти совсем не уделяли внимания,⁶ причем и в последние годы в конкретном исследовании внелингвистических причин формирования литературного языка не произошло существенных сдвигов. Однако нельзя не отметить того, что необходимость совместного изучения этих причин в настоящее время осознается и самими историками. Так, В. Паскалева, указывая, что „настало время объединить усилия историков и языковедов в разработке этого важного вопроса“, отмечает некоторые общие недостатки в существующей языковедческой и филологической литературе, посвященной данному вопросу, и с полным основанием констатирует, что для его решения „языковедам не хватает во многих случаях исследований в об-

⁵ См.: Л. Андрейчин. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето Възраждане. — БЕ, 1955, 4, с. 313.

⁶ См. об этом: Там же, с. 311.

ласти истории болгарской культуры“, а „историкам — исследований в области истории болгарского литературного языка“⁷.

Предлагаемый ниже обзор болгарских печатных изданий эпохи Возрождения может послужить одним из материалов для исследования проблемы формирования современного литературного языка и языковедами и историками. Цель этого обзора — определить территориально-диалектную принадлежность авторов печатных книг эпохи Возрождения, общее количество авторов и изданных ими книг, „приходящихся“ на долю отдельных диалектов (говоров). Полученные данные, несмотря на их предварительное и вспомогательное значение, позволяют более обоснованно судить о некоторых важных вопросах истории современного болгарского литературного языка. К их числу относится, в частности, и вопрос о более узкой локализации диалектной основы формировавшегося в эпоху Возрождения литературного языка, а также вопрос о том, какими на деле были возможности у отдельных болгарских диалектов утвердиться в качестве его основы в существовавших тогда условиях и каковы были их реальные возможности воздействовать на его развитие.

По вопросу о более узкой локализации диалектной основы литературного языка среди ученых, как известно, нет единого мнения. Указание же просто на восточное или даже на северо-восточное наречие как на основу этого языка, которым нередко, особенно в прошлом, дело и ограничивается, слишком общо и неточно, ибо оно нивелирует вклад отдельных диалектов (говоров) Восточной Болгарии в создание норм литературного языка. В свое время С. Младенов ставил в упрек А. Теодорову-Балану то, что, указывая на восточную диалектную основу литературного языка, тот не определял точнее, какие именно говоры восточного наречия имеются в виду.⁸ Полтора десятилетия назад Л. Андрейчин писал: „Задача будущих более конкретных лингвистических и исторических исследований будет состоять в том, чтобы установить более точно диалектную территорию, на которой возник болгарский литературный язык: указание на восточноболгарские или уже — на северовосточноболгарские или же на балканские говоры — в данном случае очень общо.“⁹ Эта задача не утратила своей актуальности и в настоящее время, несмотря на то, что за

⁷ В. П а с к а л е в а. За някон особености и фактори в образуването на българската нация през първата половина на XIX в. — Известия [на Института за история при Българската академия на науките], 16—17, 1966, с. 432.

⁸ С. М л а д е н о в. Основни и второстепенни въпроси из новобългарска граматика. — Списание на Българската академия на науките, 38, 1934, с. 53.

⁹ Л. А н д р е й ч и н. Някон въпроси. . . , с. 313.

истекшие годы было опубликован ряд ценных исследований Л. Андрейчина и других ученых, в которых рассматривается проблема диалектной основы современного литературного языка.

Относительно роли и места отдельных диалектов и говоров (исключая центральный балканский и некоторые другие) в окончательном формировании современной структуры литературного языка имеются лишь общие утверждения в том смысле, что и другие диалекты (говоры) тоже принимали участие в этом важном процессе и что некоторые из них явились источником отдельных элементов этой структуры (например, македонское происхождение деепричастий на *-йки*). Пожалуй, больше известно о роли западноболгарских диалектов (говоров), которые, однако, рассматриваются обычно недифференцированно и как целое (западное наречие) противопоставляются или сопоставляются с восточными говорами как другим целым (восточным наречием). Не случайно Л. Андрейчин, приступая к характеристике некоторых структурных особенностей современного литературного языка и роли „различных диалектных разновидностей народной речи“ в его создании, делает существенную и весьма показательную в этом отношении оговорку, что „понятиями восточные и западные говоры пока приходится пользоваться по необходимости в более общем смысле“¹⁰.

Целесообразность обзора всей книжной продукции эпохи Возрождения в указанном выше плане диктуется и тем обстоятельством, что и утверждение определенной диалектной основы литературного языка, и нормализация его в целом шли главным образом и прежде всего книжным (письменным) путем — через книгу, журнал, газету, через печатное слово писателей, грамматистов, публицистов, издателей и др. Несмотря на существовавший в течение нескольких десятилетий XIX в. значительный разнобой в языке (в грамматике, орфографии и др.) самих печатных изданий, последние вместе с тем были в конечном счете основным средством преодоления этого разнобоя и установления единых и общеобязательных для образованных болгар норм языка. Именно на страницах печатных изданий главным образом ломали копыя и оставляли следы приверженцы разных точек зрения („доктрин“) на характер и нормализацию литературного языка, здесь одни диалекты теснили другие, здесь же были выработаны и установлены основные положения действующей и ныне „конституции“ литературного языка. Кроме книжного пути (через

¹⁰ Л. Андрейчин. Характер и происход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, с. 155.

печатную книгу), литературный язык в целом и его диалектная основа, в частности, утверждались также и устным путем. Однако этот путь имел бесспорно второстепенное, гораздо менее существенное значение, чем книжный.

Предпринимая обзор печатных изданий на болгарском языке эпохи Возрождения с указанной выше целью, мы исходим из того, что в условиях складывания единых норм болгарского литературного языка на основе народно-разговорной речи (при том, что с самого начала этого процесса не был выдвинут определенный диалект в качестве общепризнанной основы этого языка) авторы книг и других сочинений, как правило, широко отражают в них особенности своих родных говоров, а нередко и пишут на чистом диалекте. Собственно говоря, включение особенностей тех или иных местных говоров в формировавшийся общеполгарский литературный язык могло происходить прежде всего и главным образом благодаря книжной деятельности уроженцев территорий соответствующих говоров. Авторы печатных книг можно поэтому в принципе рассматривать как своего рода репрезентантов их родных диалектов (говоров), принимавших участие в формировании литературного языка. Имея это в виду и зная, уроженцами каких мест были авторы, можно составить предварительное, но достаточно обоснованное суждение о том, какие диалекты (говоры) нашли или по крайней мере могли найти отражение в письменности данной эпохи, и тем самым выяснить, какие диалекты (говоры) могли реально принять участие в междиалектной конкурентной борьбе за право составить основу литературного языка.

Разумеется, даже в условиях складывания единых норм литературного языка и утверждения его диалектной основы само по себе место рождения авторов еще не может или далеко не всегда может говорить о безусловном — широком или ограниченном — отражении ими родного диалекта (говора) в своих оригинальных или переводных сочинениях. В каждом конкретном случае могут быть свои особенности как в следовании автором родному говору, так и во включении им в язык собственных сочинений (переводов) элементов иных говоров. Сами данные о местах рождения авторов самостоятельных или переводных печатных книг, следовательно, могут иметь в некоторых случаях лишь относительное значение для выяснения вопроса о диалектной принадлежности языка (основы языка) этих книг и об утверждении определенной диалектной основы литературного языка в целом. Здесь необходимо учитывать, прежде всего, следующее.

Во-первых, авторы (переводчики) отдельных книг не могли последовательно отражать особенности говора местности, из которой они происходят, в силу разных обстоятельств. Хорошо известно, например, что, покинув родной город или село и находясь в течение длительного времени за пределами распространения родного говора (нередко и в иноязычном окружении, что, было весьма характерно для жизни немалого числа болгарских деятелей эпохи Возрождения), автор мог забыть или знать очень плохо родной говор, точнее — говор места своего рождения. Естественно, что такие авторы, стараясь писать чисто по-болгарски, вносили в язык своих сочинений элементы других говоров, известные им из общения с болгарами иных областей или из печатных изданий.

Во-вторых, известно, что некоторые авторы обучались в нескольких школах и у разных учителей, представлявших разные диалектные области Болгарии и придерживавшихся различных взглядов на характер литературного языка вообще и на его диалектную базу в частности. Естественно, что это обстоятельство накладывало известный отпечаток на отношение таких авторов к особенностям их родного и других (неродных) говоров и к отражению особенностей этих говоров в их сочинениях.

В-третьих, некоторые авторы, как известно, сознательно пытались синтезировать особенности разных говоров, так что основа языка их произведений в большей или меньшей степени оказывалась полидиалектной. Правда, в языке с подобного рода синтезированной, полидиалектной основой все же особенности одного говора обычно выступают более ярко, создавая впечатление о главенствующем месте этого говора в языке произведений.

В-четвертых, язык отдельных авторов не был неизменным в отражении особенностей их родных говоров. По мере стабилизации норм литературного языка на центрально-балканской диалектной основе некоторые авторы, ранее широко вводившие в язык своих произведений местные особенности, начинают ограничивать употребление или вообще отказываются от употребления специфических, узколокальных элементов родного говора и взамен их начинают использовать элементы системы литературного языка, утверждавшейся на указанной диалектной основе. Наряду с этим постепенная стабилизация норм литературного языка приводила к тому, что другие авторы уже с самого начала своей литературной (переводческой и др.) деятельности, т. е. в первых своих произведениях, могли, а в известной мере уже и должны были следовать нормам именно этого языка, отказываясь тем самым в большей или меньшей степени от особенностей своих родных говоров.

Следует иметь в виду и такое важное обстоятельство как влияние книжной (письменной) традиции, которое несомненно сказывалось, хотя и не в одинаковой степени у разных авторов, на известном преодолении (по крайней мере в письменной разновидности складывавшегося литературного языка) отдельных локальных диалектных черт, особенно звуковых.

Мы отдаем себе отчет, таким образом, в том, что диалектную основу языка печатных сочинений эпохи Возрождения не всегда и далеко не в полной мере могут представлять говоры места рождения их авторов, и в том, следовательно, что между местом рождения авторов и утверждением определенной диалектной основы литературного языка в целом нельзя усматривать абсолютно прямой зависимости.

Несмотря на указанные и некоторые другие, не указанные здесь, оговорки, представляется все же целесообразным рассмотреть вопрос о том, какой была реальная доля участия диалектных областей Болгарии в „поставке“ авторов разного рода печатных сочинений на болгарском языке и каким был абсолютный и относительный вклад авторов этих областей в издание книг наиболее существенной сферы функционирования письменной разновидности складывавшегося литературного языка в эпоху Возрождения.

Общее количество авторов и изданных ими книг было установлено по самому полному библиографическому указателю литературы эпохи Возрождения, составленному М. Стояновым¹¹. В этом указателе под фамилией каждого „книжника“ (болг. „книжовник“) — писателя, переводчика, книгоиздателя и пр. — указаны „все материалы (книги, статьи, корреспонденции, художественные произведения, заметки, объявления и др.), о которых известно, что они им написаны, переведены или переработаны или автором которых его как издателя, лица, заботившегося об издании или оплатившего расходы по изданию книги и др., можно считать в соответствии с принятым расширенным понятием „книжника“¹².

¹¹ М. Стоянов. Българска възрожденска книжнина, I—II. С., 1957—1959 (далее: БВК). После выхода в свет этого указателя было обнаружено еще небольшое количество книг на болгарском языке, изданных до Освобождения Болгарии. О некоторых из таких книг, хранящихся в библиотеках СССР, мы уже имели случай сообщить. О других нам известно, что они хранятся в Отделе рукописей и старопечатных книг в Софийской библиотеке им. Кирилла и Мефодия. Число вновь найденных книг невелико, и поскольку их авторство за редким исключением нам не известно, они здесь не принимаются во внимание.

¹² БВК, I, стр. X. М. Стоянов, таким образом, несколько расширительно понимает авторство, распространяя его и на такие издания, о которых факти-

Нужно, однако, иметь в виду, что, желая „оказать помощь будущим исследованиям“, составитель БВК при некоторых авторах „поместил и кое-какие сомнительные работы с соответствующей пометой“ (БВК, I, стр. X). Так, авторство некоторых книг в БВК дано со ссылкой на мнение других исследователей (А. Теодорова-Балана, В. Погорелова, Н. Начова и др.). Например, перевод Б. Петковым брошюры „Нещо за безграмотните человетци“ (1-е изд., Смирна, 1843; 4-е изд., Цариград, 1862) указан со ссылкой на Н. Начова (БВК, I, стр. 283). В редких случаях в БВК указываются разные точки зрения на авторство одной и той же книги, одну из которых принимает и составитель БВК. Так, брошюра „Психология или душесловие за учение на децата“ (1-е изд., Смирна, 1844; 3-е изд., Цариград, 1861), по мнению Н. Начова, переведена Б. Петковым, а по мнению И. Шишманова — К. Фотинным. Составитель БВК принимает точку зрения Н. Начова. Во всех аналогичных случаях мы принимаем в качестве автора сочинения или перевода того, кто указан в БВК.

Хронологические рамки нашего обозрения ограничиваются 1806—1877 гг.: выходом в свет в 1806 г. первой болгарской печатной книги, какою был известный „Кириакодромион“, или „Недельник“ Софрония Врачанского,¹³ с одной стороны, и Освобождением Болгарии (1877—1878 гг.), с другой стороны. Таковы хронологические рамки библиографии, содержащейся в БВК¹⁴. В истории современного болгарского литературного языка это в общем именно тот период, представляющий начальную стадию его развития, когда был определен тип литературного языка, базирующийся прежде всего на народно-разговорной речи, и установлена его диалектная основа и когда стабилизировались

чески нет точных данных о бесспорной принадлежности их текста определенным лицам. Действительно, только сведения о том, что данное лицо является издателем книги или что оно финансировало ее издание, не могут быть убедительным доказательством принадлежности его авторства именно этому лицу. Это касается прежде всего некоторых изданий известных болгарских книгоиздателей — Н. Ивановича, Х. Данова, Д. Манчева и др. Но так как в каждом конкретном случае невозможно установить, когда составитель БВК при определении авторства отдельных книг опирается на совершенно бесспорные данные об авторстве, а когда на менее достоверные, то исключить такие издания из дальнейшего обозрения не представляется возможным, и мы во всех таких случаях следуем за М. Стояновым.

¹³ Впрочем вполне возможно, что фактически первой болгарской печатной книгой, увидевшей свет, был не „Кириакодромион“ Софрония Врачанского, а вышедший в том же году „Молитвенный крик“, в настоящее время известный пока только по библиографическим и некоторым другим, весьма скудным, данным.

¹⁴ Издания 1878 г. нами не учитываются, потому что, как это отмечает и М. Стоянов (см. БВК, I, с. 496), список изданий за этот год в БВК неполный.

его важнейшие нормы (прежде всего в области грамматики и в меньшей мере в области лексики и орфоэпии, а также и орфографии).

При определении круга принимаемых во внимание авторов и изданных ими книг нами сделаны некоторые необходимые ограничения.

В отношении авторов ограничения сводились к следующему.

Во-первых, во внимание принимались только те болгарские авторы, кто издал хотя бы одну книгу или брошюру на болгарском языке, и лишь те из них, родным языком которых был болгарский. Болгары — авторы книг только на иностранных языках (турецком, румынском, русском и др.) из нашего обозрения исключаются, ибо их книги стояли, по понятным причинам, совершенно в стороне от развития болгарского литературного языка. Авторы же, родным языком которых не был болгарский, также не учитываются, ибо болгарский язык их произведений без специального изучения трудно отнести к определенной диалектной территории. Исключение сделано только для родившегося в Мелнике Е. Васкидовича — автора нескольких книг, который, хотя и был, по-видимому, греком по национальности (см. БВК, I, стр. 44), сыграл заметную роль в развитии просвещения в Болгарии в 30—50-е годы. Авторов не болгар, издавших книги на болгарском языке, было четверо: двое сербов — К. Огнянович и Р. Душманова, один русский — Г. М. Владикин и один армянин — Т. Дивитчиан. Наиболее известными среди них были бесспорно К. Огнянович и Т. Дивитчиан, внесшие значительный вклад в болгарское книгопечатание как книгоиздатели и владельцы болгарских типографий. К. Огнянович был известен и как автор-составитель популярных в свое время книг-календарей.

В обозрение включены, во-вторых только те болгары — авторы книг на болгарском языке, место рождения которых известно, и оно было в пределах болгарской языковой территории. Место рождения принимается то, которое указано в БВК в краткой биографической справке об авторе. При отсутствии соответствующего указания в справке место рождения некоторых авторов условно устанавливается нами на основании содержащихся в книгах (обычно в их полных титульных названиях) данных типа *шюмненец*, *панагюрец* и под. [ср., например: „Наредил и издал Иван Попдойчов (панагюрец)“, „Издава х. Йордан Х. Вълков, шюмнениц“ и др.] или типа „от Шумен“, „от Щип“ (ср.: „Издад Константин Анастасов от Щип“ и др.), которые обычно свидетельствуют о происхождении (месте рождения) лиц из соот-

ветствующих населенных пунктов (в данных примерах — из Шумена, Панагюриште и Штипа).

Авторы, место рождения которых неизвестно, и авторы, родившиеся вне пределов болгарской языковой территории, из обзора исключаются. К числу авторов с неустановленным местом рождения отнесены и те, о которых БВК сообщает данные о месте их жизни, общественной и прочей деятельности, например: „живял в Плоещ и Олтеница“ (А. Чернев), „учител и книгоиздател в Котел“ (Д. Великов), „училищен и читалищен деец в Цариград“ (Н. Богданов), „учител и общественик в Пазарджик и Одрин“ (К. Василиев), „учител в Аджар (Снежен), Карловско“ (С. Маринов), „печатар и журналист в Цариград“ (И. Дочков), „ескизагарски економ“ (Н. Зафиров) и др.; ср. также и „преселец от Македония в Търново“ (А. Никопит). Такие данные явно недостаточны для установления места рождения упомянутых здесь и некоторых других авторов. К числу авторов неизвестного места рождения относятся и несколько полуанонимных, например: Петър К., Петрович, П. И. Ст-в; ср. также: А. А., А. П., И. К. А., Н. Г. М., С. Г., С. К. и даже „Искренний ваш приятел“. Общее число авторов, место рождения которых не установлено, довольно значительно — 55. Их перу принадлежит 80 изданий. Большинство из них издало по одной книге. Это, как правило, малоизвестные или почти неизвестные деятели Возрождения, за исключением, пожалуй, только Василия Неновича и Димитрия Тошковица.

Авторов болгар, родившихся вне пределов болгарской языковой территории, немного — 16. Их перу принадлежит 27 изданий. В числе этих авторов шесть уроженцев Баната, один уроженец Сербии, один уроженец Румынии, семь уроженцев России (Бессарабия, Приазовье), один уроженец Иерусалима. Эти авторы исключаются из обозрения потому, что „привязать“ их к определенному пункту метрополии или вообще невозможно без тщательного специального анализа языка их книг, или можно лишь условно (например, М. Пашова, родившегося в Иерусалиме, можно было бы условно отнести к уроженцам Сливена, а И. Мынзова, родившегося в Браиле, — к уроженцам Лясковца на том основании, что родители первого были родом из Сливена, а родители второго — из Лясковца).

В отношении самих изданий ограничения сводятся к следующему.

Во-первых, во внимание приняты, естественно, только издания на болгарском языке, включая и такие, которые можно было бы охарактеризовать как церковнославянско-болгарские, т. е.

такие, в которых наряду с элементами народно-разговорной речи выступают — в большей или меньшей мере — и элементы церковнославянского языка (произведения Софрония Врачанского, Кирилла Пейчиновича, некоторые произведения Христиана Павловича и др.). Однако издания на собственно церковнославянском языке (преимущественно псалтыри, часословы и другие издания богослужебного содержания) из обзора исключены, поскольку они непосредственно не влияли на утверждение определенной диалектной базы литературного языка.

Во-вторых, по указанным выше причинам, не приняты во внимание издания на болгарском языке не болгар, а также болгар, родившихся вне Болгарии, и болгар, место рождения которых не установлено, а также довольно многочисленная группа (свыше 250) анонимных изданий.¹⁵ Примерно треть из них составляют разного рода издания обществ и организаций, школ, правительственных и церковных учреждений и др. К ним по существу применяют и такие издания, в качестве авторов которых указано несколько лиц, место рождения которых — всех или части из них —, может быть и известно. Подобные издания не могут быть отнесены к определенному пункту (или нескольким пунктам) на карте, так как неизвестно, кто именно из указанных соавторов писал соответствующий текст или каково участие каждого из них в составлении текста. В тех случаях, когда издание имеет двух соавторов, условно принимается, что они оба в равной мере являются авторами текста, и потому такое издание учитывается дважды.

В-третьих, не приняты во внимание и такие издания, в которых собственно авторского текста (оригинального или переводного) практически нет. Речь идет о географических атласах, библиографических списках, изданных или находившихся в продаже книг, так называемых „Взаимноучительных таблиц“ (для обучения письму) и др.

В-четвертых, не включены в обзор также издания, которые известны только по рекламным объявлениям в газетах и журналах или из других источников и фактический выход в свет которых не подтверждается достоверными данными. Однако здесь учтены издания, приведенные в БВК со ссылкой на авторитетные библиографические указатели В. Погорелова, А. Теодорова-Балана и др.

Посмотрим теперь, по каким географическим областям и по территориям каких диалектов (говоров) распределяются авторы и изданные ими книги в целом за время с 1806 г. по 1877 г.

¹⁵ Список этих изданий см. в БВК, I, с. 385—398.

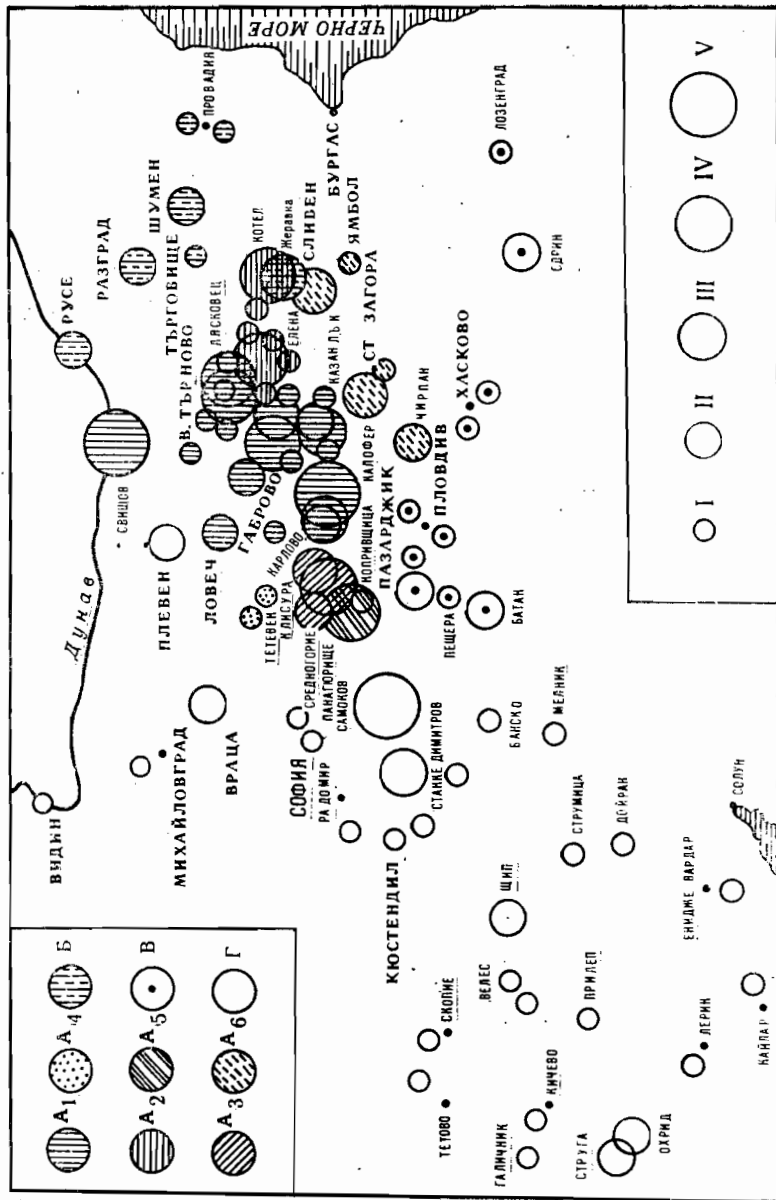
Всего за этот период, согласно списку БВК, увидело свет 1832 издания.¹⁶ В соответствии с указанными выше ограничениями из обзора мы исключаем 580 изданий. Таким образом, общее число изданий, которые принимаются во внимание ниже, составляет 1252. Эти издания принадлежат перу 263 авторов.

Уже карта № 1, изображающая „географию“ мест рождения авторов, наглядно показывает крайне неравномерное их распределение по областям Болгарии и соответственно по территориям разных диалектов. Обращает на себя внимание совсем незначительное число авторов возрожденческой литературы, родившихся во Фракии, и полное отсутствие уроженцев причерноморских районов. Показательно, например, что среди 263 авторов с установленным местом рождения нет ни одного уроженца Пловдива, болгарское население которого до середины XIX в. находилось под сильным греческим влиянием. Среди возрожденческих авторов не находим и уроженцев тех областей, которые до Освобождения Болгарии были заселены преимущественно турецким или болгаро-мусульманским населением (отдельные области в Северной Болгарии, Родопы и др.). Довольно слабо представлены авторами некоторые области Западной Болгарии, особенно ее северо-запад. Отметим также, что София — нынешняя столица Болгарии — дала болгарскому Возрождению только одного автора — М. Лазарова, который издал в 1858 и 1866 гг. две небольшие книжки. Другой автор (Г. Йошев) — родом из софийского села Сеславци — издал три книги (1850—1861 гг.). Всего софийский край за все время болгарского книгопечатания до Освобождения дал, таким образом, только двух авторов с пятью книгами. Возможно, авторов-софиянцев (как, впрочем, и уроженцев иных мест) было несколько больше, если допустить, что они входят и в число авторов с неустановленным пока местом рождения. Но и при таком допущении вряд ли могут быть сомнения в том, что до Освобождения Болгарии София не играла и не могла играть сколько-нибудь заметной роли в формировании литературного языка.

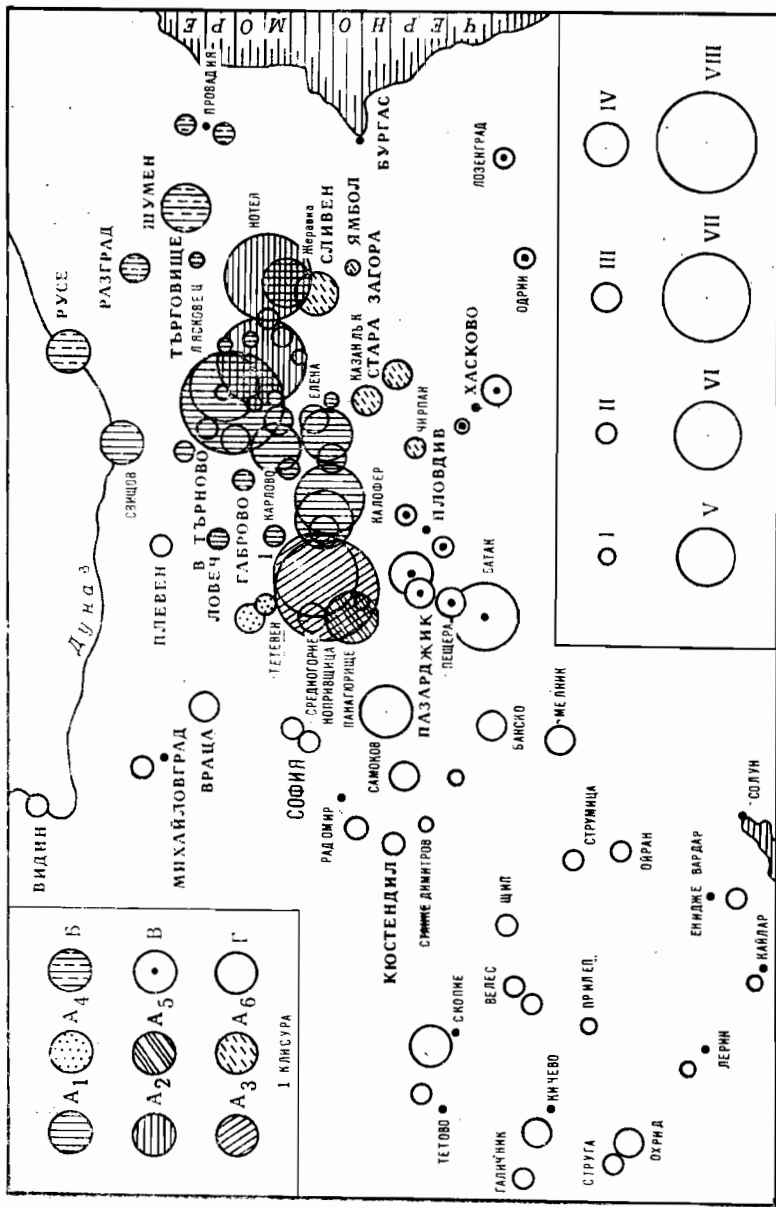
Как же распределяются авторы по областям?

На долю Восточной Болгарии (включая и Фракию) приходится 211 авторов, а на долю Западной Болгарии вместе с Македонией — 52, из которых 21 автор был родом из Македонии. Уро-

¹⁶ Все повторные издания одной и той же книги (брошюры) рассматриваются как отдельные издания (библиографические единицы) независимо от того, изменялся ли текст книги в разных изданиях или нет. Тома (части) книг рассматриваются в качестве отдельных изданий, если они имеют в БВК самостоятельно библиографическое описание.

Карта 1. Места рождения авторов книг, изданных в эпоху Возрождения
 Говоры. А. Говоры балканского диалекта: 1) центрально-балканский, 2) котельско-еленско-дряновский, 3) пирдопский, 4)
 тетевенский, 5) панаянски; Б. Мизийские говоры; В. Мизийские говоры; Г. Говоры Западной Болгарии и Македонии.
 Количество авторов из одного населенного пункта: I — 1, II — 2—4; III — 5—8; IV — 9—13; V — 14 и более.

Карта 2. Количество изданных в эпоху Возрождения книг (по месту рождения их авторов) Говоры А. Говоры балканско-българский, 2) котельско-еленско-дряновский, 3) пирдопский, 4) тегленский, 5) панагорский, 6) подбалканский; Б. Мизийские говоры; В. Рупские говоры; Г. Говоры Западной Болгарии и Македонии. Количество у — 31—45, VI—46—70, VII—71—105, VIII—106 и более

женцы восточнoболгарских районов, таким образом, в четыре раза превышают число авторов — выходцев из Западной Болгарии и Македонии, вместе взятых.

Таблица 1

Место рождения авторов	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг
Видин	1	1
Михайловградско ¹	1	3
Плевен	2	5
Враца	2	8
София и Софийско	2	5
Радомирско	1	2
Кюстендил и Кюстендилско	2	4
Станке Димитров и Станкедимитровско	6	16
Самоков	14	42
Всего	31	86

¹ В этой и других таблицах названия сел не указываются, а даются только названия бывших околий.

Еще более разительны различия в количестве книг, падающих на долю уроженцев отдельных областей (см. карту № 2). Если уроженцами Западной Болгарии в рассматриваемый период было напечатано 86 книг, а уроженцами Македонии 92 книги,¹⁷ то уроженцами Восточной Болгарии за это же время было напечатано 1074 книги. Иными словами, общее число книг авторов из Восточной Болгарии в шесть раз превышает число книг, изданных авторами Западной Болгарии и Македонии, вместе взятыми.

¹⁷ Издания уроженцев Македонии мы рассматриваем как издания на болгарском языке. В их языке нашли отражение различные особенности местных говоров Македонии, подобно тому как особенности других болгарских говоров (например, балканских) отразились в книгах уроженцев их территорий. Литературная обработка говоров Македонии в рассматриваемый период представляет собой часть общего процесса создания болгарского литературного языка, единого для всех областей болгароязычной территории — Мизии, Фракии и Македонии. Возможность такого рассмотрения языка книг, изданных уроженцами Македонии, допускают и те ученые, которые зарождение македонского литературного языка видят уже в книжной деятельности македонских авторов прошлого века. См., например: Н. И. Толстой. Страницка из истории македонского литературного языка. — Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, 43, 1965, с. 18.

Распределение авторов возрожденческих изданий по диалектным территориям¹⁸ выглядит следующим образом.

Из числа диалектов Западной Болгарии в изучаемом отношении наиболее представительны некоторые юго-западные — самоковский, станкедимитровский, кюстендилский (см. табл. 1 и карты 1 и 2). Территория этих диалектов дала наибольшее число авторов (22 из 31 уроженца Западной Болгарии), на долю которых приходится почти три четверти (62 из 86) книг. Среди этих авторов были и такие видные деятели Возрождения, как Х. Павлович (род. в Станке Димитрове), К. Фотинов, Х. Сичан-Николов, книгоиздатель Н. Карастоянов (род. в Самокове), каждый из которых — особенно Х. Павлович и К. Фотинов — внес свою лепту в историю формирования литературного языка.

Таблица 2

Место рождения авторов	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг
Мелник	1	10
Банско	1	13
Струмица	1	4
Дойран	1	4
Штип	2	4
Скопско	1	17
Тетовско	1	2
Галичник	1	3
Кичевско	1	13
Велес	2	4
Охрид	3	10
Струга	2	2
Прилеп	1	1
Леринско	1	1
Кайларско	1	3
Ениджевардарско	1	1
Всего	21	92

Относительно других западноболгарских диалектов (видинско-ломского, белослатинско-плеვენского, врачанского, софийского) можно сказать, что практически они не могли играть никакой роли в формировании литературного языка. Слишком мало было и число авторов из областей распространения этих диалек-

¹⁸ О современном делении народных говоров Болгарии см. в кн.: С. Стойков. Българска диалектология. С., 1968.

тов (к тому же среди этих авторов не было особенно крупных писателей, учителей и др., за исключением, пожалуй, только К. Пишурки из Врацы) и количество изданных ими книг, чтобы данные диалекты могли наложить свой отпечаток на создававшуюся систему норм литературного языка.

Не менее разрознена и „география“ авторов (см. табл. 2 и карты 1 и 2), представляющих основные македонские диалекты — скопско-велесский, прилепско-битольский, охридский, разложский. Македонские земли были родиной многих видных деятелей болгарского Возрождения, принимавших непосредственное участие в выработке общего для всех болгар литературного языка (Н. Рильский из Банско, К. Шапкарев из Охрида, П. Зографский из Галичника, Р. Жинзифов из Велеса и др.). Нужно отметить также, что из Македонии происходят и одни из первых авторов печатных болгарских изданий — К. Пейчинович (род. в Тетовско), И. Кырчовский (род. в Кичевско), а также издатели первого крупного сборника народных песен — братья Д. и К. Миладиновы из Струги.

Преобладающую часть авторов, как сказано выше, составляют уроженцы восточных областей Болгарии. На долю этих авторов приходится и преобладающая часть всей печатной книжной продукции эпохи Возрождения. Поскольку именно восточные говоры (точнее — часть их) составили основу литературного языка, на „географии“ авторов из этих диалектных территорий необходимо остановиться подробнее.

О количественном распределении авторов по территориально-диалектной принадлежности и их изданий дают наглядное представление табл. 3 и карты 1 и 2.

Даже беглого взгляда на карты 1 и 2 и табл. 3 достаточно, чтобы убедиться в том, что большинство авторов и изданных книг падает на территорию балканских говоров. Как известно, в настоящее время эти говоры занимают обширную территорию восточнее границы ̑, охватывая значительную часть придунайской равнины и Добруджу, область Стара-Планины и Средней Горы и большую часть Фракии. На севере они достигают Дуная, на юге — склонов Родопских гор, а на востоке почти доходят до Черного моря.¹⁹ На территории этих говоров родились 179 авторов (из общего числа 211 в Восточной Болгарии и 263 по всей Болгарии), которые издали 868 книг (из общего числа 1074 книги авторов Восточной Болгарии и 1252 книги авторов всей Бол-

¹⁹ С. Стойков. Указ. соч., стр. 72 и сл., карта на с. 291. Территориальное распространение других говоров дается ниже в соответствии с данными этого труда С. Стойкова.

Таблица 3

Диалект	Говор	Место рождения автора	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг		
Мизийский		Шумен	4	23		
		Разград	2	7		
		Провадийско	2	8		
		Тырговиште	1	1		
		Русе	4	16		
Рупский		Жеравна	5	21		
		Хасковско	2	9		
		Адрианополь	2	2		
		Лозенград	1	3		
		Пазарджик и Пазарджикско	4	34		
		Пештера	1	7		
Балканский	центрально-балканский	Батак	2	70		
		Пловдивско	2	5		
		Карлово	5	38		
		Калофер	15	46		
		Сопот	4	8		
		Троян	1	4		
		Трявна	5	14		
		Габрово и Габровско	13	29		
		Тырново и Тырновско	16	117		
		Горна Оряховица	1	1		
		Лясковец	11	62		
		Ловеч	3	4		
		Севлиево	2	4		
		Павликенско	1	3		
		Свиштов	14	25		
		Казанлык и Казанлыкско	11	40		
		Котел	12	74		
		Елена и Еленско	14	89		
		Дряновско	1	1		
		пирдопский		Копривштица	10	126
				Клисурса	5	74
				Пирдоп	2	7
		панагюрский		Панагюриште и Панагюрско	12	46
Тетевен и Тетевенско	2			14		
тетевенский		Сливен	7	20		
		Стара Загора и Старозагорско	9	18		
подбалканский		Ямбол	1	1		
		Чирпан	2	3		
Всего			211	1074		

гари). Иными словами, с территории современных балканских говоров происходит в шесть раз больше авторов, чем с территории остальных восточнoболгарских говоров, и в четыре раза боль-

ше, чем с территории западноболгарских и македонских говоров. Число книг авторов — носителей балканских говоров, превышает в четыре с лишним раза число книг, изданных авторами — уроженцами территории других восточноболгарских говоров, и почти в пять раз превышает общее количество книг, изданных авторами Западной Болгарии и Македонии. Если же сопоставить данные по территории балканских говоров со всей остальной болгароязычной территорией того времени, то окажется, что территория балканских говоров дала авторов почти в два раза больше (179 при 84), чем все остальные диалектные зоны, а число книг этих авторов (868) в 2,2 раза больше общего числа книг (384), изданных всеми остальными болгарями, писавшими на родном языке.

Что касается авторов — уроженцев территории других восточноболгарских говоров — мизийских и рупских, то они, как это уже следует из сказанного, составляют незначительную часть общего числа восточноболгарских авторов; незначительная и доля изданных ими книг.

Так на территории мизийских говоров (Шумен, Разград, Русе, Провадия, Тырговиште, а также Жеравна — в центральной части Стара-Планины²⁰) родились всего 18 авторов, издавших 76 книг. Среди них были и известные деятели Возрождения — писатели В. Друмев и Д. Войников из Шумена, учителя Р. Попович и С. Филаретов, активный участник церковной борьбы Т. Икономов из Жеравны и др. Однако литературная деятельность большинства из них протекала в основном в 60-е и 70-е годы, когда вопрос о центрально-балканской диалектной основе литературного языка практически был уже решен и когда, следовательно, реальные возможности для утверждения иной, в данном случае — мизийской, диалектной основы, в это время были уже довольно иллюзорны, особенно если иметь в виду незначительное число авторитетных писателей и других авторов книг, которые были бы в состоянии утвердить мизийскую диалектную основу для общеполитического литературного языка.

Еще меньше шансов стать основой литературного языка имели рупские говоры. Территория этих говоров (Хасково, Адрнано-поль, Лозенград, Пештера, Батак и включаемые сюда условно отдельные села Пловдивской и Пазарджикской околий) дала всего лишь 14 авторов, выпустивших в свет 130 изданий, значительная часть которых (96) приходится на долю только двух извест-

²⁰ О принадлежности говора Жеравны к мизийским говорам см.: С. С т о й-ков. Указ. соч., с. 76.

ных книгоиздателей — Н. Иовановича (род., вероятно, в с. Аджалий, Пазарджикско) и Д. Манчева (род. в Батаке).

Совершенно естественно, что и слабое представительство носителей мизийских и рупских говоров в общей массе болгарских книжных деятелей эпохи Возрождения и незначительный вес изданных большинством их книг не могли сколько-нибудь заметным образом противостоять утверждению балканских говоров в качестве основы литературного языка.

Посмотрим теперь, какое место в общем числе авторов — уроженцев территории балканских говоров, занимают представители отдельных балканских говоров и каков удельный вес той книжной продукции, которая потенциально могла отразить особенности этих говоров. Среди авторов возрожденческой литературы есть уроженцы территорий всех балканских говоров, кроме ерчесского.

Из балканских говоров территориально наиболее распространенным является центральный, или габровско-ловечско-троянский говор. Он охватывает территорию центральной части Стара-Планины и Средней Горы. В ареале его распространения находится целый ряд городов, городков и крупных сел, расположенных по обеим склонам Старой Планины и на придунайской равнине: Тырново, Лясковец, Горна Оряховица, Свиштов, Ловеч, Севлиево, Троян, Карлово, Сопот, Калофер, Трявна, Габрово и др. Эти места дали болгарскому книгопечатанию в эпоху Возрождения 102 авторов, издавших в общей сложности 395 книг, — больше, чем ареал любого другого балканского и вообще любого иного болгарского говора. Это составляет немногим менее половины всех авторов печатных книг эпохи Возрождения и почти треть всех рассматриваемых книг, изданных в это время. Из табл. 3 видно, что один только Тырново с несколькими окрестными селами дал болгарскому Возрождению 16 авторов, т. е. всего на 5 авторов меньше, чем вся Македония (21), однако общее число книг (117) этих 16 авторов заметно больше числа книг (92), изданных всеми македонскими авторами. А 28 уроженцев только трех расположенных рядом городов — Тырнова, Лясковаца и Горной Оряховицы — издали столько книг (180), сколько книг было издано всеми авторами из Западной Болгарии и Македонии (178).

Важны, однако, не только количественные показатели, свидетельствующие о бесспорном преобладании в книгопечатании именно центрального балканского диалекта среди прочих диалектов, так или иначе нашедших свое отражение в литературе Возрождения. Не менее, если не более, важно и то, что именно

из области распространения центрального балканского диалекта вышли многие крупнейшие деятели этого времени, оставившие глубокий след в истории болгарского книгопечатания и образования, в истории болгарской литературы и формирования современного литературного языка. Для примера укажем лишь наиболее известных авторов, родившихся на территории центрального балканского говора. В Габрове и его окрестностях родились: В. Априлов, Т. Бурмов; в Трявне — П. Сапунов; в Свиштове — Т. Икономов, братья К. и Д. Цанковы; в Тырнове — Петко Славейков, П. Кисимов, Т. Шишков; в Лясковце — П. Оджакон, Ц. Гинчев, П. Калянджи, И. Касабов, Т. Хрулев; в Карлове — И. Богоров, П. Радов; в Сопоте — К. Луков, И. Вазов, в Калюфере — Н. Касапский, Д. Мутев, Е. Мутева, Б. Петков, Х. Ботев, Д. Паничков; в Казанлыке — Х. Ваклидов, И. Найденов.

Заметный вклад в болгарское книгопечатание внесли и уроженцы территории котелско-еленско-дряновского и пирдопского говоров. Первый из них, ранее представлявший обширную диалектную целостность, в настоящее время — вследствие позднейшего передвижения населения — занимает незначительную территорию. Это говор Котела, Елены, Дрянова и окрестных селений. В ареале данного говора родилось 27 авторов — больше, чем было авторов в Македонии (21), и лишь немногим меньше числа авторов из Западной Болгарии (31). Эти 27 авторов издали 164 книги, что только на 14 книг меньше общего числа книг, изданных уроженцами Западной Болгарии и Македонии.

Котелско-еленско-дряновский говор был родным говором большого числа крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Достаточно напомнить, что в Котеле родились автор первой болгарской печатной книги Софроний Врачанский и автор первой печатной книги на народном языке П. Берон. Здесь же родились выдающиеся борцы за национальное Возрождение и освобождение Неофит Бозвели и Г. Раковский и другие известные деятели прошлого века, например, Г. Крыстевич, А. Гранитский, С. Изворский. Елена и близлежащие селения были родиной одного из первых болгарских авторов-переводчиков С. Кипиловского и автора одной из лучших накануне Освобождения грамматик болгарского языка — И. Момчилова, а также С. Бобчева и других известных авторов.

Весомым вклад в болгарское книгопечатание и представителей пирдопского говора, на котором говорят жители Клисуры, Копривштицы, Пирдопа и соседних с ним сел. Всего территория этого говора дала 17 авторов (10 из Копривштицы, 5 из Клисуры и 2 из Пирдопа), выпустивших в свет 207 изданий, из

которых 126 падает на долю копривштинцев, а 74 — на долю уроженцев Клисуре. Среди этих авторов много крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Так, в Копривштице родились Н. Геров, Й. Груев, Л. Каравелов, в Клисуре — один из наиболее заслуженных книгоиздателей прошлого века Х. Данов, а также И. Блысков, Р. Блысков, М. Балабанов и др.

Менее заметный — по сравнению с указанными выше — след в болгарском книгопечатании до Освобождения оставили авторы, родным говором которых был панагюрский (Панагюрище и окрестные села). Таких авторов было 12, их перу принадлежит 46 изданий. Среди них есть и такие известные деятели, как С. Радулов и М. Дринов, а также В. Чолаков, Н. Бончев и др.

Обширная территория распространения современного подбалканского говора (районы Сливена, Старой Загоры, Новой Загоры, Чирпана, Бургаса) представлена в болгарском книгопечатании 19 авторами, издавшими 42 книги. Большая часть из них была родом из Сливена (7) и Старой Загоры (8). Среди них более известными были С. Доброплодный и Г. Миркович — автор хорошей грамматики (Сливен), Зах. Княжеский и А. Екзарх (Стара Загора).

Всего лишь двумя авторами была представлена территория тетевенского говора (Тетевен и окрестные села). Один из них — М. Кифалов — известен как переводчик книги Ю. И. Венелина „О зародыше новой болгарской литературы“.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что участие и роль авторов из Восточной Болгарии в книгопечатании на болгарском языке и соответственно их потенциальные возможности утвердить восточное наречие в качестве основы литературного языка были несравненно более значительными, чем у авторов — уроженцев Западной Болгарии и Македонии. Ясно, что балканские говоры восточноболгарского наречия оказались „вне конкуренции“ при утверждении в качестве основы литературного языка. Подавляющая часть авторов, родным языком которых были именно эти говоры, и изданная ими литература, составляющая большую часть всех болгарских книг эпохи Возрождения, — наряду с некоторыми другими причинами — обеспечили балканским говорам сравнительно легкую победу. Ясно также и то, что в установлении норм современного литературного языка главную роль играли центральный балканский, а также котелско-еленско-дряновский и пирдопский (говор Копривштицы и Клисуре) говоры.

(„Вопросы языкознания“, 1971,
№ 4, с. 73—89)

БОЛГАРСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Одним из важнейших культурных достижений эпохи Возрождения является, как известно, создание современного болгарского литературного языка. Создание этого языка было делом трудным. Оно было сопряжено с необходимостью решения целого ряда сложных вопросов. К их числу относится и вопрос об установлении диалектной базы или основы складывавшегося в ту эпоху литературного языка. Проф. Л. Андрейчин, крупнейший специалист в области истории современного болгарского литературного языка, с полным основанием относил его к „основным принципиальным вопросам“ этой сравнительно молодой дисциплины в болгарском языкознании, а само установление диалектной основы литературного языка рассматривал как один из специфических моментов начального периода его формирования.

В основу современного болгарского литературного языка легли, как известно, восточноболгарские говоры, точнее — преимущественно центрально-балканские говоры балканского диалекта восточного наречия. Это положение в настоящее время как будто особых возражений не вызывает. Однако по вопросу о том, каким образом установилась эта диалектная основа, как и по вопросу о том, когда именно она утвердилась окончательно, высказывались раньше, высказываются и теперь разные точки зрения.

Согласно одной из них, в процессе формирования современного болгарского литературного языка в эпоху Возрождения произошла смена диалектной основы: первоначально западноболгарская основа была заменена позднее восточноболгарской. Обычно считается, что такая смена произошла во 2-й четверти XIX в.

Согласно другой точке зрения, современный болгарский литературный язык сформировался без смены западноболгарской диалектной основы восточноболгарскую. Разделяя это общее по-

ложение, ученые расходятся, однако, в том, какое состояние диалектной базы непосредственно предшествовало тому этапу развития литературного языка, в который он выступает уже как вполне сформировавшийся современный литературный язык с утвердившейся диалектной основой.

Разные точки зрения высказываются и по вопросу о том, когда именно окончательно устанавливается или, как нередко в таких случаях говорят, побеждает восточноболгарское наречие уже в качестве основы современного литературного языка. Одни ученые считают, что это произошло уже в первой половине XIX в. или даже только во 2-й четверти этого века. Другие полагают, что существующая диалектная основа утвердилась окончательно несколько позже — во второй и третьей четверти XIX в. Наконец, есть также мнение, что современный болгарский литературный язык зарождается и формируется на основе северовосточных говоров лишь во второй половине этого века.

Как видим, по одному из важнейших вопросов истории современного болгарского литературного языка, каким бесспорно является вопрос о характере диалектной основы на начальном этапе его формирования, существуют разные мнения, само различие которых, — а оно весьма существенно, — говорит о том, что вопрос этот еще далек от окончательного решения.

Думается, что причины этого кроются не только в разном подходе, в разном понимании таких основных понятий как „современный болгарский литературный язык“, „диалектная основа литературного языка“ и вообще „основа литературного языка“, „начало современного болгарского литературного языка“ и многие другие, но и в недостаточной разработке конкретного материала, в том числе и экстралингвистического, без всестороннего анализа которого невозможно правильно решить рассматриваемый здесь вопрос.

Становление диалектной основы современного болгарского литературного языка стоит в ряду с такими процессами его формирования, которые были обусловлены целым комплексом внелингвистических причин. Глубокое и всестороннее исследование этих причин — задача не только лингвистов — историков литературного языка, но и специалистов в области истории, литературы, других областей складывавшейся в эпоху Возрождения национальной культуры.

Здесь мы и остановимся на одном из экстралингвистических факторов, учет которого, как нам кажется, позволяет более обоснованно судить о затронутых выше двух вопросах.: 1) произошла ли в ходе складывания современного болгарского литератур-

ного языка смена его диалектной базы и 2) когда именно утвердилась существующая восточнoболгарская (точнее — центральнобалканская) диалектная основа этого языка. Фактор, который имеется здесь в виду, — это сами авторы печатных болгарских книг эпохи Возрождения. Мы попытаемся показать, как распределяются они во времени (по десятилетиям, начиная с 1806 г. и до Освобождения Болгарии) и в пространстве (по месту рождения авторов книг на диалектологической карте болгарского языка) и что это дает для решения поставленных выше вопросов. Прежде чем приступить к их освещению, необходимо остановиться на одном более общем положении.

О целесообразности использования таких данных при решении вопроса о диалектной основе современного болгарского литературного языка говорится подробно в нашей статье „Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения“¹.

Из 263 авторов книг с точно установленным местом рождения на болгароязычной территории, издавших в эпоху Возрождения в общей сложности 1252 книги, на долю Восточной Болгарии приходится 211, а на долю Западной Болгарии и Македонии — лишь 52, из них только на Македонию — 21. Уроженцами Восточной Болгарии было издано 1074 книги, в то время как уроженцами Западной Болгарии и Македонии — только 178 книг, из них на долю западноболгарских книжников приходится 86 изданий, а на долю македонских — 92. Иными словами, общее число книг, изданных в эпоху Возрождения авторами в Восточной Болгарии, в шесть раз превышает число книг, изданных книжниками Западной Болгарии и Македонии, вместе взятыми.

По десятилетиям книгопечатание в эпоху Возрождения предстает в следующем виде.

В первое десятилетие XIX в. (1801—1810) было издано всего две книги. Одна из них — знаменитый „Недельник“ Софрония Врачанского, уроженца Котела. Другая книга — почти неизвестный „Молитвенный крин“ неизвестного автора. Обе книги вышли из печати в 1806 г. О языке „Недельника“ писано много. Его язык — смесь церковнославянского с новоболгарским. Среди элементов народного языка, как показала К. Ничева, преобладают особенности котелского говора. Инодиалектные особенности (в частности, врачанские и видинские) в „Недельнике“, как и в других сочинениях Софрония, занимают незначитель-

¹ См. с. 119 настоящего сборника.

ное место, что позволяет современным исследователям характеризовать в целом диалектную основу языка Софрония как восточноболгарскую. Что касается „Молитвенного крина“, то о его языке можно судить по тексту „Отче наш“, переизданному И. И. Срезневским в 1846 г. Сама эта книга в настоящее время еще не обнаружена. Некоторые особенности языка „Отче наш“ дают основание говорить, что автором этого сборника был уроженец Восточной Болгарии.

Во втором десятилетии (1811—1820) картина на первый взгляд иная. В это десятилетие на книжно-печатную арену выступили два уроженца Македонии — Кирилл Пейчинович и Иоаким Кырчовский, издавшие 6 книг, в языке которых широко представлены особенности их родных говоров. Никто из уроженцев Восточной Болгарии в это десятилетие книг не издавал. Таким образом, можно было бы сказать, что в это десятилетие наблюдается как бы полное господство западноболгарского начала в литературе и в ее языке. Такое представление, однако, было бы неточным, ибо не отражало бы реального положения дела. А дело в том, что уроженцы Восточной Болгарии и в это десятилетие продолжали следовать своему, родному наречию, а не обязательно западному. Сошлюсь в качестве примера на две рукописные „Александрии“, переведенные в 1810 и 1816 г., о восточноболгарском характере языка которых писали в свое время Л. Милетич и К. Мирчев. Тому факту, что эти „Александрии“, как и ряд других сочинений, не вышли в свет, не следует в данном случае придавать особого значения.

В третье десятилетие (1821—1830) с печатными книгами вступили в литературу трое уроженцев Восточной Болгарии — Петр Берон, Петр Сапунов и Анастас Кипиловский. Они издали тогда 4 книги. Можно было бы сказать, что в это десятилетие в книгопечатании полностью господствует восточноболгарское начало. Из этого, однако, в действительности не следует, что книжники родом из Западной Болгарии тогда вообще не писали или что они писали на восточном наречии, как указанные трое и некоторые другие книжники.

В четвертое десятилетие (1831—1840) картина снова меняется. В это десятилетие издаются книги уроженцами как Западной, так и Восточной Болгарии. Из Западной Болгарии вместе с Македонией было 7 книжников, издавших в это десятилетие 16 книг. Среди них такие знаменитые возрожденцы как Неофит Рильский и Христаки Павлович. Восточная Болгария дала в это же десятилетие 5 авторов, в числе которых видим Райно Поповича, Неофита Бозвели, Гавриила Крыстевича. Вместе они

издали 11 книг. Как соотношение возрожденцев из Западной Болгарии с Македонией, с одной стороны, и из Восточной Болгарии, с другой, так и соотношение изданных ими книг в пользу первых, т. е. западноболгарских книжников. Перевес, однако, не столь значителен, чтобы говорить о преобладании западноболгарских книжников в литературе того времени и соответственно западноболгарского наречия в языке этой литературы.

Если суммировать теперь сказанное о первых четырех десятилетиях XIX в., которые наряду со второй половиной XVIII в. обычно указываются как время, когда среди книжников были преимущественно уроженцы западных земель и когда диалектная основа формировавшегося тогда литературного языка была главным образом западноболгарской, то мы увидим, что объективных данных для такого утверждения нет. И действительно, из Западной Болгарии вместе с Македонией за первые 40 лет прошлого столетия вышло 7 книжников, место рождения которых известно. Они издали 22 книги. Восточная Болгария за тот же период дала народной культуре не менее 9 авторов, которым принадлежит не менее 16 книг. В целом можно сказать, что в первые 40 лет XIX в. в этом отношении имело место известное равновесие между болгарским западом и востоком.

В пятом десятилетии, т. е. в 40-е годы минувшего столетия, начинается стремительный рост веса восточноболгарского элемента как в составе самых книжников, так и в количестве изданных ими книг. Например, за 1841—1850 годы в литературу вошел 31 автор с 67 печатными книгами, представляющий восточное наречие (балканские, рупские и мизийские говоры), в то время как представителей западных и юго-западных областей было только 12 с 28 книгами. В следующее десятилетие, с 1851 по 1860 гг., Восточная Болгария дала литературе 61 автора с 149 книгами, в то время как Западная только 21 автора с 47 книгами. В 60-е годы, т. е. с 1861 по 1870 гг., восточноболгарские области дали 85 авторов с 358 книгами, между тем как западноболгарские только 26 авторов с 47 книгами. И, наконец, за последние 7 лет накануне Освобождения Болгарии восточные области страны дали 87 авторов, издавших 252 книги, в то время как западные и юго-западные области только 19 авторов с 34 книгами.

По десятилетиям соотношение авторов, представляющих разные диалекты восточного наречия, выглядит так.

В первые три десятилетия с печатными книгами выступили только уроженцы балканской диалектной территории. Первый носитель мизийского диалекта издал первые две книги в четвер-

тое десятилетие, а первые представители из области рупского диалекта — только в пятое десятилетие. Таким образом, уже с самого начала книгопечатания среди говоров восточного наречия первенствовали говоры балканские. Носители этих говоров в книгопечатании первых четырех десятилетий XIX в., однако, еще не имели перевеса над представителями остальных говоров. Так, область балканских говоров и Македония в четвертое десятилетие дали одинаковое число книжников — по 5, издавших в сумме одинаковое число книг — по 11. Но уже в следующем десятилетии (1841—1850) вес балканской диалектной области существенно возрос: 31 автор и 67 книг. Это больше, чем все области остальных говоров, вместе взятые: 20 авторов и 47 книг. В пятидесятые годы, т. е. в шестое десятилетие, соотношение опять в пользу балканской диалектной области: 61 автор и 149 книг при 36 авторах и 87 книгах, падающих на остальные диалектные области.

Из числа балканских говоров первым в книгопечатании — уже в первом десятилетии — был представлен котелско-еленско-дряновский говор, за ним — уже в третьем десятилетии — центрально-балканский или габровско-ловечско-троянский, а в четвертое десятилетие и тетевенский говор. Остальные балканские говоры — пирдопский, панагюрский и подбалканский — были представлены их носителями только в пятое десятилетие. В первые четыре десятилетия, можно сказать, было лишь некоторое преобладание представителей котелско-еленско-дряновского говора (3 автора с 13 книгами) над представителями центрально-балканского говора (2 автора с 2 книгами). Однако в пятое десятилетие, т. е. в 40-е годы, наступает уже ощутимый перевес представителей центрально-балканского говора (17 авторов с 31 книгой) над представителями котелско-еленско-дряновского говора (8 авторов с 20 книгами), не говоря уже о представителях других балканских говоров. В следующее десятилетие перевес книжников центрально-балканской диалектной области стал еще более внушительным: 35 авторов с 75 книгами при 26 авторах со 74 книгами, представляющих все остальные балканские говоры.

В целом же область распространения центрально-балканского диалекта в эпоху Возрождения дала 102 авторов, которые издали в общей сложности 395 книг, — больше, чем ареал любого другого балканского и вообще любого иного болгарского диалекта. Это составляет почти половину всех авторов книг (211) и почти треть всех учитываемых здесь книг той эпохи. Из других балканских диалектов заметный вклад в болгарское книгопе-

чатание внесли уроженцы территории котелско-еленско-дряновского и пирдопского диалектов.

Важно также подчеркнуть, что область распространения балканских говоров вообще и центрально-балканского диалекта в частности была родиной не просто большого числа возрожденческих книжников, но и большого числа выдающихся деятелей той поры, сыгравших решающую роль в культурном возрождении болгарского народа.

Приведенные данные показывают, что, как уже отмечалось в упомянутой статье, балканские говоры восточноболгарского наречия оказались практически „вне конкуренции“ при утверждении монодиалектной основы литературного языка на определенном этапе его развития: подавляющая часть авторов, родным языком которых были именно эти говоры, и изданная ими литература, составляющая бóльшую часть всех изданных в эпоху Возрождения книг, — наряду с некоторыми другими причинами — обеспечили балканским говорам сравнительно легкую победу.

Что касается вопроса о том, произошла ли смена диалектной основы в ходе формирования современного литературного языка, то приведенные данные, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу того мнения, что такой смены не было. В книгопечатании первых четырех десятилетий XIX в. было примерно одинаковое количество книжников из Восточной и из Западной Болгарии, как и изданных теми и другими книг, в которых нашли отражение черты родных говоров каждого из книжников. Говорить о какой-либо общей, единой диалектной основе (в смысле противопоставления: западное наречие или восточное наречие, не говоря уже о более узкой диалектной локализации) в эти десятилетия до ее последующей якобы смены нет оснований, так как такой основы в то время еще не было. А раз не было определенной локально-диалектной основы, то нельзя говорить и о ее замене другой диалектной основой.

Нам кажется, что восточноболгарская основа современного болгарского литературного языка утвердилась не в результате смены ранее представленной в нем западноболгарской основы. Она утвердилась в результате того, что на определенном этапе развития литературного языка из двух наречий — западного и восточного, выступавших ранее вместе в качестве его народно-разговорной основы, — одно из них, именно восточное, значительно расширило свои позиции благодаря резкому увеличению числа книжников из Восточной Болгарии, в то время как позиции западного наречия сравнительно с восточным су-

ственно сузились. Переломными в этом отношении явились 40-е годы, т. е. 5-ое десятилетие XIX в. С тех пор и до Освобождения Болгарии число книжников из Восточной Болгарии вообще и из области центрально-балканского диалекта (в особенности Центральная часть Стара-Планины и Средней Горы) неуклонно росло, и соответственно крепла и расширялась роль восточного наречия в целом и центрально-балканского говора в частности. Однако окончательное утверждение восточного наречия (центрально-балканского говора преимущественно) в качестве основы функционирующего ныне литературного языка следует относить, вероятно, ко времени после Освобождения и связывать его нужно, очевидно, с самой кодификацией норм этого языка.

Приведенные выше данные носят, разумеется, чисто вспомогательный характер. Они только помогают ориентироваться в самой общей расстановке „диалектных сил“ в пространстве и во времени в период, когда единых норм литературного языка еще не было и когда самим ходом его развития постепенно утверждалась его определенная диалектная основа.

Естественно, что окончательное решение сложнейшего вопроса, каким является вопрос об установлении диалектной основы, возможно только в результате глубокого, всестороннего и целенаправленного анализа максимально большого числа книжных и рукописных сочинений, принадлежащих перу уроженцев всех диалектных зон болгароязычной территории.

(Сокращенный текст доклада, прочитанного 3 октября 1979 г. в Пловдиве на Второй Международной комплексной конференции по болгаристике на тему „Болгарское культурное возрождение“.)

О НОРМАЛИЗАЦИИ УСТНОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье будет рассмотрен вопрос о том, какое место в общей нормализации современного болгарского литературного языка на начальном этапе формирования занимала нормализация устной речи как одной из его форм.

Начальный этап формирования современного болгарского литературного языка, по нашему мнению, ограничивается 30—60-ми годами XIX в. Именно в эти годы нормализация языка предстает как национальная проблема создания единого и общеобязательного для всех образованных болгар языка, как проблема создания общebolгарского литературного языка. Отсутствие непрерывной и достаточно сильной литературно-письменной традиции, ограниченной к тому же рамками главным образом конфессиональной литературы, значительное диалектное разнообразие, влияние разных филологических школ за пределами и в самой Болгарии и другие внелингвистические факторы явились причиной того, что с момента зарождения самой идеи о необходимости общего для всех болгар литературного языка возникает и острая дискуссия о характере этого языка и путях его создания. Живое обсуждение этих и многих других общих и частных вопросов языка, учительская и литературная, журналистическая и книгоиздательская деятельность известных, малонизвестных и совсем неизвестных деятелей болгарского Возрождения привели к тому, что в течение всего лишь нескольких десятилетий были установлены основные правила функционирующего ныне литературного языка, определившие характерные особенности его орфографии, грамматики, лексики, а в значительной мере и орфоэпии.

Для указанного периода характерно почти единодушное стремление болгарской интеллигенции к скорейшему созданию единого литературного языка. Здесь нет возможности даже кратко рас-

смотреть все разнообразие аргументации, приводившейся в доказательство того, что уже настало время болгарам иметь единый литературный язык и что создание его не терпит далее отлагательства. Подчеркнем лишь, что необходимость скорейшей нормализации литературного языка по пути унификации и создания единых и общеобязательных его норм первоначально связывалась преимущественно с задачами быстрого развития просвещения, литературы и других областей культурной жизни политически и духовно угнетенного, но уже пробудившегося болгарского народа, а позднее и с задачами сохранения и укрепления национального единства болгар. ~~Несколько позднее~~ И. Добрович подчеркивал (1850), что создание „письменного славяноболгарского языка“ — это „исключительно важный и очень нужный предмет“¹. В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болгарии журнала „Общий труд“ писал: „Обработка („разработването“) языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа.“² На первостепенное значение создания единого литературного языка неоднократно указывала и газета „Цариградский вестник“. Так, в одной из редакционных статей она писала (1859), что создание такого языка — это „животрепещущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело“³. В статье говорилось, что созданием единого литературного языка болгарская литература обретет крылья, с помощью которых она достигнет „достойных и похвальных успехов“. Необходимость единого языка здесь прямым образом связывалась с самым существованием болгар как самостоятельного народа. „Раз мы называемся болгарским народом — писала газета, — то мы должны иметь и единый язык болгарский.“⁴ Именно в единстве литературного языка видели многие деятели Возрождения и признак единства, и средство единения, сплочения болгарского народа. Известный книгоиздатель прошлого века Х. Данов писал (1869), что создание „общей болгарской грамматики“ (т. е. единого литературного языка) позволит болгарам „сохраниться навсегда и быть всем,

¹ Мирозрение, 1850, 1, с. 44.

² [Т. Икономов]. Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия, „Обшт труд“, год. I, кн. I, 1868, с. I.

³ См. статью „Предмет за болгарский язык“ в Цариградски вестник, год. 9, № 456, 19. XI. 1859.

⁴ Там же.

как были и до этого единым народом⁵. Учитель П. Иванов, указывал (1871), что „общая грамматика—это самая прочная связь („връска“) народа, сколь бы далеки ни были друг от друга его элементы и какой бы совершенно непонятный провинциализм не господствовал между ними“⁶. „Если мы один народ, — подчеркивал он в другом месте, — то мы должны иметь один литературный язык и одну грамматику.“⁷ На огромное значение единого литературного языка, созданного на основе народно-разговорного языка, для судеб болгарского народа указывал и М. Дринов. В самом начале своей знаменитой статьи „О новоболгарской азбуке“ (1870) он писал: „Нет сомнения, что от выработки единого литературно-письменного („книжовен-писмен“) языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление („учвърствяването“) нашей народности и хороший успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература („книжнина“) будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский мир будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество.“⁸

Можно без преувеличения сказать, что требования скорее покончить с орфографическим хаосом и разнообразием в грамматике, с претензиями отдельных авторов выдвинуть их родные наречия в качестве общebolгарского литературного языка при игнорировании других наречий, с одной стороны, и постоянные призывы, раздававшиеся в грамматиках, предисловиях к разным книгам, на страницах периодических и других изданий, к скорейшему созданию и совершенствованию единого для всех болгар литературного языка, который бы в полной мере выполнял быстро растущие задачи национального Возрождения, с другой стороны, были лейтмотивом всей борьбы вокруг болгарского литературного языка, начиная с 20—30-х годов и в последующие десятилетия прошлого века.

Такие требования и призывы, однако, было нетрудно провозглашать; гораздо труднее было воплощать их на деле. Особенно

⁵ См. Летоструй, год. I, 1869, оборот л. I. См. также заметку Мнение за българското правописанне. — Македония, год. III, № 10, I. II. 1869.

⁶ П. И в а н о в. Языкословни размишления. — Македония, год V, № 38, 20. IX. 1871.

⁷ П. И в а н о в. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски, Право, год. VII, № 34, 30. X. 1872.

⁸ М. Д р и н о в. За новобългарското азбуке. — Периодическо списание, кн. 2, 1870, с. 9.

сложным и трудным оказалось определение основных принципов и путей нормализации литературного языка и прежде всего установление его общего характера — того, что должно быть положено в его основу: „словенский“ (церковнославянский) язык или живой народно-разговорный болгарский язык, а в последнем случае — какой именно диалект (наречие) или известный симбиоз диалектов (наречий). По этим вопросам болгарскими грамматистами и другими книжниками высказывались различные мнения. Упорная борьба этих мнений, переходившая нередко за рамки корректной дискуссии и закончившаяся, как известно, утверждением восточноболгарского (точнее—центральнобалканского) наречия в качестве основы современного литературного языка, составляет одну из наиболее интересных глав начальной истории этого языка.

Не останавливаясь здесь подробнее на этих и других спорных вопросах, отметим, что и в отношении нормализации литературного языка как таковой не было единства мнений. В мощном хоре голосов за скорейшую нормализацию языка заметным диссонансом звучали и немногие голоса тех, кто выступал против установления единых и обязательных норм уже в самое ближайшее время. Хотя противников такой нормализации было немного, их выступления также были весьма характерны для начального этапа формирования литературного языка.

Нужно, однако, подчеркнуть, что никто не считал, что нормализация языка вообще не нужна и невозможна. Более того, все сознавали ее необходимость, но, сознавая это, некоторые доказывали ее преждевременность, ставили нормализацию языка в зависимость от ряда условий и предпосылок (развитие литературы, составление общепринятой грамматики языка, изучение богатства всех диалектов и т. д.). До тех пор пока не возникнут необходимые условия и не созреют соответствующие предпосылки, не должно быть никаких ограничений в определении характера литературного языка, его диалектной основы и правописания. Поэтому стремление книжников установить с самого начала грамматические и орфографические нормы рассматривалось противниками безотлагательной нормализации как неоправданное навязывание частного мнения всем болгарам.

Достаточно развернутое обоснование преждевременности и даже бесплодности попыток нормализации языка находим уже у Захария Княжеского и Натанаила (1847). С их точки зрения, стремление книжников установить единые и обязательные для всех грамматические и орфографические правила — бесполезная затея. Никто из этих книжников, — писали они, — „не в состоянии

убедить нас своими примерами, почему мы должны говорить и писать именно так, как они хотят, а не иначе⁹. По их мнению, „исправление“ болгарского языка и правописания — дело будущего, которое наступит тогда, когда болгарская литература станет богатой и когда будет составлена „полная грамматика“. До этого каждый волен писать и говорить так, как он желает. Свое кредо ненормализованного языка Захарий Княжеский и Натанаил формулируют следующим образом: „В настоящее время мы должны говорить и писать так, как кто знает, не осуждая других. Каждый может всегда изложить свое мнение о языке, а со временем эти мнения могут быть упорядочены“ („да ся положат в порядок“).¹⁰

Такой же точки зрения придерживались и некоторые другие деятели Возрождения (и не только в середине XIX в., но и позднее), глубоко осознававшие саму необходимость единого языка. Существовавший значительный разнобой в языке издававшихся книг и разноречивые суждения грамматистов и других книжников по вопросу о характере литературного языка порождали у некоторых убеждение в том, что полное единство языка в таких условиях в ближайшее время не может быть достигнуто, несмотря на очевидную его необходимость, и что создание единого языка — это дело довольно далекого будущего. Характерным в этом смысле является мнение Р. Жинзифова, который писал (1863), что еще далеко то время, когда „все болгары будут писать одинаково, без малейших различий“¹¹. Он не сомневался в том, что такое время непременно наступит, но не известно только, когда именно. Пока же, по мнению Жинзифова, достаточно и того, что „мы полностью („сосем“) понимаем друг друга, когда пишем“¹².

Об известной популярности такой или близкой точки зрения среди болгарской интеллигенции середины XIX в. свидетельствуют и позиции некоторых периодических изданий по данному вопросу. Учитывая отрицательное отношение одних книжников к конкретным предложениям по „исправлению“ языка, исходившим от других, и общее довольно хаотическое состояние языка и орфографии в издававшихся книгах, редакторы периодических изданий признавали целесообразным, чтобы на определенном этапе авторы пользовались свободой выбора и диалектной основы языка и орфографии. Так, газета „Цариградский вестник“ в одной из редакционных заметок отмечала (1851), что никто из книжников

⁹ Зерцало или огледало христианское. М., 1847, с. VI.

¹⁰ Там же, с. VII.

¹¹ См. Новобългарская сборка. М., 1863, с. 16.

¹² Там же.

и учителей еще не знает в совершенстве и безошибочно грамматики болгарского языка и что поэтому „каждый из нас должен писать так, как может, и, насколько может, должен придерживаться („да ся подвизава“) лучшего наречия“¹³. Поступая таким образом, болгары будут содействовать „исправлению“ своего языка, которое может быть достигнуто лишь „со временем“¹⁴. Более смело формулировала свою позицию в этом вопросе редакция журнала „Български книжици“, которая написала (1858), что предоставляет своим авторам право писать на их наречии, и обещала печатать (и печатала) их статьи согласно принятому каждым автором правописанию.¹⁵ Даже редакция журнала „Периодическо списание“, придававшая исключительно большое значение единству языка, в частности правописания, и призывавшая читателей следовать языковым нормам журнала, уже в начале 70-х годов допускала на первых порах печатание на страницах своего журнала статей, авторы которых следуют другому правописанию.¹⁶

Такая позиция находила объективно сильную поддержку и со стороны тех, кто доказывал острую необходимость скорейшего создания „общего“, т. е. литературного языка, но вместе с тем отмечал и целесообразность издания до поры до времени книг на разных наречиях. Их доводы сводились в основном к тому, что, во-первых, для создания единого и понятного для всех болгар языка необходимо знать все разнообразие и все свойства, особенности языка, и, во-вторых, для совершенствования и обогащения языка надо использовать неисчерпаемое богатство всех наречий. Так, уже в конце 60-х годов, когда вопрос о диалектной базе по существу был решен и издание книг на местных наречиях несомненно не могло рассматриваться как средство, стабилизирующее уже достигнутое в этом вопросе единство, крупнейший болгарский поэт XIX в. Петко Славейков признавал полезным публикацию книг не только на „общем“ наречии, т. е. общеполгарском литературном языке с его северо-восточной диалектной основой, но и на македонском наречии. „Мы не говорим, — указывал он, — что не нужно писать на македонском наречии; наоборот, мы хотим, чтобы писали (и на этом наречии. — Г. В.) для познания богатства языка.“¹⁷

¹³ См. заметку под рубрикой „Български“ в Цариградски вестник, год. V, № 53. 22. IX. 1851.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Български книжици, год. I, ч. I, 1858, с. 131.

¹⁶ См. „Няколко думи за изучаване и обработване на български сегашен език и за народната ни книжнина въобще“ в Периодическо списание, кн. 1. 1870, с. 15.

¹⁷ Македония, год. II, № 13, 24. II. 1868.

Естественно, что подобные высказывания, какие бы мотивы они под собой не имели, вряд ли способствовали утверждению у читателей убеждения в необходимости следования известным нормам уже сложившегося в целом к 70-м годам XIX в. литературного языка на основе восточнoболгарского (центральнобалканского) наречия.

В общем же выступления против нормализации языка и на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка, как мне кажется, не имели ни широкого размаха, ни большого числа приверженцев. Они были направлены скорее не столько против утверждения единых норм как токовых, сколько против немедленной их выработки, а также против предлагавшихся принципов их выработки и путей нормализации языка.

Как, вероятно, можно было заметить, выше речь шла пока о нормализации литературного языка в целом, безотносительно к его отдельным формам (разновидностям, вариантам). Именно так обычно и рассматриваются в существующей литературе вопросы начальной истории формирования современного болгарского литературного языка. Правда (и это весьма существенно), при этом имеется в виду нормализация, как правило, только письменной формы этого языка — нормализация орфографии, грамматики, а также лексики письменного языка. Что же касается устной формы (разновидности) как важнейшей составной части современного болгарского литературного языка, то ее нормализация обычно не выделяется специально из общего рассмотрения нормализации литературного языка (точнее — его письменной формы), исключая, разумеется, историю становления ряда орфоэпических норм этого языка.¹⁸

Между тем, становление норм устной речи, т. е. нормализация устной формы литературного языка, как известно, представляет особый (хотя и тесно связанный с нормализацией письменного языка) и сложный процесс со своими специфическими особенностями, который еще слабо исследуется вообще и применительно к болгарскому литературному языку в частности. Поэтому представляется уместным остановиться специально¹⁹ прежде всего

¹⁸ См., например, Л. А н д р е й ч и н. Характер и происход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език. Славистичен сборник, С., 1963.

¹⁹ Мы сознательно ограничиваемся только анализом мнений, высказанных разными книжниками по затрагиваемым здесь вопросам в острой борьбе за создание общеполгарского литературного языка, и отдаем себе отчет в том, что такой анализ, естественно, не может отразить и не отражает в полной мере того, как действительно в процессе самого функционирования литературного языка утверждались в нем те или иные нормы его устной формы. Однако „борьба мнений“ вокруг проблем устройства единого литературного

на том, как на начальном этапе формирования болгарского литературного языка при почти единодушном стремлении интеллигенции создать единый, общеполгарский язык решался вопрос о нормализации устной речи как одной из форм литературного языка в целом: подлежала ли нормализации и устная речь или же единство литературного языка сводилось на этом этапе только к единству и общеобязательности норм письменного языка²⁰?

Надо сразу сказать, что в многочисленных выступлениях грамматистов и других книжников о необходимости единого и общеобязательного для болгар всех областей литературного языка обычно указывалось на нормализацию не только письменного языка (прежде всего орфографии), но и устной речи. И то и другое обычно характеризовалось как установление правил того, как нужно „правильно писать и говорить“ по-болгарски.

Так, еще до возникновения горячих споров вокруг вопросов литературного языка и до издания первой болгарской грамматики А. Кипиловский указывал (1825), что болгарский язык должен иметь не только „правильное правописание“ („правильного правописания“), но и „правильную устную речь“ или, как он писал, „правоглаголание“²¹.

Наиболее важным свидетельством того, что нормализация („исправление“) литературного языка, по представлению тогдашних книжников, должна привести к достижению единства и устной речи, служат прежде всего грамматики болгарского языка. Начиная с И. Богорова, авторы почти всех грамматик неизменно утверждали, что задача грамматики состоит в том, чтобы научить болгар правильно писать и говорить по-болгарски. В подтверждение этого важного положения приведем мнение ряда авторов, обычно открывавших изложение орфографических и грамматических правил именно этим положением.

языка представляет, по нашему убеждению, большой самостоятельный интерес не только как страница общекультурной истории болгар, но и как важнейшая страница истории литературного языка. „Борьба мнений“ была одним из важных внешних факторов, определявших пути нормализации и развития литературного языка.

²⁰ То, что письменный язык должен быть нормализован или, как тогда многие писали, „исправлен“, т. е. должен обладать едиными правилами грамматики, не говоря уже о единых правилах орфографии, что этот язык должен иметь богатую и разнообразную лексику, необходимую для сочинения и перевода разных, в том числе и узкоспециальных книг, статей и других произведений, не вызывало сомнений, представлялось очевидным и почти само собой разумеющимся.

²¹ См. „Священное цветообрание или сто и четыре священни истории, избрани от ветхий и новият завет в полза на юношество“, перевод А. Кипиловского, Будин, 1825, с. XII.

Уже в первом издании своей известной грамматики (1844) И. Богоров утверждает: „Болгарская грамматика учит нас г о в о р и т ь и писать п р а в и л ь н о („уредно“) п о - б о л г а р с к и“²² (здесь и ниже разрядка наша — Г. В.). Это же констатируют в своих грамматиках Й. Груев и Д. Войников.²³ К этому же в сущности, хотя и не в столь очевидной формулировке, сводит задачи грамматики и И. Момчилов — автор одной из лучших, если не лучших, грамматики болгарского языка, изданной до освобождения Болгарии. Он писал, что грамматика языка как наука, в том числе и грамматика болгарского языка, „исследует правильное соответствующее („свойственно“) устройство любого языка со всеми его формами“²⁴. Таким „правильно устроенным“ языком является „письменный или ученый язык“ („писмоуен или учен език“), иными словами — литературный язык. Это тот „общий язык“, который „образованные люди („учените“) какого-либо народа все единодушно употребляют“, „на котором они г о в о р я т и пишут“²⁵. Без грамматики, указывал Т. Хрулев (1859), „никто не может написать или с к а з а т ь („да изговори“) что-либо п р а в и л ь н о“²⁶.

Это же утверждали и другие авторы в своих статьях и предисловиях к разным книгам. Х. Сичан-Николов, например, писал (1845), что Болгария нуждается не в „местной“ грамматике, какой он считал грамматику И. Богорова, а в „общей“, которая бы объединила все области Болгарии (восточную и западную, центральную, северную и южную) в „едином („сгласно“) правописании и у с т н о й р е ч и“ („говорене“).²⁷ А неизвестный автор интересной статьи „О всеобщей болгарской грамматике“ указывал в 1858 г., что, если вопрос о „письменном всеобщем болгарском языке“, прежде всего вопрос о его орфографии, в принципе уже решен, то вопрос об устной форме литературного языка — о том, как должен „г о в о р и т ь каждый образованный и культурный болгарин“, — еще предстоит решить собранию ученых.²⁸

²² И. Андреев [Богоров]. Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, с. 3. См. также: И. Андреев [Богоров]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848, с. 1.

²³ Й. Груев. Основа за българска граматика. Белград, 1858, с. 1; Д. Войников. Кратка българска граматика с упражнения. Пловдив, 1864, с. 5.

²⁴ И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език. Русчук, 1868, с. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Т. Хрулев. Българска граматика. Букурещ, 1859, с. 3.

²⁷ Х. Сичан-Николов. Болгарска аритметика. Букурещ, 1845, с. V.

²⁸ См. „За всеобща българска граматика“ в Български книжици, год. I, ч. 3, 1858, с. 101.

Иногда задача нормализации устной речи выдвигалась даже на передний план, ибо создание общеполгарского письменного языка рассматривалось как само собой разумеющееся дело. Так, некто Т. Р. (1862), указав на отсутствие одной болгарской грамматики, подчеркивал „большую необходимость в едином („единообразен“) языке, на котором бы говорили болгары восточные и западные, южные и северные“²⁹. К. Шапкарев считал даже нормализацию устной речи более актуальной задачей, нежели установление единой орфографии. Предлагая нормализовать общеполгарский литературный язык с учетом особенностей и македонского наречия, К. Шапкарев подчеркивал (1870), что его интересует при этом не столько орфографическая сторона устройства такого языка („правописателната част“), сколько собственно языковая, в том числе и устно-речевая („язичната или говорителната“)³⁰.

Очень важно отметить и такую деталь, связанную с терминологической пестротой в обозначении того понятия, которое сейчас обычно передается термином „литературный язык“ (у болгар теперь обычно — „книжовен език“). В начальные десятилетия своей истории современный болгарский литературный язык обозначался разными терминами („общ език“, „единен книжовен език“, „писмен език“, „писмоуен език“, даже „литературен език“ и др.), из которых в данном случае особый интерес представляет употреблявшийся некоторыми термин „письменный язык“ („писмен език“, „писан език“ и др.). Этим термином иногда обозначался не только письменный язык как таковой, но и устная речь образованных людей. Так, уже в 1845 г. Х. Сичан-Николов, рассуждая о „письменном языке“ („писан език“), указывал, что на нем п р а в и л ь н о г о в о р я т только образованные люди („книжните чеда“), а простой народ в разных областях говорит на местных диалектах.³¹ Неизвестный автор статьи „Болгарское правописание и язык“ (1869) писал, что „письменный язык“ — это „язык, на котором г о в о р я т и пишут болгарские книжники и ученые“ („книжници и учени“), т. е. образованные люди.³²

К такому мнению, однако, нормализаторы болгарского литературного языка пришли не все и не сразу. В первые годы споров вокруг литературного языка многие на первое место определенно

²⁹ См. Цариградски вестник, год. 13, № 36, 1. IX. 1862.

³⁰ К. Ш [а п к а р е в]. [Язикословие]. — Македония, год. IV, № 61, 25. VI. 1870.

³¹ Х. Сичан-Николов. Указ. соч., с. III—IV.

³² См. статью „Българското правописание и език“ в Право, год. IV, № 38, 15. XI. 1869; см. то же под рубрикой Българската книжевност. — Македония, год. IV, № 4, 25. XI. 1869.

ставили нормализацию письменного языка, рассматривая нормализацию устной речи как второстепенную и явно менее актуальную задачу. Е. Васкидович, например, сообщал (1856) „всему болгарскому обществу“, что „движимый родолюбием“, он сочинил грамматику разговорного языка („говоримий българский язык“), в которой изложил не только то, как говорят болгары, но и то, „как они должны говорить и о с о б е н н о п и с а т ь“³³. Особенно характерной была такая позиция для приверженцев архаизованной, церковнославянской основы литературного языка. Так, П. Пиперов полагал (1845), что с отказом от членных форм и введением старых падежей во всей Болгарии будет достигнуто единство „если не в устной речи („глаголании“), то по крайней мере в письменном языке („писании“) очень скоро“³⁴.

Высказывалось также мнение о том, что устная речь не может быть нормализована одновременно с устновлением общих правил письменного языка, что ее нормализация — дело будущего. Так, неизвестный автор считал (1852) возможным установление единых и общих для всех только норм письменного языка и ограничивал, таким образом, единство литературного языка лишь рамками письменного языка. Относительно устной речи он полагал, что достижение ее единства — дело невозможное. Он писал: „На данном языке все могут одинаково писать, но на нем отнюдь нельзя говорить одинаково.“³⁵ Нужно, однако, отметить, что и этот скептически настроенный автор все же не отрицал полностью возможность установления и единых норм устной речи. Он допускал, что можно и „говорить одинаково“, но считал, что так, т. е. „одинаково“, могут говорить только „ученые (образованные, грамотные люди. — Г. В.), которые учили язык по книгам“³⁶.

В целом же из сказанного выше следует, что задача нормализации современного болгарского литературного языка на начальной стадии его формирования не ограничивалась книжниками только рамками письменной формы (письменного языка), но совершенно определенно распространялась, как правило, и на устную речь. При этом нормализация последней, хотя и рассматривалась как важная задача, считалась все же менее актуальной, чем нормализация письменного языка, задачей.

³³ Е. Васкидович. Объявление. — Цариградски вестник, год. 6, № 295, 22. IX. 1856.

³⁴ См. его предисловие к кн.: Приключения Телемаха сына Одисееваго. Виенна, 1845, с. 22.

³⁵ См. заметку Болгарски — Цариградски вестник, год. V, № 75, 23. II. 1852.

³⁶ Там же.

Что же касается самой кодификации норм устной речи, то она в значительной мере определялась взглядами грамматистов и других книжников на нормализацию литературного языка вообще и прежде всего на характер его основы и соотношение его устной и письменной форм. И поскольку по этим вопросам высказывались различные мнения, постольку и „правильная“ устная, т. е. литературная речь разными кодификаторами наделялась не всегда одинаковыми признаками. В ходе развития болгарского литературного языка возобладало, как известно, северо-восточное (точнее — центральнобалканское) наречие, важнейшие особенности которого легли в основу как письменной, так и устной форм литературного языка.

*(„Вопросы языкознания“, 1969, № 6,
с. 94—102)*

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В истории современного болгарского литературного языка есть несколько узловых проблем, решение которых имело исключительно большое значение для его нормализации, с одной стороны, и связанного с этим функционирования его в качестве мощного средства создания национальной культуры и национального единения болгар, с другой. К их числу наряду с такими проблемами, как утверждение общего характера основы — традиционной (книжной, церковнославянской) или народно-разговорной, выбор диалектной основы и др., относится и проблема графики и орфографии. По разным аспектам этой проблемы деятелями Возрождения было высказано, пожалуй, больше всего конкретных предложений, замечаний и общих соображений, чем по каким-либо другим вопросам нормализации складывавшегося в ту эпоху литературного языка. Именно эта проблема явилась предметом ожесточеннейших споров, которые начались еще в 20-е годы XIX в. и не прекращались на протяжении всего периода формирования норм литературного языка. Проблема графики и орфографических норм, как известно, не потеряла своей остроты и в настоящее время.

В последние годы был опубликован целый ряд интересных работ о языке многих книжников эпохи Возрождения (Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, И. Кырчовский, П. Берон, Неофит Рильский, И. Богоров, П. Славейков, Р. Жинзифов, Г. Раковский, Н. Пырванов, Л. Каравелов, Д. Войников и др.), в которых в числе других рассматриваются и разные вопросы орфографии и графики. Особо следует выделить раздел „Орфографический вопрос в эпоху Возрождения“ в книге Л. Андрейчина „Из истории нашего языкового строительства“¹ и статью К. Мирчева „Орфо-

¹ Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство. С., 1977, с. 157—162. — Ранее этот раздел был опубликован в составленном Л. Андрейчиным сборнике статей разных авторов: Из историята на българския книжовен език. Помагало за студенти по българска филология, ч. I. С., 1964, с. 183—188.

графический вопрос в эпоху Возрождения², в которых кратко дана общая характеристика развития орфографии в названный период. Много внимания вопросам орфографии и графики в период формирования современного литературного языка уделяется в книге Р. Русинова „История новоболгарского литературного языка“³. Из наиболее существенных результатов изучения этой проблемы в последние годы необходимо выделить следующие два. Во-первых, исследователи отказались от несколько одностороннего взгляда на пловдивскую, тырновскую, каравеловскую и другие сложившиеся в третьей четверти прошлого столетия школы как на школы чисто орфографические и рассматривают их как школы литературно-языковые („книжовно-езикови“). Эти школы различаются не только определенными особенностями принятых ими орфографических норм, но и более общим подходом к созданию грамматических и других норм литературного языка. Преодолению такого взгляда в первую очередь способствовали труды Л. Андрейчина, который писал: „Надо глубже взглянуть на так называемые до недавнего времени „орфографические“ („правописни“) школы до Освобождения (первоначально пловдивскую и тырновскую, а затем также и каравеловскую и дриновскую) — как на литературно-языковые школы, т. е. как на опыты создания той или иной системы норм в литературно-языковой практике.“⁴ Во-вторых, в работах, опубликованных в последние годы, дана более подробная и детализированная характеристика самих орфографических норм, которых придерживались представители каждой из оформившихся литературно-языковых школ.⁵

Однако в целом история графики и орфографии современного болгарского литературного языка изучена еще явно недостаточно. В этой области науки о литературном языке исследователей ждет много неописанных вообще и несистематизированных фактов, чрезвычайно интересных и важных для освещения не только последовательного развития самой графики и орфографии, но и для полного и углубленного понимания более общих проблем формирования этого языка. Достаточно назвать здесь, например, вопрос о характерном новоболгарском звуке [ъ] и его

² К. Мирчев. Правописният въпрос през Възраждането. — Литературна мисъл, 1975, кн. 6, с. 73—79.

³ Р. Русинов. История на новобългарския книжовен език. Велико Търново, 1976.

⁴ Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково стрителство, с. 59.

⁵ Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково стрителство, с. 59—61; Р. Русинов. История на новобългарския книжовен език, с. 93—110.

графическом обозначении. Это один из основных вопросов истории болгарской орфоэпии и орфографии, решение которого тесно связывалось разными книжниками с их общим взглядом на характер (книжный или народно-разговорный) основы литературного языка, на его диалектную базу и др. Подобное изучение одного этого вопроса могло бы составить предмет обширной монографии.

К числу мало изученных вопросов истории болгарской графики и орфографии относится и вопрос о введении в болгарское книгопечатание гражданской кириллицы („гражданки“) вместо употреблявшейся у болгар в первые десятилетия их книгопечатания церковной (церковнославянской) кириллицы. По существу замена церковной кириллицы гражданской явилась одним из важнейших моментов в истории болгарской графики и истории литературного языка в целом. Первому опыту приложения гражданской азбуки в печати у болгар и посвящена настоящая статья.

Первые болгарские книги печатались, как известно, церковной кириллицей, восходящей к азбуке, созданной Кириллом и Мефодием. Такой кириллицей были напечатаны почти все болгарские книги, изданные за период с 1806 г., когда увидели свет знаменитый „Кириакодромион“ (или „Недельник“) Софонрия Врачанского и „Молитвенный крин“ неизвестного автора-составителя, и до начала 40-х годов XIX в. Среди них не только церковные книги — канонические (например, „Новый завет“ в переводе П. Сапунова, Бухарест, 1828 или „Евангелие от Матфея“ в переводе грека Теодосия и болгарина Серафима, СПб., 1823, религиозно-поучительные (таковы, например, творения Кирилла Пейчиновича и Иоакима Кырчовского, изданные во второе десятилетие, агиографические (например, „Житие святого Харалампия“ в переводе Неофита Рильского, Белград, 1834) и другие, в том числе и названные „Кириакодромион“ и содержащий утренние и вечерние молитвы „Молитвенный крин“, но и книги светского содержания — учебные пособия по географии и истории, нравоучительные книги и пр. Церковной печатью были изданы и первые грамматики болгарского языка — „Болгарска граматика сега перво сочинена“ Неофита Рильского (Крагуевац, 1835) и „Грамматика славено-болгарска“ Христати Павловича (Буда, 1836). Книги церковной печати продолжали издаваться болгарскими в 40-е годы и позднее. Так, в 40-е годы церковной кириллицей была напечатана „Първичка българска граматика“ Ивана Богорова (Бухарест, 1844). В 50-е годы такой же печатью были изданы первые два сборника сочинений Петко Славейкова — „Езопови басни“ и „Песнопойка“ (Бухарест, 1852) и целый ряд книг других авторов. Как известно, церковной ки-

риллией печатались и некоторые периодические издания, например, первый болгарский журнал „Любословие“ (Смирна, 1842—1846), первые 18 номеров газеты „Цариградский вестник“ (выходила в Константинополе с января 1848 г.), первые выпуски журнала „Български книжици“ (выходил в Константинополе с 1858 г.). В целом, как указывает Л. Андрейчин, до середины XIX в. в болгарском книгопечатании решительно преобладает церковная кириллица.⁶ Это относится прежде всего к первым четырем десятилетиям. Начиная с 40-х годов, т. е. с пятого десятилетия, число книг, изданных гражданской печатью, быстро растет, и относительный вес книг церковной печати резко уменьшается.

Нужно отметить, что сама церковная печать в болгарских книгах не была одинаковой. Наиболее строго она соблюдалась в книгах, изданных в России и в университетской типографии в Буде (Венгрия). В них представлен полный набор букв церковной кириллицы красивого начертания со всеми надстрочными знаками (ударения, придыхания, титлы), с лигатурами и пр. Хороший набор церковной кириллицы имели также типографии Сербии и в Вене, а также вилайетская типография в Русе — первая типография на территории Болгарии, основанная в 1864 г. с разрешения турецких властей. Хуже была по внешнему виду церковная кириллица в некоторых типографиях Румынии (см., например, „Кириакодромион“ Софония Врачанского или „Новый завет“ в переводе П. Сапунова и др.) и особенно в типографии Теодосия Синаитского в Салониках, где было отпечатано несколько болгарских книг.⁷ Во многих книгах церковная кириллица в большей или меньшей степени упрощена: нет лигатур, написаний с титлами, знаков придыхания и ударения, нет некоторых из дублетных букв и др., так что, как правильно отмечает Л. Андрейчин, в целом ряде книг церковнославянский шрифт „очень приближен к гражданскому (с фактическим различием лишь в графическом стиле букв)“⁸. Любопытно, что такого рода упрощенную (в частности без ударений) кириллицу некоторые книжники признавали уже не церковной, а гражданской. В этом отношении показательное мнение Михаила Кифалова. В предисловии к своему переводу известной книги Ю. И. Венелина „О зародыше новой болгарской литературы“ (М., 1838), объясняя особенности языка и принятого

⁶ Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

⁷ М. Стоянов. Букви и думи. С., 1978, с. 130.

⁸ Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

ним правописания, М. Кифалов отмечает, что образованные люди во всем мире пишут на языке, отличающемся от языка местного простонародья, которое в разных городах и селах говорит по-разному, и далее пишет: „Все по той же причине различного говора простонародья переводчик употребил не церковную печать (которая взята из греческого языка, когда священное писание было переведено на древнеболгарский язык), а гражданскую, по примеру просвещенного мира европейцев, а особенно наших соплеменников россиян, ныне богатых сынов славянских! Ибо наши болгары в одном месте говорят с ударением, т. е. момчѣ, момѣкъ, водѣ и пр., а в другом месте — момче, момекъ, вода и пр. Россияне же пишут, например, присяга (клатва), без ударения, но в произношении у одних слышится ударение на втором слоге — присяга, а у других на третьем — прысага и пр. Как видно, из-за этого именно несогласия в произношении и они употребляют гражданскую печать без ударений и пр.“⁹ В действительности же шрифт, которым напечатан перевод книги М. Кифалова, — церковная кириллица по начертаниям букв, но без знаков ударения, придыханий, лигатур и пр.

Первой книгой, напечатанной ^{гражданской} азбукой, считается „Арифметика или наука числительна“ Христати Павловича.¹⁰ Она была напечатана в 1833 г. в правительственной („княжеско-сербской“) типографии в Белграде. Нередко с изданием этой книги вообще связывают первый опыт использования гражданской кириллицы в болгарском книгопечатании. Так, Л. Андрейчин пишет, что эта азбука „впервые появляется у нас в Арифметике Христати Павловича в 1833 г.“¹¹ Р. Русинов указывает, что Хр. Павлович в названной книге первым из болгар использовал („пръв си служи“) гражданскую кириллицу.¹² Это же констатирует и М. Стоянов — крупнейший специалист в области болгарского книгопечатания в эпоху Возрождения, автор капитального двухтомного каталога болгарских книг этой эпохи.¹³ „Гражданский кириллический шрифт. . . вводится в болгарское книгопечатание в конце 30-х годов впервые в учебнике по арифметике Христати

⁹ См. Заради возрождение новой болгарской словесности или науки. Сочинение или книжица рускаго историкописателя Венелина. М., 1838. Перевел губернский секретарь М. Кифалов, тетевенец. Букурещ, 1842, с. III—IV.

¹⁰ Из последних работ об этом см.: К. М и р ч е в. Правописаният въпрос през Възраждането, с. 75.

¹¹ Л. А н д р е й ч и н. Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

¹² Р. Р у с и н о в. История на новобългарския книжовен език, с. 91

¹³ М. С т о я н о в. Българска възрожденска книжнина, т. I—II. С., 1957—1959.

Павловича (1833).¹⁴ В последнем случае, очевидно, было бы точнее сказать не в конце, а в начале 30-х годов, так как третий год каждого десятилетия относится если не к началу, то к середине, но никак не к концу десятилетия.¹⁵ Несколькими строками выше М. Стоянов, впрочем, высказывает иную точку зрения, а именно, что церковнославянским шрифтом были „отпечатаны все (курсив наш. — Г. В.) болгарские книги приблизительно до 1840 г. и даже первые периодические издания — журнал „Любословие“ и „Цариградский вестник“¹⁶. Очевидно, это — досадная описка. До 1840 г. таким шрифтом, кроме уже названной и упоминаемой и М. Стояновым „Арифметики“ Хр. Павловича, были изданы в 1835 г. в той же „княжеско-сербской“ типографии в Белграде и две другие его книги — „Писменник общеплезен“ и „Разговорник греко-болгарский“ (болгарская часть), а также „Арифметическое руководство за наставление на болгарские юноши“ Неофита Бозвели и Емануила Васкидовича, напечатанное в том же году в „княжеско-сербской“ типографии в Крагуевце.¹⁷ То, что эти три книги изданы кириллицей, М. Стоянов, конечно, знает. В этом

¹⁴ М. Стоянов. Букви и книги, с. 131. — Заметим, что в цитируемом месте книги М. Стоянова опущена какая-то часть текста: непосредственно за приведенной цитатой следует часть фразы („только отдельные тексты и затем постепенно, а церковнославянский сохраняется для богослужебных целей“), которая, как это видно, и по смыслу и грамматически прямо не связана с этой цитатой.

¹⁵ Во избежание недоразумений следует отметить, что в оригинале (в болгарском тексте) здесь указаны не 30-е, а 40-е годы. В болгарском языке „сороковые годы“ иногда, как и в данном случае, понимаются в смысле „годы четвертого десятилетия“, т. е. с 1830 (или 1831 г.) по 1839 (или 1840 г.), а не в смысле „годы пятого десятилетия“, как в русском языке и как это рекомендуется также и болгарскими лингвистами. (См. об этом: Л. Андрейчин. Кои години са „триесетте години“ на даден век? — Български език, 1971, кн. 2—3, с. 277—278.) На эту особенность летосчисления в русском и болгарском языках следует обращать внимание при чтении и переводе литературы на этих языках.

¹⁶ М. Стоянов. Букви и книги, с. 130.

¹⁷ Любопытно, что из шести книг, составляющих серию „Славеноболгарское детоводство“ и изданных в 1835 г. в этой типографии в Крагуевце, гражданской кириллицей напечатано было только „Арифметическое руководство“ (ч. IV этой серии). Остальные пять книг были набраны церковной кириллицей. Чем это объясняется, мы не знаем. Едва ли есть сомнения в том, что гражданская кириллица была использована с ведома авторов-составителей, во-первых, и что типография располагала техническими возможностями издать и эту книгу церковной кириллицей, во-вторых. Вероятно, и авторы, и издатели (типография) сочли, что именно пособие по арифметике целесообразнее печатать гражданской кириллицей, а не церковной. Не случайно, вероятно, и „Арифметика“ Хр. Павловича двумя годами ранее тоже была напечатана гражданской кириллицей.

можно убедиться, в частности, в т. I его „Българска възрожденска книжнина“, где в описаниях названных здесь книг отсутствует помета „Църк.-слав. букви“, указывающая на то, что соответствующая книга напечатана церковной кириллицей.¹⁸

Как видим, в одном из важнейших вопросов истории болгарской графики и орфографии, а также истории книгопечатания у болгар, каким представляется вопрос о начале введения гражданской азбуки, у современных исследователей нет достаточной ясности и единого мнения.

Что касается первой болгарской книги, изданной гражданской кириллицей, то таковой действительно является „Аритметика или наука числителна“ Хр. Павловича. Это книга, написанная болгаринном и предназначенная для болгар. Весь текст в ней — на болгарском языке. Однако это не была книга, в которой болгарский текст впервые был напечатан гражданской кириллицей, так как болгарский текст печатался такой азбукой уже в 20-е годы XIX в. Такой именно азбукой (с добавлением нескольких сербских букв и j) Вуком Караджичем в его знаменитом „Додатак'е к Санктпетербургским сравнительним рјечницима“ (Вена, 1822) были напечатаны список из 285 болгарских слов, две евангельские притчи и „Отче наш“ на болгарском языке, 27 болгарских народных песен. Но „Додатак“ — книга, подготовленная к изданию сербским филологом, и в ней представлен опыт использования гражданской кириллицы для передачи текстов на болгарском языке сербом, а не болгаринном. Высказанное нами два года назад предположение, что первым болгарским текстом, составленным болгаринном и изданным гражданской кириллицей, была, видимо, болгарская часть давно уже ставшей библиографической редкостью „Инструкции об

¹⁸ Отметим, впрочем, что подобного рода описка допущена М. Стояновым и в опубликованной более 10 лет назад заметке „Първата пиеса на български език“ (Отечествен фронт, 21. XI. 1969). В ней он указывает, что до 1843 г. (до издания в Кишиневе в болгарском переводе комедии-водевиля „Дворянские выборы“ Д. И. Брайкевича) все болгарские книги — около 70 названий — „были напечатаны церковнославянским шрифтом“. Из этого следует заключить, что первой книгой, изданной гражданским шрифтом, М. Стоянов считает здесь названную комедию-водевиль „Дворянские выборы“, что, конечно, неверно. До выхода в свет этой книги в 1843 г. гражданской кириллицей, кроме уже указанных выше четырех книг, были изданы также: в 1841 г. в Одессе брошюра В. Априлова „Българските книжници, или на кое словенско племе собственно принадлежи кирилловска азбука?“, в 1842 г. в Одессе — книга в переводе И. Богорова „Математическа география“, брошюра Н. Герова „Няколко думи за преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева“ и ответная брошюра И. Богорова (И. Богоева) „Нещо на Няколкото думи за преводат на Герова“ и в том же году в Буда — сборник „Български народни песни и пословици“ И. Богорова.

обязанностях сельских приказов“ (Кишинев, 1821),¹⁹ оказалось неверным. Ознакомившись (по ксерокопии) с этой „Инструкцией“ уже после выхода в свет указанной статьи, мы убедились, что как русский, так и болгарский текст ее напечатан церковной кириллицей. Таким образом, первым болгарским текстом, написанным болгаринном и напечатанным гражданской кириллицей, который дошел до нас и известен в настоящее время, следует считать краткое посвящение, предпосланное А. Кипиловским (Стояновичем) к переведенной им книге „Священное цветообрание или сто и четыре священны истории, избрани от ветхият и новият завет“ (Будим, 1825). Это посвящение занимает неполные две страницы книги, напечатанной в 8^о. Текст его приводится ниже. Остальной текст книги, в том числе и обширное предисловие — обращение „Камто любопрочитателите“ — напечатаны церковной кириллицей.

В лингвистической литературе это посвящение до недавнего времени еще не привлекало внимания исследователей истории болгарского литературного языка. Лишь несколько лет назад Р. Русинов отметил, что А. Кипиловский собирался было принять гражданскую азбуку в переводе „Священного цветообрания“ и что „свой прогрессивный взгляд на правописание болгарского литературного языка“ он на практике приложил в названном посвящении, но „не решился порвать с церковнославянской азбукой“²⁰. В другой работе Р. Русинов просто указывает, что в „Священном цветообрании“ А. Кипиловский „высказывается за замену церковнославянской азбуки гражданской и за упрощение правописания, но не решается использовать новую азбуку“²¹. Не обратил должного внимания на опыт А. Кипиловского и К. Мирчев, который отметил, что тот в своем переводе „Священного цветообрания“ высказывает сожаление, что не смог напечатать свою книгу просветительным письмом (т. е. гражданской азбукой. — Г. В.) и употребил „славенское правописание“²². Из сказанного видно, что текст рассматриваемого посвящения специально анализу еще не подвергался и что само оно с точки зрения

¹⁹ Г. К. Венедиктов. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. — В: Славянское и балканское языкознание. М., 1979, с. 253—254 (в настоящем сборнике — с. 89—90). См. также статью „Азбука“ в кн.: Энциклопедия „България“. С., 1978, с. 41.

²⁰ Р. Русинов. Преводаческо дело на А. С. Кипиловски и българският книжовен език. (С приложение „Из историята на думата *речник*“.) — Трудове на Великотърновския университет „Кирил и Методий“, т. XI, кн. I. Филологически факултет, год. 1973—1974. С., 1975, с. 544. — Здесь же приведено и начало посвящения.

²¹ Р. Русинов. История на новобългарския книжовен език, с. 91.

²² К. Мирчев. Указ. соч., с. 75.

приложенной в нем графики и орфографии еще не было оценено так, как оно того заслуживает. Это и дало нам основание в одной из статей заключить, что текст посвящения по существу еще не привлекал к себе внимания исследователей.²³ Лишь совсем недавно П. Бояджиев с полным основанием подчеркнул, что „в истории болгарского правописания эти две страницы (т. е. посвящение. — Г. В.) нельзя обходить с пренебрежением“, что „они демонстрируют „сущность болгарского фонетического правописания“, которое столь удачно „уловило языковое чутье“ молодого А. Кипиловского.²⁴ П. Бояджиев считает, что на двух страницах посвящения представлено, в сущности, современное болгарское правописание, если не считать „одной единственной излишней буквы — йота, как и одной единственной буквы, не отвечающей современному знаку, — *ā* вместо *ъ*“²⁵. Из сказанного, таким образом, ясно, что в истории болгарского книгопечатания и литературного языка текст посвящения А. Кипиловского в книге „Священное цветоборание“ важен как первая у болгар попытка — правда, еще очень робкая — сознательного разрыва с традицией церковной печати и первый опыт использования гражданской кириллицы для типографского издания болгаринского текста на родном языке.²⁶ Подробному описанию графики и орфографии названного текста и посвящена дальнейшая часть настоящей статьи.

Приведем сначала сам текст посвящения в точной орфографической передаче оригинала.

*„Любороднейший и Почтеннейший
Господине Антоние!*

Теби воистина е достойно да ся посвати и тѣзи книжка; защо Ти като си позналъ бедноста нашего народа, и дето отъ нея пользата самохотно си попросилъ средството което усердїето на спомоществователите не бе достаточно да содействова за да ся напечата тая книжка. И ето сега наслаждавайся произубилно въ своето бла-

²³ Г. К. Венедиктов. Указ. соч., с. 254.

²⁴ П. Б о я д ж и е в. Анастас Стоянович Кипиловски — този непознат възрожденец. — Литературна мисъл, 1979, № 9, с. 112.

²⁵ Там же. — П. Бояджиев здесь допускает одну неточность: буква *ā* вместо *ъ* употребляется А. Кипиловским в предисловии и в основном тексте книги, но не в посвящении (см. об этом подробнее ниже).

²⁶ В свете сказанного представляется весьма целесообразным включение текста рассматриваемого посвящения в последующие издания „Хрестоматии по истории новоболгарского литературного языка“. В вышедших уже двух изданиях этой хрестоматии (Л. А н д р е й ч и н, В. П о п о в а, Х р. П ъ р в е в. Хрестоматия по истории на новобългарския книжовен език. С., 1973; 2-ро изд., 1978) данный текст, к сожалению, отсутствует.

гоизволеніе, което и въ деломъ глeдaшъ совершенно; а громогласните благословеніята на бедното наше юношество пріемай благосклонно, което юношество като ся усвободи чрезъ Твоего чело-веколюбіе отъ смертната сенка, ще начени да собеседова сасъ Музите по свойственніатъ матерній нашъ языкъ. И тѣй като познай сичкіатъ нашъ народъ своето попредньо бедствіе, ще наченатъ богатите да последоватъ Твоите примери, а недостаточните ще молятъ Божіята Милость да укрепява Васъ въ долгоденствіе и благополучіе. А азъ ведно сасъ прочите като благовестувамъ ва-шите благодеяніята, ще пребуда.

На Вашето.
Любородіе.

1825. Іулія 7 числа
Въ Букурестъ.

покорнейшій
слуга

Анастасъ Стояновичъ.“

Кроме приведенного текста посвящения, гражданской кириллицей набраны также и списки спомоществователей, т. е. лиц, предварительно подписавшихся на книгу „Священное цветообращение“ в переводе А. Кипиловского: „Списокъ на имената на Любородните спомоществователи“ (в конце первой части) и „Имена на любородни спомоществователи“ (в конце второй части; оба списка не пагинированы). Приводим здесь несколько имен спомоществователей как для иллюстрации, так и для того, главным образом, чтобы показать, что в этих списках использованы и такие буквы, каких в посвящении нет. Например:

„Почтенній Г. Георгій Іоанновичъ Филоглу отъ Калоферъ“;
„Почтенній Г. Цоча Даніловъ отъ Ловичъ“;
„Г. Добри абаджи Желесковичъ отъ Сливенъ“;
„Почтенній Г. Ѳеодоръ отъ Тревна“;
„Почтенній Г. Іото Веловъ отъ Тетивенъ“;
„Благоговейнейшій Г. п. Янко чорбаджи Кутѳвичъ отъ Сливенъ“.

Прежде ^{т. е. и} приступить к анализу графики и орфографии напечатанного гражданской кириллицей текста, необходимо кратко сказать о той историко-культурной обстановке начала 20-х годов прошлого столетия, в которой появился первый опыт такой печати.

А. Кипиловский в предисловии „Камто любопрочителите“ к „Священному цветообращению“ пишет, что перевод этой книги — это его „двухлетний. . . труд и первый плод. . . умеренного учения“²⁷. Предисловие это датировано 13 августа 1825 г. Следовательно, к переводу книги он приступил, вероятно, летом 1823 г. Но еще прежде чем ~~заняться~~ А. Кипиловский уже понимал, что сам перевод такой книги связан со значительными трудностями языкового характера, и путь их преодоления видел как раз в использовании гражданской азбуки и упрощенного правописания. Вот что писал сам А. Кипиловский в предисловии: „Прежде чем приступить к осуществлению своего намерения, я почувствовал и те трудности, которые проистекают из-за отсутствия Грамматики и Лексикона нашего языка, поэтому я тогда вознамерился употребить правописание естественное („правописаніе естествоно“), какое видно в посвятельном письме (т. е. приведенном выше посвящении. — Г. В.), т. е. хотел было, не употребляя одинаково произносимых букв и, ї, ы, ѳ, ѿ, ѡ, ѣ, ѥ, ѧ, ѫ и Ѫ, которые попадают в трудно запоминаемые орфографические правила, последовать тому произношению, которое в речи каждого из нас естественно существует, но по некоторым причинам я употребил славянское (т. е. церковнославянское. — Г. В.) правописание.“²⁸

Ниже мы остановимся подробнее на возможных причинах, которые заставили А. Кипиловского отказаться от гражданской печати и упрощенного правописания. Здесь же рассмотрим сейчас те причины, которые первоначально побудили или могли побудить его обратиться к тому письму, образец которого представляет приведенное выше посвящение.

В сущности, три причины указывает сам А. Кипиловский. Одна из них — отсутствие грамматики и словаря болгарского языка. Видимо, А. Кипиловский считал, что грамматика и словарь не только облегчают сам писательский труд книжников, но и помогают им усвоить свой язык, в частности правильно писать. Так как у болгар в середине 20-х годов еще не было ни грамматики, ни словаря родного языка, которым можно было бы следовать, то каждый книжник волен был в принципе избирать такую азбуку и орфографию, какую он, по мнению А. Кипиловского, считал наиболее подходящей. Другая причина — трудности в усвоении традиционного (церковнославянского) правописания,

²⁷ „Священное цветообращение“, ч. I, с. XI — Цитируемые здесь и ниже фрагменты предисловия, напечатанного, как и основной текст книги, церковной кириллицей, воспроизведены нами на болгарском языке гражданской кириллицей в упомянутой статье (с. 250—251).

²⁸ „Священное цветообращение“, с. XI.

связанные с наличием дублетных (одинаково произносимых) букв (и, ї, њ; о, Ѡ, ѡ; е, е, ѣ; оу, ѡ), и третья причина — желание отразить на письме живое произношение болгар, которое не было бы „скрыто“ одинаково произносимыми буквами и трудно усваиваемыми правилами орфографии.

Очевидно, таким образом, что, отказываясь от „славянского правописания“ в пользу „естественного правописания“ и гражданской кириллицы, А. Кипиловский руководствовался стремлением, во-первых, точнее отразить на письме живое произношение болгар и, во-вторых, упростить графику и орфографию, сделав их более доступными для обучающихся грамоте. Такое намерение было в полной мере созвучно передовым и патриотическим настроениям части образованных болгар 20-х годов XIX в., осознавших необходимость обучения грамоте и усвоения знаний на живом, народном языке. Призыв Паисия Хилендарского „Ти, болгарине, не прелащай се, знай свой родъ и языкъ и учи се по своему языку“²⁹, обращенный еще в 1762 г. к соотечественникам, в 20-е годы XIX в. уже воплощался в конкретную программу деятельности, направленную на развитие болгарской школы на родном языке и на издание на этом языке необходимых книг, с которой выступили наиболее дальновидные деятели тех лет. Об этой программе, которую намечало в начале 20-х годов „Филологическое общество“, составленное жившими в Брашове (Румыния) болгарскими, полнее всего можно судить по тому, что говорит о ней П. Берон. В предисловии к своему знаменитому „Букварю с различными поучениями“ (1824 г.), известному в широких читательских и учебных кругах под названием „Рыбный букварь“, П. Берон излагает свое мнение по вопросу о том, на каком языке должно вестись обучение в школе. Он начинает свой „Букварь“ следующими словами: „Когда я впервые увидел в других местах (т. е. в других странах. — Г. В.), что дети начинают читать книги, написанные на их языке, я понял, как плохо поступают у нас учителя и сколько напрасных мук испытывают бедные дети.“³⁰ Коренной недостаток школы П. Берон видел в том, что обучение детей грамоте по совершенно непонятным для них псалтыри и часослову было безрезультатным: после школы, где дети проводят свою молодость, „полную страха и трепета“, они не умеют даже написать свое имя. Он выражал удивление, что „на протяжении стольких веков не

²⁹ Цит. по кн.: История славяноболгарская собрана и нареджена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъмки за печат Й. Иванов. С., 1914, с. 6.

³⁰ П. Беронич (Берон). Буквар с различни поучения. Брашов, 1824, с. 2.

нашлось ни одного человека, который понял бы это окаянное положение и указал бы *прямой путь к учению*“ (курсив наш.— Г. В.).³¹ С целью помочь детям, а заодно и всем болгарам стать на этот „прямой путь к учению“ — учению на родном, понятном для них языке — П. Берон и написал „насколько мог просто“ свой „Букварь“. Он даже объяснил с помощью понятных болгарам турецких слов такие слова, которые показались ему „трудными“³². Позиция П. Берона в вопросе о характере языка совершенно ясна: как книги священного писания, так и „другие полезные книги“ должны печататься „на нашем простом языке“³³. Практическая реализация П. Бероном в „Рыбном букваре“ его точки зрения в этом вопросе явилась „огромным историческим шагом вперед в развитии нашей (т. е. болгарской. — Г. В.) возрожденческой литературы и нашего литературного языка“³⁴.

Точку зрения П. Берона разделяли и другие образованные болгары Брашова, составившие „Филологическое общество“, поскольку целью этого общества как раз и было содействие просвещению народа путем издания книг на народном болгарском языке. В. Ненович и Й. Генович, исполнители планов издательской деятельности общества, обязывались обеспечить перевод „Нового завета“ (евангелие, апостол и апокалипсис), так и печатание других полезных книг на нашем простом языке³⁵ или, как сказано в другом месте, „на нашем языке так, как мы говорим“³⁶.

Мнение о том, что языком школы и печатных книг должен быть народный болгарский язык, если и не было еще всеобщим, то, по всей вероятности, оно было достаточно распространенным среди образованной части болгарского населения. Показательно во всяком случае, что в числе немногочисленных высказываний самих болгар тех лет по этому вопросу, нет таких, которые свидетельствовали бы об их предпочтении языка книжного, церковно-славянского языка народному. В настоящее время можно указать лишь одно дошедшее до нас свидетельство того, что предназначаемые для болгар книги нельзя писать, не основываясь на грамматических правилах церковнославянского языка, но и это сви-

³¹ П. Б е р о в и ч. Указ. соч., с. 2.

³² Там же, с. 3.

³³ Там же, с. 143.

³⁴ Л. А н д р е й ч и н и. Езикът на „Рибния буквар“ и българският книжовен език. — Български език, 1964, кн. 2—3, с. 101.

³⁵ П. Б е р о в и ч. Указ. соч., с. 141.

³⁶ Там же, с. 142.

детельство исходит не от болгарина, а от грека — архимандрита Теодосия³⁷.

Другое важное обстоятельство, непосредственно связанное с только что рассмотренным, — известное представление книжников тех лет о необходимости писать „правильно“, согласно „грамматическим правилам“ родной речи. В самом конце послесловия к „Рыбному букварю“ П. Берон, выражая, надо полагать, общее мнение „Филологического общества“, указывал: „Очень полезно, когда мы учим сначала наш язык по правилам грамматики, а потом другой язык.“³⁸ Несоответствие языка подготавливаемых к изданию книг правилам народной речи, отступления от этих правил рассматривались как существенный недостаток даже применительно к книгам священного писания. Показательно в этом от-

³⁷ Отрицательное мнение архимандрита Теодосия об использовании народного болгарского языка в издаваемых для болгар книгах связано со следующим интересным эпизодом в истории болгарского книгопечатания, имеющим прямое отношение и к истории болгарского литературного языка. В начале 20-х годов Российское Библейское общество приняло решение издать на болгарском языке „Новый завет“ в переводе, сделанном упомянутым греком Теодосием с помощью болгарина архимандрита Серафима. В 1822 г. Теодосий по приглашению Общества прибыл в Петербург для наблюдения за печатанием „Нового завета“. В 1823 г. было отпечатано „Евангелие от Матфея“, почти весь тираж которого вскоре после отпечатания был уничтожен (или погиб во время одного из наводнений?). (Подробнее об истории издания этого перевода см. в статье Р. Радковой в сб. „Българското възраждане и Русия“. София, 1981.) Группа брашовских болгар, узнав об этом переводе, направила еще в 1822 г. в Комитет Российского Библейского общества письмо, в котором, как это явствует из протоколов заседаний Комитета, сообщали о неудовлетворительности перевода, „поелику архимандрит сей (т. е. Теодосий. — Г. В.), не будучи природным болгаром, не может знать основательно и грамматически языка болгарского, и не знает также ни славянского, ни русского языков“, а оказавший ему помощь „один болгарин“ (т. е. архимандрит Серафим. — Г. В.) „знал только язык своей деревни“. [Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 808 (Российское Библейское общество), оп. 1, ед. хр. 182, л. 83]. В объяснительной записке, направленной в Комитет в связи с этим письмом брашовских болгар, Теодосий, судя по ее изложению в цитируемой протокольной записи, отклонил все замечания. Относительно же языка своего перевода он отметил следующее: поскольку „на языке болгарском до сих пор не было еще книг, а потому оный и не имеет никаких правил“, а заимствуемые из живой речи правила „не могут почестья определенными ввиду наличия в ней местных различий“, и „как язык сей есть наречие коренного славянского языка“, то он и „принял для своего перевода грамматические правила языка славянского, исключая тех только случаев, где принятое и укоренившееся употребление сего сделать не позволяет“ (Там же, л. 84). В какой мере эту точку зрения разделял и разделял ли ее вообще и болгарин Серафим, соавтор перевода, сказать трудно, потому что характер его участия в переводе „Нового завета“ нам не известен.

³⁸ П. Б е р о н и ч. Указ. соч., с. 141.

ношения приведенное выше мнение брашовских болгар о языке переведенного греком Теодосием „Нового завета“, которые обратили внимание на то, что Теодосий, „не будучи природным болгаром, не может знать основательно и *грамматически* языка болгарского“ (курсив наш. — Г. В.). Признаком хорошего перевода „Нового завета“ П. Берон считал общепонятность его языка для всех болгар. Перевод же Теодосия он считал примером плохого перевода, который приносит болгарскому народу только „бесчестие и стыд“. Он отметил, что брашовские болгары писали в Петербург и „просили, чтобы ученым людям было поручено посмотреть его и *исправить, дабы он стал хорошим, чтобы его понимал каждый болгарин*“ (курсив наш. — Г. В.).³⁹

В свете сказанного понятно, почему „Филологическое общество“ в Брашове с самого начала своей деятельности придавало большое значение изданию книг по языку. В этом отношении показателен тот факт, что среди шести книг, подготовленных к печати, о которых сообщалось в послесловии к „Рыбному букварю“ П. Берона, мы видим „Лексикон малкий на четири язници: болгарски, гречески, влашки и российский“, „Грамматическа етимология на тези 4 язници“ и „Грамматика болгарска“⁴⁰. Известно, что как собственно издательская программа этого общества, так и проблемы языка были предметом обсуждения составивших его брашовских болгар. Собственно говоря, для коллективного решения данных задач это общество и было создано. Известный деятель Возрождения Болгарии Иван Селиминский, живший в 1824—1825 гг. в Брашове, вспоминал впоследствии (в письме В. Априлову и Н. Палаузову от 17. IX 1840 г. „В 1823 г. в Брашове покойный Васил Ненович из Свиш

³⁹ П. Беронич. Указ. соч. — А. Кипиловскому история с подготовкой Российским Библиейским обществом издания „Нового завета“ в этом переводе, насколько можно судить по его предисловию к „Священному цветообращению“ (с. VI—VIII, сноска), была в общих чертах известна. В споре между брашовскими болгарскими, пославшими в 1822 г. письмо в Петербург, и Теодосием А. Кипиловским, когда писал свое предисловие (оно датировано 15 августа 1825 г.), как будто был на стороне Теодосия. Это объясняется, может быть, тем, что в это время он был уже в неприязненных отношениях с В. Неновичем и другими видными представителями болгарской колонии в Брашове. Во всяком случае, обращает на себя внимание то, что в словах А. Кипиловского о Теодосии чувствуется лишь одобрение и нет ни малейшего намека на какое-либо недовольство со стороны болгар. Неизвестно, читал ли А. Кипиловский перевод Теодосия и Серафима или нет, но любопытно, что о языке их перевода он ничего не говорит, хотя отрицательное мнение В. Неновича, П. Берона и других брашовских болгар об этом переводе ему, конечно, было известно (по крайней мере, из того, что сказано о нем в вышедшем годом ранее „Рыбном букваре“ П. Берона).

⁴⁰ П. Беронич. Указ. соч., с. 141.

това, побуждаемый чувством родолюбия, начал собирать материал для грамматики, четырехязычного словаря (болгарского, русского, греческого и румынского языков) и катихизиса. Рассчитывая на благоприятный случай, он не шадил ни трудов, ни времени, однако, начав их составление, понял трудности своего предприятия и вынужден был искать помощников. С этой целью от созвал переселившихся туда образованных родолюбцев на собрание, на котором рассказал о необходимости ввести среди нашего народа родной письменный язык, литературу и пр. и предложил образовать филологическое общество. Одновременно он предложил кое-какие преобразования в нашем языке, принимая благосклонно более мудрые суждения и замечания присутствовавших⁴¹. Обсуждался ли на этом первом, как бы организационном, или на последующих собраниях образованных болгар в Брашове вопрос о том, какой азбукой — церковной или гражданской — должны издаваться болгарские книги, мы не знаем. Известно, однако (из цитируемого выше письма И. Селиминского), что оказавшийся в 1824 г. в Брашове А. Кипиловский принимал активное участие в обсуждении языковых вопросов и, судя по словам И. Селиминского, явился главным виновником возникших острых разногласий и раздоров и в конечном счете — прекращения деятельности „Филологического общества“.

Учитывая названные здесь обстоятельства и тот факт, что А. Кипиловский, еще до того как он приступил в 1823 г. (в том же году, когда по инициативе В. Неновича образовалось „Филологическое общество“) к переводу „Священного цветобрания“, намеревался использовать гражданскую кириллицу, мы вряд ли ошибемся, предположив, что он наверняка поднимал в Брашове не только частный, хотя и очень важный вопрос об обозначении звука [ъ], но и вопрос о применении гражданской азбуки.

Намерение А. Кипиловского уже в 1823 г. использовать гражданскую кириллицу не было случайным, мимолетным желанием. Едва ли можно сомневаться в том, что прежде чем предпочесть эту азбуку, он серьезно взвешивал все „за“ и „против“ такого решения. Очевидно, преимущества этой азбуки как более простой и более пригодной для ускоренного обучения болгар грамоте и соответственно — для распространения среди них знаний, казались ему более значительными и весомыми, чем возможные отрицательные последствия разрыва с существовавшей, хотя и не столь еще продолжительной у болгар, практикой церковной печати. Об этом можно судить по тому, что, отказавшись в силу каких-то

⁴¹ См.: „Библиотека „Ив. Селимински“, кн. XIV. С., 1931, с. 8—9.

обстоятельств („по някои си причини“) от использования гражданской кириллицы и „естественного правописания“ в „Священном цветообрании“, А. Кипиловский тем не менее не оставил о них мысли. Если бы это было не так и если бы уже к середине 1825 г., когда он писал предисловие, он уже был убежден в нецелесообразности печатания болгарских книг гражданской кириллицей, то, надо думать, он не стал бы в июле того года печатать этой азбукой посвящение А. Иоановичу в этой же, первой своей книге (весь остальной текст ее, как уже отмечалось выше, напечатан церковной кириллицей), с одной стороны, и не стал бы говорить о преимуществах гражданской печати в своем предисловии к ней, с другой, зная заведомо, что не все разделяют его точку зрения, способную вызвать резкие возражения со стороны его современников.

Если говорить о внешних причинах, которые могли побудить А. Кипиловского обратиться к гражданской кириллице и к „естественному правописанию“ в начале 20-х годов, когда он только начинал свою книжную деятельность, то одной из них могла быть практика гражданской печати прежде всего в России. О том, что А. Кипиловский читал русские книги и хорошо знал русский язык, свидетельствует уже сам факт перевода им сочинения И. Гибнера „Сто и четыре священные истории ветхого и нового завета“ с русского, а не с немецкого, латинского или другого языка.⁴² Вероятно, он знал, что гражданской печатью издаются книги и у сербов. Был ли он знаком с „Додатак'ом“ Вука Караджича и с опубликованными там гражданской кириллицей (с дополнением некоторых сербских букв) болгарскими текстами, мы не знаем. Если он эту книгу читал, то, конечно, не мог не обратить внимание на следующие слова сербского филолога: „Болгары, не имея своей литературы, пишут по славянской орфографии, сколько кто знает, не заботясь об истинном произношении букв и слов; а я хотел бы, чтобы этих слов никто и нигде не мог читать иначе, чем так, как говорят болгары, поэтому я написал их по моей орфографии“⁴³.

⁴² По-видимому, А. Кипиловский сделал перевод со следующего издания этой книги на русском языке: Сто и четыре священные истории ветхого и нового завета, выбранные для употребления юношества из Священного писания, и снабженные полезными нравоучениями, благочестивыми размышлениями и ясными вопросами Иваном Гибнером и Иваном Флеком; ныне же для назидания Российского юношества и употребления в училищах вновь переведенные, исправленные и дополненные. Ч. I—II. Санкт-Петербург. Печатано в типографии Ивана Глазунова. 1819 года. — Книга эта, как и другие ее издания, напечатана гражданской кириллицей.

⁴³ В у к С т е в а н о в и ћ [К а р а д ж и ч]. Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима. У Бечу, 1822, с. 4.

Такая констатация Вука Караджича также могла бы натолкнуть А. Кипиловского на мысль о преимуществах „естественного правописания“ или послужить дополнительным доводом в пользу целесообразности его использования. Во всяком случае, сходство объяснений, которые дают Вук Караджич по поводу принятого им для „Додатак'а“ фонетического правописания для передачи болгарских текстов и А. Кипиловского в связи с первоначальным намерением прибегнуть к „естественному правописанию“, очевидно.⁴⁴

Посмотрим теперь, какими были гражданская кириллица и связанное с нею „естественное правописание“, впервые приложенные А. Кипиловским в приведенном выше тексте посвящения к книге „Священное цветобранье“.

В тексте посвящения содержатся следующие 31 буква: а, ѿ, б, в, г, д, е, ж, з, и, ѿ, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ч, ш, щ, ѿ, ѿ, ю, я. Ввиду краткости текста в нем нет слов с буквами ф и ц. Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что эти буквы А. Кипиловский также включал в состав предложенной им гражданской азбуки. В приложенных к книге списках имен спомоществователей, напечатанных такой же кириллицей, слова с этими буквами, как это видно по приведенным выше образцам, встречаются, например: *Филоглу*, *Калоферъ*, также *Зарафъ*, *Стефанъ* и другие

⁴⁴ Отметим в этой связи, что первая, известная в настоящее время, реакция болгар на правописание Вука Караджича в „Додатак'е“ была отрицательной. Мы имеем в виду реакцию Д. Мустакова и других болгар, проживавших в начале 20-х годов XIX в. в Германштадте (ныне г. Сибю в Румынии). С книгой Караджича их познакомил русский ученый П. И. Кеппен, посетивший в августе 1822 г. Германштадт. В записи от 1 (13) августа 1822 г. своих „Путевых записок 1822 г.“ П. И. Кеппен отметил, что познакомился с Д. Мустаковым и „обещался сообщить ему Вука Стефановича Додатак. .“ [Архив АН СССР (ЛО), ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 70 об.]. Ровно через две недели, 15 (27) августа, П. И. Кеппен записал: „Дм. Ив. Мустаков уверял меня, что Додатак Вука Стефановича о болгарском языке касается только того наречия, которое употребляется на сербской границе. Он и соотечественники его не довольны тем, что Вук вводит в язык никому не понятные и бесполезные буквы *ђ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ*. Пишет *шт* вместо *щ*, которое болгар всегда произносит как *шт*, напр. *башта* — *баща* отец. Так, напр., Вук пишет *ђурђофденъ* вместо *Ђурђовденъ* (день св. Георгия)“ (Там же, л. 93). Однако относилась ли эта их реакция ко всей азбуке (гражданской) или только к использованному Вуком Караджичем указанным выше сербским буквам и некоторым другим особенностям письма, неизвестно. Подробнее об отношении Д. Мустакова и других болгар Германштадта к „Додатак'у“ Вука Караджича см. в нашей статье „Первая страница в истории изучения болгарского языка русскими учеными“ в сб. „Българското възраждане и Русия“ (София, 1981, в печати). Впрочем, отрицательное отношение к графике и орфографии Вука Караджича со стороны одних болгар отнюдь не исключает того, что другие болгары, в том числе, возможно, и А. Кипиловский могли относиться к ней в целом положительно. Последующее развитие споров вокруг орфографических вопросов у болгар дают тому немало примеров.

с ф; Цоча, также *Слудцарь, абадци* (явная опечатка вместо *абаджи*) с ц. Других букв для обозначения звуков [ф] и [ц] ни в церковной кириллице, ни в гражданской (русской, например) не было и, следовательно, у А. Кипиловского не было оснований изобретать для них какие-то новые буквы. Всего, таким образом, гражданская кириллица, которую А. Кипиловский намеревался использовать в своем переводе (если о ней судить только по тексту посвящения) включала по крайней мере 33 буквы.

В упомянутых списках имен спомоществователей, кроме перечисленных, встречаются еще и следующие буквы: ы, з, ѳ, ѿ, ѹ.

Буква ы употреблена в словах *высокопреподобие* и *языка* (в сочетании „учитель Эллено-греческого языка“), в таком виде просто повторяющихся, видимо, русское написание (срв., в частности полный титул священнического сана: *Его высокопреподобие*). В тексте посвящения букву ы А. Кипиловский не использует и вместо нее в соответствующих словах пишет и, например, *ти, языкъ, Музите*. Есть все основания, таким образом, считать, что букву ы А. Кипиловский не включал в состав гражданской азбуки для печатания текстов на болгарском языке.

Менее ясен вопрос с буквой ѳ (фитой). Эта буква встречается только в списке имен спомоществователей в написании таких имен как *Аванасъ, Аванасовичъ, Ѳеодоръ, Ѳеодоровичъ, Ѳеодориди, Ѳома*. В тексте посвящения слов с фитой нет, и поэтому трудно сказать, включалась ли А. Кипиловским эта буква в состав гражданской азбуки, которая должна была, по его мнению, обеспечить болгарам „естественное правописание“, или нет. Если иметь в виду его общее положение о ненужности одинаково произносимых букв, то следовало бы признать, что вместо фиты он должен бы в соответствующих словах писать т — *Атанасъ* и под. Но, как увидим ниже, этого положения А. Кипиловский не придерживался последовательно, и вопрос о том, включал ли он фиту в состав гражданской азбуки или нет, для нас остается, таким образом, открытым.

Буква ѿ употреблена А. Кипиловским дважды и оба раза в написаниях собственных имен *Велѿвъ* и *Кутѿвичъ* в списке спомоществователей. Так как в тексте посвящения подобные слова отсутствуют, то трудно сказать, включалась ли и эта буква в состав первоначально (еще в 1823 г.) намеченную А. Кипиловским азбуку или нет. Вполне возможно, что списки имен спомоществователей были (самим А. Кипиловским, а может быть и кем-либо другим) подготовлены к печати тогда, когда печатание всей книги близилось к концу, и ему пришлось уже теперь придумывать знак для передачи какого-то особого болгарского звука (может быть,

звука [ъ] после мягкого согласного?) в приведенных именах и других словах. В любом случае исключать букву *ѳ* из состава принятой А. Кипиловским азбуки, кажется, нет особых оснований.

Что касается буквы *ѳ*, то она встречается в трижды употребленном слове *благоговѣйнейшій* в списке имен спомоществователей, приложенном к ч. II „Священного цветообрания“. (В аналогичном списке в ч. I книги это же слово напечатано с *e* на месте *ѳ* — *благоговѣйнейшій*). Это, видимо, случайное отступление от принятого А. Кипиловским правила вместо *ѳ* писать *e*. Так как *ѳ* он приводит в числе одинаково произносимых букв и в тексте посвящения во всех случаях вместо нее пишет *e*, то мы можем считать, что букву *ѳ* А. Кипиловский определенно не включал в свою азбуку.

Это же следует сказать и о букве *э*. Ее мы находим только в написанном по-русски словосочетании *учитель Эллено-греческаго языка*, включенном в список спомоществователей.

Учитывая сказанное о буквах *ѳ*, *ѣ*, *ы*, *ѳ*, *э*, *ѳ* и *ѳ*, мы можем заключить, что гражданская азбука, которую А. Кипиловский предлагал в 1823 г., состояла, видимо, из 34 букв. Эти буквы распределяются следующим образом:

а) буквы, обозначающие только гласные звуки — *a*, *ä*, *e*, *и*, *ї*, *і*, *о*, (*ѳ*),⁴⁵ *у*;

б) буквы, обозначающие только согласные звуки — *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *й*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, (*ѳ*), *х*, (*ѣ*), *ч*, *ш*, (*ѳ*);

в) буквы, обозначающие сочетания звуков: согласного [й] с гласными [а], [у] — *я*, *ю*, согласных [ш] и [т] — *ц*;

г) буквы, не обозначающие отдельных звуков или звуко сочетаний — *ѳ*, *ѳ*.

Посмотрим теперь, в какой мере предложенная А. Кипиловским азбука соответствует выдвинутому им в предисловии положению о том, что в предложенном им „естественном правописании“ нет дублетных букв, произносимых одинаково. Такими буквами, как видно из приведенной выше цитаты, он считал *и*, *ї* и *ы*; *о*, *ѳ* и *ѳ*; *ѳ*, *e* и *ѳ*; *ѳ* и *ѳ*.

В отношении *о*, *ѳ* и *ѳ* А. Кипиловский полностью следует выдвинутому положению и вместо трех этих букв во всех случаях пишет только *о*: *достаточно*, *милость*, *отъ* и др. Не отступает от этого положения он и в отношении *ѳ*, *e* и *ѳ*, употребляя вместо них только букву *e*: *ето*, *пріемай*, *което*, *теби*, *нея*, *совершенно*, *беднота*, *содействова*, *последоватъ* и др. О единичных написаниях

⁴⁵ В скобках здесь и ниже приводим буквы, отсутствующие в тексте посвящения, которое А. Кипиловский представлял читателям как образец „естественного правописания“.

слов с ѣ и э в списке имен спомоществователей см. выше. Точно так же вместо двоякого обозначения звука [у] — *оу* и *у* (фактически в его написании — *ѳ*) — А. Кипиловский пишет только *у*: *укрепява, усердіето, благополучіе, благовествувамъ, ще пре- буда* и др.

Иначе поступает А. Кипиловский с одинаково произносимыми буквами *и*, *ї* и *ы*. Если *ы* он (не считая отмеченного выше, видимо, случайного употребления в слове *высокопреподобіе*) действительно не включает в состав гражданской азбуки, то две другие буквы — *и* и *ї* — он оставляет и, вопреки своему положению, обе буквы широко употребляет. К ним следует добавить также *і*, которая встречается в посвящении только в словах, набранных курсивом, — *любороднейшій, почтеннейшій* и *Іулія*. Возможно, в наборной кассе типографии не было курсивной *ї* нужного кегля, и наборщики вместо нее вставили *і*. В тексте посвящения и в приложенных списках имен спомоществователей в аналогичных по форме словах пишется *ї*: *покорнейшій, благоговейнейшій* и др. Что касается буквы *ї*, то А. Кипиловский ее пишет во всех случаях перед *е* в именах существительных на *-іе* — *благоизволеніе, чело- веколюбіе, бедствіе, долгоденствіе, благополучіе, любородіе, усердіето*, в приставке *при-* — *пріемай*, перед *я* в формах множественного числа существительных среднего рода на *-ія* — *благосло- веніята, благоденіята*, также и в старой форме родительного падежа *Іулія*, в прилагательных женского рода на *-ія* — *бо- жіята*; перед *а* в членных формах прилагательных мужского рода — *свойственніатъ, сичкіатъ*; перед *й* (кроме отмеченных выше прилагательных с буквой *і* — *любороднейшій* и *почтенней- шій*) — *матерній, покорнейшій*, в списке имен спомоществователей также и *почтенній, благоговейнейшій, благородній*. В остальных случаях А. Кипиловский звук [и] обозначает буквой *и*: в корне слов перед согласными — *воистина, твоите, попросилъ* и др.; в том числе и в приставке *при-* — *прімери*; в конце слова — *теби, начени*; срв. и союз *и*. Иными словами, в отношении обозначения гласного [и] А. Кипиловский допускает существенное отступление от принятого им принципа не употреблять две и более одинаково произносимые буквы. Отметим, впрочем, что в списках имен спомоществователей буква *ї* пишется не только перед *а, е, и, я* (*Анатолія, Діаманди, Дохіаритисъ, Георгіевичъ, Панагіотъ, Гавріилъ, Ілїя*) и *й* (*Іоаннікій*), но и перед согласными — *Кон- стантїнъ, Хрїстовичъ, дідакалъ* и др.

К числу одинаково произносимых букв А. Кипиловский относил, надо полагать, и не указанные им в цитируемом выше отрывке из предисловия буквы *ѕ* („зело“), *ѵ* (ижица), *ѣ* (кси) и *ѷ* (пси),

которые встречаются в основном тексте, напечатанном церковной кириллицей: **slò** 49, **slòbъ** 55, **slòključeníata** 102; **Егѣпетъ** 8, 94, **Вавѣлонъ** 18, **Μωύσεα** 216; **Уалтіритъ XIII**, **Самуѡнъ** 106, 108; **Лекікѡнъ XI**, но там же и **Лексікѡнъ, тѣтаѣи** 16, 25, 63, но и **тѣтакси** 225 и др. В напечатанном гражданской кириллицей тексте слов с такими буквами нет. Нет в нем, правда, и самих слов, в которых эти буквы могли бы быть употреблены, если бы А. Кипиловский оставил их для своей гражданской азбуки. И все же, учитывая общий характер предложений А. Кипиловского по упрощению графики и орфографии, мы склонны думать, что эти буквы он вряд ли включал в намеренный им состав гражданской азбуки для болгарского языка.

Это же, вероятно, надо сказать и о букве **џ**, обозначающей аффрикату [дж]. В тексте посвящения слов с этим звуком нет, но в списке имен спомоществователей они есть, и в них эта аффриката передана буквосочетанием **дж**: **чорбаджи, абаджи** (в одном случае явная опечатка: **абаджи**).⁴⁶ В основном же тексте „Священного цветообращения“ буква **џ** регулярно используется для обозначения указанной аффрикаты: **авѣа** 34, **сѣрѣи** 82, **бронѣкъ** 104 и др.

В заключение обзора азбуки, используемой А. Кипиловским, отметим, что все буквы старой (церковной) азбуки, которые он не включал в состав гражданской азбуки, но использовал в основном тексте книги, обратившись к „славенскому правописанию“, употреблялись и другими книжниками тех лет. Так, П. Берон в приведенной в „Рыбном букваре“ азбуке⁴⁷ и в тексте употребляет буквы и буквосочетания **ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ**, например: **нѣкой** 47, **гнѣвъ** 76, **нѣгдѣ** 104; **сѣръ** 106; **вдѣжда** 65, **пѣрѡ** 92; **Алѣѡндръ,**

⁴⁶ Недавно А. Младенович высказал мнение, что „обозначение согласного **џ** графическим сочетанием **дж** было установлено, насколько сейчас известно, впервые в Грамматике Нефита Рильского, вышедшей в Крагуеваце в 1835 г.“ (А. Младенович. Обозначение согласного **џ** в некоторых болгарских печатных текстах первой половины XIX века и влияние русской графики. — *Études balkaniques*, С, 1977, № 3, с. 107). Это утверждение А. Младеновича справедливо в том смысле, что Неофит Рильский первым из авторов болгарских печатных текстов последовательно обозначал аффрикату [дж] буквосочетанием **дж**, а не буквой **џ**. Вообще же буквосочетание **дж** вместо **џ** для обозначения данной аффрикаты используется (правда, непоследовательно) и до выхода в свет „Болгарской грамматики“ Нефита Рильского. Кроме А. Кипиловского (см. приведенные выше примеры), это буквосочетание встречается, например, в книгах Иоакима Кырчовского: **манѣи, чорбаѣѡ, Палѣѡи** наряду с **манѣи, чорбаѣѡ, Палѣѡи** и др. (см.: Р. Цойнска. Езикът на Йоаким Кырчовски. С., 1979, с. 42—43).

⁴⁷ П. Беронич. Указ. соч., с. 12—13.

Ѣанѣппа 66; Ламфакани-тѣ 72; Олумбѣйски-тѣ игры 67; Ѣенкъ 84, Ѣегерь-атъ 107; оуста, оудѣришь, оупѣшка 108 и др. Имея это в виду, мы вряд ли ошибемся, если скажем что намеревавшийся ввести гражданскую азбуку А. Кипиловский, очевидно, не нашел поддержки у П. Берона и других видных болгар в Брашове — сторонников церковной печати⁴⁸, и это обстоятельство могло быть как одним из поводов к острым разногласиям между ними, так и одной из причин отказа А. Кипиловского от своего намерения издать „Священное цветообращение“ гражданской азбукой.

Перейдем теперь к описанию некоторых особенностей принятой А. Кипиловским орфографии на базе предложенной им гражданской азбуки.

Наиболее заметной особенностью орфографии в посвящении является отсутствие буквы **ѣ** и употребление на ее месте буквы *e*.⁴⁹ На это в свое время сразу же обратил внимание Неофит Рильский, который писал: „Тот, кто читает в начале Цветообращения его (т. е. А. Кипиловского. — Г. В.) посвятительное письмо, видит, что в нем нигде он не употребил **ѣ** в тех словах, которые правильно надо было писать с **ѣ**, как он писал их в других местах во всем Цветообращении“⁵⁰. Отсутствие **ѣ** в анализируемом тексте интересно прежде всего как первый в болгарском печатном издании осознанный отказ от данной буквы при решении одного из труднейших вопросов графики и орфографии болгарского литературного языка, каким оказалось впоследствии обозначение звуков на месте древнего **ѣ**. Как известно, вопрос о литературной норме произношения гласных на месте **ѣ** и об их обозначении, а в связи с этим и вопрос об использовании буквы **ѣ** в современном литературном языке остается и в настоящее время предметом достаточно острых споров.

Вместо **ѣ** на его этимологическом месте А. Кипиловский в анализируемом тексте последовательно пишет *e*. Эту букву находим:

⁴⁸ Германштадтские болгары, с которыми встречался летом 1822 г. П. И. Кеппен, тоже, по-видимому, поддерживали церковную печать. Так, Д. Мустаков сообщил ему, что болгары пишут не *y*, а **ѣ**, что они против „никому непонятных и бесполезных букв *ђ, ѓ, љ, њ, ѣ*“, использованных Вуком Караджичем в его „Додатак'е“, что они выступают за сохранение буквы *щ*, произносимой ими как *шт* („несколько подтверже, нежели *шт*“), и за написание *Ѣ* только в иностранных словах — *хаѢи*. [Архив АН СССР (ЛО), ф. 30, оп. 1, ед. хр. 136, л. 93].

⁴⁹ О трех случаях написания **ѣ** в слове *благоговѣйнейшій* см. выше.

⁵⁰ Н. Рильский. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 25, сноска.

а) в корне слов под ударением и без ударения перед „твердым“ слогом, т. е. перед слогом с гласным заднего или среднего ряда — *сенка, благовестувамъ, бедното, бедноста, да последоватъ, да собеседова, да содействова, средството, човеколюбіе, въ деломъ* и др.; срв. также и собственные имена *Желесковичъ* и *Тревна* в списке имен спомоществователей;

б) в корне слов под ударением и без ударения перед „мягким“ слогом, т. е. перед слогом с гласным переднего ряда или слогом с мягким согласным — *бедствіе, примери, укрепява, благодѣніята*;

в) на конце слов — *бе* (форма 3 л. ед. ч. имперфекта глагола *съм*);

г) в предлоге *чрезъ* и приставке *пре-* — *ще пребуда*; срв. и *преподобний, високопреподобіе* (в списке имен спомоществователей);

д) в членной форме *-те* множественного числа существительных, прилагательных и притяжательных местоимений — *спомоществователите, музите; богатите, недостаточните, громогласните; твоите, вашите*.

Из приведенного выше общего положения о том, что А. Кипиловский в анализируемом отрывке на письме отражает „то произношение, какое в речи каждого из нас естественно существует“, следует, что написание *e* отражает, видимо, екавое произношение гласного на месте *ѣ* в любой позиции, свойственное речи и самого А. Кипилова. Если это действительно так, то особых замечаний требуют примеры с буквой *e* на месте *ѣ* под ударением перед „твердым“ слогом, приведенные в рубрике „а“. Дело в том, что в говоре с. Кипилово близ Елены и Котела, откуда был родом А. Кипиловский,⁵¹ на месте *ѣ* после мягкого согласного под ударением в такой позиции произносится в настоящее время, как показывают материалы т. II „Болгарского диалектологического атласа“, гласный [a], а не [e].⁵² Из этого следует, что написания с *e* в таких случаях отражают особенность не родного говора А. Кипилова, а воспринятую им самим, вероятно, позднее характерную особенность западноболгарского наречия или особенность книжного (церковнославянского) произношения. Пос-

⁵¹ Относительно места рождения А. Кипилова существуют разные точки зрения. Принято считать, что он родился в с. Кипилово близ Котела (из работ последних лет см., например: Речник на българската литература, т. 2. С., 1977, с. 202). П. Бояджиев решительно утверждает, что А. Кипиловский родился в Котеле (П. Б о я д ж и е в. Указ. соч., с. 109).

⁵² См.: Български диалектен атлас, т. II. Североизточна България. С., 1966, карта 17.

леднее в первую очередь может относиться к таким словам явно книжного происхождения, как *благсвестувамъ, да собеседсва, да содействова, средството, человеколюбіе* и др. Написание *Желясковичь* и *Тревна*, приведенные в списке имен спомоществователей, вместо ожидаемых *Желясковичь* и *Трявна*. согласно норме произношения в говоре с. Кипилово, возможно, точно передают орфографию соответствующих спомоществователей, а не самого А. Кипиловского.

То, что в перечисленных словах буквой *е* передается екавое произношение старого *ѣ*, подтверждается и написаниями слов с *е* вместо *ѣ* в основной части „Священного цветообращения“, напечатанной церковной кириллицей. Срв., например, многочисленные глагольные формы с корнем *трѣв-* (здесь и ниже примеры из ч. I этой книги): *трѣва* XII, XVI, 46, 49, 112, 135, 189 и др., *трѣвва* 192, *трѣваше* 171, а также *нѣкого* 135, *сѣкого* 103, 172, *щѣхъ* XI и др. Однако екавое произношение старого *ѣ* в рассматриваемой позиции в речи самого А. Кипиловского не было единственным. В анализируемом тексте посвящения, напечатанном „гражданкой“, правда, нет примеров, отражающих и якавое произношение старого *ѣ*, но в основной части книги находим немало примеров, в которых несомненно такое произношение передано буквой *а*: *излѣзватъ* XIII, XIV, *всѣка* 99, *сѣко* 130, 175, 219 и др., *сѣко мѣсто* 203, *сѣкого* 66, 75, 221, 227 и др., *сѣкоги* III, *сѣкакво* 14, 93, *нѣкакси* 35, *влѣскани* 103 и др. В подавляющем же большинстве случаев гласный на месте *ѣ* обозначается им в основной части буквой *ѣ*. Каким был этот гласный — [a] после мягкого согласного или [e] — в каждом конкретном случае в позиции перед „твердым“ слогом в основной части книги, в свете сказанного сказать трудно. Срв., в частности, такие примеры как *щѣхъ* XI и *щѣлъ* 196, *тѣхъ* 200 или *нѣкого* 135 и *нѣкой* XI, *нѣкого* 184 и др., с одной стороны, и *мѣсто* 203 и *мѣсто* 149, *излѣзватъ* XIII, XIV и *да влѣзатъ* 174, с другой стороны.

Относительно написания народного слова *сенка* и *Тревна*, названия известного городка в центральной части Старой Планины (область якавого произношения старого *ѣ* под ударением перед „твердым“ слогом) можно было бы допустить, что в них отражен результат известного чередования [a] (<ѣ)||[e] в позиции под ударением перед мягкими согласными. Однако такое объяснение в отношении *сенка* было бы неправильно как потому, что сам А. Кипиловский пишет *сенка* с твердым [к], а не *сенка*, так и потому, что в говоре с. Кипилово [к] в словах типа *сянка, булка*

всегда твердый, а не мягкий.⁵³ То, что якавое или екавое произношение слова *сянка* в северо-восточных болгарских говорах отражает общее правило отражения старого *ѣ* под ударением в зависимости от характера последующего слога, подтверждается наглядно материалами цитируемого „Болгарского диалектологического атласа“, а именно: в тех говорах, в которых это слово произносится с [к'], на месте *ѣ* выступает не [а], а [е] — *сѣнк'а* (п. 798),⁵⁴ *сѣнк'ѣ* (п. 816, 2387, 2390, 2391, 2392), *сѣѣнк'ѣ* (1870). В говоре п. 2416 (с. Саботковци, бывш. Габровской околии) сосуществуют варианты *с'анкѣ* и *сѣнк'ѣ*, в полной мере соответствующие норме отражения старого *ѣ* в северо-восточных болгарских говорах. Отметим в этой связи, что в написании *Тревна* можно было бы видеть отражение закономерного чередования [а] (<*ѣ*) [е] перед слогом с [н'], если название данного городка в говоре с. Кипилово действительно произносится с [н'] подобно прилагательным типа *гѣрн'а*.⁵⁵ Поскольку, однако, А. Кипиловский пишет *Тревна*, а не *Тревня* (т. е. обозначает на письме [н] твердое, а не мягкое), такое объяснение не представляется убедительным.

Таким образом, написание *е* на месте *ѣ* в словах *сенка* и *Тревна*, если оно действительно отражает особенность произношения самого А. Кипиловского, опирается не на его родной говор, а на усвоенное им екавое произношение, свойственное западноболгарскому наречию, или же — в случае с *Тревна* — передает точно написание этого имени другим лицом. Последнее в равной мере касается и этнонима *Желесковиць*.

Что же касается обозначения рефлексов *ѣ* в напечатанном гражданской кириллицей посвящении, то на основании имеющих в нем примеров, перечисленных выше, можно было бы заключить, что, приступая в 1823 г. к переводу „Священного цветообращения“, А. Кипиловский намеревался гласный на месте *ѣ* в любой позиции обозначать только буквой *е*. На такое заключение наталкивает как будто и то, что в числе использованных им в этом тексте букв имеется и *я*, которую он пишет на месте старого *ѣ* и которую в ряде случаев (срв., например *укрепява, благоденїята, Стояновичь*) обозначает гласный [а], после мягкого согласного, а в некоторых случаях, возможно, и безударный [ѣ] после мягкого согласного (например, в глагольном окончании

⁵³ См. Български диалектен атлас, т. II. Североизточна България, карта 67.

⁵⁴ Здесь и ниже приводится материал из комментариев к указанной карте 67. В скобках — номера населенных пунктов, в говорах которых зафиксированы приводимые слова.

⁵⁵ Там же, карта 65.

формы *молятъ*). И все же ввиду краткости напечатанного „гражданкой“ текста и малочисленности в нем примеров с гласными на месте старого *ѣ* под ударением перед „твердым“ слогом, с одной стороны, и отражения двоякого (якавого и екавого) рефлекса *ѣ* в такой позиции в основном тексте книги, с другой стороны, окончательное заключение о том, что А. Кипиловский во всех случаях на месте *ѣ* в гражданской печати предлагал писать букву *e*, было бы преждевременным. Столь же преждевременным было бы в этой связи и возможное объяснение этого либо последовательным отражением екавого произношения А. Кипиловским гласного на месте *ѣ* в любой позиции, либо чисто механической передачей всякого *ѣ* буквой *e* в гражданской печати. Гораздо важнее пока подчеркнуть то, что, отказываясь от использования буквы *ѣ* в гражданской печати, он уже в начале 20-х годов прошлого века делал решительный шаг в сторону упрощения (демократизации) и графики, и орфографии новоболгарского литературного языка.

Другой важный момент, который следует отметить в связи с вопросом о букве *ѣ* — написание членной формы множественного числа *-те*. Введение такой именно членной формы в современный литературный язык обычно связывается с именем Петра Берона. Так, в числе ряда современных форм литературного языка, ведущих начало своего употребления от „Рыбного букваря“ П. Берона (1824 г.), указывается и членная форма *-те*, которую этот книжник якобы пишет вместо присущей его родному (котелскому) говору членной формы *-ти*.⁵⁶ В некоторых работах, правда, рядом с *-те* в скобках указывается и членная форма *-тѣ*.⁵⁷ В действительности же П. Берон писал в „Рыбном букваре“ не членную форму *-те*, а только *-тѣ*, например: *прѣтѣти-тѣ 47, забѣ-тѣ 103, палати-тѣ 74, оуши-тѣ 101, живитѣ и мѣрѣти-тѣ 45* и др.⁵⁸

⁵⁶ Л. Андрейчин. Езикът на „Рибния буквар“ и българският книжовен език (По случай 140-годишнината от издаването на „Рибния буквар“). — Български език, 1964, кн. 2—3, с. 103; Един важен момент в развитието на съвременния български книжовен език. — Известия на Института за български език, 1968, кн. XVI, с. 519; Р. Русinov. Редакционните промени в Рибния буквар и изграждането на българския книжовен език. — Език и литература, 1974, кн. 2, с. 2; Произход и установяване на члена *-те* в съвременния български книжовен език. — Rocznik Slawistyczny, t. XXV, cz. I, 1974, с. 12.

⁵⁷ См., например: Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство, с. 186; Езикът на Бероновия буквар и някои норми на българския книжовен език. — Български език, 1971, кн. 5, с. 418; Р. Русinov. История на новобългарския книжовен език, с. 55; Произход и установяване на члена *-те*. . . , с. 12.

⁵⁸ Цит. по фототипическому изданию: П. Берон. Буквар с различни поучения (Рибен буквар). Стъкмил за печат Ст. Стойков. С., 1974.

Членная же форма *-те* именно в таком написании (не-тѣ) последовательно писалась отдельными книжниками и до П. Берона. Ее находим, например, в напечатанных церковной кириллицей „Недельник“ Софрония Врачанского (1806 г.),⁵⁹ во всех сочинениях Иоакима Кырчовского (1814—1819 гг.)⁶⁰ и в „Огледале“ Кирилла Пейчиновича (1816 г.)⁶¹. Ср., например, в книге И. Кырчовского „Сия книга глаголемаа Мытарства“ (1817 г.): и *рѣкле Дѣволите 45, Грѣбѣвите 4, За Евреите 6, На Глабѣвите Нихни 14, Оу Вратѣте 53, и Нашите Двѣмѣни 6, Нихните Лица Бѣха Цркви 12, Да Видамъ Сичкѣте Мвки на Грѣшните 55*. Лишь в двух случаях, по наблюдениям Р. Цойнской, И. Кырчовский написал в своих сочинениях членную форму *-ти*: *Дѣшѣти, Човѣцѣти*.⁶²

Членная форма *-те* регулярно встречается и в памятниках новоболгарской письменности XVII—XVIII вв., например, в Тихонравовском дамаскине (XVII в.) — *корѣбницѣте 150, баѣците 179 об., ѣдовете 62 об., на бѣгѣвете 140, на полѣтите си 60, на момѣте 135 об., свѣйте любѣте 142 и др.*;⁶³ в Троянском дамаскине (XVII в.) — *рогѣвете 52, родѣтелете 258, крѣстѣвете 45, дрѣхѣте 173, ссѣтрѣте 342, трѣте 173, сичкѣте 14, вѣрашните 69, страшните 198, нѣгѣвите 118 и др.*;⁶⁴ в Свищовском дамаскине (1753 г.) — *проците 47, саракѣните 373, грѣховѣте 57, думѣте 7, прѣкъсите 238, дѣте 445, небесните 194, сичкѣте 62, вѣтхѣте 449 и др.*; в Свищовском дамаскине встречается, правда, и членная форма *-тѣ*, например, *мѣсецѣтѣ 192*, что скорее всего случайная описка (или опечатка?); срв. *мѣсецѣтѣ*, но там же и *сѣвѣдите*.⁶⁵ По наблюдениям Р. Русинова, членную форму *-те* писали „современники и последователи Паисия Хилендарского родом как из западноболгарских, так и из восточноболгарских земель“⁶⁶, например, Дойно Грамматик, Стоян Кованлышский, Никифор Рильский, Тодор Пирдопский и др. У некоторых из них наряду с *-те* встречается изредка или преобладает и членная фор-

⁵⁹ К. Н и ч е в а. Езикът на Софрониевия „Недельник“ в историята на българския книжовен език. С., 1965, с. 25.

⁶⁰ Р. Ц о й н с к а. Езикът на Йоаким Кырчовски, с. 146.

⁶¹ Р. Р у с и н о в. Произход и установяване на члена *-те*. . . , с. 14.

⁶² Р. Ц о й н с к а. Езикът на Йоаким Кырчовски, с. 146.

⁶³ Цит. по изд.: Е. И. Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. С., 1971.

⁶⁴ Цит. по изд.: А. И в а н о в а. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в. С., 1967.

⁶⁵ Цит. по изд.: Л. М и л е т и ч. Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. С., 1923.

⁶⁶ Р. Р у с и н о в. Произход и установяване на члена *-те*. . . , с. 14.

ма-ти.⁶⁷ На основании приведенных данных Р. Русинов правильно констатирует, что „к началу XIX в. в письменной и литературной практике к существительным именам мужского и женского рода (и прилагательным трех родов) во множественном числе присоединялась членная форма *-те*, хотя в родном говоре некоторых из писцов, летописцев и книжников членная форма приносится как *-ти*“⁶⁸.

Следовательно, нет оснований считать, что П. Берон был первым из книжников, введшим в новоболгарский литературный язык членную форму *-те*. Что касается А. Кипиловского, то он действительно первым из болгар в своем печатном опыте использования гражданской кириллицы стал писать членную форму *-те*, т. е. так, как она закреплена в качестве нормы современного литературного языка только после орфографической реформы 1945 г. В основном же тексте „Священного цветобраня“, напечатанном церковной кириллицей, А. Кипиловский пишет *-тѣ*, как и П. Берон, а не *-те*, например: *шкѡлитѣ* (XIII), *на вразѣтѣ* 134, *въ голѣмѣтъ градовѣ* 198, *въ погрѣшкитѣ* 122, *дрѣхитѣ* 188, *свѣтитѣ* 137, или *-ти*, например, *воинѣти* 128, *въ войнскити работѣ* 139, *да прѡсимѣ духовнѣти дарове* 148, *ала мѡити недостѣтки ма прѣпѣнѣватѣ* 149 и т. д.; ср. обе членные формы, употребленные параллельно в одном предложении: *Сѣчкото товѣ го изѣдали жрѣцѣти (попѡвитѣ) пѣднѡ сѣтъ свѡитѣ женѣ и дѣцѣ* 192; *тогѣва корѣбленицѣтъ фарлѣли сѣчкити си призготовлѣнѣта въ морѣто* 196 и др. (все примеры из ч. I „Священного цветобраня“).

Существенная особенность орфографии рассматриваемого текста — разное обозначение характерного новоболгарского звука [ѣ]. Вопросу обозначения этого звука книжники 20-х годов XIX в., как уже отмечалось нами в другом месте,⁶⁹ придавали большое значение и положили начало поисков и споров по этому, как оказалось впоследствии, чрезвычайно острому вопросу истории графики и орфографии современного болгарского литературного языка. Обозначение звука [ѣ], как свидетельствует И. Селиминский, было предметом живого обсуждения в кругу брашовских болгар, составивших „Филологическое общество“, а возникшие по этому вопросу разногласия переросли в личные нападки и явились одной из причин прекращения деятельности этого общества. В этих спорах принял участие и оказавшийся в Брашове А. Кипиловский, который, по мнению И. Селиминского, и явился глав-

⁶⁷ Р. Русинов. Произход и установяване на члена *-те*..., с. 13—15.

⁶⁸ Там же, с. 14.

⁶⁹ Г. К. Венедиктов. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 255.

ным виновником возникших раздоров. Вспоминая через 15 лет об этих спорах, И. Селиминский писал В. Априлову и Н. Паузову (письмо от 17. IX. 1840 г.), что А. Кипиловский (якобы присвоивший сделанный Атанасовым, жившим в Кишиневе болгарин, перевод „Священного цветообразования“),⁷⁰ прибыв в Брашов по пути в Пешт для издания этой книги, „по природе своей вспыльчивый, поссорился с Неновичем из-за некоторых букв, а именно из-за глухой *a* („твърдоглаголната *a*“), звук которой (т. е. [ъ], — Г. В.) он принимал, но не знак для нее: один из них хотел писать с *a*, другой с *á*, один с *a*, а другой с *á* или *à*, каждый в соответствии со своим мнением, проявляя свою неграмотность, чтобы не сказать хуже“⁷¹. Возможно, что И. Селиминский за давностью лет не совсем точно передает детали спора — какие и кем именно буквы предлагались для обозначения звука [ъ], так как ни В. Ненович, ни А. Кипиловский указанными здесь буквами *á*, *à* и *à* этот звук в своих печатных книгах не передавал. В. Ненович первоначально намеревался его обозначать буквами *ā* и **А** (как и П. Берон в „Рыбном букваре“), но, видимо, вскоре передумал и вместо них предлагал ввести буквы *ā̄* и **А̄**, а затем уже окончательно остановился на юсах — **ѡ**, **ѡ̄**, которые в его книгах „Священная история церковна от ветхий и новий завет“ (1825) и „Буквар за децата на славеноболгарскиет народ“ (1826) имеют вид **ѡ̄**, **ѡ̄̄**. Настоятельные попытки В. Неновича добиться изготовления в университетской типографии в Буде юсов нужного начертания оказались безуспешными.⁷²

Что касается А. Кипиловского, то он ввел буквы *ā* и **А̄**, чтобы „произнести природный выговор слов *kāca*, *krāna*, *gāba*, *svāA*, *varvā*, *zvāA*, *čitā* и пр.“⁷³ Именно так, т. е. буквами *ā* и **А̄**, обозначает он звук [ъ] в основном тексте „Священного цветообразования“ и в обширном предисловии к нему. Делает он это здесь, правда, непоследовательно, так как довольно часто вместо ожидаемых *ā* и **А̄** пишет **а**, *о* и *е* в соответствии с церковнославянско-русской традицией.⁷⁴ В тексте же посвящения, напечатанном гражданской

⁷⁰ П. Бояджиев отмечает, что хотя С. Атанасов и был соавтором перевода „Священного цветообразования“, обвинять А. Кипиловского в плагиате нет оснований, ибо „перевод этот — прежде всего его собственный труд“ (П. Бояджиев. Указ. соч., с. 112).

⁷¹ См. Библиотека „Ив. Селимински“, кн. XIV, С., 1931, с. 9.

⁷² Подробнее см.: Г. К. Венедиктов. Вопросы нормализации болгарского литературного языка и начале XIX в., с. 260 и след.

⁷³ См. „Священное цветообразование“, с. XII.

⁷⁴ Г. К. Венедиктов. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 259.

кириллицей, звук [ъ] под ударением после твердого согласного А. Кипиловский обозначает буквой *ä*: *täzi*, *täi* (срв. *täzi* V, XIV, *täi* XIII, 140 и др. в предисловии и в основном тексте с использованием буквы *ä* для передачи звука [ъ]). Слов со звуком [ъ] после мягкого согласного под ударением в посвящении нет, и потому трудно сказать, какую букву имел в виду А. Кипиловский для его обозначения в такой позиции. Возможно, такой буквой была *я*, если учесть, что в церковной печати звук [ъ] под ударением после мягкого согласного он передает буквой *а*, а букве *а* церковной кириллицы соответствует *я* в кириллице гражданской (срв. *ще молятъ* и *фърлатъ* 9, *благословенїята* и *старанїа* 57; *укрепва* и *помышлва* 75, *надстоава* 85 и др.).⁷⁵

Кроме *täzi* и *täi*, звук [ъ] под ударением в тексте посвящения может в принципе выступать еще и в словах *бедноста*, *ще пребуда*, *усердїето*, *смертна*, если иметь в виду звуковую систему восточноболгарских диалектов и литературного языка (срв. диал. *бедностъ*, литер. *ще пребъда*, *усърдието*, *смъртна*). Членная форма женского рода *-та* в слове *бедноста* может произноситься как с гласным [ъ] (*-тъ*), так и с гласным [а] (*-та*). Поскольку в современном говоре с. Кипилово, откуда был родом А. Кипиловский, выступает членная форма [*-тъ*] (*солтъ* и под.),⁷⁶ то можно было бы думать, что в *бедноста* буквой *а* обозначен гласный [ъ] под ударением (срв. с этим распространенную в настоящее время орфоэпическую ошибку произношения членной формы *-та* как [*-тъ*]). Учитывая, однако, что в основном тексте членная форма последовательно пишется *-та* (*совѣста* 69, *хвоста* 46, *староста* 148, *радостта* 198, *любовта* 137 и др.), а не *-тā* (срв. формы 1 лица единственного числа настоящего времени глаголов на гласный [ъ], обозначаемый здесь буквами *ä* и, после мягких согласных, *а*— *да произнесä* XII, *да превдä* XV, *да оумолчä* XVI, *дасä* *авä* *да употребä* XI и др.), мы полагаем что в членной форме в слове *бедноста* буквой *а* передан все же гласный [а], а не [ъ] под ударением. Что касается *ще пребуда*, то буквой *у* вместо ожидаемой

⁷⁵ Отметим, что буквы *ä* и *ä* для обозначения звука [ъ] в начале 1825 г. собирався ввести (еще до выхода в свет „Священного цветообращения“) В. Ненович вместо принятых им ранее букв *ä* и *а*. При этом он хотел ввести и особые разновидности с оксией и вариет для обозначения и ударения над звуком [ъ] в середине и в конце слова: *ä'*, *ä'* и *ä'*, *ä*. Подробнее см.: Г. К. Венедиктов. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 260—262.

⁷⁶ „Български диалектен атлас“, т. II, карта 176.

а́ передана, по-видимому, особенность усвоенного А. Кипиловским церковнославянско-русского произношения гласного *y* на месте старого *ж*. Возможно, что написание с *y* — дань церковнославянско-русской письменной традиции, и в таком случае за буквой *y* могло бы „скрываться“ и обозначение звука [ъ] как регулярного рефлекса старого *ж* в восточных говорах (в том числе и говоре с. Кипилово) и в литературном языке. Таким же книжным влиянием следует, очевидно, объяснить и написание с *e* в слове *смертна́та* и во втором слоге в слове *усърдѣето*.⁷⁷ Видеть в *ще пребуда, смертна́та и усърдѣето* отражение книжной по своему происхождению особенности произношения (или только написания?) заставляет как книжный характер самих этих слов, так и следующее соображение: обозначение звука [ъ] под ударением разными буквами — *а́, y* и *e* — явно противоречило бы основному положению А. Кипиловского о его намерении „следовать тому произношению, какое в речи каждого из нас естественно существует“, и устранить „трудно запоминаемые орфографические правила“. Вряд ли А. Кипиловский не заметил бы такого противоречия между провозглашаемым им основным принципом устройства графики и орфографии, с одной стороны, и ее практическим приложением в тексте посвящения, с другой, хотя, как мы уже видели, в ряде случаев он от этого принципа все же отступает.

Безударный [ъ] в анализируемом тексте передается после твердых согласных буквой *а*: предлог *сасъ* (*сасъ Музите*), окончание *-атъ* (*ще наченатъ, да последоватъ*) и др., а после мягких согласных — буквой *я*: окончание *-ятъ* (*ще молятъ*)⁷⁸. В словах книжного происхождения на месте ожидаемого (согласно нормам восточно-болгарского произношения) безударного [ъ] пишет буквы *o* и *e*. С буквой *o*: в корне слов — *громогласните, долгоденствие*; в приставке *со-* — *да собеседова, да содействова, совершенно*; в суффиксе — *достаточно, недостаточните*; с буквой *e* в корне слова — *совершенно*. Очевидно, что и эти написания, как и приведенные выше *ще пребуда, смертна́та, усърдѣето*, отражают книжное, не свойственное народной речи произношение или простое следование письменной традиции.

Существенной особенностью орфографии рассматриваемого текста, как, впрочем, и основной части книги, является достаточно

⁷⁷ В цитируемой выше нашей статье „Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в.“ (с. 259) слова *усърдѣето* и *смертна́та*, в которых в принципе может выступать [ъ] под ударением, оказались случайно опущенными.

⁷⁸ В современном говоре с. Кипилово форма 3 лица множественного числа настоящего времени глаголов имеет окончание *-ѣт* (*-ѣт*), *-ѣт* (*-ѣт*). См. „Български диалектен атлас“, т. II, карта 187, 188.

последовательное применение традиционно-исторического принципа при передаче безударных гласных [a], [o] и [e]. Поскольку А. Кипиловский — уроженец Северо-Восточной Болгарии, для говоров которой характерна сильная редукция безударных гласных, следует полагать, что эта особенность безударного вокализма в целом была свойственна и речи самого А. Кипиловского. На письме, однако, эту особенность живой речи он, за редкими исключениями, не передает. Срв.: *народъ, самохотно, прѣмай, ползата; богатите, позналъ, достойно, дето, като; сега, укрепява, ведно, вашите, наше* и др. Отступлений от традиционно-исторического принципа в передаче безударных гласных немного, и они касаются обозначения предударного [o] — *преизубилно, като ся усвободи* и заударного [e] — *ще начени*. К ним следует добавить и *познай* — форму 3 лица единственного числа настоящего времени с полной редукцией конечного [e] после [й].

Отдельно следует остановиться на написании членных форм, о которых на протяжении всего периода формирования современного болгарского литературного языка велись горячие споры среди грамматистов и других книжников.

Рассмотрим сначала написания членных форм существительных, которые пишутся им слитно.

Членная форма мужского рода единственного числа в тексте посвящения отсутствует. В основной части „Священного цветобращения“ А. Кипиловский во всех случаях в именах с исторически твердым конечным согласным пишет членную форму *-āтѣ*, произносимую как [-ѣт]. Срв. в функции именительного падежа: *когда сѣ стѣри грѣхѣтѣ* 144, *сынѣтѣ сѣ простѣлъ сѣ сѣ бацѣ си* 210; в функции косвенных падежей: *зарадѣ грѣхѣтѣ* 12, *средѣ градѣтѣ* 203, *на мѣжѣтѣ си* 9 и др. Поскольку в посвящении звук [ъ] передается буквой *ā* (срв. приведенные выше *тѣ зи, тѣй*), то можно предположить, что членную форму [-ѣт] А. Кипиловский в принятой им гражданской кириллице должен был бы обозначать *-āтѣ*. Безударная членная форма в основной части книги — *-атѣ* (*сѣ сѣ вѣсѣтѣ* 93 и под.). Очевидно так же писал бы ее А. Кипиловский и буквами гражданской кириллицы: *-атѣ*. После исторически мягкого согласного под ударением А. Кипиловский пишет (тоже слитно) членную форму *-атѣ*, а без ударения *-атѣ* (с предшествующим знаком ъ) или *-атѣ*, например: *когда то цѣрѣать праздновалѣ денѣтѣ на рождѣнѣето си, испѣлнилсѣ санѣтѣ и двѣмата* 61; *Привѣли Юсѣфа предѣ цѣрѣатѣ и цѣрѣатѣ мѣ расказалѣ* 63; *на пѣтѣатѣ* 118 и др. Очевидно, эта членная форма посредством букв

гражданской азбуки обозначалось бы им скорее всего как *-ятъ* (о букве *я* см. выше) и *-ятъ*.

Членная форма женского рода единственного числа *-та* в посвящении встречается дважды и оба раза с существительными в функции косвенного падежа: *Ти като си позналъ бедността нашего народа* и *дето отъ нея пользата*. Если и в таких случаях А. Кипиловский пишет членную форму *-та*, то нет сомнений в том, что эту же членную форму он писал бы и в случаях, когда существительные выступают в функции именительного падежа (срв. и в основной части книги: *И нѣи смѣ облжнѣ такѣ да прѣсимъ дѣхѣвнѣти дѣрове какѣѣто вѣрата, любовтѣ и надеждѣта* 148).

Существительные среднего рода в единственном числе имеют членную форму *-то* — *средството, усердѣто*.

В формах множественного числа мужского и женского рода А. Кипиловский пишет *-те* (об этом подробнее см. **выше**). Существительных среднего рода с членной формой множественного числа в тексте посвящения нет,⁷⁹ но нет сомнения в том, что такая членная форма была бы написана им как *-та* (срв. *сердѣта* 5, *на времѣта* 9 и др. в основной части книги).

Прилагательные мужского рода в единственном числе в посвящении имеют одну членную форму *-атъ*: *като познай сичкѣтъ народъ своето попреднѣо бедствѣе; по свойственнѣатъ матернѣи нашъ языкъ*. Прилагательные женского рода в единственном числе имеют членную форму *-та* в примерах на употребление их в функции косвенного падежа: *отъ смертнага сенка, ще молятъ Божѣята Милостъ*. Очевидно, что такое же написание А. Кипиловский предлагал и в том случае, когда прилагательные выступали в функции именительного падежа (срав. в основной части книги: *А глѣвната причѣна на такѣва нѣнавистъ былѣ тѣзи* 51 и *на нѣйната старостъ* 211 и др.). Прилагательные среднего рода в единственном числе имеют членную форму *-то*: *на бедното наше юношество, чрезъ твоето човеколюбѣ*. Во множественном числе прилагательные имеют только членную форму *-те*: *богатите да последовать твоите примери; громогласните благословѣята*.

⁷⁹ Элемент *-та* в формах *благословѣята* и *благодѣяята*, кажущийся на первый взгляд членной формой (срв. в современном литературном языке — *благословеняята, благодеяняята*), на самом деле является частью окончания множественного числа, о чем свидетельствуют и сочетания данных форм с прилагательными, содержащими членную форму *-те*, (*громогласните благословѣята, вашите благодеяняята*). Такие формы множественного числа существительных среднего рода на *-це* были сравнительно широко представлены в языке книжников эпохи Возрождения.

В целом, как видим, А. Кипиловский уже в 20-е годы предложил написание членных форм, довольно близкое тому, какое утвердилось в литературном языке после продолжительной и острой борьбы. По существу, различия касаются только графического обозначения звука [ъ] и написания членных форм прилагательных мужского рода в единственном числе (срв. *сичкѣятъ* у А. Кипиловского при (в)сичкият в современном литературном языке).

Из других особенностей орфографии рассматриваемого текста отметим следующее:

а) отсутствие знаков ударения и придыхания, лигатур. Поставление — первый в болгарском книгопечатании опыт издания текста без этих знаков;

б) употребление конечных *ѣ* (*познаѣ, чрезѣ, нашѣ языкѣ, да последовамѣ* и др.) и *ь* (*гледашь, милость, Стояновичь*, в списке имен спосоществователей также и *учитель, Слудцарь* и др.). Буквой *ь* в приведенных словах А. Кипиловский, возможно, передавал мягкость соответствующих конечных согласных, присущую многим восточноболгарским говорам, в том числе и говору с. Кипилово — родному говору А. Кипиловского.⁸⁰ В употреблении же *ѣ* как показателя твердости конечных согласных он, очевидно, просто следовал традиции. Отметим в этой связи, что в середине слова между согласными знак *ь* в одних случаях пишется (*пользата*), обозначая, возможно, мягкость предшествующего ему согласного,⁸¹ в других — не пишется (*преизубилно*), что явно свидетельствует о твердом произношении предшествующего согласного (в данном примере — согласного [л]);

в) важно отметить, что буквой *ь* А. Кипиловский обозначает мягкость согласного перед гласным [о]: *попредньо*, т. е. точно так, как это предписывается и правилами современной болгарской орфографии (срв. *крадльо, синьо, батьо* и др.);

г) слитное написание частицы степени сравнения *по-:попредньо*. Очевидно, что так же А. Кипиловский писал и частицу *най-*.

д) слитное написание всех членных форм существительных и прилагательных (примеры см. выше);

е) написание одного *т* в членных формах единственного числа существительных на *т*: *бедноста* вместо *бедността* (так же и в основной части книги, где, впрочем, изредка встречаются и формы с двумя *тт* — *радостта*; см. выше).

⁸⁰ См. „Български диалектен атлас“, т. II, карты 54—62. — В некоторых словах собирателями материалов для Атласа отмечена полумягкость конечных согласных.

⁸¹ Согласно данным карты 63 цитируемого Атласа, мягкость согласных в такой позиции в говоре с. Кипилово утрачена.

ж) слитное написание возвратной частицы *ся* с глаголом, если она следует после глагола (*наслаждавайся*), и раздельное их написание в случаях, когда *ся* предшествует глаголу (*да ся посвяти, като ся усвободи*). Таков же принцип написания возвратной частицы (**СА**) и в основной части книги.

Таковы основные особенности графики и орфографии в посвящении А. Кипиловского к переведенной им книге „Священное цветообращение“, представляющем первый, известный нам сейчас, опыт приложения гражданской кириллицы к болгарскому тексту.

Выше уже отмечалось, что А. Кипиловский первоначально хотел весь текст книги издать гражданской кириллицей, но отказался от этого намерения и оставил в качестве образца такого издания только рассмотренный выше текст посвящения, издав весь остальной текст книги церковной печатью. Каковы же те причины, по которым он отказался от гражданской азбуки и „естественного правописания“, которому он собирался следовать?

Сам А. Кипиловский причин этих не раскрывает. В предисловии к „Священному цветообращению“ он лишь констатирует, что „по некоторым причинам“ („по нѣкоиси причини“) он употребил „славенское правописание“, вопреки своему первоначальному намерению „употребить правописание естественное“ (без одинаково произносимых букв, употребление которых подчиняется „трудно запоминаяемым правилам“) и „следовать тому произношению, какое в речи каждого из нас естественно существует“.⁸²

В качестве возможных причин, заставивших А. Кипиловского отказать от первоначального намерения, П. Бояджиев указывает две: отсутствие достаточного количества литер гражданской кириллицы в типографии и желание избежать дополнительного труда по переписке готовой двухтомной книги.⁸³

Так как прямых данных о причинах отказа А. Кипиловского от задуманной им реформы графики и орфографии нет, то мы можем судить о них только на основании некоторых косвенных соображений.

Как нам кажется, нет оснований считать, что отказ от издания „Священного цветообращения“ гражданской кириллицей с упрощенной орфографией был вызван затруднениями чисто технического характера. Университетская типография в Буде, где была издана эта книга, в то время располагала богатым набором литер не только церковной, но и гражданской кириллицы. Образцом последней служит, в частности, само рассматриваемое здесь пос-

⁸² См. „Священное цветообращение“, с. XI.

⁸³ П. Б о я д ж и е в. Указ. соч., с. 113.

вящение, в кратком тексте которого представлены разные прямые и курсивные литеры. Следовательно, отказаться от использования гражданской кириллицы А. Кипиловского заставили не технические, а какие-то другие причины.

Думается, что нет оснований видеть отказ от гражданской кириллицы и в желании избежать трудоемкой переписки уже готового перевода. Дело в том, что, как это видно из приведенного в начале статьи фрагмента предисловия к „Священному цветообращению“, А. Кипиловский отказался от „естественного правописания“, образцом которого служат графика и орфография посвящения, уже в самом начале работы над переводом, а не по ее завершении.

Неофит Рильский, комментируя через 10 лет после выхода в свет „Священного цветообращения“ образец „естественного правописания“ А. Кипиловского и, в частности, отсутствие в нем буквы ѣ и последовательное употребление вместо нее буквы е, отметил в своей „Болгарской грамматике“, что отказ А. Кипиловского от такого правописания и обращения к „славенскому правописанию“ вызваны необходимостью различения на письме омонимов типа *нѣма женѣ* ‘немая женщина’ и *нѣма женѣ* ‘нет женщины’, *лѣкѣ* ‘лекарство’ и *лѣкѣ* ‘легкий’. „Назначение правописания (т. е. различных букв, — подчеркивал Неофит Рильский, — состоит не в украшении, а в том, чтобы различать друга от друга слова, имеющие одинаковое звучание, но разное значение“⁸⁴.

Думается, что Неофит Рильский в данном случае ошибается и упрощает дело, хотя приводимый им аргумент (необходимость графического разграничения омонимов) в защиту тех или иных букв в то время казался достаточно весомым. Не случайно этот же аргумент приводили многие книжники и позднее, доказывая необходимость сохранения в азбуке некоторых букв, написания конечных еров и т. д. Действительные же причины отказа А. Кипиловского от намерения использовать гражданскую кириллицу, упростить графику и орфографию были, как нам кажется, другие и более серьезные. Мы уже кратко указывали,⁸⁵ что такими причинами могли быть, с одной стороны, то, что сам А. Кипиловский еще не был внутренне готов к решительному разрыву с господствовавшей в болгарской письменности и печати традицией использования церковной азбуки и церковнославянско-русского правописания, а, с другой стороны, то, что против его намерения упростить таким образом азбуку и орфографию могли выступить другие образованные болгары, в частности и те из них, кто составил упо-

⁸⁴ Н. Р и л с к и. Указ. соч., с. 26, сноска.

⁸⁵ Г. К. В е н е д и к т о в. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 252.

мянутое выше „Филологическое общество“. При этом главная причина, на наш взгляд, заключалась именно в том, что А. Кипиловский не встретил в своем начинании должной поддержки со стороны своих соотечественников-современников.

В подтверждение такого предположения можно привести следующие соображения.

П. Берон и В. Ненович, с которым А. Кипиловский обсуждал в Брашове книгоиздательские планы „Филологического общества“ и языковые вопросы, издали в 1824—1826 гг. свои книги не гражданской, а церковной кириллицей с некоторыми отступлениями от церковнославянской графики и орфографии. Нет оснований утверждать, что выбор ими такой печати был продиктован исключительно техническими возможностями типографии, издавших их книги. Во всяком случае, в отношении „Священной истории“ и „Букваря“ В. Неновича такое утверждение было бы неосновательно, так как университетская типография в Буде, где были отпечатаны эти книги, как уже сказано выше, в то время располагала разнообразным набором литер гражданской печати. Как обстояло в этом отношении дело в типографии в Брашове, где был напечатан „Рыбный букварь“ П. Берона, мы не знаем.⁸⁶ Никаких конкретных данных о том, что П. Берон, В. Ненович или кто-либо другой из болгар в то время собирался прибегнуть к гражданской печати или по крайней мере говорил что-либо о преимуществах ее сравнительно с церковной, нет. Показательно, однако, что в обширной переписке В. Неновича, связанной с изданием названных выше двух его книг и недавно опубликованной М. Бур,⁸⁷ нет ни слова о возможном, казалось бы, отпечатании этих книг гражданской кириллицей. Очевидно, В. Ненович (а, наверное, и П. Берон) считал, что болгары должны печатать свои книги церковной, а не гражданской кириллицей.

Какие аргументы приводили (или могли приводить) В. Ненович и другие болгары против введения в болгарское книгопечатание гражданской печати, мы можем только предполагать и догадываться. Наиболее вероятны следующие.

⁸⁶ Существует мнение, что П. Берон для издания „Рыбного букваря“ не смог использовать другой шрифт, кроме церковнославянского, именно по „техническим причинам“ (см., например: С. Георгиев. Петър Берон и нашата граматична мисъл. — „Български език“, 1971, № 5, с. 432). Есть ли этому какие-либо документальные подтверждения, мы не знаем.

⁸⁷ М. Бур. Писма на книгоиздателя Васил Н. Ненович в Будапешенските архиви (1825—1826). — Известия на Института за литература, С., 1972, кн. XXI.

Во-первых, нецелесообразность самого разрыва с существовавшей у болгар практикой письма и печати, базировавшейся на церковной кириллице и церковнославянско-русской орфографии, а в связи с этим и с практикой широкого использования в те годы книг церковной печати, изданных главным образом в России.⁸⁸ Во-вторых ссылаются на то, что церковная кириллица — прямое продолжение той азбуки, которую составил Кирилл и Мефодий, и что болгары, следовательно, являются законными наследниками этой азбуки. В-третьих, письменный язык не может не отличаться от языка народного и потому, следовательно, его орфографические правила не могут опираться только на свойства народной речи. Срв. с этим и замечание самого А. Кипиловского (сказанные, правда, по более частному поводу), что „письменный язык должен отличаться от разговорного“⁸⁹.

Какие бы возможные конкретные аргументы — названные ли выше или иные — ни приводилась против намерения А. Кипиловского ввести гражданскую кириллицу и „естественное правописание“ в болгарское книгопечатание, важно подчеркнуть, что это его намерение, судя по всему, не нашло поддержки со стороны других болгар. Более того, достаточно радикальное и для своего времени, оно кое-кем, возможно, даже было встречано в штыки. Нельзя исключать и того, что недовольные нововведением А. Кипиловского болгары Брашова или других городов могли обратиться например, к церковным властям с какими-либо обвинениями в его адрес, чтобы воспрепятствовать изданию „Священного цветоборания“ гражданской кириллицей. Как показывает письмо брашовских болгар, направленное в Российское Библейское общество по поводу неудовлетворительного перевода „Нового завета“ двумя архимандритами — греком Теодосием и болгаринном Серафимом, некоторый опыт в такого рода разрешении спорных языковых вопросов у болгар в 20-е годы прошлого века уже имелся.

То, что отрицательная реакция на попытку А. Кипиловского ввести в болгарское книгопечатание гражданскую кириллицу и в связи с этим существенно упростить орфографию, могла быть со стороны по крайней мере некоторых болгар очень острой, подтвер-

⁸⁸ К. Мирчев в цитируемой выше статье даже отмечает, что болгарские книжники в первые десятилетия XIX в. имели дело „исключительно с церковнославянской и русской литературой“ (К. М и р ч е в. Правописание въпрос през Възраждането, с. 74). С этим трудно согласиться, так как известно, что в эти же десятилетия болгары продолжали собственную традицию так называемой дамаскинарской литературы, переводили книги с греческого и румынского языков (срв., например, разные списки „Александрии“ и другие произведения) и т. д.

⁸⁹ См. Священное цветоборание, с. XII.

ждается известными фактами более позднего времени. Приведу здесь лишь два из них, хронологически ближайšie к рассмотренному опыту А. Кипиловского.

Один из них — резко отрицательное отношение некоторых болгар, живших в 30-е годы в Бухаресте, к изданным в эти годы гражданской кириллицей книгам Хр. Павловича („Арифметика или наука числительна“, 1833; „Письменник общополезен“, 1835; „Разговорник греко-болгарский“, 1835). В цитированном выше письме от 17. IX. 1840 г. И. Селиминский, сообщив В. Априлову и Н. Палаузову о неблагоприятной роли бухарестских болгар, в том числе и жившего в те годы в Бухаресте А. Кипиловского, в жестокой травле В. Неновича и о нежелании или неспособности их понять насущные нужды просвещения и совершенствования родного языка, далее писал: „Побуждаемые подобными ошибочными взглядами и идеями, наши соотечественники в Бухаресте порицали г. Христаки Павловича, угрожая ему, что они запретят чтение его книг народом, если он не раскается и не начнет писать по старой орфографии старыми буквами“⁹⁰.

Другой пример — резкая критика рядом видных книжников 30-х годов предложения В. Априлова, изложенного в его знаменитом „Мнении“ (1836), ввести у болгар гражданскую азбуку, состоящую из 24 букв — *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш*.⁹¹ Так, Райно Попович в письме Неофиту Рильскому от 30. VI. 1838 г. писал, что предложенные В. Априловым азбука и правописание „совсем хромают“, и советовал Неофиту не принимать их: „Такое большое изменение азбуки и письма недостойно твоей репутации“⁹². Р. Попович считал, что для устройства болгарского языка достаточно тех изменений в азбуке и орфографии, которые были предложены Неофитом Рильским в его „Болгарской грамматике“. Особое недовольство вызвало у Р. Поповича именно предложение В. Априлова ввести гражданскую азбуку. Приверженец старого (церковного) письма он говорил: „Что касается меня, то я, со своей стороны, никогда не расстанусь с церковно-славянскими (буквами и орфографией)“⁹³. Он призывал и Неофита не отказываться от церковнославянского письма. Не должны, по его мнению, принимать предложенную В. Априловым азбуку

⁹⁰ См. „Библиотека „Ив. Селимински“, кн. XIV, с. 12.

⁹¹ См. „Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа“, опубликованное И. Снегаровым в „Известия на Архивния институт“, София, 1957, кн. I, с. 220.

⁹² См.: И. Снегаров. Принос към биографията на Неофит Рилски (гръцки писма до него). С., 1951, с. 193

⁹³ См.: И. Снегаров. Принос към биографията на Неофит Рилски (гръцки писма до него), с. 193.

и орфографию также и молодые болгары, которые, изрядно потрудившись над овладением церковнославянской азбуки и орфографии, должны были бы забыть их, „взяв в свои объятия буквы продавцов капусты“ („прегрънали буквите на зелепродавците“),⁹⁴ как пренебрежительно называл Р. Попович простые буквы гражданской печати. К идее В. Априлова вести гражданскую азбуку, по словам Р. Поповича, отрицательно относились и „многие другие“ книжники тех лет.⁹⁵ Он указывал, что предложенное В. Априловым упрощение азбуки и орфографии „будет осмеяно и современными и будущими (книжниками)“, подобно тому как греками была осмеяна подобная же радикальная реформаторская деятельность некоторых греческих просветителей.⁹⁶

Если, как видим, и в 30-е годы XIX в., когда уже увидели свет отпечатанные гражданской кириллицей три книги Хр. Павловича и ч. IV „Славяноболгарского детоводства“ Н. Бозвели и Е. Васкидовича, высказывались столь резко отрицательные суждения о гражданской печати у болгар, то можно лишь догадываться о том, что в 20-е годы мнение по крайней ^{мере} части образованных болгар было не менее резко отрицательным. В свете сказанного не удивительно, что молодой А. Кипиловский (в 1825 г., когда вышло „Священное цветообращение“, ему было всего 23 года), выносивший на суд и на пользу соотечественников свой первый книжный труд, невидя поддержки своему начинанию, не решился один выступить ^{традиционного} против господствовавшей тогда в болгарском книгопечатании церковнославянского письма и отказался от намерения напечатать свою первую книгу гражданской кириллицей и согласно правилам „естественного правописания“. А. Кипиловский, как и П. Берон, В. Ненович и другие его современники, легко отказались от самого церковнославянского языка, обратившись к языку народному для издания нужных народу книг, но они не могли еще так же легко порвать с графикой и орфографией этого языка. Л. Андрейчин был прав, когда, характеризуя язык и графические средства церковной кириллицей, использованные П. Бероном в „Рыбном букваре“, подчеркивал: „Оказывается легче порвать цепи чисто языковых условностей, чем цепи условностей графических, письменных“⁹⁷.

⁹⁴ См.: И. Снегаров. Принос към биографията на Неофит Рилски (гръцки писма до него), с. 193.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Л. Андрейчин. Езикът на Рыбния буквар. . . ., с. 103; Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство, с. 185.

Таким был первый опыт приложения в болгарском книгопечатании гражданской кириллицы. Он не оставил сколько-нибудь заметного следа в последующей истории гражданского письма в Болгарии, но он остается фактом культурной истории болгар вообще и истории формирования болгарского литературного языка в частности, и мимо него, сколь бы скромно ни было его значение, не может пройти исследователь. Последующая история распространения гражданской печати в Болгарии в связи с историей формирования литературного языка может составить предмет обширной самостоятельной работы.

(Сб. „Язык и письменность средне-болгарского периода“, Москва, „Наука“, 1981).

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ОРФОЭПИИ

Болгарская орфоэпия, или болгарское литературное произношение, до недавнего времени почти не привлекала к себе серьезного внимания языковедов и более широких слоев болгарской интеллигенции, в том числе и учителей. На состоявшейся в Софии в июне 1951 г. конференции по вопросам орфографии Л. Андрейчин отметил, что „к сожалению, мы до сих пор пренебрегали орфоэпией до такой степени, что как-то привыкли в орфографической форме языка видеть его истинное бытие или его основу“¹. Указав на то, что „либеральное отношение к орфоэпии — это наше печальное наследство прошлого, которому все мы в большей или меньшей степени платим дань“², Л. Андрейчин со всей решительностью подчеркнул, что настало время „порвать с остатками вредных старых взглядов“³ на значение и место орфоэпии в литературном языке.

Пожалуй, строгая нормализация литературного произношения в настоящее время — наиболее острая из всех проблем совершенствования литературного языка. Хотя в последние десятилетия вопросы орфоэпии и рассматриваются в трудах языковедов А. Теодорова-Балана, Л. Андрейчина, С. Стойкова и др., а также в работах некоторых театроведов, все же нельзя сказать, что состояние болгарской орфоэпии стало предметом углубленного и всестороннего изучения.

Еще меньше сделано по истории болгарской орфоэпии. Можно указать лишь на статью Л. Андрейчина, рассматривающую некоторые особенности современной орфоэпической системы, сложившиеся на базе северо-восточных болгарских диалектов,⁴ а также на известную монографию С. Стойкова о ъ в болгарском литера-

¹ Български език, 1951, кн. 1—2, с. 127.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. А н д р е й ч и н. Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език. — В: Славистичен сборник. С., 1963.

турном языке, в которой исследуется вопрос о произношении ѣ главным образом на материале стихотворных произведений конца XIX—XX вв. и приведены данные, касающиеся правил произношения ѣ в середине XIX в. (преимущественно в связи с вопросом о правописании ѣ)⁵. Некоторые вопросы орфоэпии освещались в исследованиях, посвященных филологической или вообще книжной деятельности представителей эпохи Возрождения. Однако в целом история складывания орфоэпических норм остается одним из слабо разработанных и разрабатываемых разделов истории современного болгарского литературного языка.

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые вопросы орфоэпии болгарского языка в 30—60-е годы XIX в. Условно крайними датами этого периода могут быть приняты год выхода первой болгарской грамматики Неофита Рильского (1835) и известной статьи М. Дринова „О новоболгарской азбуке“ (1870). В истории современного болгарского литературного языка эти десятилетия составляют по сути дела ее начальный этап. Именно в эти десятилетия проблема нормализации языка предстает как национальная проблема создания единого и общеобязательного для всех болгар языка. Отсутствие прочной и интенсивной литературно-письменной традиции, значительное диалектное разнообразие, влияние разных филологических школ внутри и за пределами Болгарии и другие факторы породили среди болгарских грамматистов, писателей, всей интеллигенции горячий спор о характере единого болгарского литературного языка и путях его нормализации. Живое обсуждение этих и многих других общих и частных вопросов языка, литературная и вообще книжная деятельность известных, малоизвестных и совсем неизвестных деятелей данного периода болгарского Возрождения привели к тому, что в течение нескольких десятилетий были установлены основные правила функционирующего ныне литературного языка, определившие его характерные особенности в орфографии, лексике, грамматике, а в значительной мере и в орфоэпии.

Общее представление о нормализации произношения

В истории литературных языков создание единых произносительных норм, как правило, не столь жгучая задача в сравнении с созданием, например, единых норм грамматики и даже нормализации лексики (ср. хотя бы пуристические тенденции), не говоря уже об унификации орфографии. Это связано с тем, что литера-

⁵ С. Стойков. Ятовият въпрос в българския книжовен език. — Годишник на Софийския университет, т. XLIV, 1948, кн. 4.

турный язык долгое время (во всяком случае, на начальном этапе своего существования) воспринимается прежде всего как язык письменный. При обучении языку главное внимание в это время обращается на орфографию и грамматику, и от образованных людей требуется прежде всего владение орфографическими и грамматическими правилами. Что касается произношения, то на начальном этапе формирования литературного языка необходимость в единых правилах произношения осознается не всеми и не сразу. Неудивительно поэтому, что единые орфоэпические нормы складываются медленнее, чем, например, орфографические или грамматические нормы письменного языка. Известно, что вообще в разных литературных языках проблема единых норм произношения решается по-разному — в сторону большей или меньшей его строгости и унификации. Известно также, что современные литературные языки, в том числе и славянские, допускают значительное варьирование (конечно, в известных пределах) отдельных орфоэпических особенностей при в общем довольно твердо установленных правилах орфографии и грамматики письменного языка. В русском языке, например, оканье, хотя и расценивается в настоящее время как отклонение от орфоэпической нормы, все же более „терпимо“ или более допустимо, чем, скажем, написания *карова*, *адин*, которые, хотя и отражают аканье, т. е. литературное произношение, полностью исключаются. Естественно, что еще большими колебаниями в сфере произношения отличались литературные языки в эпоху, когда только устанавливались нормы в сферах грамматики, словаря, орфографии. Современный болгарский литературный язык не составлял исключения.

Как же обстояло дело с нормализацией литературного произношения, т. е. с созданием единых орфоэпических норм, в 30—60-е годы XIX в. в Болгарии?

Прежде всего возникает вопрос, существовало ли в это время, на начальном этапе формирования современного литературного языка, какое-либо представление о том, что, наряду с нормализацией орфографии и грамматики, должны быть установлены и произносительные нормы.

На этот вопрос следует ответить утвердительно. Бесспорно, что некоторое представление о том, что литературный язык или, как тогда многие его называли, „общий письменный язык“ должен обладать и какими-то произносительными нормами, в это время существовало и возникло оно с появлением первых грамматик болгарского языка. В грамматиках, в статьях по вопросам языка, в предисловиях к разным книгам 30—60-х годов содержится немало более или менее общих положений о необходимости нормализации произношения литературного языка, а также целый

ряд конкретных указаний и предложений об отдельных орфоэпических правилах. Это ясно свидетельствует о том, что вопрос о литературном или, как тогда обычно писали, „правильном“ произношении в это время не был чужд болгарским грамматистам и другим деятелям Возрождения. Нужно, однако, сразу же подчеркнуть, что отнюдь не все выступавшие за создание единого литературного языка считали нужным достижение единства и в произношении.

Что касается представления о том, каким именно должно быть литературное произношение в целом, то у многих создателей литературного языка оно было довольно неясным, неопределенным. Нередко оно ограничивалось рамками того, как следует произносить данную букву. Поэтому орфоэпические нормы сводились часто к „орфоэпии букв“. Но и правила „орфоэпии букв“ и буквосочетаний, предлагавшиеся разными авторами, не всегда устанавливали единую норму произношения. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что в произношении формировавшегося в эти десятилетия болгарского литературного языка царил такой же, если не больший, разнобой, как и в правописании.

Рассмотрим теперь некоторые из наиболее важных конкретных вопросов произношения, обсуждавшихся в болгарских изданиях 30—60-х годов прошлого столетия.⁶

Произношение гласных на месте ъ

Вопрос о произношении гласных на месте древнего ъ как часть так называемого ятевого вопроса („ятевийт въпрос“) — один из важнейших в истории болгарской орфоэпии. Он возникает уже с появлением первой болгарской грамматики в 1835 г. С тех пор в течение многих десятилетий он был предметом постоянного внимания со стороны ученых-языковедов, работников школ, писателей, представителей других областей культуры. Как известно, произношение гласных на месте ъ и в настоящее время остается одним из актуальных вопросов современной болгарской орфоэпии.

⁶ Мы сознательно ограничиваемся здесь рассмотрением только мнений, которые высказывались грамматистами, писателями, переводчиками и другими представителями интеллигенции в указанный период относительно нормализации отдельных элементов орфоэпической системы. Естественно, что изучение истории складывания орфоэпических норм болгарского языка этим не исчерпывается. Однако взгляды грамматистов и других лиц по отдельным вопросам орфоэпии, борьба мнений вокруг этих вопросов составляют важнейшую и неотъемлемую часть этой истории.

Важность данного вопроса в истории болгарской орфоэпии определяется тем, что различие в произношении *ѣ* издавна рассматривалось как важный признак диалектного деления Болгарии на две области — восточную и западную, и закрепление того или иного произношения *ѣ* в литературном языке неизбежно связывалось с более общим вопросом о диалектной базе литературного языка.

Первым, кто предложил норму произношения *ѣ*, как и в целом ряде других вопросов нормализации литературного языка, был Неофит Рилский (1835). Автору первой болгарской грамматики было известно, что болгары произносят *ѣ* по-разному — и как *'а* и как *е*. Среди многочисленных примеров, которыми Неофит иллюстрирует разнообразные диалектные различия „в произношении, в окончаниях и оксиях“⁷, т. е. в фонетике, морфологии и акцентуации, приведены и примеры на различное произношение *ѣ*: *лѣпѣ* и *лѣпѣ* [л'ап], *песѣкъ* и *пѣсакѣ* [п'асак], *човѣкъ* и *чилѣкъ* [чил'ак], *чулякъ*, [чул'ак].⁸ Они показывают, что Неофит отмечает произношение *ѣ*, свойственное разным наречиям — западному и восточному.

Неофит избирает для литературного языка екавое произношение *ѣ*, мотивируя это тем, что так, т. е. *е*, произносится *ѣ* в простонародной речи („в простият язык“, „просто произношение“).⁹ Такое обоснование, правда, кажется мало убедительным, поскольку — и это понимал и Неофит — якавое произношение также свойственно простонародной речи. Он хотел бы привести в подтверждение предложенной нормы и данные древних источников, но такие данные („свидетелства“) ему были не известны, а каким было произношение *ѣ* в старину, по Неофиту, никто не может сказать.¹⁰ Поэтому Неофит и заключает список слов, иллюстрирующих екавое произношение *ѣ*, замечанием, что о таком именно

⁷ Не о ф и т Р и л с к и. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 10.

⁸ Там же, с. 9. Цитируемые в настоящей работе примеры даны в написании источников. Исключение сделано для примеров из книг церковной печати, которые переданы средствами гражданской кириллицы с сохранением особенностей их правописания. Такая подача примеров позволяет избежать неточностей в транслитерации многочисленных слов, допускающих различное обозначение их средствами современной болгарской графики. Так, обозначение *ѣ* буквами *я* и *е* в соответствии с действующим ныне правилом орфографии неизбежно повлекло бы к существенным искажениям общей картины не только правописания, но и особенностей произношения в исследуемый здесь период. Транскрибируемые нами слова средствами современной графики в необходимых случаях поставлены в квадратные скобки.

⁹ Там же, с. 24.

¹⁰ Там же, с. 20, 24.

произношении „достаточно нам свидетельствует простонародная и общая речь“ („простото и общото произношение“),¹¹ ибо, как он полагает, в этой речи иное произношение избегается („натуралното на секоето болгарско произношение не обича да произноси *ѣ*“).¹²

Анализ примеров, иллюстрирующих екавое произношение *ѣ*, убеждает в том, что Неофит тщательно подобрал примеры, имея в виду основные позиции *ѣ* в слове, в которых обнаруживается главное различие в его произношении между западным и восточным наречиями. Так, он приводит примеры на екавое произношение *ѣ*: 1) под ударением в середине слова перед слогом с гласным заднего ряда (перед так называемым „твердым“ слогом) — *бѣгамъ, вѣра, дѣло, желѣзо, колѣно, лѣто, мѣра, мѣсто, нѣкой, нѣкога, пѣна, рѣдко, сѣно, плѣсто, тѣло*; 2) в односложных словах — *бѣлъ, бѣхъ, грѣхъ, нѣмъ, плѣнъ, слѣпъ, смѣхъ, снѣгъ* и др.; 3) под ударением перед шипящим, за которым следует слог с гласным заднего ряда, — *срѣщамъ* и в односложных словах — *пѣштъ*; 4) без ударения перед слогом с гласным заднего ряда — *бѣдѣ, гнездѣ, звездѣ, рекѣ, стрелѣ, седлѣ* и др.; 5) под ударением перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным (перед так называемым „мягким“ слогом) — *мѣсецъ, недѣля, поне-дѣльникъ, прѣсень, пѣсень, тѣсень* и др., в том числе и перед шипящими — *вѣжди, рѣжемъ*; 6) без ударения перед слогом с гласным переднего ряда — *венѣцъ, ленѣвъ*; 7) в конце слова под ударением *добрѣ, злѣ* и без ударения — *мѣне, тѣбе, себѣ*.¹³

Устанавливая, таким образом, только екавое произношение как норму литературного языка, Неофит (род. в Банско), несомненно, опирался прежде всего на западноболгарское наречие, в котором, как известно, представлен именно такой тип рефлекса *ѣ*. Известное влияние на Неофита оказала, надо думать, и церковнославянская традиция. Опирался Неофит и на опыт некоторых своих предшественников. Так, он ссылался¹⁴ на А. Кипиловского, который в предисловии к книге „Священное цветообращение“ (1825 г.) на месте *ѣ* пишет *e* в соответствии „с тем произношением, которое в речи каждого из нас естественно существует“ (например: *сенка, последовать, беднота, содействува, деломъ, бедното, человеколюбіе, примери* и др.).¹⁵

¹¹ Н. Р и л с к и. Указ. соч., с. 24.

¹² Там же, с. 26.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. К и п и л о в с к и й. Священное цветообращение или сто и четири священные истории, избрани от вехтнат и повнат завет. Будин, 1825, с. XI. Однако в основной части своей книги А. Кипиловский пишет не *e*, а *ѣ* — согласно „славянскому правописанию“ (Там же).

Впоследствии за екавое произношение *ѣ* во всех положениях выступали и некоторые другие уроженцы Западной Болгарии. К их числу следует отнести, в частности, П. Зографского (род. в Галичнике, Македония), который предлагал (1858 г.) в основу болгарского литературного языка („общийот писменний язык“) положить македонское наречие, ибо это наречие, по его мнению, „полнозвучнее, более плавно и более стройно, а во многих отношениях — полнее и богаче“ других болгарских наречий.¹⁶ В числе важнейших отличительных особенностей, определяющих данные преимущества этого наречия, П. Зографский указывает и екавое произношение *ѣ* во всех случаях без исключения.¹⁷

По-видимому, лиц, произносивших на месте *ѣ* только *e*, среди болгарской интеллигенции в середине XIX в. было немало. Н. Михайловский, например, отмечал (1857 г.), что как „ie“ произносят многие образованные („книжни“) болгары.¹⁸

Однако большинство писавших по вопросам нормализации литературного языка выступило против закрепления в нем только екавого произношения *ѣ* и утверждало правило двоякого произношения — *'a* и *e* — с учетом места ударения и характера последующих слогов (соотв. и согласных). Именно такое двоякое произношение, как увидим ниже, регламентировалось грамматиками середины XIX в., и это, конечно, также не могло не сказаться на отношении многих образованных болгар к екавому произношению *ѣ* во всех позициях. Весьма показательно то, что даже некоторые уроженцы Западной Болгарии (например И. Ковачов, см. ниже) уже в начале 70-х годов приходят к заключению, что в литературном языке должно быть установлено двоякое произношение, а не только екавое.

На отрицательном отношении некоторых болгар к утверждению в литературном языке только екавого произношения *ѣ* сказывалось в какой-то мере и их убеждение в том, что такое произношение не является исконной болгарской особенностью, а представляет собой сербизм, которому не место в литературном б о л г а р с к о м языке. К этому доводу, естественно, прибегали те, в чьих родных говорах *ѣ* произносился двояко, т. е. уроженцы восточных областей Болгарии. Характерно в этом плане мнение Н. Михайловского (род. в г. Елена), который писал (1857 г.), что многие образованные болгары произносят *ѣ* „по-сербски“ — как „ie“, и рассматривал их стремление всюду произносить только

¹⁶ П. Зографский. Мисли за българският язык. — Български книжници, год. I, 1859, ч. I, с. 36.

¹⁷ П. Зографский. Указ. соч., с. 37.

¹⁸ Н. Михайловский. За новобългарския език. — Цариградски вестник, год. VII, № 331, I. VI. 1857 г.

„ie“, игнорируя произношение „ia“, как „смешное и бесплодное усилие“, ибо „духом языка уже определено и утверждено двойное произношение буквы *ѣ*“¹⁹.

Обращение к такому доводу и в данном случае не составляет исключения. Известно, что и некоторые другие западноболгарские особенности отвергались представителями Восточной Болгарии ссылкой на их сербское или другое иноязычное происхождение.²⁰

На якавое произношение *ѣ*, как на норму литературного языка, впервые указал И. Богоров. В первом издании грамматики (1844 г.) он писал, что „буква *ѣ* произносится как *ia* (т. е. 'a—Г. В.), она потому и называется „ять“, что звучить *ia*“, например, слова *гнѣвъ*, *смѣхъ*, *мѣсто* произносятся [гн'ав], [см'ах], [м'асто], а не [гнев], [смех], [место].²¹ Это правило И. Богоров формулирует в заключение параграфа о правописании *ѣ*, в котором указывается, в частности, что *ѣ* пишется в глаголах на *ѣнѣ* (*грѣнѣ*, *умѣнѣ*) и в причастиях на *-ѣлъ* (*тѣрпѣлъ*, *вѣртѣлъ*), в наречиях *добрѣ*, *кѣдѣ*, *сетнѣ*, *нынѣ* и др., в слоге *нѣ* местоимений и наречий: *нѣкои*, *нѣкѣдѣ* и др., в формах множественного числа местоимения *той* — *тѣ*, *тѣхъ*, *тѣмѣ*, а также в большом числе слов существительных, прилагательных, глаголов с *ѣ* в начале или середине слова — *ѣтра*, *гнѣздо*, *лѣто*, *бѣлъ*, *нѣмѣ*, *рѣдко*, *дѣламѣ* и др.²² Во втором издании грамматики (1848 г.) И. Богоров также отмечает, что *ѣ* произносится как *я* всюду в начале и середине слов, кроме „некоторых многосложных слов“ (примеры этих слов не приводятся), И. Богоров не указывает, но следует думать, что он, вероятно, имеет в виду в них екавое произношение.

Как видно из сказанного, И. Богоров в обоих изданиях грамматики не говорит прямо об екавом произношении. Приведенные в его грамматике примеры как будто показывают, что якавое произношение *ѣ* он фиксировал не только в позиции перед твер-

¹⁹ Н. Михайловский. За новобългарския език. — Цариградски вестник, год. VII, № 331, I. VI. 1857 г.

²⁰ Членные формы *-от*, *-ат*, *-ет* некоторыми не признавались „чисто болгарскими“ на том основании, что гласные *о*, *а* и *е* в них возникли якобы под иноязычным влиянием (сербским, русским) и потому они не допускались в литературный язык. См., например: И. Андреев [Богоров]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848, с. XI—XIII; Г. Кръстьев и ч. Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо II. За членѣт. — Български книжици, год. 1858, ч. 3, с. 179—180.

²¹ И. Андреев [Богоров]. Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, с. 104, сноска.

²² Указ. соч., с. 103—104.

²³ И. Андреев [Богоров]. Първичка българска словница, с. 92.

дыми согласными и под ударением, но и в других позициях, где оно мало вероятно, например, в позиции под ударением перед *й* (ср. глаголы *грѣѣж* и под.), перед слогом с гласным *е* или *и* (*пѣсенъ, свѣрѣ, тѣсенъ, лѣвий*), перед аффрикатой *ч* (*рѣчь*) и др.

Примерно в таком же духа И. Богоров пишет о произношении *ѣ* и в более поздних работах. Он по-прежнему говорит (1870 г.) только о яковом (*ѣ = i-a*) произношении, приводит примеры *гнѣвъ, мѣсто*, а также *шѣпка*²⁴ и характеризует (1869 г.) яковое произношение *ѣ* как чисто болгарское („чисто българското“) в отличие от екавого, рассматриваемого им, таким образом, как отклонение от „чисто болгарского“²⁵ (ср. с этим мнение Н. Михайловского о екавом произношении как сербской особенностью в языке болгар). И. Богоров и здесь иллюстрирует „чисто болгарское“ произношение, т. е. яковое, только в позиции перед твердым согласным и под ударением — *міаство, гніавѣ, віатарѣ*, характеризуя *место, гневѣ, ветрѣ* как неправильные, но не приводит здесь примеров на *ѣ* в положении перед слогом с *е, и*.²⁶

Все же, думается, нет достаточных оснований считать, что И. Богоров предлагал утвердить в литературном языке только яковое произношение во всех позициях, кроме, как уже отмечалось, „некоторых многосложных слов“. Он считал „неправильным“, „не чисто болгарским“ произношение *ѣ* как *е* в тех случаях, где в его родном (карловском) и других балканских говорах произносится *'а*. Но в этих же говорах (которые И. Богоров, считая их наиболее чистыми болгарскими говорами, предлагает положить в основу литературного языка²⁷), как было хорошо известно и самому И. Богорову, *ѣ* произносится и как *е* — в положении перед мягкими согласными или в безударной позиции.

Важно, однако, отметить, что И. Богоров был первый, кто установил яковое произношение *ѣ* как норму литературного языка, вместо екавого произношения, предложенного автором первой болгарской грамматики — Неофитом Рилским.

С мнением И. Богорова о закреплении в литературном языке якового произношения *ѣ*, изложенным уже в первом издании его грамматики, согласился такой видный деятель болгарского Воз-

²⁴ И. Богоров. Второ ультване за българский език. Виена, 1870, с. 5.

²⁵ И. Богоров. Ультване за българский язык. Виена, 1869, с. 11—12.

²⁶ Там же. Ср. его замечание к приведенным здесь примерам: „Мы еще не умеем и правильно („право“) прочитат по-български; мы пишем слова согласно славянскому правописанию, а българское произношение оставляем в стороне“ (там же; курсив наш. — Г. В.).

²⁷ См.: И. Андриев [Богоров]. Кратка география математическа, физическа и политическа. Букуреш, 1851, с. 165.

рождения, как В. Априлов, сыгравший большую роль в движении за нормализацию литературного языка на основе народно-разговорной речи. Он писал (1847 г.): „Хорошо говорит г. Андреев (т. е. Богоров — Г. В.), что *ѣ* должен произноситься как *ia* или, правильнее, как *ia*, а не *e*. Живая речь доказывает, что *ѣ* — сложная буква, как *щ* и пр.“²⁸ Как видно, и В. Априлов говорит только о яковом произношении *ѣ*. Но вряд ли и он, уроженец г. Габрово, считал, что таким должно быть произношение *ѣ* во всех словах. Такой сравнительно общей констатацией В. Априлов хотел, несомненно, поддержав И. Богорова, противодействовать утверждению предложенного Неофитом Рилским правила екавого произношения *ѣ*.

Позднее только якавое произношение *ѣ* специально отмечает (также без какой-либо характеристики позиции в слове) Л. Каравелов в предисловии к „Памятникам народного быта болгар“ (1861 г.), передавая его знаком *ѣ̂*: „*ѣ̂* произносится в Болгарии и Тракии как *я*, а в Западной Болгарии (Македонии) как *e*, например, в слове *бѣлъ*: в Восточной Болгарии *бѣлъ*, в западной — *белъ*“²⁹. О екавом произношении в Восточной Болгарии, которое ему, несомненно, было известно, Л. Каравелов ничего специально не говорит и в тексте „Памятников“ передает его буквой *ѣ*: *ѣ̂те*, *менѣ* и др. Л. Каравелов, таким образом, тоже не формулирует общего правила произношения *ѣ* и не высказывает своего мнения о том, каким должно быть его произношение — якавое, екавое или двойное — в литературном языке, что в данном случае и не было, вероятно, необходимым. Л. Каравелову важно было особо отметить то, что фольклорные произведения на письме он передает так, „как говорит народ“, и сохраняет „всеместные отличия языка“³⁰.

Вопрос о возможном правиле только якавого произношения *ѣ* во всех случаях возникает не случайно. Как известно, в части юго-восточных говоров Болгарии на месте *ѣ* в любой позиции, независимо от места ударения и характера последующего слога, произносится *'a* или *ê* (*e* широкое). О такой диалектной особенности уже и в середине XIX в. знали некоторые писатели, интересо-

²⁸ В. Априлов. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, с. 36.

²⁹ Л. Каравелов. Памятники народного быта болгар. М., 1861, с. V.

³⁰ Л. Каравелов. Указ. соч., с. IV. Нужно отметить, что в написании *ѣ* в других произведениях Л. Каравелов не следует строго единому принципу. Л. Андрейчин пишет, что „непоследовательности и колебания его в этом отношении выходят за допустимые границы“. См.: Л. Андрейчин. Език и стил на Л. Каравелов. — Годишник на Софийския университет, т. XLVI, кн. 4, 1950, с. 22.

ва вошли народным языком и фольклором. Так, Петко Славейков писал (1858—1859), что в болгарских говорах, кроме „чистого *с*“ и „чистого *а*“, представлено также и „слитное *е* и *а*“ („слято *е* и *а*“) на месте *ѣ*³¹ (т. е. *с* широкое?) и что в некоторых местах Болгарии (где именно, не уточняется) во всех случаях *ѣ* произносится только как 'а („едностойно като *ѣ*“, т. е. как 'а), подобно тому как в Западной Болгарии *ѣ* произносится только как *е*.³²

Правило двоякого произношения *ѣ* в литературном языке в общих чертах было сформулировано уже в 40-е годы XIX в. Впервые это сделал Г. Крыстевич (род. в Котеле) в своих известных „Письмах о некоторых трудностях болгарского правописания“, написанных в 1844 г. и напечатанных только в 1858 г. Он был первый, кто указал на различное произношение *ѣ* в зависимости от места ударения и характера последующего слова. Г. Крыстевич прежде всего отмечает, что произношение *ѣ* в разных областях распространения болгарского языка различно: „в некоторых местах, а именно в собственно Болгарии и во Фракии, *ѣ* произносится вообще как *я*“ (например, [м'áсто], [н'áкой] и т. д.), в то время как в других областях, „наипаче в Македонии, звучание („гласът“) *ѣ* ничем не отличается от звучания *е*“ (например, [вéра], [свет], [бел], [снег], [рекá] и др.).³³ Далее он отмечает, что в собственно Болгарии (т. е. в Северо-Восточной Болгарии) *ѣ* произносится как *я* ('а) не всегда и не во всех словах, и формулирует следующее правило двоякого (якавого и екавого) произношения *ѣ* в говорах этой области: „*ѣ*, когда имеет на себе ударение и в следующем слоге выступает одна из гласных *ѣ*, *а*, *о*, *у*, *ѣ* произносится как *я*“, например: [хл'аб], [м'áра], [жел'áзо], [в'áрну], [б'áла]; наоборот, „когда имеет на себе ударение, а в следующем слоге выступает гласный *е*, *и*, *і*, *ы*, *ь*, *ѣ*, то *ѣ* произносится как *ѣ* (равное *ѣ*) или *е*“, например [вéрен], [бéли], [бдéние], [премéни], [бéл'ар], а не [в'áрен], [б'áли], [бд'áние], [прем'áни], [б'áл'ар].³⁴ Г. Крыстевич формулирует и правило произношения *ѣ* в безударном положении, по которому эта буква „одинаково и как *я*

³¹ П. Славейков. Бележки и питанията. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 3, с. 186.

³² П. Славейков. Няколко думи за събирането и за езика на причити. — Български книжици, год. II, 1859, ч. I, с. 208.

³³ Г. Кръстевич. Писма за някои си мъчноти на българското правописание. Писмо I. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 2, с. 324—325. Честь открытия этого важнейшего звукового различия между западными и восточными болгарскими говорами ввиду запоздалой публикации „Писем“ Г. Крыстевича по праву принадлежит Х. Сичан-Николову (см. его „Българска аритметика“. Букуреш, 1845, с. V—VI) и В. И. Григоровичу (см. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848, с. 194).

³⁴ Г. Кръстевич. Указ. соч., с. 325.

и как *e* произносится“, например, [ув'арение] и [уверение] и т. д.³⁵ Данное правило безударного произношения *ѣ*, как видим, отличается от нормы современного литературного языка, но оно, по-видимому, отражает не совсем ясно артикулируемый звук на месте безударного *ѣ*, который мог восприниматься и как *'a* и как *e*.

Правило произношения *ѣ*, установленное Г. Крыстевичем в 1844 г., таким образом, отражает произношение гласных *'a* и *e* на месте *ѣ* в зависимости от места ударения и последующих согласных (слов), свойственное его родному (котелскому) говору³⁶ и вообще балканским и другим восточным говорам. Впрочем, сам Г. Крыстевич, в отличие от И. Богорова, прямо не указывал, что именно такое произношение является „чисто болгарским“ и потому единственно возможным в литературном языке. Но то, что и он придерживался несомненно такого же мнения, следует из признания им именно наречия Стара-Планины наиболее чисто болгарским и менее других удалившимся от древнеболгарского языка и потому единственно достойным основы болгарского литературного языка.³⁷

„Письма“ Г. Крыстевича, написанные по просьбе Райно Поповича и посланные ему в 1844 г.,³⁸ к сожалению, увидели свет только в конце 50-х годов. Поэтому сформулированное впервые Г. Крыстевичем правило двойного (якавого и екавого) произношения *ѣ* фактически стало известно болгарским читателям после того, как оно было установлено в грамматиках и статьях других авторов.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного правила в работах других авторов, отметим, что некоторые болгары в своих сочинениях более или менее последовательно отражали на письме якавое и екавое произношение *ѣ*. Такого правописания по сути дела придерживался, например, Г. Бусилин (род. в Батаке) в изданном в 1844 г. „Болгарском букваре“³⁹. Так же, т. е. *я* и *е* вместо *ѣ*, впоследствии писал И. Добрович, одним из первых в печати предложивший правило двойного произношения гласных на месте *ѣ* (см. ниже), и некоторые другие авторы, например, Н. Икононич, С. Николица, но такая практика не нашла широкого распространения до Освобождения Болгарии.⁴⁰

³⁵ Г. Кръстевич. Указ. соч., с. 325.

³⁶ С. Стойков. Българска диалектология, С., 1968, с. 76.

³⁷ Г. Кръстевич. Указ. соч., с. 316.

³⁸ Г. Кръстевич. Книжевний дневник. — Български книжици, год. II, 1859, ч. 3, с. 459.

³⁹ Г. Бусилин. Български буквар. М., 1844.

⁴⁰ С. Стойков. Ятовият въпрос в българския книжовен език, с. 22.

Двойкое произношение *ѣ* — 'а и е — пытался передать с помощью разных букв и Н. Геров в поэме „Стоян и Рада“. Собственно, он специально оговаривает лишь произношение 'а в том случае, когда оно обозначено им буквой *ѣ*, с двумя точками сверху.⁴¹ В тех же случаях, где стоит обычная буква *ѣ*, без точек, передается, надо думать, звук е. Произношение *ѣ* как 'а, действительно, находим в таких словах, как *свѣтъ*, *денѣ*, *потемнѣль*, *умрѣль* (рифмуются соотв. с *годятѣ* и *са простятѣ*, *земя*, *доживялѣ*, *облялѣ*). О произношении *ѣ* как е говорят такие рифмы, как *рѣцѣ* — *срѣдце*, *огрѣто* — *срѣдцето*, *живѣ* — *неж*, *копнѣ* — *неж*. Однако произношение *ѣ* как 'а и как е у Н. Герова в этой поэме не отражает последовательно произношения этих гласных в его родном, копривштенском, говоре и полностью зависит от требований рифмы (ср., например, *пѣли* [п'áli) и *запряла*, но *бѣлѣ* [бел] и *зелѣ*, *тѣсно* [тѣсно] и *лесно*).⁴² Поэтому в целом, если во всех случаях следовать оговорке Н. Герова, во многих словах в поэме *ѣ* произносится как е и там, где ожидается 'а (ср. *свѣтъ*, *цвѣтъ*, *бѣло*, *голѣма*, *тѣло*, *поблѣднѣлѣ*, *влѣзѣлѣ* и др.).

Правило двойкого ('а и е) произношения *ѣ* в зависимости от характера последующего слога впервые в печатном издании было сформулировано И. Момчиловым (1847 г.). Он писал, что в новоболгарском языке *ѣ* произносится как я, т. е. 'а, если „после него слог имеет твердый гласный“, например, слова *грѣхѣ*, *смѣхѣ*, *мѣхѣ*, *гнѣвѣ* произносятся как *грѣхѣ*, *смѣхѣ* и т. д., т. е. [гр'ах], [см'ах]. Если же следующий за *ѣ* слог „имеет мягкий гласный“, то в этом случае *ѣ* произносится как *іе*“, например, *грѣшенѣ*, *смѣшенѣ*, *желѣзенѣ*, т. е. [грѣшен] и др.⁴³ И. Момчилов, как видим, правильно связывает произношение разных гласных — 'а и е — на месте *ѣ* с характером последующего слога, точнее — с качеством гласного в этом слоге. Но он еще не обращает внимания на место ударения, хотя во всех приведенных им примерах ударение падает на слог с *ѣ*.

В цитируемой тут грамматике церковнославянского языка И. Момчилов не говорит прямо, что указанное двойкое произношение должно быть признано единственно правильным в болгарском литературном языке. Однако косвенные соображения заставляют предполагать, что он придерживался, видимо, такого имен-

⁴¹ Н. Геров. Стоян и Рада. Одесса, 1845, с. 14.

⁴² Там же.

⁴³ И. Момчилович. Писменница на славянский язык. Белград, 1847, с. 160.

но мнения. Во-первых, И. Момчилов указывает на двоякое произношение *ѣ* в новоболгарском языке вообще, а не в восточном его наречии. Во-вторых, ему, хотя он и был родом из Елены, было, конечно, известно только екавое произношение *ѣ* в западноболгарском наречии.

Примерно так же формулирует правило произношения гласных на месте *ѣ* и И. Добрович (1850 г.). Он, правда, говорит не о *ѣ* (эту букву, следуя чисто фонетическому правописанию, он не употребляет), а о „двугласной я“. Вот его правило: „Если при склонении (или производстве) какого-либо слова, имеющего двугласную я, после данного слога с я, следует слог с тонким гласным (*и, е*), то я изменяется на *е*, например: *слян, слѣни, постоян, постое́ни; пиян, пи́ени; даяк, дае́ци* (и производные: *хля́б, хлѣбен, хлѣбник; смя́х, сме́шен; вя́ра, ве́рен* и др.); если же следует слог с другой гласной, то я остается: *гря́х, гря́хове; хля́б, хля́бове; бря́е, бря́гове; Стоя́н, Стоя́нови, Стоя́на*.“⁴⁴ И. Добрович, как и И. Момчилов, еще не связывает произношение разных гласных на месте *ѣ* и с местом ударения. Кроме того, как следует из примеров (ср. *пиян — пи́ени, Стоя́н — Стсѣ́ни*), он устанавливает общее правило произношения „двугласной я“, т. е. и *ѣ* и этимологического *а*.

Отметим также, что на двоякое произношение *ѣ* — как *а* и *е* — указывал также и Т. Хрулев (Хрулювский), правда, без какой-либо попытки сформулировать правило такого произношения. Он просто отмечал, что *злитѣ* произносится как [злите], а *хлѣбѣ, снѣгѣ* как [хл'аб], [сн'аг].⁴⁵

Однако впервые правило двоякого произношения гласных на месте *ѣ*, учитывающее не только характер последующего слога, но и место ударения, было напечатано в „Грамматике болгарского языка“ А. и Д. Цанковых, изданной в 1852 г. в Вене на немецком языке. В этой же грамматике в соответствии с произношением гласных на месте *ѣ* в свиштовском говоре (родном говоре А. и Д. Цанковых) сформулировано правило произношения *ѣ* как *е* в зависимости от места ударения и характера последующего согласного или слога, а именно: 1) *ѣ* произносится как *е* под ударением или без ударения в случаях, когда в последующем слоге выступают *е, и, ѣ, я* (-'ѣ) или йотированные другие гласные (например, *ве́рен, ве́рни, пе́сен, ме́ри, пе́ни, плѣвни, бе́ли, бе́лило, бе́лина*) и 2) в случаях, когда слог, содержащий *ѣ*, оканчивается согласными *ж, ш, ч* или мягкими согласными (например,

⁴⁴ См. его статью „Българска язична“. — Мирозрение, 1850, слистак 3, с. 47.

⁴⁵ Т. Хрулювский. Буквар или начальное учение. Будин, 1850, с. X.

беж, прицѣждам, грѣшна, смѣшна, млѣчна). Исключение из этого правила составляет произношение 'а на месте ѣ в формах 1 и 2 лиц множественного числа имперфекта и аориста (*плетѣхми, плетѣхте; нѣхми, нѣхте*), а также произношение отдельных слов (*бѣгльо* и др.).⁴⁶

Нужно подчеркнуть, однако, что А. и Д. Цанковы указывают только те случаи, когда гласный 'а на месте ѣ (в их обозначении: ѣ) „изменяется в е“⁴⁷. Правило, которое бы определяло условия произношения самого гласного 'а на месте ѣ, ими не формулируется. Это, вероятно, объясняется тем, что гласные 'а и е, произносимые на месте ѣ, они обозначают двумя буквами (ѣ и е), а не одной буквой, разное произношение которой в различных условиях требовало бы соответствующего разъяснения, подобного тем, какие давались букве ѣ некоторыми из предшественников братьев Цанковых.⁴⁸

Сформулированное А. и Д. Цанковыми правило важно и тем, во-первых, что оно устанавливает произношение е на месте ѣ перед так называемыми мягкими слогами не только в ударном, но и в безударном положении (ср. *бѣли, вѣрен и бѣлыло, делѣ*).⁴⁸ Во-вторых, оно устанавливает произношение е на месте ѣ перед щипящими и мягкими согласными независимо от качества гласных в последующем слоге (ср. *грѣшна и грѣшен, млѣчен и млѣчна, надѣжба* и др.).⁴⁹

Однако общее правило двоякого произношения ѣ, ставшее известным широким кругам болгарских читателей, было сформулировано С. Радуловым в предисловии к книге „Нравоучение за дената“, изданной в 1853 г. в Одессе. С. Радулов устанавливает произношение 'а и е на месте ѣ в зависимости от места ударения и характера последующего слога. Вот его правило: „Буква ѣ, если она несет на себе ударение и за нею следует слог с твердым гласным а, о, у, ж, произносится как я, например, *вѣра, сѣно, побѣнжѣ* произносятся *вѣра, сѣно, побѣнжѣ*; если следующий слог имеет мягкую букву я, е, и или же ударение переходит на другой слог, тогда ѣ произносится как е, например, *прѣсенѣ, сѣмя, мѣста*, произно-

⁴⁶ А. и Д. К у г и а к С а н к о в. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, с. 2—3. Все болгарские примеры в этой грамматике передаются средствами латинской азбуки с использованием диакритических значков. Так, ѣ передается буквой ê, если на месте ѣ произносится 'а (*bêl, dêl*), и буквой е, если на месте ѣ произносится е (*beli, belilo, deli*).

⁴⁷ Там же, с. 2.

⁴⁸ В грамматике (стр. 2) отмечается и произношение и на месте безударного ѣ (*гнѣздѣ, мѣста, грѣховѣ*), но оно характеризуется только как локальное („in manchen Gegenden“) и потому не утверждается Цанковыми в качестве нормы литературного языка.

⁴⁹ Там же, с. 3.

сятся как *прѣсен, семе, местá*. В конце слова, когда *ѣ* находится под ударением, всегда слышится *я*, например, *добрѣ, злѣ* произносится *добра, зля*.⁵⁰

С. Радулов, таким образом, как и Цанковы, предлагает установить в литературном языке произношение *е* не только в ударном положении перед „мягкими“ слогами, но и в любом бузударном положении. С. Радулов не отмечает специально, какой гласный должен произноситься передщипящими под ударением и без ударения. Предложенное им правило, по-видимому, охватывает и произношение *ѣ* в данной позиции, которая, таким образом, не составляет исключения. Иными словами, по Радулову, *грѣшна, млѣчна* следует произносить с *'а*: [*гр'áшна*], [*мл'áчна*], а *грѣшенѣ, млѣченѣ* — с *е*: [*грéшен*], [*млéчен*].

Обращает на себя внимание и специально отмеченное С. Радуловым яковое произношение наречий типа *добрѣ, злѣ* как [*до-бр'á*], [*зл'á*].

С. Радулов (род. в Панагюриште) считал, что в основу литературного языка должно быть положено балканское наречие — наречие, простирающееся по „обеим сторонам болгаро-фракийского Балкана“, т. е. Старопланины, как якобы „более согласное с древнеболгарским“⁵¹.

Общее правило двоякого произношения *ѣ*, предложенное С. Радуловым в качестве литературной нормы, как и его особенности, касающиеся произношения гласных на месте *ѣ* передщипящим и в позиции конца слова, как раз и отражают то состояние данного звукового явления, какое характерно для этих говоров.

С мнением С. Радулова о двояком произношении *ѣ* согласился некто Михаил Серб, который отметил, что правила С. Радулова „совершенно справедливы“, хотя на первый взгляд они и могут показаться странными.⁵² Сам он, однако, все же допускал и иное произношение *ѣ* (см. ниже).

Правило двоякого произношения *ѣ* в зависимости от характера последующего слога, согласного и места ударения нашло отражение во всех грамматиках болгарского языка и в ряде статей (предисловий к разным книгам), изданных в 50—60-е годы. Так, Й. Груев в „Основах болгарской грамматики“ (I изд., 1858) писал: „Буква *ѣ* произносится как *я* в словах первообразных, когда

⁵⁰ С. Радулов. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, с. V.

⁵¹ С. Радулов. Там же, с. III.

⁵² См. его рецензию на книгу С. Радулова „Нравоучение за децата“. — Цариградски вестник, год. III, № 21, 16. V. 1853. Первоначально рецензия Михаила Серба, подписанная „М. С.“, была опубликована в газете Одесский вестник № 33, 21. III. 1853 г.

ударение падает на нее и за нею следует слог с твердым гласным, например: *мѣра, мѣсто, снѣгъ* и пр. произносятся *мяра, място, снягъ*. А когда ударение падает не на букву *ѣ* и слог после нее содержит мягкий гласный, *ѣ* произносится как *е*, например: *мѣста, мѣте, грѣхота* и др.⁵³ Такое же, в сущности, правило произношения *ѣ*, только в более пространной формулировке, устанавливает и Г. Миркович (1860): „Вообще *ѣ* произносится всегда как *я*, когда ударение падает на него и когда после него имеется *а, о, ъ* — *голѣмъ, голѣма, голѣмо*. Если одно из этих условий („случки“) изменится, то и *ѣ* изменяет свое звучание в *е*, т. е. если ударение переместится и последующий слог останется с одной из выше указанных букв или если ударение останется, а изменится буква в последующем слоге — *голѣмы, грѣхота*.“⁵⁴

Почти дословно формулировку Г. Мирковича несколько позднее повторяет Я. Кочов (1868).⁵⁵

В приведенном правиле Й. Груева и Г. Мирковича, а также и Я. Кочова, как видим, специально не указывается произношение *ѣ* перед шипящими и *ч*. Возможно, с их точки зрения произношение *ѣ* в данной позиции должно подчиняться общему правилу, т. е. *ѣ* под ударением и перед „твердым“ слогом произносится как *'а* (*грѣшина* как [гр'áшина]), а под ударением перед „мягким“ слогом и в безударном положении — как *е* (*грѣшенъ* как [грéшен], *грѣхота* как [грехотá]).

Более четким в этом смысле представляется правило, предложенное Т. Шишковым (1859 — 1860 г.), который специально отмечает якое произношение *ѣ* перед *ж, ш* и *ч* даже перед „твердым“ слогом. Вот его правило: буква *ѣ* произносится „как *я* (т. е. *'а* — Г. В.), когда *ѣ* стоит под ударением и в последующем слоге имеется твердый гласный (кроме *ы*) или *ѡ*“, например, *вѣра* — *вяра, бѣлъ* — *бялъ, бѣгамъ* — *бягамъ, хлѣбъ* — *хлябъ, мѣсто* — *място* и др.; буква *ѣ* произносится „как *е*, когда в следующем за ней слоге имеется мягкий гласный или *ь* и когда после *ѣ* следует *ж, ч, ш* даже и в сочетании с твердой гласной“⁵⁶.

Это правило в общем почти повторяет сформулированное двумя-тремя годами ранее правило Н. Михайловского (1857 г.), в котором, однако, опущен очень важный момент — указание на место ударения. Правило Н. Михайловского гласит: Буква *ѣ*

⁵³ Й. Груев. Основа за българска граматика. Белград, 1858, с. 116.

⁵⁴ Г. В. Миркович. Кратка и методическа българска граматика. Цариград, 1860, с. 51.

⁵⁵ Я. Кочов. Словосъчинение. Цариград, 1868, с. 47.

⁵⁶ Т. Шишов. За българската книга или за азбуката и правописањето на новобългарският език. — Български книжици, 1859, ч. 3, с. 729.

произносится „как я=ia, когда в следующем за ним слоге стоит твердый гласный (кроме *ы*) или *ѣ*“, и „как *е*, когда в следующем слоге стоит мягкий гласный или *ь*, а также, когда за ним следуют *ж*, *ш* даже и перед слогом с твердым гласным“⁵⁷.

Нет указания на ударность /безударность позиции и в правиле, содержащемся в одной из лучших до Освобождения Болгарии грамматике И. Момчилова (I изд., 1868): „Гласный *ѣ* имеет двоякое произношение: 1) как *я* произносится тогда, когда в следующем за ним слоге стоит твердый гласный, и в конце слов: *вѣра*, *мѣра*, *желѣзо*, *грѣхѣ*, *млѣко*, *бѣлѣ*, *сѣкѣ*, *бодѣхѣ*, *живѣхѣ*, *прѣдѣ*, *менѣ*, *тебѣ*, *горѣ*, *кадѣ* и др.; 2) как *е* — йотированное произносится тогда, когда в следующем за ним слоге стоит мягкий гласный или твердый в сочетании с одним из язычных („езичните“) *ж*, *ч*, *ш*, *щ*: *вѣренѣ*, *мѣрникѣ*, *желѣзенѣ*, *грѣшенѣ*, *живѣиѣ*, *грѣиѣ*, *грѣшка*, *млѣченѣ*, *млѣчокѣ*, *млѣчна*, *бѣлина*, *сѣченѣ*, *бодѣше*“⁵⁸. Как видно из приведенных примеров (к сожалению, в грамматике они указаны без знака ударения), И. Момчилов якавое произношение *ѣ* устанавливает не только в ударной позиции — в середине (*вѣра* — [в'ара] и др.) и в конце (*кадѣ* — [кад'а]) слов, но и в безударной позиции конца слов (*менѣ* — [мѣн'а], *горѣ* — [г'ор'а] и др.). Что касается екавого произношения, то оно, по Момчилову, должно иметь место в безударной позиции в середине слова (ср. *бѣлина* т. е. [белина]), в ударной позиции перед „мягким“ слогом (*вѣренѣ* — [вѣрен] и др.), а также перед *ж*, *ч*, *ш*, в том числе и перед *шт* (графически: *щ*) в любой позиции (*млѣчна*, *млѣченѣ* и *млѣчокѣ*, *грѣшка*, *грѣшенѣ* и *грѣиѣ*, т. е. [млѣчна], [млѣчен] и [млѣч'ок] и др. Как видим, И. Момчилов дает в целом довольно исчерпывающее общее правило произношения *ѣ*, которое, однако, ввиду отсутствия указания на место ударения, нуждается в известной расшифровке.

Близкое к изложенному правилу двоякого произношения предлагал И. Момчилов и несколько раньше (1865 г.), которое, однако, не устанавливало якавого произношения в конце слов.⁵⁹

Лишь немногие авторы допускали свободное, не регламентированное строгим правилом произношение *ѣ*. Так, упоминавшийся выше некто Михаил Серб, разделяя мнение С. Радулова о якавом

⁵⁷ Н. Михайловский. За новобългарския език. Цариградски вестник, год. VII, № 320 от 16. III. 1857 г. Конец фразыне совсем ясен из-за опечатки; ср.: „подирь нея стои *ж*, *ш*, ако щѣть ды и сѣ твърда гласна“.

⁵⁸ И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език. Изд. I. Русчук, 1868, с. 140—141.

⁵⁹ И. Момчилов. Грамматика за старобългарския език по сичкото му развитие. Вiena, 1865, с. 170.

и екавом произношении, отмечает вместе с этим, что македонские болгары *ѣ* произносят всегда как *е*. В связи с этим он считает желательным, чтобы и они писали „согласно с другими“, т. е. *ѣ*, а не *е* или *ia*, который ими „пусть произносится так, кому как хочется“ (кому как *е* драго).⁶⁰

В общем же можно сказать, что к 70-м годам правило дwoякого произношения *ѣ* стало общепризнанным в грамматиках болгарского языка.⁶¹ Их авторы были согласны в том, что *ѣ* — в зависимости от места ударения и характера последующего слога — должен произноситься дwoяко: как *'а* и *е*. Утверждение данного правила грамматик в качестве единой нормы литературного языка прямым образом связано с тем, что к этому времени уже вполне определенно установилась общая северо-восточно-болгарская диалектная база литературного языка. В восточном же наречии, как это отмечалось уже и в то время,⁶² на месте *ѣ* произносятся два

⁶⁰ См.: Цариградски вестник, год. III, № 121, от 16. V. 1853. В тексте рецензии Михаила Серба, опубликованном в „Одесском вестнике“, № 33 от 21. III. 1853 г., замечание о произношении *ѣ* македонскими болгарями и рекомендации рецензента по произношению *ѣ* отсутствуют.

⁶¹ В связи с правилом дwoякого произношения *ѣ* нужно отметить, что некоторые грамматисты указывали и правило, определяющее, где следует писать букву *ѣ*. Так, И. Груев устанавливал, что *ѣ* пишется там, где под ударением перед слогом с „твердым“ гласным слышится *я* (т. е. *'а*), если в других словах с этим же корнем без ударения вместо *я* слышится звук *с*. (И. Груев. Указ. соч., стр. 117.) Г. Миркович рекомендовал следующее правило проверки написания *ѣ* и *я*: если в слове, в котором под ударением и перед слогами с гласными *ѣ*, *а*, *о* произносится *я* (т. е. *'а*), а при изменении места ударения или гласного в следующем за *я* слоге произносятся *е* на месте *я* (*'а*), то следует писать *ѣ* (например, *сѣтъѣ*, *хлѣбѣ* и *сѣтъовнѣй*, *хлѣбнѣй* или, наоборот, *лѣковѣ*, *бѣлий* и *лѣкѣ*, *бѣлѣ*; если же гласный не изменяется (т. е. сохраняется *я*=*'а*), то следует писать *я* (Г. В. Миркович. Указ. соч., стр. 51). Почти дословно это правило повторяет Я. Кочов (Указ. соч., стр. 47—48). См. также: И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, стр. 143—144, где даны правила для определения правописания *ѣ* и *е*, *ѣ* и *я*.

⁶² Ср., например, правило произношения гласных *'а* и *е* на месте *ѣ* в восточноболгарских говорах, установленное Петко Славейковым: „В словах, в которых *ѣ* является окончанием или стоит перед слогами с *а*, *о*, *у*, *ѣ*, буква *ѣ* произносится как *ia* (т. е. *'а* — Г. В.), если же *ѣ* стоит перед *ж*, *ч*, *ш* или перед согласным, сочетающимся с *е*, *и*, *ю*, *ь*, то она произносится как *е*“. Например, конечный *ѣ* (*нынѣ*, *зимѣ*, *лѣтъѣ*) и *ѣ* перед „твердым“ слогом произносится как *'а* ([нин'а], [б'ала] и др.), а в положении перед *ж*, *ш*, *ч* (*сѣтъшенѣ*, *лѣчна* и перед мягким слогом (*бѣли*) — как *е* ([сѣмешен], [млѣчна], [бѣли] и др.). П. Славейков отмечает и такую особенность восточных говоров, как произношение *'а* на месте *ѣ* после *ц* (*цалувамѣ*, *цавти* и др.) и произношение приставки *прѣ-* в соответствии с общим правилом: *прѣкопѣ*, *прѣходѣ* как [пр'акоп], [пр'аход], но *прѣдѣлѣ* как [пред'ал], а также и на месте безударного *ѣ*, например, *прѣскачамѣ* — [прискачам] и под. См.: П. Славейков. Няколко думи за събирането и за езика на причити, стр. 208—209.

звука: 'а и е. Тот факт, что именно северо-восточное (точнее — балканское наречие) легло в основу литературного языка, объясняется, как известно, внеязыковыми причинами. С ними связано, в частности, то очень важное обстоятельство, что большинство писателей, грамматистов, книгоиздателей, редакторов газет и других образованных болгар, так или иначе участвовавших в формировании литературного языка, были родом из разных областей Восточной Болгарии и главным образом из городков и селений Стара-Планины и прилегающих к ней областей. В данном случае важно подчеркнуть тот факт, что почти все авторы болгарских грамматик и статей, в которых предлагается нормализация произношения *ѣ*, были уроженцами тех мест, где представлен северо-восточный тип рефлексов *ѣ*.

Нужно отметить также, что утверждению правила о двояком произношении, наверное, способствовало в известной мере и убеждение некоторых болгар в том, что именно такое произношение было свойственно древнеболгарскому языку. Авторитет же древнеболгарского языка в устройстве единых норм литературного языка был очень высок даже у тех, кто считал, что литературный язык должен базироваться на живом, народно-разговорном языке. Для них древнеболгарский язык, под которым нередко понимали церковнославянский, был также своего рода арбитром в решении спорных вопросов грамматики, лексики, орфографии и даже орфоэпии, когда значительные диалектные различия ставили в тупик кодификаторов единых норм литературного языка. Так, Неофит Рильский, устанавливая екавое произношение *ѣ*, ссылался только на соответствующее произношение *ѣ* в народной речи („доволно ни свидетелствува простото и общото произношение“), поскольку свидетельства старины о таком произношении *ѣ* ему были не известны.⁶³ Зато приверженцы двоякого произношения *ѣ* в болгарском литературном языке свое предложение нередко подкрепляли ссылкой на то, что и в древнеболгарском языке *ѣ* звучал двояко и что древнее произношение *ѣ* сохранилось и доныне в говорах Восточной Болгарии. Приведу один пример. В. Стоянов (1865 г.), доказывая необходимость буквы *ѣ* для азбуки болгарского литературного языка, писал, что *ѣ* „даже и по сей день сохранил то же самое свое звучание („звук“) в новоболгарском языке и именно в восточном наречии, где он слышится как *ia* и *e* в соответствии с известным положением“, в то время как „в македонском наречии *ѣ* слышится только как *e* и редко как *ie*“⁶⁴.

⁶³ Н. Р и л с к и. Указ. соч., с. 24.

⁶⁴ См. письмо В. Стоянова из Праги от 9 (19). VIII. 1865 г., опубликованное в газете „Вѣсток“, год. I, № 15 от 31. VIII. 1865.

Для установления единой нормы произношения *ѣ* в литературном языке чрезвычайно важно было то, что к 70-м годам даже некоторые уроженцы Западной Болгарии пришли к заключению о необходимости утвердить в нем именно правило двоякого произношения *ѣ*. Весьма характерным в этом отношении является мнение И. Ковачова, который уже в середине 70-х годов предлагал в основу литературного языка положить шопское (западноболгарское) наречие. Он отмечал, что в шопском наречии *ѣ* всегда произносится как *e* в отличие от *я* и *e* в балканском наречии. Учитывая, однако, что в македонском (например, в области Неврокопа) наречии встречается произношение *я*, И. Ковачов пришел к выводу, что звук *я*, должно быть, характерная черта болгарского языка⁶⁵. Поэтому *ѣ*, по его мнению, нужно произносить (в литературном языке) и как *я* (т. е. 'а). Это единственная уступка, которую он готов сделать балканскому и вообще восточному наречию в устройстве литературного языка на предложенной им шопской диалектной основе.

Пример И. Ковачова наглядно показывает, что правило двоякого произношения *ѣ* находило признание со стороны интеллигенции не только Восточной, но и Западной Болгарии и что оно прочно занимало место в ряду единых норм общеполгарского литературного языка.

Итак, правило только екавого произношения *ѣ*, предлагавшееся некоторыми уроженцами западных областей Болгарии, не нашло поддержки среди подавляющего большинства болгарских грамматистов и других представителей тогдашней интеллигенции. Почти во всех изданных в 40—60-е годы грамматиках и во многих статьях и других изданиях устанавливается двоякое произношение *ѣ* — 'а и *e* в зависимости от места ударения и характера последующего слога (согласного). Правда, зависимость эта, как видно из сказанного выше, не всегда ясно определялась, она во всяком случае всегда подразумевалась. Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что при полном единстве взглядов на общий характер, или тип., произношения *ѣ* (т. е. якавого и екавого), относительно произношения *ѣ* в отдельных положениях в слове мнения грамматистов расходились. Так, разное произношение — только якавое или екавое — устанавливалось для *ѣ* в позиции конца слова. Не было еще единого мнения и в отношении того, какой гласный должен произноситься на месте *ѣ* перед шипящими и *ч*. Нельзя не отметить и того, что сформулированные в грамматиках и дру-

⁶⁵ И. К о в а ч о в. Едно мнение върху общи език и по правописанне у нас. — Ден, год. I, № 17, 2. VI. 1875.

гих изданиях правила произношения *ѣ* носят, как правило, всеобщий характер, не допускающий каких-либо исключений в отдельных словах, и под.

Однако из того факта, что общее правило двойного произношения *ѣ* к 70-м годам прошлого века стало общепризнанным в болгарских грамматиках, отнюдь не следует, что якавое и екавое произношение к этому времени уже стало общей нормой литературной речи. В живой речи образованные болгары, носители литературного языка, продолжали еще следовать „норме“ родного диалекта в большей степени, чем регламентируемому грамматиками правилу. В частности, вряд ли есть серьезные основания полагать, что екавое произношение в речи образованных болгар — уроженцев Западной Болгарии — в это время стало вытесняться двойким произношением *ѣ* в соответствии в известным правилом.

Вопрос о *ѣ* еще многие десятилетия продолжал оставаться предметом ожесточенных споров как вопрос не только орфографии, но и орфоэпии.⁶⁶ Правда, уже в самом конце прошлого века раздавались голоса о том, что вопрос о произношении *ѣ* в литературном языке уже окончательно решен. Это, конечно, явное преувеличение.⁶⁷ Известно, что и в 20-е годы XX в. выдвигалось предложение о произношении *е* на месте *ѣ*,⁶⁸ которое не отвергал, между прочим, известный болгарский ученый Б. Цонев.⁶⁹

Нельзя сказать, что вопрос о литературном произношении *ѣ* не стоит и в настоящее время. Преимущественное внимание к *ѣ* в плане орфографии не могло не сказаться в том, что и теперь,

⁶⁶ Подробно история споров вокруг *ѣ* в конце XIX — первой половине XX вв. изложена в уже упоминавшейся монографии С. Стойкова „Ятовият изговор в новобългарския книжовен език“, стр. 11 и сл.

⁶⁷ Так, Л. Милетич писал в 1893 г., что „произношение *ѣ* в литературном языке уже настолько определено, что в орфографическом словаре можно точно указать, когда произносится *ia* и когда *e*“ (Л. М и л е т и ч. Нашата правописна реформа. — Български преглед, 1893, кн. I, с. 20). Более сдержанную и больше соответствующую действительному состоянию дела оценку давал в это же время М. Дринов. Он считал, что решить вопрос о правописании *ѣ* только в соответствии с литературным произношением нельзя, потому что „у нас нет, да и не будет скоро общего литературного произношения (М. Д р и н о в. Отговор на правописните въпроси, предложени от редакцията на „Мисъл“. — Мисъл, 1893, кн. 3, с. 709).

⁶⁸ С. С т о й к о в. Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език, с. 23.

⁶⁹ Б. Цонев писал, в частности, следующее: „И я не имел бы ничего против такого решения ятевого вопроса (т. е. заменить *ѣ* только на *е*. — Г. В.), если этим было бы достигнуто общее согласие наших книжников. Потеря в благозвучии была бы небольшая, так как звук *е* благозвучен, а, кроме того, в нашем литературном языке есть и без того достаточно звуков *a*, так что нет нужды в их большем числе“ (Б. Ц о н е в. Как да заменим старото *ѣ* в новобългарския книжовен език. — Развигор, бр. 20, 21. V.1921).

спустя почти сто лет, как в грамматике утвердилось мнение о двояком произношении *ѣ*, полного единства в таком произношении по существу нет. Несмотря на строго регламентируемые грамматиками и словарями правила написания и произношения *я* (*'а*) и *е* на месте *ѣ*, и в настоящее время среди части образованных болгар довольно широко распространено произношение *е* во всех положениях на месте *ѣ* и — гораздо реже — произношение *'а* перед слогом с гласными *е*, *и* (*бяли, голями*). Нет полного единства и во взглядах на норму произношения *ѣ* в конкретных случаях. Хотя большинство лингвистов, писателей, учителей и др. в принципе выступают за устанавливаемое в грамматиках правило в целом, однако отдельные голоса раздаются и в пользу большего расширения екавого или, наоборот, якавого произношения *ѣ*.⁷⁰ И теперь еще существует мнение, что не следует регламентировать строгое правило произношения *ѣ*. Выступая в дискуссии по вопросам орфографии в июне 1951 г., Л. Андрейчин говорил: „существовало прежде, а, *может быть*, и *сейчас еще существует* (курсив наш. — Г. В.) мнение, что не нужно устанавливать единое литературное произношение *ѣ*, а нужно предоставить свободу произношения *хляб* или *хлеб*, *някой* или *некой* в соответствии с навыком, унаследованным от соответствующей диалектной среды“⁷¹. Это предположение Л. Андрейчина нашло подтверждение в выступлении на той же дискуссии Х. Радевского, бывшего в то время секретарем Союза болгарских писателей. Х. Радевский говорил: „Я считаю также, что по вопросу о *якании* и *екании* конференция, подобная нашей, не может принять окончательного и обязательного решения. Мы не можем проявить диктатуру одного наречия по отношению к другому. Оказывается, огромная часть людей в Западной Болгарии говорит на *ѣ*: *млеко, хлеб* и т. д., а огромная часть в Восточной Болгарии говорит на *я*: *мляко, хляб* и т. д. На каких основаниях мы будем навязывать одно наречье другому?“⁷².

Таким образом, несмотря на то, что известное правило двоякого произношения *ѣ* утвердилось в грамматиках уже сто лет назад, вопрос о едином произношении гласных на месте *ѣ* в современном литературном языке еще не потерял своей остроты и актуальности.

⁷⁰ См. материалы дискуссии по вопросам орфографии в июне 1951 г. (Български език, 1951, кн. 1—2).

⁷¹ Л. А н д р е й ч и н. Основные проблемы на съвременния български правопис. — Български език, 1951, кн. 1—2, с. 37.

⁷² Български език, 1951, кн. 1—2, с. 105.

Первые болгарские грамматисты выступали за двоякое произношение этим. а после мягких согласных ('а, которое обычно передавалось буквой я): как 'а и как е. При этом они формулировали в общем такое же правило произношения 'а и е на месте этим. 'а, какое предлагалось ими и для ъ.

Одним из первых, кто устанавливал такое правило, был Г. Крыстевич (1844—1858). Он указывал, что буквы „ѣ и я имеют то сходство между собой, что они обе одинаково как я (т. е. 'а. — Г. В.) или как е произносятся в одних и тех же условиях“⁷³. Он считает, что согласный, обозначаемый буквой я, в болгарском литературном языке должен произноситься в зависимости от места ударения и характера последующего слога двояко, а именно: под ударением я „стоит и произносится я, т. е. ѣа (= 'а. — Г. В.), когда последующий слог связывается с гласным а, о, ѣ, у, ѡ и изменяется на е, когда следующий слог связывается, наоборот, с гласными е, и, і, ѡ, ѡ, ѣ“, например: [Стой'ан], [Стой'ана], [Стой'анчо], [Стой'ану], но [Стоѣне], [Стоѣни].⁷⁴ Как видим, правило произношения 'а под ударением у Г. Крыстевича совпадает с его же правилом ѣ (см. выше, стр. 179). Однако в положении без ударения на месте этим. 'а после мягких согласных гласный не изменяется, т. е. независимо от характера последующего слога всюду выступает гласный 'а ([п'ойаси] и др.)⁷⁵ в отличие от ѣ, который произносится, по Крыстевичу, в такой позиции и как 'а и как е.

Общее с ѣ правило произношения гласных 'а и е на месте этим. 'а устанавливал и И. Добрович (1850), связывая его с характером последующего слога (ср. *постоян, п'ян, Стоян, Стояна* и *постоѣни, пиѣни, Стоѣни*; ср. также и *даѣк*, но *даѣци*).⁷⁶ Что касается места ударения, то о нем И. Добрович в этой связи ничего не говорит. Нужно подчеркнуть, что И. Добрович был первым, кто рассматриваемое здесь правило изложил в печатном издании. „Письма“ Г. Крыстевича, как уже упоминалось выше, увидели свет немного позднее.⁷⁷

⁷³ Г. К р ѣ с т ѳ в и ч. Указ. соч., с. 326.

⁷⁴ Там же, с. 322—323.

⁷⁵ Нужно отметить, что в иллюстративном материале к изложенному здесь правилу произношения гласных на месте 'а Г. Крыстевич, как и многие другие авторы в подобных случаях, приводит и примеры с гласными 'а и е на месте ѣ, например, [гол'ам], [гол'ама], но [голѣми] и др. (Указ. соч., с. 323.)

⁷⁶ Мирозрение, 1850, с. 47. Полный текст правила см. выше, стр. 182.

⁷⁷ Грамматика И. Богорова (1844, 1848) по существу не устанавливает определенного правила. В ней лишь сказано, что в современном болгарском языке „в некоторых словах произносится *ia*, а в других *ie* или *e'*“, но последнее, видимо, относится только к словам с древним юсом малым. См.: И. А и д р е-

Общее правило произношения гласных на месте ъ и 'а формулируют в своей грамматике и братья Цанковы. Точнее говоря, они устанавливают правило произношения *йа* (*ja*), согласно которому *йа* произносится как *йе* (*e*) под ударением или без ударения в случаях, если в последующем слоге выступают гласные *e*, *и*, *ь*, *я* (-'ѣ) (например, *яма*—*еми*, *емичка*; *ям*—*едеи*, *едене*; *як*—*еки*, *заечен*; *паян*—*пиени*, *пиенец*; *Стоян*—*Стоене*). Важно отметить, что в грамматике Цанковых указано двойное произношение этим. 'а и после шипящих (*ж*): *жаба*—*жеби*, *жебичка*.⁷⁸ Правило и иллюстрирующие его примеры, однако, не устанавливают, какой гласный должен произноситься на месте 'а после других мягких согласных: [пол'áni] или [полéни] и т. п.

Не совсем ясно отношение к произношению 'а у С. Радулова, Й. Груева и некоторых других авторов. Дав достаточно развернутое правило произношения ъ, о букве я С. Радулов говорит, что она „в немногих словах слышится как е“ и что произношение этой буквы „не зависит ни от ударения, ни от последующего мягкого или твердого слога, и, если она произносится как е, то она сохраняет такое произношение во всех изменениях слова“⁷⁹. Приведенные примеры свидетельствуют, что, формулируя это правило, С. Радулов имеет в виду не только звук на месте этим. 'а после мягких согласных, точнее — после *й*, но и звук на месте юса малого, обозначаемого им тоже буквой я (*гядамъ*, *чядо*, *десять*, *девять*, *пять*, *память*, *чясть*, *языкъ*, *ячемыкъ* и под. должны произноситься с е: [г'лэдам], [ч'эдо] и т. д.). Что касается этим. 'а, то после *й* должен произноситься, по Радулову, е независимо от места ударения и характера последующего слова: *ягне*, *яйце*, *яремь*, *ярина* и др. произносятся как [эгне], [ейцэ] и т. д. Отметив произношение е лишь „в немногих словах“, С. Радулов, однако, не указывает каково произношение я в большей части слов, а именно в словах после других мягких согласных (не *й*), например: [пол'ána] (вряд ли [полéна]) и [пол'áni] или [полéни].

Сказанное в такой же мере относится и к Й. Груеву, который также буквой я обозначал и гласный на месте древнего 'а и гласный на месте древнего юса малого. Но, в отличие от С. Радулова, он указывал, что я „в большинстве случаев („повечето пъти“) произносится как е“, например, *чясто*, *пята*, *пять* произносятся [ч'эсто], [п'эта], [п'ет].⁸⁰ Екавое произношение, по-видимому, неза-

ов [Б о г о р о в]. Първичка българска граматика, с. 104, сноска; Първичка българска словница, с. 92.

⁷⁸ А. и. Д. К у г и а к С а н к о в. О р. с и т., р. 2—3.

⁷⁹ С. Р а д у л о в. У к а з. с о ч., с. VI.

⁸⁰ Й. Г р у е в. О с н о в а з а б ъ л г а р с к а г р а м а т и к а, I и з д., с. 117.

висимо от места ударения и характера последующего слога устанавливал Й. Груев и для древнего 'а (точнее, *йа*). Это видно из рекомендуемого им правила, разграничивающего употребление букв *ѣ* и *я*. Согласно этому правилу, буква *я* пишется там, где в безударной позиции и в позиции под ударением перед „слогом с твердым гласным“ слышен *е*. Так, в *яйце* и в *яйца* (как и в *мясницы* и *мясо*) *я* произносится как *е*: [ейцэ] и [ейца].⁸¹ Иными словами, на месте древнего 'а перед *й* независимо от места ударения и характера гласного в последующем слоге, по Й. Груеву, как будто произноситься должно только *е*. Трудно сказать, распространялось ли Й. Груевым правило екавого произношения *йа* на месте 'а и на такие слова, как *ясно*, *як*, *Стоян*, в которых — в отличие от иллюстрирующих это правило слов *яйце* и *яйца* — после *йа* следует твердый согласный. Ничего определенного не говорит грамматика Й. Груева и о произношении 'а после других (не *й*) согласных в словах типа *поляна*. Поскольку екавое произношение буквы *я* Й. Груев устанавливает не во всех словах с *я*, а лишь „в большинстве случаев“, то следует думать, что в остальных случаях, к коим могут быть отнесены указанные здесь слова *ясно*, *як*, *поляна*, он имел в виду якавое произношение.

Не совсем ясна позиция в данном вопросе и И. Момчилова. Он отмечает, что „я имеет слабо („меко“) йотированное произношение как слитное *йа*“, которое под ударением в начале и середине слов произносится „открыто“ („отворено“), т. е. как 'а, а без ударения и под ударением в конце слова — „несколько глухо“ („малко тьпо“), т. е. как 'ѣ (*умолявамъ*, *прѣстоявамъ*, *моя*, *свиня* и др.).⁸² Об изменении *я*, т. е. 'а (или *йа*), в какой-либо иной звук И. Момчилов ничего не говорит. Однако из правила, определяющего, где „звук *я* должен обозначаться буквой *ѣ*, а где *я*“, можно заключить, что он, вероятно, имел в виду только якавое произношение во всех положениях. Согласно этому правилу, букву *я* нужно писать в том случае, если в данном слове и в его производных обозначаемый ею звук, т. е. 'а, остается неизменным (ср. *постоянъ* и *сѣстояніе*, *ярость* и *разъяренъ*); если же он изменяется в *е*, то следует писать *ѣ*.⁸³ Но и И. Момчилов, как видно из сказанного, определяет, в сущности, якавое произношение этим. 'а только после *й*.

Г. Миркович, возможно, также считал, что на месте этим. 'а должен всюду произноситься 'а. Во всяком случае, букву *я*, в отличие от *ѣ* и некоторых других, он не причисляет к тем буквам,

⁸¹ Указ. соч., с. 117.

⁸² И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, с. 140.

⁸³ Там же, с. 143—144.

которые „больше всего вызывают затруднение“ в правописании и, надо думать, в произношении. Букву *я* он, очевидно, относит к числу тех, о которых сказано, что они „более или менее („много малко“) сохраняют свое звучание („своят си глас“) и никогда его не изменяют“⁸⁴.

По-видимому, только якавое произношение на месте древнего *'a* имел в виду и Я. Кочов. Он, правда, отмечал, что буква *я* в „большинстве случаев“ произносится как *е*, но это его утверждение относится, надо думать, к букве *я*, обозначающей у него гласный *е* на месте юса малого („чясто, пята произносятся често, петъ“). О якавом же произношении этим. *'a*, которое Я. Кочов как будто не ограничивал какими-либо условиями, может свидетельствовать рекомендуемое им правило проверки правописания букв *ѣ* и *я*.⁸⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех грамматиках не отмечается специально произношение гласных на месте этим. *'a* после шипящих и *ч*, хотя екавое произношение слов *жеби*, *шепки*, *чеши* и под. представляет собой особенность, в частности, балканского наречия — родного наречия многих грамматистов. Эту особенность восточноболгарских говоров отметил Петко Славейков, который писал (1859 г.): буква *я* „всюду слышится как *е*, но, если хорошо вслушаешься, как ее произносят неграмотные люди („безкнижните“), то увидишься, что существует одна небольшая, едва уловимая разница: в некоторых случаях буква *я* играет роль *ѣ* (т. е. произносится якаво и екаво. — Г. В.): *яба* — *жебы*, *чяша* — *чеши*, *ява* — *шеви*“⁸⁶. Любопытно в этом свидетельстве Славейкова то, что эта особенность присуща речи неграмотных людей. Из этого следовало бы заключить, что для речи образованных указанное им произношение слов с *е* было не свойственно.

На чередование *'a||e*, особенно после *ч*, *ж*, *ш*, *шт* как на особенность, присущую только восточноболгарскому наречию, указывал и В. Стоянов (1866 г.).⁸⁷

Все же надо отметить, что екавое произношение этим. *'a* после шипящих и *ч* иногда находило отражение и на письме. В. Христов (учитель из Ловеча), характеризовавший язык своего перевода „Краткой священной истории“ (1859 г.) как „гладкий и приятный на слух“, специально отмечал, что „в некоторых словах заменил *я* на *е*, как это требуется в нашем языке“ („тъй изискват в нашът

⁸⁴ Г. В. Миркович. Указ. соч., с. 49.

⁸⁵ Я. Кочов. Указ. соч., с. 47—48.

⁸⁶ П. Славейков. Няколко думи за събирането и за езика на причити, с. 209—210.

⁸⁷ V. Stojanov. Slovo o literárných pracích oněch spisovatelů bulgarských zvlášt', kteří prispěli a prispívají k zvelebení a ušlechtění naší národní řeči bulgarské. „Časopis Českého Muzea“, roč. XL, sv. 3. Praha, 1866, с. 282.

език“), например: *печеть, чеша, начелникъ*.⁸⁸ В. Христов не определяет точнее позицию, в которой имеет место замена я (т. е. 'а) на е, но из приведенных им примеров можно заключить, что такая замена происходит в позиции перед мягким согласным (соотв. „мягким“ слогом) после шипящих и ч (если ь в *печеть* обозначает мягкость согласного). В позиции перед твердым согласным (соотв. „твердым“ слогом) сохраняется я, т. е. 'а, например, *начало* (или здесь случайная опечатка вместо *начело*?). Ср. и примеры из текста предисловия: *оконченія, но жално, погрѣшавамъ, да се различава*.⁸⁹ Такому же правилу В. Христов, видимо, следует и при написании е на месте ѡа. Ср.: *приетель, приетенъ, но якъ*.⁹⁰

Из сказанного выше видно, что грамматисты середины XIX в. пытались сформулировать правило произношения гласных на месте этим. 'а фактически только в позиции перед ѡ, которое у одних (Г. Крыстевич, И. Добрович, А. и Д. Цанковы) полностью совпадало с правилом двоякого произношения ѣ, у других оно отличалось от последнего тем, что устанавливало как будто неизменное произношение одного гласного — е (С. Радулов, Й. Груев) или 'а (И. Момчилов, Д. Миркович, Я. Кочов и др.). Важно отметить, что в 60-е годы грамматисты, видимо, уже определенно склонялись к утверждению в литературном языке только якавого произношения этим. 'а. Это не соответствует состоянию данного явления в балканском наречии, где, как известно, характерно чередование 'а||е в зависимости от характера последующего слога (*поляна — полени, ясля — іесли* и под.).⁹¹ Вряд ли влияние западноболгарского наречия, в котором чередование 'а||е отсутствует, могло оказаться в это время столь заметным, чтобы грамматисты вынуждены были постепенно отказываться от присущего их говорам двоякого произношения этим. 'а. Причину этого следует, как нам кажется, искать в сильном влиянии церковнославянской орфографической традиции,⁹² в частности, в стремлении грамматистов к традиционному употреблению букв ѣ и я, которое должно было поддерживаться обозначением ими разных звуков (ѣ — 'а и е, я — только 'а или ѡа). Может быть, несоответствием между унаследованными из родного говора навыками двоякого произношения и стремлением разграничить употребление ѣ и я и объясняются (хотя бы отчасти) недостаточно определенные правила произношения этим. 'а во многих грамматических трудах того времени.

⁸⁸ См. предисловие В. Христова к кн.: Кратка свещена история за църквата на ветхия и нов завет. Букурещ, 1859, с. II.

⁸⁹ Там же, с. I, II.

⁹⁰ Там же, с. I.

⁹¹ С. Стойков. Българска диалектология, с. 73, 135.

⁹² Л. Андрейчин. Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, с. 159.

По вопросу о произношении безударных гласных грамматисты 30—60-х годов придерживались двух точек зрения. Одни считали, что в литературном языке гласные в положении под ударением и без ударения должны произноситься одинаково; иными словами, изменение безударных гласных („редукция“) не допускалось. Другие грамматисты, наоборот, утверждали, что в литературном языке следует закрепить различное произношение гласных под ударением и без ударения.

Начало первой точки зрения идет от Неофита Рильского. В своей грамматике Неофит говорит о „неправильном употреблении *и* там, где ему нет места“, а именно в безударном положении в разных слогах: вместо *ни можѣ, иди, речи, покажи, приграденѣ, направино, имахмы, придаватѣ* и под. надо писать *не може, иде, рече, покаже, преграденѣ, направено, имахме, предавамѣ* и под.⁹³ Неофит, правда, говорит здесь о том, что в этих и подобных примерах нужно писать, а не произносить *е*, однако вряд ли можно сомневаться в том, что он имел здесь в виду и произношение *е*, свойственное западноболгарскому наречию. Это следует из того, что в произношении других букв (например, *ѣ*) Неофит тоже ориентировался на современное ему западноболгарское произношение. В этом мнении его укрепляет и то, что в церковнославянском языке всюду в таких случаях стоит *е*.

На отсутствие „редукции“ в литературном языке указывал и С. Филаретов (1854 г.). Он писал: „Буквы *е* и *о*, перед какими бы буквами они ни стояли, всегда остаются без перемены в произношении“, например, *ледѣ, вода*.⁹⁴

За неизменяемое произношение гласных *е, о, а* выступал также П. Зографский (1857 г.), предлагавший, как уже отмечалось выше, в основу литературного языка положить македонское наречие, в котором „буква *а* всегда имеет полное и ясное произношение“, а *е* и *о* тоже не изменяются в отличие от „отрывистого и полугласного“ произношения, т. е. *ѣ* вместо *а*, а также *и* вместо *е*, и *у* вместо *о*, в собственно болгарском наречии.⁹⁵

⁹³ Н. Р и л с к и. Указ. соч., с. 27. Отметим, что Неофит был также и против закрепления в литературном языке произношения *е* на месте *и*, например: *намереха, крела, истенско, высочена* и под. вместо „правильных“ *намериха, крила, истинско, высочина* и под. (стр. 28).

⁹⁴ См. его предисловие к кн.: Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. Спб., 1854, стр. III. См. также: Болгарский собеседник. Спб., 1876, с. 2.

⁹⁵ П. З о г р а ф с к и й. Указ. соч., с. 37.

Однако большинство грамматистов и других книжников, как и в других случаях, отражая особенности восточноболгарского произношения, утверждало в качестве литературной нормы произношение в безударном положении *и* на месте *е*, *у* на месте *о*, а также *ѣ* на месте *а*.

Так, уже в грамматике Цанковых указывается, что безударное *а* произносится как *ѣ* (в их обозначении *й*), например: [слѣткѣ] или [слѣткѣ]; безударное *е* как *и* — [тѣли] или [тилѣ]; безударное *о* как *у* — [дѣдох] или [дудѣх]. В этой грамматике отмечено также произношение *и* на месте безударного *ѣ*, например, [гниздѣ], [мистѣ], [гриховѣ] и др.⁹⁶

Н. Михайловский указывал, что безударные *е* и *о* должны произноситься в литературном языке как *и* и *у*.⁹⁷ Произношение *и* на месте безударного *е* предлагал закрепить в литературном языке также и Хр. Сичан-Николов, например, *дай ти, принесети, земети*. Такое именно произношение, отмечал он, характерно главным образом для говоров Восточной Болгарии в отличие от произношения *е* (*дайте, принесете, земете*) в Западной Болгарии.⁹⁸ Он подчеркивал, что было бы хорошо, если бы такое произношение (так же, как и произношение *е* на месте *и*, например, *виемавам, истена, предавам* и др.) писатели ввели и в письменный язык, которое впоследствии через их произведения утвердилось бы и в устной речи („в произносительното слово“).⁹⁹ Хр. Сичан-Николов, правда, не останавливается подробнее на этом вопросе, поэтому остается неясным, предлагал ли он утвердить произношение безударного *е* как *и* во всех позициях и формах слов или же только произношение конечного гласного *е* в формах повелительного наклонения глаголов. Ничего не говорит он и о произношении безударных *о* и *а*.

По мнению Т. Шишкова, гласный *е* произносится как *и*, когда он „не имеет на себе ударения“ в середине слова (*систра, пиро, читѣ*) и в конце слова (*пили, слѣнци, пиши*). Гласный *о* в безударной позиции изменяется в *у* (*дубро, сладку, селуту*).¹⁰⁰

⁹⁶ А. и Д. Кугіак Сапкоf. Указ. соч., с. 2.

⁹⁷ Н. Михайловский. За новобългарския език. „Цариградски вестник“, год. VII, № 320, 16. III. 1857.

⁹⁸ Хр. К. Сичан-Николов. Грамматика или буквеница славенска. Цариград — Галата, 1858, с. V.

⁹⁹ Там же. Сам Сичан-Николов, однако, в написании безударных гласных, в том числе и *е*, своему предложению не следует и пишет их регулярно в соответствии с этимологическими принципами.

¹⁰⁰ Т. Н. Шишков. За българската книга. . . , с. 728—729; Първа храна на здравия чолешкий ум. Цариград, 1860, с. X.

Изменение безударных гласных *a*, *e*, *o* определенно регламентируется грамматикой И. Момчилова. Так, безударное *a* „произносится несколько глухо“ („малко тъпо“), т. е. изменяется в *ѣ* (*вада*, *махамѣ*), который слышится на месте *a* в конце слова под ударением (*вода*). Безударное *e* „произносится как *и*“ (*перо* = *пиро*, *земя* = *зия*, *име* = *ими* и др.), за исключением суффиксального *e* в прилагательных на *-енен*, *-есен* (*врѣмененѣ*, *тѣлесенѣ*). Безударное *o* „произносится как *у*“ (*лоза* = *луза*, *море* = *муре* и др.).¹⁰¹

Не вполне ясна в этом вопросе позиция Г. Мирковича. Возможно, он считал, что гласные *e* и *o* должны сохранять свое звучание. Во всяком случае, среди „гласных букв“, которые, по его мнению, „больше всего вызывают затруднение“ в правописании и произношении, *e* и *o* не фигурируют. Очевидно он относит их к числу тех, о которых говорится, что они „более или менее („много малко“) сохраняют свое звучание („своят си глас“) и никогда его не изменяют“¹⁰².

Ничего не говорится о произношении безударных гласных в грамматиках И. Богорова и Й. Груева. Петко Славейков отмечал „редукцию“ безударных *a*, *e*, *o* в говорах многих областей Болгарии, но свое отношение к литературной норме их произношения он не высказывает.¹⁰³

В целом, как видим, большая часть грамматистов середины XIX в. определенно высказывалась за утверждение в литературном языке редукции безударных гласных.

Произношение твердых и мягких конечных согласных

Вопрос о том, какой согласный — твердый или мягкий — должен произноситься на конце некоторых существительных мужского и женского рода, со старой основой на мягкий согласный, был предметом значительного внимания болгарских грамматистов, писателей и др. По этому вопросу прежде было две точки зрения. Одни грамматисты, писатели и др. выступали за произношение в литературном языке на конце указанной группы существительных только твердых согласных, другие — за произношение и мягких согласных. Мнения по этому вопросу высказывались обычно при описании правил употребления букв *ѣ* и *ь*.

Первая точка зрения ясно изложена в грамматике Неофита Рильского, который писал, что буквы *ѣ* и *ь* употребляются им

¹⁰¹ И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, с. 139—140.

¹⁰² Д. Миркович. Указ. соч., с. 49.

¹⁰³ П. Славейков. Няколко думи за събирането и за езика на причити, с. 207.

„не для различного произношения. . ., а как знаки правописания для различения слов, имеющих одинаковое звучание, но двоякое значение“, например: *кровѣ* и *кровь*, *перстѣ* и *персть*, *колѣ* и *коль*, *оуглѣ* и *оугль*, *ѣдѣ* и *ѣдѣ*.¹⁰⁴ Он отмечает, что различное произношение конечных согласных, свойственное языку „старого времени“, „у болгар теперь почти нигде не слышно“¹⁰⁵. Неофит, определенно следуя произношению конечных согласных в западно-болгарских говорах, предлагает, таким образом, и в литературном языке установить только твердое их произношение.

По-видимому, только твердое произношение конечных согласных имел в виду и В. Априлов. Это следует из того, что в предложенной им в известном циркулярном письме (1836 г.) азбуке, необходимой для литературного языка, буква *ь* отсутствует.¹⁰⁶ Впрочем, этот факт можно истолковать и как допущение двоякого произношения конечных согласных в одних и тех же словах.

Любопытно, что произношение только твердых конечных согласных утверждали в своей грамматике и братья Цанковы. Кажется, они были единственными из грамматистов восточноболгарского происхождения, придерживавшимися такой точки зрения. Они прямо писали, что „мягкие согласные древнеболгарского языка полностью утратили мягкость в современных согласных“, например, *зет*, *кон*, *цар*.¹⁰⁷

Большинство же грамматистов и других авторов в рассматриваемый период выступали за сохранение былых мягких согласных на конце существительных. Правда, по вопросу о том, какие именно конечные согласные должны произноситься и мягко, мнения их расходились.

Первым за утверждение в литературном языке мягких согласных высказался Г. Крыстевич. Он писал, что буква *ь* необходима в болгарской азбуке для передачи мягкости („тъньк глас“) в словах *царь*, *день*.¹⁰⁸ Г. Крыстевич, правда, не уточняет, выступают ли на конце, кроме *р* и *н*, и другие мягкие согласные.

Произношение мягких конечных согласных устанавливали И. Груев и И. Момчилов — авторы популярных в середине XIX в. болгарских грамматик. Й. Груев писал, что „буква *ь* в конце слова смягчает („омягчява“) согласную, при которой она стоит“¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Н. Рилски. Указ. соч., с. 40—41.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Мнение на Василий Априлов относительно просветата на народа (которое лишь совсем недавно было впервые опубликовано). — Известия на Архивния институт, 1959, кн. 1, с. 220.

¹⁰⁷ А. и Д. Кугиак Санкоф. Op. cit., p. 4.

¹⁰⁸ Г. Кръстьевич. Указ. соч., с. 326.

¹⁰⁹ Й. Груев. Указ. соч., с. 2.

Он отмечает, что такое „смягченное произношение“ согласных при *ь* „не является общим для всех областей“ Болгарии.¹¹⁰ Й. Груев, как и Г. Крыстевич, точно не указывает, какие из согласных „смягчаются“ буквой *ь*. По-видимому, он считал, что „смягченно“ произносятся все согласные, при которых стоит *ь*. Буква же эта, по его мнению, пишется после шипящих *ж, ч, ш* и в некоторых словах на *р, л, н* (например, *мъжь, орачь, кошъ, пастырь, учитель, конь*), „у всех имен женского рода с окончанием на согласную букву“, среди которых он указывает слова на *в* и *т* (*кръвь, пръсть, смръть, радость, кость*), у кратких форм прилагательных (*синь, долень*), в формах 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголов (*пишешъ, четешъ; пишѣть, четѣть*), у числительных (*пять, шесть, девять, десять, седѣть, осѣть*).¹¹¹ Из приведенных Й. Груевым слов, в которых пишется *ь* и в которых, следовательно, согласный перед *ь* должен произноситься „смягченно“, обращают на себя внимание формы 3 л. ед. ч. глаголов *пишѣть, четѣть*. Однако очень сомнительно, чтобы Й. Груев действительно считал, что конечный согласный в этих формах должен произноситься „смягченно“. Такое произношение не свойственно даже тем говорам, где сохранилась мягкость конечных согласных в именах существительных.

И. Момчилов также устанавливал произношение мягких конечных согласных в литературном языке. Говоря о произношении отдельных букв, он отмечал, что *ѣ, ь* „служат только для определения твердого или мягкого произношения конечной согласной: *плетѣ, пѣть, медѣ, мѣдъ*“¹¹². Он тоже не перечисляет, какие именно согласные являются мягкими, но из слов, приводимых в качестве примеров на *ь*, можно заключить, что, по его мнению, мягкими согласными, кроме *т* и *д*, были также *в* (*кръвь*), *н* (*прѣстень*), *р* (*пастырь*), *ч* (*пѣрчь*), *ж* (*надежь*: ср., однако, *мъжь* — с буквой *ѣ*, следовательно, с твердым *ж*). Только о заднеязычных *г, к, х* он говорил, что они всегда твердые („в окончанията приемат след себе си твърда гласна“).¹¹³ За сохранение мягких согласных в конце слов выступал и Н. Пырванов. Рассматривая правила орфографии, принятые в грамматике И. Момчилова, он отмечал, что нет необходимости в конечных *ѣ, ь*, поскольку они „не имеют никакого значения („мисъл“) в конце слов, кроме *ь* там, где нужно: *учитель*“¹¹⁴. По его мнению, в литературном языке конечными

¹¹⁰ Й. Груев. Указ. соч., с. 2

¹¹¹ Там же, с. 134—135.

¹¹² И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, с. 144.

¹¹³ Там же, с. 145.

¹¹⁴ Н. Пырванов [рец.]. Грамматика за новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. — Македония, год. II, № 24, II. V. 1868. Ср., впрочем,

мягкими должны быть только *л* и *н*, так как мягкость (Пырванов пишет: конечное *ь* „има глас“) на конце слов в болгарском языке имеет „повсюду только после *н* и *л*“, и в Болгарии нет такой области, где бы не произносились мягкие *н* и *л* (*конь*, *учитель*).¹¹⁵ Что касается других мягких согласных, то их, по мнению Пырванова, в литературном языке не должно быть; слова, которые обычно пишутся с *ь* на конце, должны, следовательно, произноситься твердо: *власт*, *радост*, *път*, *цар* и под.¹¹⁶ Правда, Н. Пырванов на этом не настаивал, считая, что окончательно этот вопрос должен быть решен учеными.

Несколько иную позицию занимал Петко Славейков. Он также считал, что в литературном языке на конце слов должны выступать и мягкие согласные, но, в отличие от Пырванова, полагал, что, кроме *л'* и *н'*, в нем должны быть также и *р'*, *т'* (других согласных он не указывает). П. Славейков писал, что „различия между *даръ* и *царъ*, *слонъ* и *конь*, *столъ* и *соль*, *мостъ* и *кость*, как и другие, существуют“, и в этой связи отмечал необходимость сохранения в правописании и конечных еров.¹¹⁷ П. Славейков исходит при этом из того, что в говорах большей части Болгарии,¹¹⁸ по его мнению, сохраняется такое различие, и поэтому „был бы большой произвол со стороны болгарских писателей, если бы они на том основании, что в некоторых местных наречиях это различие исчезло, захотели бы принудить и других подражать им“¹¹⁹. Правда, такой же произвол можно было бы усмотреть и со стороны писателей, настаивавших на сохранении конечных мягких согласных, в отношении тех, кто их утратил в своем родном наречии. По мнению П. Славейкова, спор этот должен быть решен в пользу сохранения мягких согласных, ибо мягкие согласные были в болгарском языке и прежде.¹²⁰

в другом месте его замечание о том, что слово *житель* „произносится без члена как *жител*“, т. е. с твердым *л*.

¹¹⁵ См. заметку Н. Пырванова под рубрикой „Книжевни разисквания“. — Македония, год. IV, № 72, 7. VIII. 1870.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См. редакционное примечание (П. Славейкова) к рецензии Н. Пырванова на четвертое издание „Основ болгарской грамматики“ Й. Груева в газете Македония, год. IV, № 61, 25. VI. 1870 г.

¹¹⁸ В одной из более ранних статей П. Славейков писал, что мягкое произношение („тънко-нямото изричание“) буквы *ь* (например, *царъ*), в отличие от твердого („дебело-нямото изричание“) произношения *ъ*, встречается в „некоторых местах“, в частности в районе Котела, Елены, Дрянова, Тырново (см.: П. С л а в е й к о в. Няколко думи за събирането и за езика на причитити, с. 208, 248).

¹¹⁹ См.: Македония, год. IV, № 61, 25. VI. 1870 г.

¹²⁰ Там же.

За употребление конечных мягких согласных выступали также В. Стоянов¹²¹ и другие грамматисты. Т. Шишков, например, называл знак *ь* в конце слов придыхательным и отмечал, что слова с *ь* в конце произносятся „тонко“, т. е. мягко. Такое произношение, по его мнению, в болгарском языке имеют конечные *д, т, л, н, а* также *б*.¹²²

На основании изложенного можно заключить, что в рассматриваемые десятилетия большинство болгарских грамматистов определенно склонялось к тому, чтобы в литературном языке сохранить существовавшее во многих говорах мягкое произношение конечных согласных. Лишь отдельные грамматисты, преимущественно уроженцы западных областей Болгарии, выступали за единое (твердое) произношение согласных в конце слов, опираясь на такое же произношение согласных в данной позиции в говорах этих областей. Нужно отметить также, что среди сторонников сохранения мягкости конечных согласных в литературном языке не было полного единства мнений по вопросу о самом составе конечных мягких согласных.

Произношение сочетаний ъ с р, л

В современном литературном языке существует правило, согласно которому гласный *ѣ* произносится перед или после плавных *р, л* в зависимости от характера слога и количества согласных, следующих за этими звуко сочетаниями. Правда, правило это имеет немало исключений, так что на практике, в живой речи, произношение *ѣр, ѣл* характеризуется значительными колебаниями.

В истории формирования литературного языка это правило утвердилось не сразу. О том, как следует произносить эти звуко сочетания, высказывались разные точки зрения. Нужно отметить при этом, что произношению *ѣ* с согласными *р, л* болгарские грамматисты середины XIX в. уделяли немалое внимание. Свидетельством этого может служить такой пример. М. Дринов советовал при сборе песен и других фольклорных материалов обращать внимание, наряду с членной формой, вызывавшей, как известно, особенно острые споры и разногласия среди грамматистов и писателей, также и на „полугласный звук при согласных *л* и *р* и отмечать точно, где именно он произносится: впереди них

¹²¹ См. письмо В. Стоянова, опубликованное в Вѣсток, год. I, № 15, 31. VIII. 1865.

¹²² Т. Шишков. За българската книга. . . , с. 727.

или после них¹²³. В общем, в середине XIX в. высказывалось две точки зрения на произношение этих звукосочетаний.

Одни грамматисты считали, что гласный *ѣ* должен всегда следовать за *р* и *л*. Такой точки зрения придерживались некоторые представители так называемой пловдивской школы. Наиболее последовательно она проводилась Н.Геровым. В решении этого вопроса он исходил из установленного им общего правила произношения сочетаний любого гласного с *л, р* между согласными в корне слов. Согласно этому правилу, любой гласный в корнях, содержащих три или более согласных звука, в том числе *л* или *р*, произносится после *л, р*.¹²⁴

Н. Герову, конечно, было известно, что звукосочетания *ѣ* с *р, л* не всеми произносятся одинаково. Он констатирует различное произношение разными лицами слов с корнем, содержащим *ѣ* (он пишет о гласных и буквах *ѣ, ъ*, передающих фактически один и тот же гласный) и согласные *л* и *р* в положении между другими согласными: одни произносят *ѣ* перед *л, р*, другие — после *л, р*. В этой связи Геров высказывает два предположения. Во-первых, возможно, сочетания *ѣ* с *р, л* в указанной позиции не соответствуют установленному им общему правилу, и гласный *ѣ* в этом положении произносится перед *л* и *р*, отличаясь, таким образом, от произношения сочетаний прочих гласных с *л, р* в таком же положении. В этом случае те, кто произносят *ѣ* после *л, р*, по мнению Герова, „отступили от свойства языка касательно этих гласных“ (т. е. гласного *ѣ*). Во-вторых, произношение сочетаний

¹²³ Божков [М. Дринов]. Писмо до българските читалища. — Македония, год. III, № 42, 3. X. 1869.

¹²⁴ Такие слова, как *гарванѣ, черный, червеный, червѣй, мургыи, делаа, желва, чирво*, в которых гласный произносится перед *л, р*, по мнению Н. Герова, не составляют исключения из этого правила, ибо перестановка местами гласного и согласного вызвана в них особыми причинами (например. *гарванѣ* образовалось из *гавранѣ, мургыи* из *мурѣ, чирво* из *чирѣ, а черво*, возможно, из *чрево* или *чрево* и под.). Любопытно замечание Н. Герова о произношении слов *гардж* вм. *града, пордавам*, вм. *продавам*, т. е. с метатезой согласного *р* и гласного *а* или *о*. Такое произношение якобы соответствует произношению турок, которые не могут в начале слова произнести два согласных. Н. Геров замечает, что „такое произношение — уже явное искажение“, так что никому не пришло в голову так писать эти слова (там же). См. его статью „Языковедение придири“. „Македония“, 1865, № 55 и в одном из последующих. В каком именно номере напечатано продолжение этой статьи, нам не известно, так как в экземпляре газеты, который мы смотрели в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, номер почему-то не указан. В этом именно номере текст статьи предваряет замечание: „Продолжение из № 55“. Номер 55 за 1867 г. в Библиотеке им. В. И. Ленина отсутствует.

Указанная здесь статья Н. Герова подписана его псевдонимом „Мушак“. Отметим, попутно, что в „Българска възрожденска книжнина“ (т. I, 1957) М. Стоянова эта важная статья Н. Герова в списке его трудов не отмечена.

л, р с гласным ъ не составляет исключения и также подпадает под указанное им общее правило и, следовательно, гласный ъ, как и другие гласные, произносится после л, р. В этом случае те, кто произносит ъ перед л, р, „отступили от общего правила“.

Чтобы решить, какое из этих предположений верно, Н. Геров обращается к древним рукописям. В них он находит, что в одних словах ъ, ь пишутся только после р, л, в других — и перед р, л и после р, л. Однако в рукописях, представляющих язык первых переводов священного писания и богослужебных книг, а также в других древнеболгарских рукописях, ъ и ь, по его мнению, всегда стояли после р и л, в отличие от рукописей писцов других славянских племен, где ъ, ь — в соответствии с наречием писцов — иногда стояло и перед л, р. Н. Геров и заключает, что „болгары и в старое время произносили буквы ъ и ь в таком строении слова после л и р“. На этом основании он делает вывод о том, что указанное правило произношения сочетаний ъ с л и р в положении между согласными в корне — это „общее правило не только для других гласных, но и для ъ и ь, и поэтому те, кто в таких словах произносят ъ и ь перед л и р, отступают от свойства языка“. Н. Геров полагает, что „правильнее и сообразнее со свойством болгарского языка — произносить и писать ъ (также и ь) после л, р между согласными во всех корнях, т. е. *дѣтъ*, *плѣстѣ*, *слѣза*, *врѣхѣ*, *прѣстѣ*, *трѣгѣ*, *крѣма*, а не *дѣлѣ*, *плѣстѣ*, *слѣза*, *врѣхѣ*, *прѣстѣ*, *трѣгѣ*, *крѣма* и др. Н. Геров считает, что такое правило определяется самим болгарским языком и что его наблюдения над современным болгарским языком не обнаруживают „ничего, что противоречило бы этому правилу“. Правда, он все же не был полностью в этом уверен.

Сомнения Н. Герова имели, конечно, основания. В конце 60-х годов он не мог не знать, что в болгарских говорах звуко-сочетания ъ с р, л между согласными произносятся по-разному. Собственно, он и сам в одном месте прямо указывает, что двоякое произношение — *ѣр*, *ѣл* и *рѣ*, *лѣ* — явление новое, т. е. присутствующее именно современному болгарскому языку. Поэтому установленное им строгое правило произношения ъ после р, л в корнях указанного типа по сути дела не находило опоры в тогдашнем состоянии живого болгарского языка. Это чувствовал и сам Н. Геров, раз он допускал возможное существование „такого, чего мы не имели случая услышать и узнать или чего мы не познали и не поняли“, и в связи с этим призывал других высказаться по этому вопросу, чтобы „решить окончательно, как лучше писать такого типа слова“.

Предложенное Н. Геровым правило произношения звуко-сочетаний *ѣ* с *р*, *л* было обусловлено, как нам кажется, не столько его незнанием реального произношения этих сочетаний в других болгарских говорах (в говоре Копривштицы, родном говоре Н. Герова, действительно в указанном положении *ѣ* произносится после *р*, *л*), сколько принятой им системой традиционного этимологического правописания. Полагая, что в древнейших переводах, авторами, которых были болгары, *ѣ* и *ь* регулярно писались и произносились после *р*, *л*, Н. Геров считал, что так нужно писать и произносить и в современном болгарском литературном языке.

Произношение *рѣ*, *лѣ* устанавливал для литературного языка и Й. Груев — другой видный представитель пловдивской школы. Он, правда, не приводил развернутых доказательств, отметив лишь, что „в большинстве мест“ Болгарии гласный *ѣ* „ставят между двумя согласными“, т. е. перед *р*, *л* (*българинѣ*, *дѣлго*, *крѣвь*, *сърдце*), а в некоторых местах — после *р*, *л* (*българинѣ*, *дѣлго*, *крѣвь*, *сърдце*). Й. Груев избирает второй тип произношения, мотивируя это тем, что в древних рукописях *ѣ* и *ь* писались после *р*, *л*.¹²⁵ В соответствии с этим он также последовательно пишет *рѣ*, *рѣ* (и *рѣ*) и *лѣ* (и *лѣ*), например: *крѣвь*, *крѣстѣ*, *прѣстѣ*, *трѣнѣ*, *трѣба*; *българкамѣ*, *плѣно*, *дѣлго* и др. Естественно, что Й. Груев опирался при этом и на соответствующее произношение *ѣ* с согласными *р*, *л* в его родном, копривштенском, говоре.

Еще ранее о том, что в литературном языке следует произносить *рѣ*, *лѣ* (*българинѣ*, *вѣщи*, *мѣчание*, *сърдце* и под.), писал Б. Петков. Он основывался на том, что, во-первых, в старых рукописях *ѣ*, *ь* пишутся после *р*, *л*, и, во-вторых, так (т. е. *рѣ*, *лѣ*) „во многих местах говорят“¹²⁶. Произношение же *ѣр*, *ѣл* Б. Петков оценивает как неправильное, несмотря на то, что оно представлено „во многих местах Болгарии“¹²⁷.

В самом начале 70-х годов за произношение только *рѣ*, *лѣ* выступил некто Бичов, по мнению которого различие между фракийским и старопланинским (балканским) наречиями сводится только к разному произношению этих звуко-сочетаний. Бичов полностью поддержал мнение Н. Герова, не выдвинув в его защиту никаких новых аргументов. Он, вслед за Геровым, указал лишь на то, что в староболгарском языке *ѣ*, *ь* писались после *р*, *л* и что все другие гласные в болгарском языке якобы следуют за этими согласными (*право*, *врата*, *просто*, *врѣмя*, *прѣтѣ* и

¹²⁵ Й. Груев. Указ. соч., с. 132—133.

¹²⁶ Б. Петков. За българският язык. — Цариградски вестник, год. VII, № 344, 31. VIII. 1857.

¹²⁷ Там же.

и др.). Он отметил также, что *ѣ* в некоторых местах и сейчас „правильно“ произносятся после согласных, а те, кто произносят его перед согласными (*дърво, върви ѣ*), отступили от „коренного языка“¹²⁸.

Изложенное выше правило произношения звуко сочетаний *ѣ* с *р, л* только как *рѣ, лѣ* во всех случаях встретило возражения многих грамматистов и других авторов середины XIX в. И. Богоров это правило даже высмеял в специально составленном им диалоге между учителем и учеником на экзамене в Габровском училище, в котором он иронизирует по поводу „нашего пятнадцатилетнего прогресса в просвещении“:

„Учитель: Скажи пример правильного произношения по-болгарски („български“).

Ученик: *Плѣненѣ, прѣжаво, дръво, гегали* и пр.“¹²⁹

В другом месте И. Богоров связывал с очевидной иронией написание *ръ*, например, *Тръново*, вместо *Тѣрново* — в изданиях И. Груева и некоторых других авторов — с якобы наступившим „пребольшим преобразованием“ в болгарской письменности, в результате которого чуть ли не каждый волен писать и читать не слева направо, а наоборот. Что касается названия города Търново, то, указывая на, еще не известное, согласятся ли жители этого города называть себя *тръновци*.¹³⁰

Большинство грамматистов и других деятелей Возрождения выступило за двойное произношение рассматриваемых звуко сочетаний: *ѣр, ѣл* и *рѣ, лѣ*.¹³¹ При этом они не устанавливали определенного правила произношения — в одних случаях только *ѣр, ѣл*, в других только *рѣ, лѣ*, считая, видимо, что допустимы („правильны“) оба типа произношения. Так, двойное произношение рассматриваемых звуко сочетаний, не регламентируемое каким-либо правилом, устанавливал, по-видимому, И. Стоянов (1844 г.). Излагая особенность своего правописания, он писал, что „*ѣ* и *ѣ*, сочетаясь с согласными *л* и *р*, могут свободно ставиться („имат си свобода да ся местят“) и перед согласным и после него,

¹²⁸ Б и ч о в. Язикословни разисквания. — Македония, год. V, № 22, 1. VI. 1871.

¹²⁹ И. Б о г о р о в. Второ упътване за българский език, с. 6.

¹³⁰ См.: „Книжевен дневник“. Български книжици“, год. I, 1858, ч. 3, с. 39.

¹³¹ Только один неизвестный автор считал, что гласный *ѣ* должен предшествовать плавному, кажется, во всех случаях, потому что якобы так именно народ говорит в большинстве городов и сел, например, *българе*, а не *блългаре* и „человеку легче произнести *българинѣ, изпълневамѣ*, чем *блългаринѣ, исплълневаяѣ*“ (См. статью: Собственно за имя *българин*. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 3, с. 203).

например: *дълженъ*, и *длъженъ*, *тълстъ* и *тлъстъ*, *кърстъ* и *кръстъ*, *смъртъ* и *смрътъ*¹³². Также и И. Богоров указывал (1844 г.), что место *ѣ* в болгарском языке в сочетаниях с *р*, *л* в некоторых словах может изменяться: *трѣнъ* — *тѣрнъ*, *дѣлѣдѣжъ*, *бѣлгаринъ* — *блѣгаринъ*.¹³³ Правда, И. Богоров говорит о произношении *ѣр*, *ѣл* и *ѣрѣ*, *лѣ* лишь в некоторых словах и не предлагает общего правила их произношения.¹³⁴ Впервые же общее правило двоякого произношения рассматриваемых звуко-сочетаний было дано в грамматике Цанковых, где оно сформулировано следующим образом: „Если гласный *ѣ* в сочетании с двумя согласными, из которых последним является *л* или *р*, образует один слог, то он ставится перед или после *л* и *р*“¹³⁵, например: *блѣгарин* и *бѣлгарин*, *блѣхъ* и *бѣлхъ*, *глѣтѣк* и *гѣлтѣк*, *слѣзѣ* и *сѣлзѣ*, *влѣк* и *вѣлк*, *влѣнѣ* и *вѣлнѣ*, *длѣжинѣ* и *дѣлжинѣ*; *срѣбин* и *сѣрбин*, *грѣк* и *гѣрк*, *брѣс* и *бѣрс*, *врѣбѣ* и *вѣрбѣ*, *грѣди* и *гѣрди*, *прѣви* и *пѣрви*, *прѣт* и *пѣрт*, *смрѣт* и *сѣрт* и др. Как видно, Цанковы формулируют правило произношения *ѣр*, *ѣл* с *рѣ*, *лѣ* как в односложных, так и в многосложных словах, однако только для тех случаев, когда группы звуко-сочетания *ѣ* с *р*, *л* оказываются в положении перед одним согласным. Как должны были произноситься эти звуко-сочетания в позиции перед двумя согласными, Цанковы не отмечают.

В таком же духе о произношении *ѣ* в сочетании с *р*, *л* говорят Г. Крыстевич (*бѣлгаринъ* и *блѣгаринъ*, *гѣркъ* и *грѣкъ* и др.)¹³⁶ и Н. Михайловский (*вѣлкъ* и *влѣкъ*, *бѣрзамъ* и *брѣзамъ*)¹³⁷. По-видимому, двоякое произношение допускали в одних и тех же словах Л. Каравелов (*кѣрстъ* и *крѣстъ*, *кѣрвь* и *крѣвь*)¹³⁸ и К. Попов, причем последний и в словах перед двумя согласными (*щѣркъ* и *щрѣкъ*, *сѣрдце* и *срѣдце*)¹³⁹.

¹³² См. его послесловие к кн.: Православно учение или сокращенно хри-стианско богословие. Цариград, 1844, с. 229.

¹³³ И. Б о г о р о в. Първичка българска граматика, с. 13, 105.

¹³⁴ Позднее И. Богоров несколько изменил свою точку зрения, ограничив число слов с двояким произношением рассматриваемых звуко-сочетаний. В частности, он отверг произношение *блѣгарин* как узко локальное (см. И. Б о г о р о в. Упътване за българският език, с. 6). Отметим попутно, что произношение слова *българин*, самоназвания болгар, было предметом интересного и продолжительного спора, заслуживающего самостоятельного изучения.

¹³⁵ А. у. Д. К у г и а к С а п к о ф. Op. cit., p. 4.

¹³⁶ Г. К р ѣ с т ѡ в и ч. Указ. соч., с. 337.

¹³⁷ Н. М и х а й л о в с к и й. За новобългарския език. — Цариградски вестник, год. VII, № 320, 16. III. 1857.

¹³⁸ Л. К а р а в е л о в. Българска книжнина. — Българска пчела, год. II, № 3, от 16. VI. 1864 г. См. также его „Памятники народного быта болгар“ (М., 1861, с. V).

¹³⁹ К. П о п о в. Книжевност. „Българска пчела“, год. I, № 8, 19. VII. 1863.

Не формулировал строгого правила произношения сочетаний *ѣ* с *р*, *л* и Г. Миркович (1860 г.). Он указывал, что *ѣ*, *ѣ* пишутся „перед или после“ *л* и *р*. Правда, из примеров как будто следует, что перед одним согласным, по Мирковичу, писалось (и произносилось?) *ѣл*, *ѣр*: *Бѣлгария*, *сѣлма*, *сѣрце*, *тѣркалямѣ*, а перед двумя согласными — *лѣ*, *рѣ*: *блѣскамѣ*, *крѣщавамѣ*.¹⁴⁰ Но это правило касалось не всех слов (ср. у него в тексте *крѣвь*, *смерть* на стр. 50 и др.).

И. Момчилов (1865 г.) также устанавливал двойное произношение: *плѣть*, *крѣвь*, *смерть*, *прѣвь* и *пѣльть*, *кѣрвь*, *смерть*, *пѣрвь*, считая, что современный язык свободно допускает („има свобода да тѣрпи“) *ѣ*, *ь* (т. е. звук *ѣ*) после *р*, *л* и перед ними.¹⁴¹ Такое же в общем правило предлагается им и в его известной грамматике новоболгарского языка (1868 г.), где он писал, что *ѣ*, *ь* употребляются „в середине слов чаще всего в сочетании с одним из предшествующих им или следующих за ними мягких согласных *л*, *р*“ и что они произносятся как „глухое а“ („тъпо а“), т. е. как *ѣ*.¹⁴² Из приведенных к этому правилу примеров видно, что в односложных словах перед одним согласным И. Момчилов определенно допускает двойное произношение, но, возможно, не для всех слов (ср. *пѣльть* или *плѣть*, но только *крѣвь*), а в односложных словах перед двумя согласными — как будто только *рѣ*, *лѣ* (*смерть*). В многосложных же словах И. Момчилов, судя по примерам, устанавливает только произношение *ѣр*, *ѣл* перед одним согласным (*смертьѣвь*, *кѣрвавѣ*, *гѣлчж*, *мѣлчж*) и *рѣ*, *лѣ* — перед двумя (и более) согласными (*гѣчка*, *мѣкнжѣ*).¹⁴³

Как видим, правила двойного произношения звуко сочетаний *ѣ* с плавными *р*, *л* придерживались в основном представители так называемой тырновской орфографической школы. Это правило носило общий характер и охватывало, вероятно, все случаи независимо от количества последующих согласных, хотя и иллюстрировалось, как правило, словами с *ѣр*, *ѣл* и *рѣ* *лѣ* перед одним согласным. Важно отметить при этом, что двойное произношение данных звуко сочетаний допускалось в одних и тех же словах, а не дифференцировано: в одних словах — *ѣр*, *ѣл*, в других — *рѣ*, *лѣ*. Иначе говоря, многие грамматисты середины XIX в. признавали в равной мере литературными орфоэпические дубликаты одних и тех

¹⁴⁰ Г. Миркович. Указ. соч., с. 49.

¹⁴¹ И. Момчилов. Грамматика за старобългарския език по сичкото му развитие, с. 177.

¹⁴² И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, с. 144.

¹⁴³ Там же, с. 144—145.

же слов (*българин* и *блъгарин*, *вълк* и *влѣк*, *бързам* и *брѣзам*, *крѣв* и *крѣв* и под.).

Любопытно, что, если сторонники единого произношения (только *рѣ*, *лѣ*) приводили доказательства в защиту именно такого произношения, то приверженцы двоякого произношения не прибегали к каким-либо особым доказательствам. Причину этого следует искать в том, что двоякое произношение было гораздо более широко распространено, чем только *рѣ*, *лѣ*, и это давало основание рассматривать его как более характерное для современного болгарского языка. К тому же многие грамматисты и авторы других изданий были родом из тех районов Болгарии, в говорах которых представлено именно двоякое произношение сочетаний *ѣ* и *р*, *л*. Это в конечном итоге и сказалось в том, что в современном литературном языке и установилось такое именно произношение.

(Сб. „Балканское языкознание“, М., „Наука“, 1973, с. 170—210)

К ИСТОРИИ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Возникновение нескольких слов (*часовник, бележка, вестник, сегашен, околност, разноски, чакалня, смет* и др.), прочно вошедших в словарный состав современного болгарского литературного языка, обычно так или иначе связывается с именем Ивана Богорова — известного пуриста прошлого столетия. Насколько основательно такое мнение в отношении слов *бележка, сегашен, разноски* и *часовник*, идет речь в настоящих заметках.

1. Бележка

Мнение о том, что *бележка* — одно из слов, созданных И. Богоровым, достаточно популярно, хотя оно и не разделяется всеми исследователями. О популярности такого мнения свидетельствует хотя бы тот факт, что „Краткая болгарская энциклопедия“ без всяких оговорок квалифицирует его как слово, созданное И. Богоровым.¹ Так же рассматривали его Б. Пенев,² М. Москов³ и, по-видимому, Ст. Стойков⁴. Более осторожно об этом высказывается Р. Русев, который считает, что *бележка* — слово, вероятно, созданное И. Богоровым.⁵ Л. Стойчкова относит *бележка* к народным словам, с помощью которых И. Богоров „удачно переводит ненужные и уродливые иностранные слова“⁶.

¹ „Кратка българска енциклопедия“, т. I. София, 1963, с. 258.

² Б. Пенев. История на новата българска литература. Т. III. С., 1933, с. 835.

³ М. Москов. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. С., 1958, с. 53.

⁴ См. предисловие Ст. Стойкова „Д-р Иван Богоров“ в кн.: И. Богоров. Избрани страници. С., [1944], с. XXVIII; Ст. Стойков. Иван Богоров и чуждите думи в българския език. — Език и литература, 1946, кн. 2, с. 12.

⁵ См. предисловие Р. Русева „Иван Богоров“ в кн.: И. Богоров. Избрани произведения. С., 1963, с. 11.

⁶ См. предисловие Л. Стойчковой к кн.: И. Богоров. Избрани съчинения. С., [1940], с. X.

Иную точку зрения совсем недавно высказал в своей диссертации К. Гутшмидт, который считает, что и само слово *бележка* и его значение 'знак, признак' были присущи народному языку и что поэтому создание этого слова „ни в коем случае нельзя приписывать И. Богорову“⁷. К. Гутшмидт основывается здесь на примерах со словом *бележка* из перевода И. Богорова „Робинзона Крузо“ („Чюдосинте на Робенсина Круссо“, Цариград, 1849) и на известном словаре Н. Герова, где это слово также зафиксировано. Однако этих данных, как нам кажется, недостаточно, чтобы существенно поколебать утвердившееся мнение о создании слова *бележка* И. Богоровым. По-видимому, не относят это слово к неологизмам И. Богорова и авторы „Болгарского этимологического словаря“⁸.

Указанные здесь разногласия относительно возникновения слова *бележка* уже сами по себе вызывают особый интерес к этому слову и заставляют более внимательно рассмотреть соответствующий материал.

Среди слов современного литературного языка, создание которых обычно приписывается болгарскому пуристу, слово *бележка* особенно интересно тем, что в произведениях, опубликованных до выхода в свет первых книг И. Богорова, оно, в отличие от некоторых других (например, *часовник*), как будто действительно не встречается. Тем не менее есть, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы не включать слово *бележка* в число неологизмов И. Богорова.

Нужно сказать, что *бележка* пять раз встречается уже в „Математической географии“, переведенной И. Богоровым и изданной в 1842 г. Во всех пяти случаях *бележка* имеет значение 'знак (зодиака)'⁹: „... Като различни животни дето се нахождат на него

⁷ K. G u t s c h m i d t. Studien zum Wortschatz der frühen bulgarischen Übersetzungsprosa. Berlin, [1966], S. 148 (потрапнитно издание).

⁸ В. Георгиев, И. Гълъбов, И. Заимов, С. Илчев. Български этимологичен речник. св. I. С., 1962, с. 41, где *бележка* (в статье на *белег*) указано без ссылки на И. Богорова. Ср. *деец*, (там же, св. V, 1966, с. 351, статья на *дея*), при котором в скобках указано „Богоров“. Это, видимо, означает, что, по мнению авторов словаря, слово *деец* сочинено И. Богоровым.

⁹ Ср. *знак (небесен)* и *зодия* в таком же значении в вышедшей в том же году книге Х. Сичан-Николова „Месецослов или календар вечний“: „Солнцето преминува круговидно (околесто) дванадесете *знакове* (белези) *небесни*, които се именуват *зодии*“ (стр. 41); „А солнцето докле да заобиколи сичките дванадесет *небесни знакове* или *зодии*“ (там же). Обращает на себя внимание то, что заимствованное из церковнославянского или русского языка слов *знак* Х. Сичан-Николов поясняет в первом примере народным словом *белег*. О том, что *знак* в то время нуждалось в пояснении этим словом, свидетельствуют и другие примеры; ср.: „Не подобава да ги отпоздравяваме напред догде они нам не дадат *знак (беляк)*“ („Славено-болгарское детоводство“, ч. I. Крагуевац, 1835, с. 22). Все примеры здесь и ниже передаются средствами современной болгарской графики.

и се наричат *бележки* на зодиякът. Тия *бележки* съ дванайсет“ (стр. 28); „Първите шест *бележки*. . . наричат се северни“ (стр. 29); „Слънцето стъпва в *бележката* на Овена 9-й Марта, а после. . . в другие *бележки* (там же).

Широко употребяется *бележка* в последующих произведениях И. Богорова. В значении ‘знак (препинания)’ это слово встречается в „Първичка българска граматика“ (1844): „За *бележките* почиванието“, „*Бележки* на почиванието, които са зимат в писмото, за да показват граматическите свързвания“ (стр. 108), питна *бележка* ‘вопросительный знак’ (стр. 109, 112), чудовна *бележка* ‘восклицательный знак’ (там же). В значении ‘знак, признак’ слово *бележка* 35 раз употреблено в книге „Чюдосиите на Робенсина Круссо“, изданной И. Богоровым в 1849 г.¹⁰ Немногим меньше случаев употребления *бележка* в таком же значении и в „Еничерете“ (1849 г.), например; „Дадох доста *бележки* на приятелството ми“ (стр. 80); „Явяванието ни ще е *бележката* за съсипванието на предавниците“ (стр. 217); „Неджип гледаше да ся развява бяла кърпа, която ся виждаше да я маха жена както *бележка* на него. Недотегна му, че тя *бележка* идеше от Ерминия“ (стр. 293) и под.

Как видим, уже в первых своих произведениях И. Богоров широко употребляет слово *бележка* в значении ‘знак, признак’. В современном литературном языке такого значения это слово не имеет.¹¹ Имело ли оно в 40-е годы XIX в. все значения, присущие ему в современном литературном языке, мы за недостатком материала сказать не можем, но некоторые из них в это и ближайшие десятилетия оно бесспорно уже имело. Например, а) значение ‘примечание, замечание’: „Ако той не измисляше. . . нови имена, както прилог, местоиме, свързка, сегашно, капка, питна *бележка*. . . , ако в *бележките* помещаваше и кавичките, граматиката му щеше да ся нарече по добра от колкото до сега“ (В. Априлов. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847 стр. 35; см. также „Любословие“, год. II ч. 22, 1846, стр. 154); в таблице под названием „Борсата в Цариград 1859 (струванието в каиме)“ есть графа для примечаний, озаглавленная „Бележки“ („България“, год. I, № 2 от 4/16 VI 1859); б) значение ‘заметка, небольшая статья’: „Виш в приключеная *белешка* что съм приуготовил за наш писменный язык за издания“ (Письмо Г. Раковского В. Манчову от 16. IV 1857; см. „Архив на Г. С. Раковски“, т. I. София, 1952 стр. 99); название статьи „*Бележка* на една Бурмова *бележка*“ („Турция“, год. II,

¹⁰ Несколько примеров из этой книги приводит в своей диссертации К. Гутшмидт (Ibid., S. 148).

¹¹ „Речник на съвременния български книжовен език“, т. I. С., 1955, с. 54.

№ 16, 17 от 23 и 30 X. 1865); „Следующите *бележки* ся намериха в джюздана на Петра Тодорова“ („Македония“, год. II, № 38 от 17 VIII 1868); в) значение ‘оценка (знаний, поведения учащихся)’: „Много добре би било, ако учителите бележат секи ден уроците и поведението на учениците и после тия *бележки* да ги подават на училищното настоятелство, което трябва. . . да посещава училището за да прегледва *бележките* от уроците и поведението на учениците“ („Македония“ год. II, № 15 от 9 III 1868) и под. См. также значение ‘замечание, выговор’, которое А. Дювернуа иллюстрирует примером из „Злочеста Кръстинка“ И. Блыскова (1870): „Тешко му припадаше, кога суровий ступанин на къщата му правеше някои безсмислени *бележки*“¹².

Некто П. К. Т. И., выступавший против употребления иностранных слов, предлагал заменить словом *бележка* слово *нота*. Обращаясь к П. Р. Славейкову, редактору газеты „Македония“, он писал: „Разве вы не видите что болгарин скорее поймет, что такое *правоведец*, а не *юрист*, . . . *проглашение*, а не *прокламация*, *бележка*, а не *нота*“ („Македония“, год. V, № 27 от 6 VII 1871). Здесь, впрочем, не ясно, что именно имел в виду пурист, предлагая такую замену: дипломатический документ, музыкальный знак или оценку знаний (балл).

Если согласиться с теми, кто рассматривает *бележка* как один из неологизмов И. Богорова, то следует признать, что это слово, начиная с 1842 г., во-первых, довольно быстро и широко распространилось в болгарском языке и, во-вторых, столь же быстро расширило круг своих значений. Хотя в принципе подобное развитие конкретного слова и возможно, в данном случае оно вызывает сомнение. Дело в том, что слово *бележка*, в случае его создания И. Богоровым в 1842 г., все же вряд ли смогло бы в течение менее двух десятилетий настолько распространиться, чтобы проникнуть даже в народные песни, как об этом свидетельствует пример из сборника песен Д. и К. Миладиновых (в песне из Кукушко): „Нел зароси ситна роса/, Та си изми *бележките*!/ *Бележките* църни кърви/, Що бележи дърво камен“ („Български народни песни“, Загреб, 1861, стр. 19). В этой же песне слово *бележка* употреблено еще раз несколькими строками выше, но оно передано с опечаткой — *беленки* вместо *бележки*: „По *беленки* път ке наидиш“ (там же).

Нужно иметь также в виду, что словотворчество и пурнистическая деятельность И. Богорова уже в середине XIX в. не находили поддержки среди большинства болгарских книжников. Не-

¹² А. Д ю в е р н у а. Словарь болгарского языка, вып. I. М., 1885, с. 80.

смотря на это, слово *бележка*, как видно из сказанного, имело широкое распространение, и это также заставляет с сомнением относиться к точке зрения тех, кто приписывает его создание И. Богорову.

Сказанное, разумеется, может лишь косвенно свидетельствовать о том, что слово *бележка* не было создано И. Богоровым. Бесспорным свидетельством этого могли бы явиться примеры употребления данного слова в тексте, написанном до выхода из печати первых книг И. Богорова. Таким текстом, возможно, является неопубликованный перевод Р. Поповича „Младаго Робинсона случая“¹³, в котором *бележка* встречается в значении ‘знак’: „Тогава той забележи онова място. . . с една драскалка, и та драскалка он наричал *бележка* пладненска, и после колкото пъти дохождала сянката на него място, сиреч на *бележката*, зная си, чи е совершенно пладне“ (т. II. стр. 41).¹⁴

В связи со сказанным необходимо обратить внимание и на то, что в современном сербо-хорватском языке употребляется *белешка* (*бильешка*), имеющее в общем тот же круг значений, что и болг. *бележка*.¹⁵ В словенском языке имеется *beleška*. Если болг. *бележка* создано И. Богоровым, то относительно с.-х. *белешка* (*бильшка*) и слов *beleška* следовало бы допустить, что они или а) заимствованы из болгарского, причем после издания „Математической географии“ в переводе И. Богорова, т. е. после 1842 г., или б) употребляются в них издавна и независимо от болг. *бележка*. Первое предположение явно несостоятельно. Слово *бильешка* в значении ‘ein Merk-blatt im Buche, nota’, приводится, например,

¹³ Этот перевод был сделан не позднее 1839 г. (См. письма Г. Крыстевича и З. Зографского в кн.: И. Снегаров. Принос към биография на Райно Попович. С., 1959, с. 143, 208). В 1840 г. перевод был заново переписан и послан для просмотра Неофиту Рилскому (Там же, стр. 232, 236), но он не был опубликован ни в 40-е годы, ни позднее. Сохранившийся текст перевода с титульным листом, на котором указан 1857 г. (см. Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. I. София, 1910, стр. 423), свидетельствует о том, что Р. Попович в этом году, вероятно, надеялся его напечатать. Поскольку неизвестно, подвергался ли переписанный в самом начале 40-х годов перевод последствии каким-либо изменениям или нет, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что Р. Попович употреблял слово *бележка* и в первоначальном тексте перевода.

¹⁴ Этот пример мне сообщил К. Гутшмидт (письмо от 10. VII. 1966 г.), за что приношу ему искреннюю благодарность. Сам К. Гутшмидт в упомянутой диссертации материал данного текста Р. Поповича почему-то не привлекает для доказательства того, что слово *бележка* не было создано И. Богоровым. Ср. с этим цитируемые им примеры со словом *часовник* из этого же текста. (К. G u t s c h m i d t. Ibid., S. 116).

¹⁵ См. „Речник српскохрватског књижевног и народног језика“, књ. I. Београд, 1959, с. 441.

во втором издании словаря Вука Караджича (1852 г.)¹⁶. Вряд ли можно доказать, что Вук Караджич или кто-либо до него, как и после него, заимствовали это слово из малоизвестных еще в то время произведений болгарских авторов, в том числе и И. Богорова, и что это слово за короткий срок смогло попасть даже в хорватские народные песни.¹⁷ Это же относится и к слов. *beleška*. Следует думать, что рассматриваемое слово появилось в сербо-хорватском и словенском языках независимо от болг. *бележка* и оно представляет собой, по-видимому, давнюю общеюжнославянскую лексему.

Распространенное мнение о том, что слово *бележка* было создано И. Богоровым, является заблуждением, источник которого лежит, как нам кажется, в известном критическом высказывании В. Априлова о языке первого издания грамматики И. Богорова. В. Априлов писал: „Если был он (Богоров. — Г. В.) не выдумывал, что, однако, не имеет никакого существенного неудобства, новых имен, как *прилог*, *местоиме*, *сврѣзка* (у Априлова здесь опечатка: ~~новы~~ *свѣзка* вместо *сврѣзка*. — Г. В.), *сегашно*, *капка*, *питна бележка*. . . , то его грамматика была бы лучше, чем есть теперь“¹⁸. В. Априлов, однако, имел здесь в виду выделенные слова как грамматические термины и возражал против этих слов (хотя этого прямо и не отмечал) именно как грамматических терминов, которыми И. Богоров заменял привычные для В. Априлова термины русской грамматики *местоимение*, *сѣюз*, *настоящее (время)*, *точка*, *знак (препинания, вопросительный, восклицательный)* и др. Но В. Априлов не выступает против слова *бележка* в других значениях. Более того, он сам употреблял его, причем в только что цитированной фразе, где он критикует И. Богорова и за слово *бележка* (болгарский текст этой фразы см. выше). Если бы В. Априлов ставил И. Богорову в упрек употребление этого слова вообще, а не как грамматического термина, то, надо думать, он и сам не употребил бы его.

¹⁶ В. Караджич. Српски рјечник и тумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. У Бечу, 1852, с. 26.

¹⁷ В вышедшем в начале 80-х годов словаре приводится пример на употребление *билешка* в хорватской песне. См.: „Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika“, d. I. Zagreb, 1880—1882, s. 53.

¹⁸ В. Априлов. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, с. 35; Любословие, год. II, 1846, ч. 22, с. 154, где, правда, примеры указаны в несколько ином порядке и точнее (*сврѣзка*, а не *свѣзка*). В обоих изданиях, однако, вместо *питна бележка*, как у Богорова (см. „Първичка българска граматика“, стр. 109, 112), ошибочно напечатано *питка бележка*, а в „Любословии“ даже с запятой между этими словами.

Однако позднее исследователи языка и творчества И. Богорова, опираясь на мнение его современника — В. Априлова, стали рассматривать перечисленные последние слова не как предложенные И. Богоровым грамматические термины, а как вообще созданные им слова-неологизмы. В этом отношении показательно, например, мнение Б. Пенева. Касаясь неологизмов И. Богорова и отношения к ним его современников, Б. Пенев писал: „Так, например, Априлов осуждал Богорова за слова *бележка*, *сврѣзка*, *сегашно*. . . Теперь эти слова для нас совсем обычны, совсем естественны, и нам даже в голову не приходит, что некогда они могли казаться смешными и невозможными“¹⁹. С. Стойков также отмечает, что В. Априлов якобы упрекал И. Богорова за „неудачные новообразования“, например, *бележка*, *врѣзка*, *сегашно*, которые в настоящее время являются „самыми обычными словами“²⁰. О том, что и С. Стойков, по-видимому, рассматривает *бележка* не как неудачно использованное болгарское слово в значении грамматического термина, а как вновь созданное И. Богоровым слово („новотворба“), говорит и отсутствие этого слова среди примеров, которыми С. Стойков иллюстрирует болгаризованные И. Богоровым русско-славянские грамматические термины.²¹ На В. Априлова ссылается также и Л. Стоичкова²².

Итак, слово *бележка*, как правильно подчеркивает К. Гутшмидт, не было создано И. Богоровым. Оно вошло в литературный язык, видимо, из народного языка. И. Богорова следует считать лишь первым болгарским книжником, употребившим его в печатном произведении. Переводя русск. *знак*²³ этим словом, И. Богоров, правда, придавал болг. *бележка* новые значения, в частности ‘знак (зодиака)’, ‘знак(препинания)’, ранее ему не свойственные. Любопытно, что именно эти значения не закрепились за словом *бележка* в литературном языке. Это, несомненно, свидетельствует о неудачной попытке болгарского пуриста придать слову *бележка* новые значения.

¹⁹ Б. Пенев. Там же, с. 835—836.

²⁰ См. предисловие С. Стойкова к кн.: И. Богоров. Избрани страници, стр. XXVIII; С. Стойков. Иван Богоров и чуждите думи в българския език, с. 12.

²¹ С. Стойков. Там же, с. 8.

²² Л. Стоичкова. Там же, с. X.

²³ Слово *знак* в народном языке встречается, кажется, только в Западной Болгарии. Ср. значение ‘камен кръст на оброчище’ — с. Ново село, Видинско (Т. Панчев. Дополнение на българския речник от Н. Геров. София, 1908, стр. 137); значение ‘поличба, знамение’ — в ихтиманском говоре (М. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — Българска диалектология, 1967, кн. III, с. 74).

2. *Сегашен*

Относительно происхождения слова *сегашен* в современном болгарском литературном языке также существуют разные мнения. Б. Пенев и С. Стойков относят его к числу новообразований И. Богорова, казавшихся в его время „смешными и невозможными, а в настоящее время являющихся совсем обычными словами.“²⁴ Л. Стоичкова рассматривает *сегашен* среди других народных слов, которыми И. Богоров якобы удачно переводил „ненужные и уродливые иностранные слова“²⁵. М. Москов характеризует *сегашен* как неологизм И. Богорова лишь в значении грамматического термина ‘настоящее (время)’, не приводя этому никаких доказательств.²⁶ Кто же прав?

Прежде всего следует сказать, что слово *сегашен* еще до начала книжной деятельности И. Богорова широко употреблялось в болгарском языке. Приведем лишь несколько ^{прикрепено} (из печатных изданий и писем 20—40-х годов прошлого столетия.

В объявлении, датированном 4 мая 1827 г., А. Кипиловский пишет: „И в *сегашните* времена тя може да ся почита за най-добрата История на нашият народ“ (см. Б. А н г е л о в. Рилска преравка на „История славеноболгарская“. София, 1966, стр. 138). Неоднократно встречается это слово в „Болгарской грамматике“ Неофита Рилского (1835 г.), например, „речи, в които в *сегашният* славенски язык стоят *е, о и у*“ (стр. 38) и в брошюре В. Априлова „Българските книжници“ (1841 г.): „*Сегашните* солунски жители“ (стр. 13); „в *сегашното* време“ (стр. 16) „*сегашното* просвещение“ (стр. 14) и др. Часто встречается *сегашен* в письмах болгар того времени, например: „Ланските ми мъдрувания отстоят. . . от *сегашните* (Писмо Н. Рилского от 9 XI 1838 — „Периодическо списание, кн. 25—26, 1888, стр. 59); „А що ме питате за *сегашното* ми состояние“ (Писмо А. Стояновича от 1 XI 1838 — „Училищен преглед“, 1906, кн. 7, стр. 724); „за вашето *сегашно* бедно состояние“ (Писмо З. Зографа от 7 XI 1838 — „Сборник на Българската академия на науките“, кн. XXI, 1926, стр. 193); „*Сегашният* экзамен е полгодишен“ (Писмо Н. Герова 21 XII 1840; см. „Из архивата на Н. Геров“, т. I. София, 1911, стр. 356); „Книга весма полезна за *сегашното* состояние на нашето духовенство“ (Писмо Н. Герова от 25. I. 1841 — Там же, стр. 330); „Когато

²⁴ Б. П е н е в. Там же, с. 835; С. С т о й к о в. Иван Богоров и чуждите думи в българския език, с. 12.

²⁵ См. предисловие Л. Стоичковой к кн.: И. Б о г о р о в. Избрани съчинения. София, [1940], с. X.

²⁶ М. М о с к о в. Там же, с. 53—54.

отишел *сегашино* кюстендилский просветитель Павел Сербин“ (Письмо Н. Христовича от 1. II. 1842 — „Сборник на Българската академия на науките“, кн. XXI, 1926, стр. 245). Р. Попович в книге „Христоишня или благонаравие“ (1837 г.) несколько раз употребляет *сегишния*, например, „Ами от *сегишните* (человеци. — Г. В.). . . да ли има някой да дума за това“ (стр. 33).

Приведенные примеры, составляющие лишь незначительную часть нашей коллекции, извлечены только из источников, написанных до выхода в свет первых книг И. Богорова. Отметим, что *сегашен* (*сегишен*) встречается и в гораздо более ранних источниках, например в Свиштовском дамаскине (1753 г.): в *сегашино* време (стр. 204), заради *сегишните* беда (стр. 316). Эти примеры с полной очевидностью свидетельствуют о том, что *сегашен* еще до начала книжной деятельности И. Богорова было вполне обычным и широко употребительным словом и что его нельзя характеризовать как „невозможное“ или „смешное“ в то время слово. Они также показывают, что нет оснований безоговорочно причислять *сегашен* к таким народным словам, которыми И. Богоров заменяет „ненужные и уродливые иностранные слова“.

Заслуга И. Богорова заключается в том, что он впервые в своей грамматике (1844 г.) использовал слово *сегашен* (точнее: *сегашино*) в значении грамматического термина: *сегашино* (време) вместо русского (и церковнославянского) термина *настоящее* (время). До И. Богорова в болгарской грамматической литературе использовался только термин *настояще* (время), точнее: *настояще* (время).²⁷ Этот же термин употребляют многие грамматисты и позднее — И. Груев, И. Момчилов, Д. Войников, С. Радулов, Т. Шишков, Т. Икономов и др.²⁸

Что же касается термина *сегашино време*, то первым после И. Богорова его употребил Е. Васкидович, который, объясняя значение форм настоящего времени, писал: „Когато кажа: аз скачам, секий

²⁷ Н. Р и л с к и. Болгарска граматика. Крагуевац, 1835, с. 122, 123 и др.; Х р. Д у п н и ч а н и н (П а в л о в и ч). Грамматика славено-болгарска. В Будиме, 1836, с. 20 и др. Весьма показательно то, что Н. Рилский, не употребляя *сегашино време* в качестве грамматического термина в своей грамматике широко использует это словосочетание в обычном значении 'теперь, сейчас', например: „Тия са речи турските обикновенни в Болгарията на *сегашино време*“ (с. 35), „Часть слова в языкат, която нито в столюдното произношение се употребява на *сегашино време*“ (с. 67). „Каквото що прават сичките народи на *сегашино време*“ (с. 70), „Ако и да искаха некои на *сегашино време* совсем да изостават *ы, и, ъ, ъ*“ (с. 31), „Речи турски и гречески, която са во употребление на *сегашино време*“ (с. 204) и др.

²⁸ Об употреблении термина *настояще време* в болгарских грамматиках XIX в. см. в статье: М. И в а н о в. По историята на нашата граматическа терминология. — Периодическо списание, 1903, кн. 64, с. 175 и след.

разумява, как аз в тая суца минута скачам, и това е *время сегашно*²⁹. В более широкий обиход этот термин стал входить только в конце XIX в. — грамматик Н. Пырванова, А. Теодорова-Балана и др.³⁰ Любопытно, что сам И. Богоров впоследствии предлагал вместо *сегашно време* употреблять *нинешно време*.³¹

В случае со словом *сегашен* мы сталкиваемся с тем же заблуждением, какое видели и в случае со словом *бележка*. Причина его лежит в уже цитированном выше критическом замечании В. Априлова относительно некоторых слов в первом издании грамматик И. Богорова. Однако В. Априлов возражал не вообще против слова *сегашен*, а лишь против употребления его в качестве грамматического термина вместо *настояще (време)*, хотя прямо это он и не говорил. Об этом лучше всего свидетельствует то, что сам В. Априлов слово *сегашен* употреблял в той самой брошюре, в которой критикует И. Богорова за выдуманные „новые имена“, в том числе и *сегашен*. Ср. хотя бы заглавие самой брошюры: „Мисли за *сегашното* българско учение“. Употреблял В. Априлов это слово и раньше (см. выше, на стр. 45, примеры из „Български книжици“), но тоже не в значении грамматического термина.

3. Разноски

А. Теодоров-Балан писал о слове *разноски*, что он был бы рад, если бы мог указать на какое-нибудь созданное им самим болгарское слово, которое бы имело такое же широкое распространение, какое имеет даже „среди хулителей Богорова созданное им слово *разноски*“³². А. Теодоров-Балан, таким образом, без всяких оговорок считает, что слово *разноски* придумано И. Богоровым. Такое же происхождение этого слова, ссылаясь на мнение А. Теодорова-Балана, не исключал и М. Москов.³³

Однако А. Теодоров-Балан ошибался. Слово *разноски* в первых произведениях И. Богорова, изданных в 1842 г., не встречается. Между тем это слово в его современном значении 'расходы' зафиксировано в одном объявлении А. Экзарха, датированном 24 сентября 1842 г.: „книгите еднош напечатани требува да ся продадат. . . за да въздадат написателю с лихва причиненните

²⁹ Е. Васкидович. Перва понятия за детинско употребление. Белград, 1847, с. 81.

³⁰ М. Иванов. Там же, с. 175 и след.

³¹ И. Богоров. Второ упътване за българский език. Виена, 1870, с. 6.

³² А. Теодоров-Балан. Български записи. С., 1956, с. 278.

³³ М. Москов. Там же, с. 53.

за напечатанието *разноски*³⁴. Это объявление было издано литографским способом³⁵ и было, надо думать, распространено среди болгар. Возможно, что его читал и И. Богоров. Разумеется, И. Богоров впоследствии мог ввести слово *разноски* в свои тексты независимо от объявления. А. Экзарха. Однако приведенный пример убедительно показывает, что, во-первых, слово *разноски* уже было известно болгарам до употребления его в сочинениях И. Богорова и, во-вторых, приписывать создание этого слова И. Богорову нет никаких оснований.

Возможно, что И. Богоров и сыграл известную роль в утверждении слова *разноски* в литературном языке, но это другой вопрос, который еще нуждается в специальном изучении на более широком материале. Прежде всего важно установить, когда впервые употребил это слово И. Богоров. Согласно имеющемуся у нас в настоящее время материалу, впервые он употребил его в приложенном к первому изданию грамматики словарике, где слово *разноска* указано как болгарское соответствие заимствованному из турецкого языка слову *харч* 'расходы, издержки' („Първичка българска граматика“, Букурещ, 1844). В форме единственного числа это слово, как известно, в современном литературном языке не употребляется. Во втором издании грамматики И. Богоров употребляет форму множественного числа *разноски*: „А на старецът не можа да даде никаква наука, колкото дето той сам си беше научил с големи *разноски*“ („Първичка българска словница“, Стамбул, 1848, стр. 107). Укажем также примеры из газеты „Цариградски вестник“, № 54 от 25. VI. 1849 г.: „Закони не дават всякому правдина да казва каквото мисли заради тях, какво заради *разноските* на хазната“³⁶; „Тие задържават поминочното и търговското действие, което лесно може да допълни загубата на войската от голямата *разноска*“³⁷.

Имеющийся материал позволяет утверждать, что в 50-е годы слово *разноски* встречалось довольно часто. Так, в одном лишь разделе „Съвременна летопис“ в № 1 журнала „Български книжици“ (1858 г.) оно встречается четыре раза: „Всяка гемия. . . бе дължна да плаща на местното правителство *разноски* не само за гемията, но и за стоката“ (стр. 4); „в възнаграждение за ония *разноски*“ (стр. 4); „. . . ередствата, с които ще ся посрещат *раз-*

³⁴ Цитирую по тексту объявления, изданному, В. Пундевым. См.: В. Пундев. Константин Огнянович. — Сборник на Българската академия на науките, 1942, кн. 36, с. 290.

³⁵ В. Пундев. Там же, с. 233.

³⁶ Цитирую по изданию: „Периодически печат преди Освобождението“, ч. 2, С., 1930, с. 19.

³⁷ Там же, с. 18.

носкити“ (стр. 6); „Отоманското правителство приема *разноските* им“ (стр. 18). Приведем еще несколько примеров из разных изданий 50-х годов: „И капитанат като ся одолжи да тегли *разноските* за връщането назад, не ще има дозволение нито в пристанището да влезе“ („Цариградски вестник“, № 255 от 17. XII. 1855); „Хюджетите може. . . да ся пратят на новийат сахибия, без да стават излишни *разноски*“ (Там же, № 264 от 18. II. 1856); „Хотя и да не ся е явило даже до сега толико спомоществувателех, колико може посрешна нуждня *разноски* за издаване тог лист“ („Българска дневница“, № 1 от 26. VI. 1857³⁸); „Султан Махмуд за да посрешне *разноските* и вознаграждението на войната. . . пусти низка монета“ („Български книжици“, 1858, ч. I, кн. 2, стр. 39); „По подир бяха създадени кайлета. . . , за да дадат на правителството средство да посрешне *разноските* на войната с Египет“ (там же); „На това имами живи еще доказателства последни севастополски съюзни бой, де толкова кръв ся проля и толкова *разноски* и пагуби станаха“ („Българска дневница“, № 5 от 12. X. 1860³⁹) и др. Однако, какова заслуга И. Богорова в столь широком распространении слова *разноски* в это десятилетие и позднее, трудно сказать. Нельзя исключать того, что это слово употреблялось в болгарском языке уже задолго до его первой известной нам письменной фиксации и было общезвестным для болгар. В связи с этим обращает на себя внимание то, что ни в одном из имеющихся у нас примеров слово *разноски* не сопровождается поясняющими словами, которые книжники того времени указывали нередко при мало известных и непонятных с их точки зрения словах.

4. Часовник

Относительно появления слова *часовник* 'часы' в болгарском литературном языке существуют разные точки зрения.

Наиболее распространено мнение, что слово *часовник* было создано известным болгарским пуристом XIX в. Иваном Богоровым (ок. 1820—1892). Это слово стало хрестоматийным примером для иллюстрации немногих неологизмов И. Богорова, прочно вошедших в словарный состав современного литературного языка. Еще Б. Пенев отмечал, что из большого числа созданных И. Богоровым неологизмов „все же несколько слов осталось и до настоящего времени. Так, например, слово *чакалня*, а также *часовник*. . . постепенно, незаметно усваиваются и уже не производят впечат-

³⁸ Цитирую по изданию: „Периодически печат преди Освобождението“, ч. 2, с. 30.

³⁹ Там же, с. 48.

ления.⁴⁰ Несколько позднее Ст. Стойков писал, что „несмотря на все ошибки, увлечения и крайности, пуристическая деятельность (Богорова. — Г. В.) не прошла, не оставив следов в словаре нашего литературного языка. Некоторые из его слов, например *часовник*, *чакалня*, *околност*, *молба* (русск. *прошение*). *вестник* и др., которые в свое время казались смешными и невозможными, в настоящее время являются ценным достоянием болгарского языка.“⁴¹ С именем И. Богорова связывает создание слова *часовник* в болгарском литературном языке М. Москов⁴². Эту жеточку зрения авторитетно подтвердила и „Краткая болгарская энциклопедия“, в которой говорится, что „большая часть слов, созданных Богоровым и предложенных им взамен иноязычных заимствований, неуместна, но от Богорова осталось в болгарском языке и несколько общеупотребительных слов: *бележка*, *чакалня*, *часовник* и др.“⁴³.

Менее категорически о создании слова *часовник* И. Богоровым говорит Р. Русев. Он отмечает, что благодаря Богорову в болгарском литературном языке утвердился ряд обычных в настоящее время слов, „среди которых имеются и сочиненные им самим, какими наверное являются“ и *бележка*, *чакалня*, *часовник*.⁴⁴ Относительно *часовник* Р. Русев далее добавляет, что это слово встречается до Освобождения Болгарии (1878) не только в произведениях И. Богорова, но под влиянием Богорова и в произведениях других авторов. „Если Богоров и не сочинил это слово, — замечает Р. Русев, — он, во всяком случае, его употреблял, а после Освобождения рекомендовал его употребление в „Чисто-болгарска наковалня“ („навий часовника“ вместо „навий сахатя“). . . .“⁴⁵

Р. Русев, таким образом, полагает, что слово *часовник*, возможно, и не было сочинено самим Богоровым, но в употреблении этого слова другими авторами до Освобождения Болгарии он усматривает влияние Богорова.

С именем Богорова связывает появление *часовник* в литературном языке и Л. Стоичкова. Однако, в отличие от упомянутых выше авторов, она квалифицирует его не как новообразование

⁴⁰ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. 3. С., 1933, с. 894.

⁴¹ Ст. Стойков. Иван Богоров и чуждите думи в българския език. — Език и литература, год. I, 1946, кн. 2, с. 11—12. См. также предисловие Ст. Стойкова к кн.: И. Богоров. Избрани страници. С., 1947, с. XXVIII.

⁴² М. Москов. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. С., 1958, с. 53.

⁴³ Кратка българска енциклопедия, т. I. С., 1963, с. 258.

⁴⁴ См. предисловие Р. Русева к кн.: И. Богоров. Избрани произведения. С., 1963, с. 11.

⁴⁵ Там же.

Богорова, а как народное слово, которое наряду с такими народными, по ее мнению, словами, как *чакалня*, *бележка*, *сегашно*, *сврѣзка*, Богоров ввел в литературный язык.⁴⁶ С этим мнением нельзя согласиться. Ненародный характер происхождения по крайней мере некоторых из этих слов очевиден. Что же касается *часовник*, то, как увидим ниже, не И. Богорову принадлежит заслуга введения этого слова в современный болгарский литературный язык.

Иную точку зрения высказал А. Теодоров-Балан. По его мнению, „слово *часовник* вместо турецкого *сахат* было создано в эпоху Каравелова—Ботева“⁴⁷. А. Теодоров-Балан, таким образом, не связывал появления слова *часовник* в литературном языке и его создание непосредственно с именем Богорова, а само появление этого слова в литературном языке он относил, вероятно, к 60—70-м годам XIX в. — годам творчества Л. Каравелова (1837—1879) и Хр. Ботева (1848—1876).⁴⁸

В действительности же слово *часовник* появилось в болгарском литературном языке раньше, чем принято думать. Впервые, насколько нам известно, оно употреблено в книге Христки Павловича „Разговорникъ греко-болгарскій за она, кои-то желаятъ Греческій языкъ да се научатъ“, изданной в 1835 г. В этой книге *часовник* (в членной форме: *часовник-о*) приведено как соответствие гр. *τὸ ὀρολόγιον* в словарной части (стр. 9) и дважды в следующем диалоге:

— Не знаете ли кой е часъ.

— Не мамъ тука *часовник-а* си.

— И азъ заборавахъ дома мой-а. Не отхожда добре мой-о: запре днесъ рано.

— Има близо пладне мнимъ.

— Сега предъ една минута удари общій-о *часовникъ*, обаче не го четохъ (стр. 49—50).

В первом случае словом *часовник* обозначены небольшие, карманные (может быть, даже дамские) часы, а во втором случае —

⁴⁶ См. предисловие Л. Стоичковой к кн.: И. Богоров. Избрани произведения. С., 1942, с. X.

⁴⁷ А. Теодоров-Балан. Нашът език. — Училищен преглед, год. ХLI, 1942, кн. 3, с. 305.

⁴⁸ Косвенным свидетельством того, что А. Теодоров-Балан относил создание слова *часовник* к этим именно десятилетиям, служит и указание его на перевод в 1863 г. русск. *карманные часы* как *малкитъ за въ пазуха часове* и на употребление *сахат* в значении 'часы' в повести В. Друмева „Нещастна фамилия“ (1873). В обоих случаях слово *часовник* еще не используется.

в сочетании с прилагательным *общий-о* — городские, вероятно, башенные часы. Важно при этом отметить, что в обоих случаях *часовник* не сопровождается поясняющими словами, которые мы нередко находим в болгарских изданиях эпохи Возрождения при непонятных или малопонятных, по мнению авторов книг, для читателей словах.⁴⁹ Это обстоятельство может служить косвенным доказательством того, что *часовник* уже в середине 30-х годов XIX в., вероятно, не воспринималось как новое, совершенно неизвестное и требующее соответствующего пояснения слово. В этой связи интерес представляет и сложное слово *часовникотворец* 'часовщик', употребленное в том же „Разговорнике“ Хр. Павловича в словарной части (стр. 13) и в следующем диалоге: Чия е тая къща? — Е на едного *часовникотворца* (стр. 71). Употребление Хр. Павловичем этого слова, в состав которого входит *часовник*, также может свидетельствовать о том, что *часовник* в то время не было, вероятно, для болгар новым словом.

В 40-е годы слово *часовник* уже употреблялось довольно часто. Так, лишь в одной книжечке „Психология или душесловие за оучение на дѣцата“ (Смирна, 1844), небольшой по объему (57 страниц текста в 16°),⁵⁰ это слово употреблено 44 раза в значении 'часы (вообще)' и 'дамские часики'. Приведем лишь несколько примеров: *Часовнико* треба да се навыва сось ключъ и има вънтрѣ затагалчица, коато обраца колелцата (12); Знаеш ли, мамо, когато ми показа малките онѣ нѣща въ *часовникатъ* (стр. 24); Но колелцата въ *часовникатъ* щѣха ли да се движатъ, ако ги не теглеше затагалчицата (стр. 28); Г. Анна оучи Иванча, какъ да навѣ *часовникатъ*, който го навы твърдѣ добръ (стр. 31). Дважды в этой же книжечке употреблено и производное *часовниче*: Какво хубаво *часовниче*! (стр. 11); Ахъ, да имахъ азъ таково *часовниче*, да ми показува часите! (стр. 11). Отметим, что переводчик этой книжки, как и Хр. Павлович, нигде не поясняет слово *часовник* другими словарными соответствиями. Употреблено слово *часовник* в книге „Снотолкователь болгарскій“ (Букурещ, 1844): *Часовникъ* (сахатъ) ако санувашь, значи сокращение на живота (стр. 38). Слово *часовник* встречается также в книге „Перва понятия за детинско употребление“ (Белград, 1847), переведенной

⁴⁹ Ср., например, в этом же „Разговорнике“ в разделе „Сокращенна болгарска история“: *флота* с пояснением в сноске „войска, що-то была сось корабли“ (стр. 96), *инокъ* с пояснением в скобках „калугерь“ (с. 99).

⁵⁰ Автор перевода этой книжечки с греческого языка точно неизвестен. По мнению одних (Н. Начов, М. Стоянов), перевод этот был сделан Ботьо Петковым, по мнению других (И. Шишманов), — К. Фотиновым.

с французского языка Эм. Васкидовичем: — Ако пакъ видите нѣкой укаченнѣй *часовникъ* на кого-то минутопоказательтъ и часопоказательтъ добропорядочно показувать минуты те и часове те, вы подобно бы казали: Трѣба да го е направилъ нѣкой Часотворецъ! (стр. 2)⁵¹. Здесь словом *часовник* (в сочетании с причастием *укаченнѣй*) обозначены настенные часы. (Попутно отметим, что Эм. Васкидович в значении 'часовщик' использует *часотворецъ*, производное от *час* или *часы*, *часове*, а не от *часовник*; ср. выше *часовникотворецъ* у Хр. Павловича; ср. и *часотворецъ*, *часотворство* в журнале „Пчелица“ П. Славейкова: А Христѣанъ Уйсехъ. . . чрѣзь изнамирваніето на сѣмковидното пружило (зембелекъ) положи основытъ на по-новото *часотворство*. — „Пчелица“, 1871, кн. V, стр. 78; Арх. сл. Возр.) Слово *часовник* находим также в „Новый българскій букварь“ К. и Г. Владикиных, изданном в 1847 г. Здесь оно, правда, употреблено не в связанном контексте, а в числе примеров на трехсложные слова (стр. 19), поэтому, естественно, у нас нет полной уверенности в том, что это слово имеет и здесь значение 'часы'.

После этих примеров обратимся теперь к И. Богорову. Известно, что литературная деятельность И. Богорова началась в 1842 г., т. е. через семь лет после выхода из печати „Разговорника греко-болгарского“ Хр. Павловича, в котором, как сказано выше, уже было употреблено слово *часовник*. Вполне понятно, что И. Богоров, которому в 1835 г. было около 15 лет, разумеется, не мог ни создать слова *часовник*, ни оказать какого-либо влияния на Хр. Павловича, впервые, насколько нам известно, зафиксировавшего это слово в печатном произведении. Более того, в своих первых произведениях И. Богоров в значении 'часы' употреблял не *часовник*, а турецкое заимствование *сахат*, широко употребительное в то время в болгарском языке. Так, в книге „Всеобща географія за дѣцата“, вышедшей в 1843 г. в Белграде, встречаем такие примеры с *сахат* 'часы': 1) Неговжтъ сѣборъ е най-хубаво зданіе. . . съ най-высокъ въ цѣлж Европж званилницж. . . на която ся намира *сахатъ*, който показва часоветъ, на днитъ,

⁵¹ Этот пример — хронологически самый ранний случай употребления слова *часовник* среди примеров, собранных к концу февраля 1966 г. для подготавливаемого словаря болгарского литературного языка эпохи Возрождения. Это важно оговорить, так как картотека постоянно пополняется новыми материалами. С некоторыми материалами этого словаря я имел возможность ознакомиться в феврале 1966 г. с любезного разрешения проф. Л. Андрейчина — директора Института болгарского языка Болгарской академии наук, в котором ведется работа над этим словарем. Цитируемые в настоящей заметке примеры, взятые из картотеки этого словаря, даются с пометой: Арх. сл. Возр.

недѣлитъ, мѣсяцитъ и обрѣщението на много планеты (стр. 136); 2) Тука (в Нюрнберге. — Г. В.) в XVI вѣкъ Петѣръ Гель измыслилъ *сахатытъ*, които нарекли най напредъ Нюрнбергски яйца (стр. 179); 3) Въ Швейцаріѣ има твѣрдѣ добри фабрики за *сахаты* и матеріи (стр. 202); 4) Въ него (в г. Женева. — Г. В.) има твѣрде добри фабрики за *сахаты* (стр. 204). Не находим слова *часовник* и в известном словарики в книге И. Богорова „Първичка бѣлгарска грамматика“ (Бухарест, 1844), в котором к слову *сахат*, имевшем в болгарском языке значения 'час' и 'часы', указано соответствие только *час* (стр. 125). Трудно сказать, имел ли в виду Богоров, указывая *час* или *сахат*, оба значения последнего или только одно из них — 'час'. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что при *сахат*, имевшем и значение 'часы', Богоров не приводит слова *часовник*. Также *сахат* вместо *часовник* И. Богоров употреблял и в 1846 г.: Самоков има 3 църкви, 12 джаміи... 1 *сахатъ* на кула, 40 хана („Български орел“, бр. 2 от 20. IX. 1846 г.).

Когда же Богоров впервые употребил слово *часовник*? По нашим наблюдениям, — в книге „Еничерете“, изданной в 1849 г.⁵² Вот этот пример: — Отъ истина, отговори капитанъ-тъ като съгледваше *часовника* си (стр. 11). Начиная с этого времени Богоров уже регулярно для обозначения часов использует *часовник*. Характерно, например, то, что в книге „Кратка географія математическа, физическа и политическа“, изданной в 1851 г. в Бухаресте, Богоров употребляет это слово в тех же местах, где ранее, в „Всеобща географія за дѣцата“ (1843: примеры см. выше), он употреблял слово *сахат*. Ср.: 1) Въ него (в Нюрнберге. — Г. В.) сѣ ся измыслили изпрѣво на IS вѣка отъ нѣкого си Петра Еля *часовници-ти* за въ пазухѣ, наречени тога съ Нюрембергскы

⁵² Имея это в виду, следует думать, что и в книгах, вышедших из печати в 1850 г., слово *часовник* было употреблено без влияния Богорова. Так, трижды слово *часовник* находим в книге „Индійска-та хижа“, которую „побългарилъ“ А. Гранитский: Докторъ-аъ взе кшница-та и рече Парію: Пріими тойзи златный *часовникъ*, кой-то е направенъ отъ Гринама най прочутаго Лондонскаго часовщика“. Парія-та му отговори: „Господарю, не имаме потрѣба от него; мы имаме всегдашний *часовникъ* (sic! вероятно, опечатка. — Г. В.) солнце-то“. — *Часовникъ-аъ* ми бие часове-те, рече Докторъ-аъ (стр. 66). Слово *часовник* встречаем также в книге К. Вардала „Ученія за дѣца-та“, переведенной с греческого языка А. Никопитом: Ако виждате *часовникъ* (сахатъ), быхте рекли *часовщикъ* и направилъ тойзи *часовникъ*, не е възможно да ся е направилъ онъ самъ (стр. 9). Пояснение *часовник* словом *сахат* здесь говорит или о том, что, по мнению переводчика, *часовник* не было еще общеизвестным среди болгар и потому оно нуждалось в пояснении общепотребительным *сахат*, или о том, что переводчик сознательно отдавал предпочтение славянскому *часовник* перед турецким заимствованием *сахат*. В приведенных примерах интересно также и слово *часовщикъ* 'часовщик', образованное, по-видимому, не без влияния русск. *часовщик*, так как иначе трудно было бы объяснить наличие в нем *щ*.

яйца (стр. 122); 2) (Г. Женева) прочюють. . . за неговы-ты учебны заведения и рѣкодѣля и пай-паче за работаніе-то на *часовници-ты* (стр. 142); 3) По прѣдѣлни-ты градове имѣтъ прѣминувателнѣж трѣговѣнѣж, и фабрики за писаны платна, пѣстрила, и за *часовници*, конто ся изваждатъ доста въ много мѣста на Европѣж (стр. 143).

Из приведенных выше примеров следует, что слово *часовник*, во-первых, не было создано во времена Л. Каравелова и Хр. Ботева и, во-вторых, оно не было создано И. Богоровым. Оно уже было употреблено в печатном произведении 1835 г., т. е. за два года до рождения Л. Каравелова, за 13 лет до рождения Хр. Ботева и за семь лет до выхода в свет первой книги И. Богорова. По-видимому, первым, кто употребил слово *часовник* в печатном произведении на болгарском языке, был Хр. Павлович. Наше предположительное суждение об этом объясняется тем, что в нашем распоряжении не было ряда болгарских книг, изданных до 1835 г., и мы не могли поэтому проверить, действительно ли до „Разговорника“ Хр. Павловича это слово не встречается в произведениях болгарских авторов. Вполне возможно, что слово *часовник* употреблялось в болгарском языке и до 1835 г., но оно могло остаться просто не зафиксированным в печатных произведениях, которых к тому времени вообще было издано еще мало, причем большая часть их была религиозного содержания, где употребление слова *часовник* заранее можно почти исключить.

Что касается вообще происхождения слова *часовник* в болгарском языке, то, по-видимому, нет достаточных оснований считать его поздним собственно болгарским новообразованием. Известно, что такое же слово в значении 'часы' издавна, уже с XIII в., употребляется в сербохорватском языке.⁵³

Слово *часовник*, единственное в современном литературном языке обозначение часов, на протяжении XIX в. употреблялось параллельно с другими словами.

Наиболее распространенным и употребительным было упомянутое выше турецкое заимствование *сахат*, которое вышло из сферы литературного языка в начале XX в. В настоящее время это слово воспринимается как „народное“ (см. „Речник на съвременния български книжовен език“, т. III. София, 1959, где приведен пример из Пенчо Славейкова: Чуй! Осем бие градският сахат).

Иредка употреблялась в значении 'часы' и форма множественного числа *часы*. Ее указывает Н. Рилский как одно из соответствий — наряду с *час* в значении отрезка времени — при слове

⁵³ „Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika“, I. Zagreb, 1880—1882, p. 904.

сахат в известном словарики „Рѣчи турски и нѣколко гречески“. Н. Рилский при этом поясняет: *часы*, то есть орудіе, показывающее часы (Н. Рилски. Болгарска грамматика. Въ Крагуевцѣ, 1835, стр. 207). Встречаем это слово и в книге „Галерея из Монтионовскы преміи“ (Одесса, 1857), переведенной с русского языка С. Радуловым, например: Продалъ си новыя дрѣхы и златны *часы*, които му бѣхъ подарены отъ префекта въ торжественный день училищный (стр. 36). Интересно, что и С. Радулов в приложенном к этой книге словаре под названием „Изясненіе, за нѣкои лица, места, рѣкы, градове и не всѣкому разумителны думы, кои ся срѣшаты въ тѣхъ книгѣ“ приводит *часы* с толкованием „механическо орудіе, кое показува время-то“ и турецким заимствованием *сахат* (стр. 267). Очевидно, и в конце 50-х годов, как и в середине 30-х годов XIX в., слово *часы* в значении часов оставалось малоизвестным и нуждалось в соответствующем истолковании.

Изредка употреблялась в значении часов также и форма множественного числа *часове*. Сочетанием *малките за в пазуха часове* обозначались карманные часы, на что уже обратил внимание А. Теодоров-Балан, приведший пример такого употребления *часове* в 1863 г.⁵⁴ Нам известен пример более ранний. В журнале „Български книжици“ за 1859 (ч. III, кн. 1, стр. 697 сл.) напечатана статья под названием „Изобретение на малкы-ты за въ пазвѣ часове“, в которой речь идет об изобретении карманных часов. Ср. также и пример из этой статьи: При тыя думы старый масторъ извадилъ отъ пазвѣ си первое нюренбергское яйце: тѣй начали тогава да назоваваѣтъ *малкя за въ пазвѣ часове*, съобразно съ ныхъ формѣ, коя приличяла на яйце (стр. 781). Употреблялось слово *часове* и для обозначения не только карманных часов. Так, в этой же статье из „Български книжици“ читаем: Едному Италианцу дошло му на умъ да направи еднѣ много малкѣ машинкѣ, по коѣ да може да ся познава врѣмя, тѣй сѣщо както ся познава и по голѣмыя *часове* (стр. 779). См. также в ремарке в пьесе „Дворянскы выборы“ (Кишиново, 1843), переведенной с русского языка: Бѣлокосовъ (погледа на *часовете*): Ну вече е время да идимъ (стр. 15). Употреблялось *часове* 'часы' и в 70-е годы, например, С. Бобчевым: Презъ лѣтото на 1769 година Английско-то правителство тури гюмрюнъ на стѣклото. . ., на кожитѣ на боитѣ и на *часоветѣ*, предметы носени въ Америка изъ метрополията („Животът на Франклина“, 1874, стр. 81; Арх. сл. Возр.).

⁵⁴ А. Теодоров-Балан. Указ. соч., с. 305.

В значении 'часы' иногда употреблялась также и форма единственного числа *час*, например у П. Славейкова: Негово Прѣвосходительство, генералтъ, погледнѣ *часътъ* си и каза („Последното ми ходяние в София“, 1883, стр. 35; Арх. сл. Возр.).

К. Фотинов для обозначения часов употреблял *часослов*: (Япони те) праватъ отъ перстъ та (земла та) израдны сосуды (садове), стекла (цаміа), *часословы* (сахате) и други много израдны вещи („Любословіе“, 1842, стр. 23); Махина може да се казува подобно и на еденъ *часословъ* (сахатъ, *ωρολόγιον*), на кой то една само сила сирѣчь оттласкатель-о (зембелек-о) прибуждава да работатъ въ него други-те колела и да показуватъ часове-те, минути-те и пр. („Любословіе“, 1844, кн. 1, стр. 7). Несколько позднее К. Фотинов стал употреблять и *часословник*: Пріехъ отъ Г. К. П. единъ златенъ *часословникъ* (сахатъ), за да го предамъ въ Самоковъ на Госп. Алексіа А. („Болгарскій разговорникъ за оныа, кои обычатъ да се навъкнуватъ да говоратъ гречески“. Смирна, 1845, стр. 88); Сега затвори очите си и кажи ми: ако е *часословнико* златенъ или сребъренъ? („Душесловіе за поучение на дѣцата“, ч. 2. Смирна, 1852, стр. 18; Арх. сл. Возр.); Като са разговорихме за малките колелета на *часословникатъ* ти, които праватъ показателите да се движѣтъ (там же, стр. 62); Не гледашъ, *часословникатъ* ми (там же, стр. 18) и др.⁵⁵

Чаще, уже в 70-е годы, в значении 'часы' употреблялось слово *часопоказател*, например: За споманъ му поклонихъ нѣколко изображенія а той ми поклони единъ *часопоказатель* за въ пазухѣ („Летоструй“, 1871, стр. 151; Арх. сл. Возр.), т. е. „подарил мне карманные часы“; Кога минувахъ океана единъ день разглядвахъ тоя *часопоказатель* съ вниманіе и съгладвахъ, че... имаше съ дребны буквы написано (там же); см. также и у Й. Груева: Да сложимъ *часопоказатель* за въ пазухѣ на единый край на нѣкои длъгъ и дебеличекъ прѣтъ, па да си прислонимъ ухо на другый му край, щемъ чуемъ доста добръ какъ чука *часопоказатель-тъ* (Й. Груев. Физика, 1872, стр. 82; Арх. сл. Возр.); Стрѣлы-ты на харенъ и правъ *часопоказатель* връвятъ еднакво (там же, стр. 23)

⁵⁵ Тот факт, что в достоверно известных произведениях К. Фотинова 1842—1844 гг. употребляется слово *часослов*, а в произведениях 1845—1852 гг., в том числе и во второй части книги „Душесловіе за поучение на дѣцата“, — слово *часословник* и не употребляется слово *часовник*, может свидетельствовать частным аргументом против мнения И. Шишманова, считавшего К. Фотинова автором перевода первой части той же книги „Психологіа или душесловіе за оучение на дѣцата“ (1844), в которой регулярно употребляется *часовник* (см. выше, с. 83—84 и прим. 11).

и др. Интересно, что раньше, например в 40-е годы, Эм. Васкидовичем это слово употреблялось в значении 'часовая стрелка'.

В 70—80-е годы, видимо, нередко в значении 'часы' употреблялось и слово *часоказ*. В таком значении это слово встречается, например, в книге „Сам си помагай“ (1880 г.), переведенной И. Груевым: Еднажъ писарь-тъ на Вашингтона кога зель да ся оправя, че закъснѣлъ, зачто-то *часоказъ-тъ* му былъ останжлъ надырѣ. . . чу си ето какъвъ отговоръ (стр. 198; Арх. сл. Возр.); Прѣпорець-тъ му бѣше старецъ на кола съ *часоказъ* въ рѣцѣ и надпись (там же, стр. 105); Така станъло и съ много други по-дрѣбны измысли, каквато е, напрымѣръ, измыслия-та на *часоказъ* (саатъ) за въ пазухѣ (там же, стр. 25) и др. В таком же значении это слово употреблял и П. Славейков: Погледнах *часоказътъ* си, бѣше четири и половина („Отечество и любовь“, 1872, стр. 85; Арх. сл. Возр.); ср. также следующие примеры из журнала „Пчелица“, который редактировал П. Славейков: По-прѣди, като влѣзохъ въ една кѣща, намѣрихъ единъ *часоказъ* окаченъ на стѣнѣ-тъ („Пчелица“, 1871, кн. IV, стр. 49; Арх. сл. Возр.); По-общитѣ въ старитѣ врѣмена *часокази* были слънчевитѣ *часокази* („Пчелица“, 1871, кн. V, стр. 78; Арх. сл. Возр.); А на 1582 Галилей. . . изнамѣрва висящитѣ *часоказъ*“ (там же). Любопытно, что тремя годами раньше П. Славейков *часоказ* употреблял в значении 'часовая стрелка': Стъ двѣтъ стрѣлки що виждате тука едната, по-длъжката ся казва минутоуказатель, зашто показва минутитѣ. . . другата, по кратката ся казва *часоказъ*, зашто показва часоветѣ („Първа читанка“, 1868, стр. 53; Арх. сл. Возр.). Отметим попутно и *часоказар* 'часовщик', производное от *часоказ*, у И. Груева: Доклѣ пѣтувалъ по тръговиж-тъ си Аркрайтѣ ся запозналъ съ нѣкой си Хай, *часоказаръ* (саатчия) въ Уаррингтонъ („Сам си помагай“, 1880, стр. 30; Арх. сл. Возр.); Вестъ бѣше отъ простъ родъ, Нарткотъ — *часоказаръ* (там же, стр. 104).

В значении 'часы' изредка употреблялось также и румынское заимствование *часорник* (рум. *ceasornik*), например, у Неофита Бозвели: Егда видиме единъ *часорникъ* (сахатъ) съ толико колеле та и други орудѣ направенъ, разумѣваме едного сущаго искусства. . . („Кратка свѣщенная исторѣя и свѣщенный катихисисъ“. Въ Белградѣ, 1835, стр. 5). Это же слово находим и в книге „Славено-болгарское дѣтководство за малкитѣ дѣца“, ч. II (Крагуевац, 1835), среди перечисляемых там предметов мужского туалета: китки, носукарпа, *часорник*, перстень, дождобранник (умрела), четка (стр. 43). Это слово находим и в про-

изведени И. Блыскова конца 70-х годов: (Кръчмарите) на нѣкого си сторятъ чeсть, чe ималъ хубави дрѣхѣ и новъ *часорникъ* съ лжскави кордони, безъ да ги знае негови ли сж или не („Пиян баща“, кн. 2, 1879, стр. 88; Арх. сл. Возр.).

В значении 'часы', вероятно, могло быть употреблено и слово *часословие*. Так, в цитируемой выше 2-й части „Славено-болгарское дѣловодство“ читаем: (Съ уши) слушамаъ *часословието* (сахата) и чта четвeртинитѣ и часовыти, слушамаъ когдa говоратъ чeловѣщитѣ (стр. 4), т. е. „(ушами) слушаю часы (или бой часов?) и считаю чeтвeрти и часы; слушаю, когдa говорятъ люди“. Здeсь, судя по смыслу, *часословие* может как будто имeть и значeниe 'бой часов', а не 'часы'. Учeтываая, однакo, тот факт, что это слово поянeтся слoвом *сахат*, можно усматривать в *часословие* и значeниe 'часы'.

В дополнение к приведенным выше примерам, подтверждающим употребление слова *часовник* 'часы' до выхода в свет книг И. Богорова, укажем еще следующие.

К. Гутшмидт в своей диссертации (K. G u t s c h m i d t. Ibid., S. 116) приводит примеры на употребление *часовник* в дневнике Неофита Рилского: повредился *часовник* мой (запись от 22.II.1937); скорбь о изгублении *часовника* (запись от 17.V.1846) — „Сборник на Българската академия на науките“, кн. XXI, 1926, стр. 95, 112) и в переводе Р. Поповича „Робинзон Крузо“ (об этом переводе см. выше стр. 43): един солнечный *часовник* (ч. II, стр. 40). Слово *часовник* употребляет также Н. Христович в письме Н. Рилскому от 24.IV.1839: „Да ви испроводим *часовникат* чрез некого Партий, не биде, . . . защо сахато беше оставил Кир Алексий за след воскресение да оправи“ („Сборник на Българската академия на науките“, кн. XXI, 1926, стр. 211). Н. Христович, правда, явно предпочитает *сахат* слову *часовник*, о чем, кроме приведенного, свидетельствуют и два других примера на *сахат* в этом же письме (стр. 211, 213).

К указанным выше словам со значением 'часы' добавим слова *часник*, дважды употребленное Г. Крыстевичем в одной статье середины 40-х годов: „За това никой дар не требуваше да му е по приятен от чутниѣт оний *часник* (сахат), що му проводи калифѣт Арун-ал-Рашид“ (см. К. Огнянович. Забавник за лето 1846. Париж, 1846, стр. 150); „Бюффон. . . за това бе дал воля на слугата си, като удари толкова *часникѣт*, да го бие“ (там же, стр. 153). И Добрович в значении 'часы' рекомендовал употреблять слова *часоказ* („Мирозрение“, I, 1850, сл. 3, стр. 44); ср. и пример: „По пладняни пристигна чауш Беглер-беов и носящи *часоказ* (сахат), който ние бяхми му дали“ (там же, I, 1851, сл. 4, стр. 67).

Рассмотренные здесь слова *бележка*, *сегашен*, *разноски*, *часовник* показывают, что действительный вклад И. Богорова в лексику современного болгарского литературного языка нуждается в тщательном изучении. Об этом же свидетельствует и упоминавшаяся выше диссертационная работа К. Гутшмидта, где приведен ряд употребительных ныне слов (в частности, *гледка*, *повръхнина*, *прегръдки*), которые, по мнению К. Гутшмидта, были созданы И. Богоровым и которые раньше ему не приписывались.⁵⁶

(„Советское славяноведение“ 1968, №3, с. 40 — 48; Сб. „Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов“, М., „Наука“, 1968, с. 81—89).

⁵⁶ К. G u t s c h m i d t. Op. cit., p. 138, 141.

СОДЕРЖАНИЕ

Виден съветски българист	5
Предисловие	7
К вопросу о начале современного болгарского литературного языка	9
Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения.	28
Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в.	83
О создании грамматики и словаря как предпосылке формирования единого болгарского литературного языка в эпоху Возрождения	101
Проблема нормализации литературного языка в программах первых болгарских просветительских обществ в эпоху Возрождения	107
Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения.	119
Болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения и становление диалектной основы современного болгарского литературного языка	142
О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка	150
К начальной истории современной болгарской орфографии	162
Фрагменты истории болгарской орфоэпии	204
К истории слов современного болгарского литературного языка	246

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

Художник А. Радевски
Художествен редактор Д. Донков
Техн. редактор Н. Николова
Коректор А. Дончева

Издателски индекс 8289
Дадена за набор на 26. III. 1981 г.
Подписана за печат на 19.V.1981 г.
Формат 60/84/16 Тираж 1200
Печатни коли 16,88 Издателски коли 15,75 УИҚ 18,73
Цена 4,64 лв.
Код 28 $\frac{9535172411}{5010-12-81}$

Отпечатана в Печатницата на Издателството на БАН
Поръчка № 208

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА